

Ш 74
БИБЛИОТЕКА ЭКОНОМИСТОВЪ.

ГУСТАВЪ ШМОЛЛЕРЪ

НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО, НАУКА О НАРОДНОМЪ
ХОЗЯЙСТВѢ И ЕЯ МЕТОДЫ.—ХОЗЯЙСТВО, ПРАВЫ
И ПРАВО.—РАЗДѢЛЕНИЕ ТРУДА.

Переводъ проф. В. М. Нечаева.

Вступительная статья проф. А. А. Мануилова.

Издание К. Т. Солдатенкова.

ВЫПУСКЪ XI.

МОСКВА.

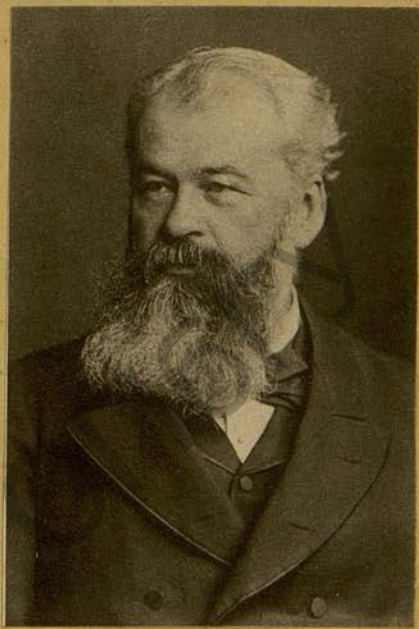
Типо-лит. В. Рихтеръ, Мамоновскій пер. свой домъ.
1902.

В ы ш л и:

- Адамъ Смитъ.
Давидъ Рикардо.
Томасъ Мальтусъ.
Джонъ Стюартъ Милль.
Франсуа Кенэ. } Въ одномъ
Геремія Бентамъ. } выпускъ.
Жанъ-Батистъ Сэ. } Въ одномъ
Фредерикъ Бастиа. } выпускъ.
Ж. Симондъ де-Сисмонди.
Ричардъ Кобденъ.
Д. Э. Кэрнсъ.

022502

Густавъ Шмоллеръ.

СПбГУ

ГУСТАВЪ ШМОЛЛЕРЪ.

Шмоллеръ родился въ 1838 году въ Роденбургѣ, получилъ университетское образование въ Гейдельбергѣ, въ 1861 году началъ службу въ учебномъ ведомствѣ. Въ 1864 году онъ занялъ кафедру политической экономіи въ Гейдельбергѣ, а въ 1867 году перешелъ въ Мюнхенъ, гдѣ занялъ кафедру политической экономіи въ университетѣ. Шмоллеръ былъ однимъ изъ главныхъ представителей исторической школы въ Германіи. Онъ былъ близокъ къ Рихарду Гистеру, Максимилиану Миллеру и другимъ ученикамъ исторической школы. Шмоллеръ былъ однимъ изъ главныхъ представителей исторической школы въ Германіи. Онъ былъ близокъ къ Рихарду Гистеру, Максимилиану Миллеру и другимъ ученикамъ исторической школы.

СТБ 1915

ТАСТАВІНІ МОНІТОРИНГ

ГУСТАВЪ ШМОЛЛЕРЪ.

Шмоллеръ родился въ 1838 г. въ Гейльброннѣ, получилъ университетское образованіе въ Тюбингенѣ и уже въ началѣ 60-хъ годовъ выступилъ на ученомъ поприщѣ. Въ 1864 году онъ занялъ кафедру въ Галле, въ 1872 г. перешелъ въ Страсбургъ, а съ 1882 г. состоитъ профессоромъ берлинскаго университета. Первая работа Шмоллера, о французскомъ торговомъ договорѣ, появилась въ 1862 г. и съ того времени, въ теченіе 40 лѣтъ, онъ неутомимо развиваетъ широкую научную дѣятельность.

По своему научному направленію Шмоллеръ — послѣдователь исторической школы, основателями которой были Рошеръ, Гильдебрандъ и Книсъ. Его связываетъ съ этими экономистами и другими представителями того-же направленія въ Германіи прежде всего отрицательное отношеніе къ абстрактной экономіи Смита и Рикардо. Шмоллеръ видитъ въ ученіяхъ классической школы доктрину, выведенную изъ немногихъ посылокъ, про-

извольно выхваченныхъ изъ жизни, и отказывается признать за выводами, полученными такимъ путемъ, научное значеніе. Въмѣстѣ съ другими сторонниками историческаго направленія Шмоллеръ стоитъ на строго-реалистической почвѣ. Въ основѣ его научнаго міросозерцанія лежитъ глубокое убѣжденіе, что законы политической экономіи должны быть результатомъ всесторонняго изученія экономическихъ явленій—хозяйственнаго быта, его исторіи и психологической подпочвы. Опредѣляя въ одной изъ своихъ рѣчей цѣль своей научной дѣятельности, Шмоллеръ сказалъ: „Я старался быть и экономистомъ, и историкомъ. Меня всегда занимала задача выполнить и завершить то, что Гильдербрандъ, Книсъ и Рошеръ пытались сдѣлать въ Германіи для экономической науки—окончательно отдѣлить ее отъ догматики англо-французской утилитарной философіи и поставить на другое основаніе, глубже и прочнѣе утвержденное въ психологическомъ и историческомъ отношеніи“.

Раздѣляя общія воззрѣнія исторической школы, Шмоллеръ занимаетъ, однако, среди ея послѣдователей особое мѣсто, какъ глава такъ-наз. этическаго направленія и какъ одинъ изъ наиболѣе крайнихъ сторонниковъ историко-статистическаго метода въ политической экономіи. Научныя работы Шмоллера направлялись главнымъ образомъ въ эти два русла:

этико-психологическихъ и историческихъ изслѣ-
дованій.

Свои воззрѣнія на значеніе этической стороны хозяйственныхъ явленій Шмоллеръ изложилъ въ одномъ изъ своихъ раннихъ сочиненій—въ полемической книгѣ противъ проф. Трейтке, вышедшей въ 1875 г. подъ заглавіемъ: „О нѣкоторыхъ основныхъ вопросахъ права и хозяйства“. По мнѣнію Шмоллера, всякая народно-хозяйственная организація подчинена двоякаго рода независимымъ другъ отъ друга причинамъ. Съ одной стороны, это—естественныя и техническія причины, которыми только и занималась старая экономія; съ другой это—причины, обусловленныя психологической и моральной жизнью народа. Ихъ признавали, но значенія ихъ для народнаго хозяйства никогда не изслѣдовали. Между тѣмъ политическая экономія, какъ полагаетъ Шмоллеръ, только тогда станетъ наукой въ точномъ смыслѣ слова, когда будутъ изслѣдованы причины не только перваго, но и второго порядка. Хозяйственная организація каждаго народа находитъ себѣ выраженіе въ его этическихъ правилахъ, хозяйственныхъ навыкахъ, нравахъ и правѣ; поэтому каждое явленіе народно-хозяйственной жизни представляется явленіемъ этическимъ. Каждый случай установившагося сбыта или вошедшаго въ практику раздѣленія труда, всякое рыночное отношеніе, принявшее постоянный

характеръ, фактъ процвѣтанія того или другого предпріятія — все это предполагаетъ правильное повтореніе хозяйственныхъ дѣйствій, и эта правильность создаетъ опредѣленные навыки, безъ которыхъ нормальное теченіе дѣлъ было-бы невозможно. Навыки, въ свою очередь, выливаются въ постоянныя формы отношеній, которыя силою рутины вліяютъ на экономическую жизнь. Для Шмоллера всякій вопросъ производства, обмѣна или распредѣленія представляется вопросомъ психологіи и этики. Народное хозяйство, по его выраженію, — психо-физическій аппаратъ, т. е. организація, основанная на комбинаціи физическихъ и этическихъ началъ; но Шмоллера интересуютъ преимущественно послѣднія. Поэтому этический моментъ преобладаетъ въ его изслѣдованіяхъ. Онъ отводитъ ему не только видное, но господствующее мѣсто, и склоненъ цѣликомъ сводить экономическія проблемы къ этическимъ. „Всѣ конкретныя вопросы народно-хозяйственной организаціи, по его мнѣнію, обусловлены общимъ вопросомъ: какъ основныя психологическіе мотивы даннаго народа видоизмѣнены нравами и правомъ“. Рабочій вопросъ представляется ему исключительно вопросомъ нравовъ рабочаго класса, потому что повышение и пониженіе заработной платы зависятъ отъ устойчивости нравовъ относительно сохранения разъ установившагося уровня жизни и

способности ихъ служить импульсомъ къ повыше-
нію потребностей.

Дальнѣйшая характеристика Шмоллера, какъ экономиста, относится къ его воззрѣніямъ на методы политической экономіи. Въ своихъ общихъ разсужденіяхъ по этому предмету онъ существенно не расходится съ принципами классической школы. Выдвигая значеніе индуктивнаго метода, Шмоллеръ вполнѣ признаетъ также важность дедукціи и считаетъ ее необходимымъ приѣмомъ изслѣдованія для установленія теоретическихъ законовъ политической экономіи. Коренное разногласіе Шмоллера не только со старыми авторитетами по методологіи, Д. С. Миллемъ и Кэрнсомъ, но и съ очень многими послѣдователями исторической школы, возникаетъ тогда, когда дѣло касается ближайшихъ задачъ современной науки о народномъ хозяйствѣ. Признавая вообще равноправное значеніе обоихъ методовъ, Шмоллеръ считаетъ, однако, въ настоящее время, единственно плодотворнымъ только одинъ — индуктивный. По замѣчанію Вагнера, все, что не принадлежитъ къ области такъ-наз. „точного историко-статистическаго изслѣдованія“, представляется Шмоллеру въ большей или меньшей степени только „игрой ума“.

Слѣдую совету Шмоллера, экономисты должны бы-
ди-бы отказаться отъ теоріи не только на ближай-
шее, но и на очень продолжительное время, по-

тому что политическая экономія до сихъ поръ еще не вышла изъ стадіи описательной науки. Исследователямъ хозяйственныхъ явленій надлежитъ пока только описывать ихъ, и чѣмъ ихъ описанія будутъ законченнѣе, тѣмъ ближе они будутъ подвигаться къ тому времени, когда окажется возможнымъ построить экономическую теорію. Всякое законченное описаніе содѣйствуетъ выясненію общей сущности данной науки; и чѣмъ наука совершеннѣе, тѣмъ тѣснѣе внутреннее соотношеніе между описаніемъ явленій и ученіемъ объ общей связи между ними. Напротивъ, чѣмъ менѣе совершенна въ данной наукѣ описательная часть, тѣмъ эта связь слабѣе и тѣмъ болѣе теорія сводится къ суммѣ временныхъ, въ значительной мѣрѣ, сомнительныхъ и отчасти скороспѣлыхъ обобщеній. Такимъ именно представляется Шмоллеру современное состояніе соціальныхъ наукъ, и въ частности политической экономіи. Путь къ усовершенствованію послѣдней онъ видитъ въ томъ, чтобы было расширено, усилено и улучшено наблюденіе, чтобы при помощи обширнаго и доброкачественнаго матеріала была установлена правильная классификація явленій и выработаны точныя понятія. Шмоллеръ шелъ въ своей научной работѣ этимъ путемъ. Онъ обратилъ главное вниманіе на изученіе хозяйственного быта и хозяйственной исторіи и на этомъ поприщѣ занялъ

одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ ряду современныхъ экономистовъ. Наука обязана ему длиннымъ рядомъ превосходныхъ монографій историко-экономическаго характера.

Первый трудъ Шмоллера по экономической исторіи, появившійся въ 1870 г., былъ посвященъ развитію мелкой промышленности въ Германіи въ XIX в. Затѣмъ въ теченіе 70-хъ гг. Шмоллеръ опубликовалъ рядъ монографій по промышленной исторіи, въ особенности города Страсбурга, прошлымъ котораго онъ особенно интересовался, когда былъ профессоромъ страсбургскаго университета. Изъ позднѣйшихъ историческихъ работъ Шмоллера болѣе крупными: являются его этюды по экономической политикѣ Фридриха Великаго и Пруссіи въ періодъ 1680—1786 г., изслѣдованіе объ историческомъ развитіи предпріятій и очерки по экономической и административной исторіи Пруссіи въ XVII и XVIII вв. Кромѣ того Шмоллеръ принимаетъ участіе, въ качествѣ сотрудника и редактора, въ изданіи *Acta Borussica*, предпріятіемъ берлинской академіи и представляющемъ документальное описаніе прусскаго народнаго хозяйства и управленія въ XVIII в. Наконецъ, нельзя не отмѣтить вліянія, которое Шмоллеръ оказываетъ на разработку экономической исторіи, въ качествѣ редактора экономического журнала *Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volks-*

wirthschaft im Deutschen Reiche; онъ стоитъ во главѣ этого изданія съ 1881 г. и удѣляетъ въ немъ особенное вниманіе хозяйственной исторіи. Тоже самое можно сказать о серіи „Исслѣдованій по государственнымъ и общественнымъ наукамъ“, издаваемой Шмоллеромъ съ 1878 г.

До послѣдняго времени Шмоллеръ не выступалъ въ печати съ попыткой представить цѣльное изложеніе системы политической экономіи. Только въ 1900 году онъ приступилъ къ печатанію курса своихъ университетскихъ лекцій, который составитъ обширное руководство—результатъ 36-ти лѣтнихъ чтеній въ университетѣ. До сихъ поръ вышла только первая часть этого капитальнаго сочиненія, представляющая объемистый томъ почти въ 500 страницъ. Авторъ излагаетъ въ обширномъ введеніи свои воззрѣнія на психологическія и этическія основы народнаго хозяйства и дѣлаетъ очерки исторіи экономической литературы и методологіи. Дальнѣйшее изложеніе разбивается на двѣ книги. Въ первой разсматриваются земля, люди, и техника, какъ массовыя явленія и элементы народнаго хозяйства; во второй—общественный строй его. Этотъ послѣдній отдѣлъ заключаетъ въ себѣ характеристику важнѣйшихъ органовъ народно-хозяйственной жизни въ ихъ историческомъ развитіи. Семья, городъ и деревня, государство и община въ ихъ отношеніи къ хо-

зяйству, общественное и экономическое раздѣленіе труда, собственность и ея распредѣленіе, образованіе общественныхъ классовъ и, наконецъ, предпріятіе, какъ форма хозяйственной дѣятельности—таковы предметы отдѣльныхъ главъ второй книги.

Главное содержаніе руководства Шмоллера составляетъ обширный историческій, статистическій и этнографическій матеріалъ, привлекаемый авторомъ для того, чтобы представить читателю полную характеристику современнаго народнаго хозяйства и освѣтить его исторію. Каждый институтъ разсматривается въ его историческомъ развитіи; каждое типическое явленіе современнаго строя приводится въ связь съ зачатками, изъ которыхъ оно выросло. Историко-статистическій методъ получилъ самое широкое примѣненіе въ первой части новаго сочиненія Шмоллера, и нужно полагать, что такой-же описательно-историческій характеръ будетъ носить и вторая часть. Новое руководство представитъ систему политической экономіи, какъ она рисуется Шмоллеру при современномъ состояніи знаній. Когда этотъ трудъ будетъ оконченъ, можно будетъ подвести итоги результатамъ, достигнутымъ для экономической теоріи при помощи пріемовъ, защитникомъ которыхъ въ теченіи четырехъ десятилѣтій выступаетъ Шмоллеръ; и тогда явится возможность оцѣнить полнѣе,

чѣмъ теперь, значеніе этического направленія и описательнаго метода въ политической экономіи.

Въ настоящее время критическая оцѣнка научной дѣятельности Шмоллера не можетъ быть окончательной не только потому, что предпринятое имъ изложеніе системы политической экономіи еще не завершено, но и по другимъ причинамъ. Именно теперь въ экономической наукѣ начинается движеніе въ пользу широкаго пользованія психологіей, важность которой всегда выдвигалъ Шмоллеръ; экономисты все болѣе и болѣе отрѣшаются отъ механическаго и узко-матеріалистическаго взгляда на явленія хозяйственной жизни и пытаются найти ихъ объясненіе въ законахъ челоуѣческаго духа, сближая такимъ образомъ экономію съ этикой и философіей; наконецъ, никогда значеніе исторіи для экономической науки не выступало съ такой непререкаемой ясностью, какъ въ настоящее время. Нужно выждать результаты этихъ новыхъ движеній, чтобы произнести судъ надъ идеями Шмоллера. Во всякомъ случаѣ онѣ не были безплодны.

Критика, враждебная Шмоллеру, направляла свои удары противъ крайностей этического направленія и во многомъ она была права, хотя иногда бывала и несправедлива. Несправедливо, какъ это дѣлалъ Менгеръ, называть историческія работы Шмол-

лера „микрографіей“, „историко-статистической мазней“; странно толковать его взглядъ на задачи политической экономіи въ томъ смыслѣ, что къ построенію теоріи нельзя приступить раньше, чѣмъ будутъ изслѣдованы всѣ *specialissima* экономической жизни, напр. цѣны на мясо въ Эльберфельдѣ, въ Пфорцгеймѣ, въ Мюльгеймѣ, въ Гильдесгеймѣ, въ Гермерсгеймѣ и т. д. во всѣхъ городкахъ, селахъ и деревушкахъ Германіи и другихъ странъ. Чтò-бы ни говорили, а Шмоллеръ правъ, и особенно онъ былъ правъ въ срединѣ 70-хъ гг., когда утверждалъ, что пройдетъ немало времени, пока экономисты будутъ располагать достаточнымъ матеріаломъ для широкихъ обобщеній; что важнѣйшія задачи изслѣдователей экономической жизни заключаются въ ея описаніи, въ выработкѣ терминологіи и понятій, въ широкомъ пользованіи психологіей и исторіей. Недостатки Шмоллера заключаются въ односторонности его направленія. Нельзя совершенно откладывать занятія теоріей до того времени, когда будетъ накопленъ достаточный фактический матеріалъ; никогда не наступитъ такого момента, когда можно было-бы сказать, что теперь наука уже собрала всѣ факты, необходимые для теоретическихъ выводовъ и можетъ приступить къ нимъ. Ставить такъ вопросъ значитъ, по удачному выраженію нѣкоторыхъ критиковъ Шмоллера, вы-

дать теоріи вексель на слишкомъ долгій срокъ. Менгеръ, не безъ основаніи иронизируя по этому поводу, утверждалъ, что экономистамъ придется принять за единицу времени періодъ существованія солнечной системы, чтобы составить себѣ даже приблизительное представленіе о томъ, когда, по мнѣнію Шмоллера, будетъ законченъ историко-статистическій фундаментъ для теоретической экономіи. Признавая необходимость такого фундамента, не слѣдуетъ тѣмъ не менѣе отказываться на неопредѣленное время отъ обобщеній. Теорія должна развиваться параллельно съ изученіемъ конкретной дѣйствительности и даже идти впереди его, если основаніемъ для теоретическихъ выводовъ могутъ служить общія посылки, не нуждающіяся въ детальной разработкѣ. Теоретикъ обязанъ основываться на фактахъ и считаться съ ними; однако, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не только вправѣ, но и обязанъ дѣлать выводы, на которые его уполномочиваетъ фактический матеріалъ, имѣющійся въ его распоряженіи въ данный моментъ. Онъ совершаетъ ошибку, если въ погонѣ за новыми фактами, отказывается отъ обобщающей работы или откладываетъ ее; самое накопленіе матеріала теряетъ смыслъ безъ творческой работы теоретической мысли. Въ такой ошибкѣ отчасти повиненъ Шмоллеръ.

А. Мануиловъ.

Народное хозяйство, наука о народном хозяйствѣ и ея методы.

I. Народное хозяйство. — Понятіе о хозяйствѣ гораздо древнѣе, чѣмъ понятіе о *народномъ хозяйствѣ*. Со времени греческихъ философовъ домашнее хозяйство семьи, связанный съ нимъ мѣновой и денежный оборотъ, а также и хозяйство цѣлыхъ общинъ, обращаютъ на себя вниманіе, какъ особые предметы, достойные specialнаго разсмотрѣнія; культурные народы, на которыхъ простиралось вліяніе этихъ философовъ, вопросы, связываемые съ этимъ разсмотрѣніемъ, объединили и отличили отъ другихъ подъ именемъ хозяйственныхъ или экономическихъ. Домоводство и приобрѣтенія семьи и городской общины составляли средоточіе представлений, которыя выдѣляли какъ хозяйственные. Технические способы, употребляемые людьми для приобрѣтенія средствъ питанія, одѣянія, постройки жилищъ, хотя и входили въ это понятіе, однако отступали на задній планъ передъ соціальной организаціей порядка отношеній, устанавливаемого семьей и общиной, рынкомъ и оборотомъ. По скольку мы имѣемъ свѣдѣнія объ экономическихъ изслѣдованіяхъ древности, они относятся къ нравственной и политической сторонѣ хозяйственныхъ отношеній. Нѣмецкія слова: *Wirth* — „хозяинъ“, *Wirtschaft* — „хозяйство“, означали перво-

начально хозяина дома, домашнее хозяйство, подобно тому какъ слово *экономія* происходитъ отъ греч. *οἶκος*, домъ. *Wirt* есть прежде всего *Hauswirt*—„хозяинъ дома“, *Landwirt*—„сельскій хозяинъ“, *Gastwirt*—„хозяинъ гостиницы“. Мы можемъ, поэтому, опредѣлить хозяйство этого времени, какъ совокупность или замкнутый кругъ тѣхъ средствъ, которыя одно или нѣсколько совмѣстно живущихъ лицъ создали при посредствѣ своего труда, воздѣйствія на внѣшній матеріальный міръ и мѣнового оборота въ интересахъ обезпеченія себѣ содержанія, и тѣхъ отношеній, въ которыя они вступали ради этой цѣли прежде всего и главнымъ образомъ другъ съ другомъ, а затѣмъ и съ третьими, посторонними лицами. Всякое частное хозяйство предполагаетъ другое рядомъ съ нимъ существующее, отдѣленное отъ него юридическими границами, но связанное племеннымъ родствомъ, общинными, государственными или международными связями, благодаря которымъ одни изъ этихъ хозяйствъ входятъ въ болѣе близкія, другія въ болѣе отдаленныя отношенія другъ съ другомъ черезъ посредство общаго труда и обмѣна благъ и услугъ.

Покоющееся всецѣло на своихъ собственныхъ силахъ и направленное на удовлетвореніе только собственныхъ потребностей, а не потребностей рынка, домашнее хозяйство древнихъ временъ стояло въ связи съ хозяйствомъ своихъ сосѣдей только по столько, по скольку односельчанамъ и соплеменникамъ приходилось дѣйствовать совмѣстно при обработкѣ общаго поля, постройкахъ, защитѣ, кочевыхъ передвиженіяхъ и походахъ за добычей. Болѣе позднее крестьянское хозяйство, какъ и хозяйство древняго городского торговца и ремесленника, знаетъ уже сверхъ этой связи

и отношенія мѣстнаго мѣноваго и рыночнаго оборота. Однако здѣсь еще нѣтъ рѣчи о *народномъ хозяйствѣ*. Мѣновой оборотъ остается и фактически, и въ силу своей политико-юридической организаціи по преимуществу мѣстнымъ. Развивавшіяся хозяйственныя учрежденія общинъ и государства лишь позднѣе сосредоточиваютъ на себѣ вниманіе. Великія имперіи древности, даже римская, оставались союзами городскихъ общинъ или военными диктатурами надъ большимъ количествомъ таковыхъ. Въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ хозяйство общинъ, деревень, городовъ и округовъ, — въ смыслѣ опредѣленнаго состава или соединенія того или иного числа совмѣстно живущихъ, связанныхъ между собою сосѣдствомъ и обменомъ домашнихъ хозяйствъ, — дѣлаетъ также не особенно значительные шаги впередъ, даже тамъ, гдѣ языкъ, военный, церковный и политическій строй создали уже между ними нѣсколько большую общность интересовъ, а торговля установила и болѣе широкія связи.

Только въ государствахъ, начинающихся создаваться съ конца среднихъ вѣковъ, а главнымъ образомъ въ исполнѣ сложившихся великихъ національныхъ государствахъ настоящаго времени сдѣлалось замѣтнымъ образованіе того, что мы называемъ *народнымъ хозяйствомъ*. Подобно языкамъ и литературѣ, военной, финансовой, полицейской и государственной организаціи, и современное народное хозяйство является причиной и слѣдствіемъ образованія этихъ государствъ. Когда говорятъ о *политической экономіи*, то вмѣстѣ съ этимъ представляютъ себѣ именно экономическую сторону образованія этихъ большихъ государствъ.

Геній языка выразилъ здѣсь, какъ это часто случается, смыслъ понятія гораздо лучше, чѣмъ это дѣ-

лаетъ часто ученая мудрость, создавая новыя выраженія. Предпосылая слово *народъ* слову *хозяйство*, языкъ словомъ „народное хозяйство“ создаетъ столько-же собирательное, сколько и индивидуальное понятіе. Будучи выраженіемъ, указывающимъ на совокупность отдѣльныхъ хозяйствъ, онъ даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и идею о томъ, что эти хозяйства стоятъ между собою въ связи, и что они, подобно семьѣ, общинѣ, государству, могутъ и должны быть понимаемы, какъ реальное цѣлое. Слово *народъ* употребляется при этомъ съ одной стороны въ значеніи совокупности представленій о той связи, которая соединяетъ отдѣльныхъ членовъ народа въ смыслѣ націи, а съ другой какъ выраженіе, замѣняющее обозначеніе всякаго рода внутреннихъ, психоморальныхъ союзовъ людей. Говоря о *народномъ* хозяйствѣ, стремятся обособить *общественную* сторону хозяйственныхъ явленій и сдѣлать ее главнымъ предметомъ своего вниманія, отодвинувъ на задній планъ техническую и семейно-хозяйственную сторону. Слово отличаетъ также двѣ стороны и въ области политическихъ и общественныхъ явленій и обращаетъ вниманіе лишь на одну изъ нихъ, *хозяйственную*. Въ Германіи для обозначенія этой стороны предмета употребляли прежде выраженіе *государственное хозяйство*—*Staatswirthschaft*, но его совершенно справедливо замѣнили потомъ словами *народное хозяйство*—*Volks-wirthschaft*, такъ какъ выраженіе *государственное хозяйство* могло подать поводъ къ побочной мысли о томъ, будто-бы въ задачу государственной власти входитъ руководство всѣми хозяйственными дѣйствіями гражданъ даннаго государства. Вытекающее изъ словъ „народное хозяйство“ указаніе на то, что народъ ведетъ хозяйство, какъ отдѣльный субъектъ, также по-

дало поводъ къ нѣкоторымъ ложнымъ толкованіямъ и возраженіямъ. Послѣднія, однако, легко устранить, если обращать вниманіе на правильный смыслъ словъ и основное ядро связанныхъ съ ними представленій.

Подъ *народомъ* мы понимаемъ совокупность множества лицъ, соединенныхъ на почвѣ языка, происхожденія, обычаевъ и нравовъ, по большей части также на почвѣ права и церкви, исторіи и государственнаго устройства, и стоящихъ въ тысячи-милліоны разъ болѣе тѣсной связи другъ съ другомъ, чѣмъ съ членами другихъ народовъ. Эта связь безконечно укрѣпляется черезъ посредство современныхъ національных языковъ, литературы, современнаго школьнаго воспитанія, печати и общественнаго мнѣнія. Въ то время какъ прежде сильная внутренняя психическая связь существовала только между семьями, общинами и членами племени, теперь она образовалась между членами одного народа. Единыя чувства воодушевляють народъ, единыя представленія выступаютъ за порогъ національнаго сознанія и родятъ то, что мы называемъ единымъ народнымъ духомъ. Онъ выражается въ единыхъ обычаяхъ, стремленіяхъ и дѣйствіяхъ,— господствуетъ надъ склонностями и поступками отдѣльных лицъ и въ области ихъ хозяйственной дѣятельности. Среди многочисленныхъ концентрическихъ и эксцентрическихъ круговъ психическаго единенія людей, которое создаетъ въ духовной жизни общества единыя силы и ихъ средоточіе, кругъ, обозначаваемый, нами словомъ *народъ*, является самымъ высшимъ и наиболѣе могущественнымъ. Съ нимъ рядомъ существуютъ и дѣйствуютъ и болѣе широкіе круги, какъ напр. международный союзъ, и болѣе тѣсные, которые онъ включаетъ въ себя, надъ которыми господ-

ствуешь и которые иногда стоятъ съ нимъ въ антагонизмъ. Но онъ прежде всего создаетъ то основное умственное и волевое единство между своими членами, съ которымъ, говоря о народѣ въ высшемъ значеніи этого слова, соединяють представленіе объ единой, направляющей безъ всякой внѣшней организаціи, отчасти сознательной, отчасти безсознательной силѣ. Въ этомъ смыслѣ обладаетъ единствомъ и народное хозяйство, основывающееся на психическихъ силахъ, ихъ концентраціи и соглашеніи.

Но не только на одномъ этомъ. Отдѣльныя хозяйства одной общины и одного округа были уже и раньше связаны между собою посредствомъ обмѣна и раздѣленія труда,—теперь эта связь имѣетъ мѣсто относительно отдѣльныхъ хозяйствъ цѣлаго народа и государства. Свободный внутренний рынокъ для товаровъ и услугъ, свобода переселенія, національное раздѣленіе труда, современные средства сообщенія связываютъ теперь отдѣльныя хозяйства одного и того-же государства такимъ образомъ, какъ прежде были связаны сосѣдскія хозяйства. Многочисленные схожія нити выходятъ теперь уже и изъ предѣловъ государства, производя міровое хозяйство, но онъ много слабѣе, чѣмъ существующія внутри государства. Народное хозяйство теперь—все еще основной видъ хозяйственной дѣятельности. Образуется-ли въ позднѣйшія столѣтія міровое хозяйство, это еще пока вопросъ; когда это произойдетъ, можетъ быть, измѣнится и словоупотребленіе.

Къ свободному единенію члены одного и того-же государства при помощи раздѣленія труда и оборота, присоединяется также единеніе юридическое и организаціонное, выражающееся въ единомъ хозяйствен-

номъ правѣ и государственныхъ экономическихъ учрежденіяхъ. Единая торговая, промышленная и поземельная политика, единое податное таможенное и финансовое устройство, государственная денежная и кредитная система, организація государственныхъ и общинныхъ займовъ, государственныхъ, военныхъ, школьныхъ, воспитательныхъ учрежденія и призрѣніе бѣдныхъ, государственные пути сообщенія въ видѣ желѣзныхъ дорогъ, каналовъ, пароходныхъ рейсовъ, государственныхъ колоній и международные договоры — всѣ эти учрежденія господствуютъ теперь надъ отдѣльными хозяйствами въ такой степени, какъ никогда раньше, и дѣлаютъ изъ нихъ зависимыхъ членовъ „народнаго хозяйства“.

Такимъ образомъ мы можемъ опредѣлить народное хозяйство, какъ совокупность связанныхъ между собою внутреннимъ единствомъ отдѣльныхъ хозяйствъ даннаго государства, включая сюда и финансовое хозяйство самого государства, — хозяйствъ, которыя отчасти стоятъ рядомъ другъ съ другомъ, отчасти занимаютъ господствующее, а иногда и руководящее положеніе по отношенію другъ къ другу. Мы понимаемъ подъ этой совокупностью единую систему социально-экономическихъ установленій и учреждений народа, видимъ въ ней единое реальное цѣлое, не смотря на самостоятельность частей. Она подчиняется единымъ психическимъ и матеріальнымъ причинамъ; всѣ ея части стоятъ въ тѣсномъ взаимодействіи; центральные органы ея оказываютъ руководящее воздѣйствіе на всѣ части; наше представленіе о народномъ хозяйствѣ въ его цѣломъ объемѣ, не смотря на постоянныя перемѣны въ отдѣльныхъ частяхъ, остается по существу неизмѣннымъ, и мы смотримъ на всѣ

измѣненія, происходящія въ одномъ и томъ-же хозяйствѣ, какъ развитіе одной и той-же сущности.

Развившись въ теченіе послѣднихъ двухъ столѣтій въ относительно самостоятельную систему установленій и учреждений, и получивъ отчасти собственные органы съ самостоятельными интересами, народное хозяйство въ представленіи людей сдѣлалось совершенно справедливо самостоятельной системой индивидуальных и коллективныхъ дѣйствій, — системой отличной отъ государства, церкви и другихъ социальныхъ круговъ и жизненныхъ областей, хотя при этомъ не слѣдуетъ забывать того, что это отдѣленіе совершилось больше въ теоріи, чѣмъ въ дѣйствительности. Дѣйствующія въ народномъ хозяйствѣ силы суть тѣ-же, при посредствѣ которыхъ достигаются и другія культурныя цѣли, — тѣ-же, которыя создаютъ государство и церковь, образуютъ общественные союзы и выступаютъ въ качествѣ творцовъ нравственности, права и обычая. Большая часть общественныхъ органовъ, каковы семья, община, государственная власть служатъ другимъ цѣлямъ столько-же, сколько и хозяйственнымъ. Народное хозяйство остается, поэтому, всегда составной частью всей общественной жизни. Его установленія стоятъ въ тѣсной связи съ государствомъ и государственнымъ управленіемъ. Безъ современныхъ государственныхъ учреждений нельзя себя представить никакого народнаго хозяйства. И если мы тѣмъ не менѣе противопоставляемъ народное хозяйство государству и его организаціи, какъ свободную систему совместно дѣйствующихъ отдѣльныхъ силъ; если оно менѣе, чѣмъ государство, нуждается въ руководствѣ, исходящемъ изъ одного центра, то ради этого мы не должны не замѣчать того, что теперь въ народномъ

хозяйствъ, благодаря экономической политикѣ, могучей организаціи кредита, путемъ сообщенія и экономическимъ союзамъ существуетъ широкое, сознательное и единое руководство. Но рядомъ съ этимъ слѣдуетъ твердо помнить и то, что какъ для народнаго хозяйства, такъ и для государства, внутреннее, посредствуемое чисто-психическими факторами единство, — единство общаго порядка, союза силъ, согласованія стремленій, — много важнѣе, чѣмъ то, которое создается путемъ прямого воздѣйствія центра и основывается на повелѣніяхъ послѣдняго.

Вопросъ о томъ, слѣдуетъ-ли народное хозяйство по образцу человѣческаго тѣла называть организмомъ, имѣеть второстепенное значеніе, поскольку ясно, что дѣло идетъ при этомъ объ аналогіи, образъ, который можетъ представить нагляднѣе смыслъ выраженія, но который, конечно, не замѣнитъ объясненія самаго предмета. Эта аналогія можетъ съ правомъ подчеркнуть то, что подобно тому, какъ въ человѣческихъ тѣлахъ, такъ и въ народномъ хозяйствѣ, совершается большое количество внутреннихъ процессовъ, о которыхъ центральные органы не имѣють сознательнаго представленія; но что, не смотря на это, единство и, поскольку это необходимо, сознательное руководство центра нисколько не отсутствуетъ. Другого сходства не существуетъ. Поэтому имѣеть важное значеніе то положеніе, что при разсмотрѣніи народнаго хозяйства, какъ цѣлаго, основанія его единства всегда слѣдуетъ искать въ реальныхъ причинахъ. Дѣло идетъ здѣсь о томъ, чтобы понять, какимъ образомъ происходитъ то, что люди, съ ихъ повидимому прежде всего чисто индивидуальными потребностями и стремленіями, все болѣе и болѣе соединяясь въ большія и малыя группы,

ведутъ совмѣстно другъ съ другомъ или прямо общее, или дѣлающееся общимъ при посредствѣ мѣнового оборота хозяйство. Такимъ образомъ основной социальный и политическій вопросъ о томъ, что соединяетъ и раздѣляетъ людей, какія причины обуславливаютъ образованіе человѣческихъ группъ, лежитъ также въ основѣ политико-экономическаго изученія, подобно тому, какъ онъ образуетъ исходный пунктъ для всѣхъ остальныхъ государственныхъ и общественныхъ наукъ.

II. Наука о народномъ хозяйствѣ.—Вмѣстѣ съ образованіемъ въ языкѣ понятія народного хозяйства, въ системѣ человѣческаго знанія, среди отдѣльныхъ наукъ, образуется особая наука о народномъ хозяйствѣ.

Отдѣльные частно-и социальное-экономическіе факты были наблюдаемы и описываемы уже давно, въ теченіе столѣтій; были открыты отдѣльныя экономическія истины; хозяйственные вопросы обсуждались въ системахъ этики и права. Но объединиться въ особую науку всѣ эти отдѣльныя части и свѣдѣнія могли лишь тогда, когда народно-хозяйственные вопросы получили значеніе, никогда раньше за ними не признававшіеся,— въ качествѣ руководства въ дѣлахъ управленія государствомъ въ XVII—XVIII столѣтіяхъ. Тогда ими начали заниматься многіе писатели, ознакомленіе съ ними дѣлалось необходимымъ для учащагося юношества, а подъемъ научной мысли вообще привелъ вмѣстѣ съ тѣмъ и къ сознанію необходимости соединить всю совокупность экономическихъ положеній и истинъ въ самостоятельную систему, связанную основными идеями, каковы: денежный и мѣновой оборотъ, государствен-

ная экономическая политика, трудъ и раздѣленіе труда. Это попытались сдѣлать выдающіеся писатели XVIII вѣка. Съ этихъ поръ и существуетъ ученіе о народномъ хозяйствѣ или политическая экономія, какъ самостоятельная наука. Иногда и теперь еще ее называютъ національной или политической экономикой или ученіемъ о политической экономіи. Но послѣднее выраженіе имѣетъ побочный смыслъ, который обнимаетъ и выдѣлившіяся изъ науки о народномъ хозяйствѣ самостоятельныя части, каковы наука о финансахъ, или вспомогательныя науки, какъ статистика.

Д. С. Милль опредѣляетъ политическую экономію, какъ науку, занимающуюся изученіемъ природы богатства и законовъ его производства и распредѣленія. Но природа богатства включаетъ въ себя также и техническую сторону, а законы производства и распредѣленія богатства не исчерпываютъ ея задачъ, независимо отъ вопроса о томъ, открыты они или нѣтъ. *Рау* называлъ ее „наукой, которая раскрываетъ природу народного хозяйства или показываетъ, какимъ образомъ народъ непрерывно, посредствомъ хозяйственныхъ дѣйствій своихъ членовъ, снабжаетъ себя вещественными благами“. *Рошеръ* говоритъ, что она есть „наука о законахъ развитія народного хозяйства“, чѣмъ указываетъ только на динамическія измѣненія, а не на статическія формы организаціи хозяйства, его текущія и однообразныя проявленія въ жизни. *Мангольдтъ* выражается такимъ образомъ: „научное изображеніе управляющихъ хозяйствомъ силъ, направленій, въ которыхъ онѣ дѣйствуютъ, законовъ ихъ приложенія и условій успѣха послѣдняго“. Соціальный элементъ въ опредѣленіи воздвигнулъ въ первый разъ *Нейманъ*, на-

звавъ нашу науку „ученіемъ о взаимныхъ отношеніяхъ отдѣльныхъ хозяйствъ другъ къ другу и къ государственному цѣлому“. Достаточно и этихъ примѣровъ. Я могу сказать: политическая экономія есть наука, которая описываетъ народно-хозяйственныя явленія, опредѣляетъ и объясняетъ ихъ въ связи съ ихъ причинами, поскольку они могутъ быть поняты, какъ единое цѣлое, причемъ, конечно, предполагается, что прежде будетъ опредѣлено правильно понятіе народного хозяйства. Средоточіе науки образуютъ существующія у теперешнихъ развитыхъ народовъ типическія явленія организаци и раздѣленія труда, обмена, распредѣленія дохода, общественно - экономическихъ учреждений, которыя примыкаютъ къ опредѣленнымъ формамъ публичнаго и частнаго права, управляются одинаковыми или схожими силами, производятъ одинаковые или схожіе результаты и послѣдствія и представляютъ въ своемъ цѣльномъ описаніи экономическую статику теперешняго культурнаго міра, родъ продольнаго разрѣза его устройства. Исходя отсюда, наука попыталась объяснить особенности въ организаци отдѣльныхъ хозяйствъ; спросила, въ какой связи стоятъ и какіе результаты производятъ различныя формы, въ которыя отливается экономическая жизнь въ настоящее время и въ исторіи, и такимъ образомъ достигла пониманія развитія этихъ формъ другъ изъ друга и причинъ исторической смѣны хозяйственныхъ состояній. Такимъ образомъ къ статическому изученію она присоединила динамическое. Подобно тому, какъ при первомъ своемъ появленіи она приходила къ установленію идеаловъ путемъ нравственно-исторической оцѣнки, такъ и теперь эта практическая сторона въ извѣстной степени входитъ въ содержаніе науки. Рядомъ

съ теоріей политическая экономія выставляетъ и практическія правила для руководства жизнью.

Какъ во всякой другой наукѣ, такъ и въ политической экономіи, только ея ядро образуетъ специальную отрасль вѣдѣнія; на своей-же периферіи она покрывается различными другими науками, съ которыми у нея общи методы, а частью и матеріалъ, отъ которыхъ она зависитъ, заимствуя изъ нихъ результаты, и которыя она обогащаетъ, дѣлясь съ ними своими. Разумно можно, поэтому, спорить только о составѣ этого ядра, а не периферіи науки, которая въ общественныхъ наукахъ почти всегда стерты или измѣнчивы и представляютъ собою общую область обладанія различными ихъ отраслей. Наука о народномъ хозяйствѣ соприкасается съ одной стороны, съ прикладными естественными науками: технологіей, механикой, сельскимъ и мѣстнымъ хозяйствомъ, также какъ антропологіей, этнографіей, климатологіей, общей и специальной географіей растений и животныхъ, а съ другой—съ важнѣйшими изъ духовныхъ наукъ: психологіей, этикой, ученіемъ о государствѣ, гражданскомъ обществѣ и правѣ. Ибо народное хозяйство всегда и въ каждый данный моментъ является отчасти продуктомъ естественнаго образованія при посредствѣ людей, отчасти культурнаго при посредствѣ чувствующаго, мыслящаго, дѣйствующаго и организованнаго общества.

Отграниченіе матеріала и систематика во всякой наукѣ зависитъ отъ ея современнаго внутренняго состоянія и практическихъ цѣлей ея приложенія и преподаванія. То, что Адамъ Смитъ и его послѣдователи предлагали въ видѣ единаго ученія о народномъ хозяйствѣ, — въ Германіи, главнымъ образомъ въ интересахъ введенныхъ въ южно-германскихъ университетахъ т. н. „камеральныхъ“ чте-

ний, раздѣлено на три части. Рау выдѣлилъ, какъ особую часть, науку о финансахъ, на томъ основаніи, что она трактуетъ о самой большой и самостоятельной области отдѣльнаго хозяйства и включаетъ въ себя рядъ особыхъ, связанныхъ съ ней вопросовъ,—и старался излагать своимъ камералистамъ не только ученіе о податяхъ и налогахъ, но и цѣломъ финансовомъ хозяйствѣ германскаго государства. Остальной матеріалъ онъ распределяетъ между чистой абстрактной теоріей и практическимъ ея примѣненіемъ. Это послѣднее раздѣленіе, съ одной стороны, соотвѣтствовало тогдашнему модному, заимствованному у англичанъ, представленію о томъ, что существуетъ совершенно независимое отъ государства и государственнаго управленія народное хозяйство, которое дозволяетъ чистое логическое, по преимуществу абстрактное формулированіе научныхъ положеній о цѣнности, цѣнахъ и распредѣленіи дохода; съ другой, оно соотвѣтствовало потребности передать студентамъ изъ старой полицейско-правовой и технологической камералистики необходимыя свѣдѣнія о земельномъ хозяйствѣ и промыслахъ и описать государственныя заботы о нихъ въ отдѣльности и въ цѣлой связи. Потребность отдѣленія финансовъ отъ политической экономіи скоро было признана и въ литературѣ другихъ государствъ, тогда какъ раздѣленіе политической экономіи на теоретическую и практическую, теорію народнаго хозяйства и экономическую политику, остается особенностью нѣмецкой точки зрѣнія. Послѣдняя удерживается и до сихъ поръ, только при этомъ распредѣленіи выступаютъ на первый планъ одна за другой иныя принципиальныя точки зрѣнія. Мы противопоставляемъ теперь общее ученіе о народномъ хозяйствѣ специальному и рассматриваемъ его

въ его отношеніи къ государству, праву, обычаямъ и морали. Но въ одномъ случаѣ мы стараемся привести абстрактный разрѣзъ народнаго хозяйства или обнять въ совокупности и теоретическомъ обоснованіи все наше народно-хозяйственное знаніе; въ другомъ—описываемъ съ экономической точки зрѣнія въ отдѣльномъ конкретномъ изложеніи опредѣленное время и опредѣленный народъ или отдѣльную группу народа.

Современная общая политическая экономія проникнута философско-соціологическимъ характеромъ. Она исходитъ изъ сущности общества, общихъ причинъ экономической жизни и поведенія, описываетъ статически и динамически типическіе органы и процессы хозяйства и важнѣйшія учрежденія, съ нимъ связанныя. Она стремится систематически и принципиально къ тому, чтобы изъ несовершенныхъ отрывковъ нашего знанія сдѣлать цѣлое; она идетъ отъ общаго къ спеціальному, привлекая особенныя свѣдѣнія только для выясненія, иллюстраціи тѣхъ истинъ, которымъ она надѣется научить. Она даетъ начинающему очеркъ; ученому она представляетъ попытку возвысить частные факты до степени общихъ истинъ. Она въ состояніи принять тѣмъ болѣе замкнутую форму, чѣмъ болѣе она ограничится абстрактнымъ изслѣдованіемъ законовъ цѣнности и распредѣленія доходовъ, и приближается къ этическому и историко-философскому изученію, когда старается свести всѣ хозяйственныя явленія къ ихъ послѣднимъ социальнымъ причинамъ.

На оборотъ, спеціальная политическая экономія проникнута историческими и практическими, „полицейско-правовыми“ тенденціями. Она описываетъ новое экономическое развитіе Западной Европы или отдѣльныхъ земель по періодамъ или главнымъ отраслямъ народ-

наго хозяйства. Она выходитъ изъ конкретнаго, особеннаго, и вскрываетъ подробности причинъ и учреждений. Она позволяетъ начинающимъ войти въ методическое изученіе отдѣльныхъ задачъ во всѣхъ ихъ сторонахъ; будучи описательной въ своей основѣ, она должна въ своемъ изложеніи постоянно входить въ различныя сосѣднія области и обращать вниманіе на подробности. Она даетъ этимъ подъ ноги твердую почву изслѣдованію, но, само собой разумѣется, всегда возвращается къ общимъ истинамъ, которыя добываются въ общей политической экономіи, въ этикѣ и социологіи. Такъ какъ она выясняетъ частности изъ ихъ причинъ и дѣлаетъ заключенія изъ настоящаго хода событій къ будущему, то къ заключительнымъ ея выводамъ присоединяются въ качествѣ постоянныхъ руководящихъ мотивовъ этическая оцѣнка и телеологическіе очерки хода развитія всемірной человѣческой исторіи и судьбы государствъ, изученіемъ которыхъ она занимается.

Обѣ части политической экономіи, на которыя ее раздѣляютъ въ Германіи, имѣютъ такимъ образомъ одинаковое право на существованіе. Они пополняютъ другъ друга въ матеріалѣ и методѣ. Поэтому, ихъ существованіе въ преподаваніи и учебникахъ сохраняется, и нѣтъ никакихъ указаній на то, что оно должно уступить мѣсто другому способу изученія и раздѣленія. Онѣ исполняютъ свою задачу тѣмъ лучше, чѣмъ болѣе одна часть покоится на широкомъ философскомъ, а другая на историческомъ и практическомъ основаніи. Онѣ соотвѣтствуютъ различнымъ путямъ, которыми достигается человѣческое познаніе, и потому могутъ лишь дополнять другъ друга.

Казалось бы правильнымъ, поэтому, при дальнѣй-

шей рѣчи о методѣ политической экономіи, различать эти двѣ части. Однако мы этого дѣлать не можемъ, ибо различныя вспомогательныя средства къ познанію играютъ свою роль въ обѣихъ: свѣдущій читатель самъ уже догадается, какіе результаты въ дальнѣйшемъ изложеніи пригодны болѣе для общей, какія для специальной части политической экономіи.

202350
III. Сущность метода вообще. — Подъ методомъ мы понимаемъ установленный правилами способъ достиженія опредѣленной цѣли. Методъ политической экономіи есть указываемый научными принципами путь, который служить и долженъ служить къ послѣдовательному познанію народнаго хозяйства, — къ тому, чтобы начертить полный образъ этого хозяйства въ пространствѣ и времени, во всемъ его объемѣ и исторической послѣдовательности, подчинить народно-хозяйственныя явленія анализу и синтезу, свести къ опредѣленной системѣ понятій, классифицировать послѣднія и выразить въ видѣ единого цѣлаго.

Методъ всякой отдѣльной науки опредѣляется:

1) Общимъ уровнемъ, котораго достигъ въ данный моментъ человѣческій умъ въ области умнѣнья научно познавать явленія, т. е. общей теоріей познанія и общей методологіей даннаго времени вообще, которыя для всѣхъ отраслей человѣческой мысли и познанія въ своихъ основахъ должны быть едиными. Примѣненіе эмпирическаго наблюденія, котораго энергично требовалъ Бэконъ, оказало напр., огромное вліяніе на всѣ науки. Гегелевская діалектика также господствовала свое господство на всѣхъ научныхъ областяхъ, — во

всякомъ случаѣ на науки государственныя и экономическія.

2) Специальными требованіями, связанными съ природой изучаемаго предмета. Подобно тому, какъ математика употребляетъ иныя средства для познанія, чѣмъ физика, а эта послѣдняя иныя, чѣмъ физиологія, точно также духовныя науки имѣютъ въ общемъ иные методы, чѣмъ науки естественныя, и среди первыхъ психологія—иные, чѣмъ науки объ обществѣ и государствѣ. Чѣмъ область знанія сложнѣе, чѣмъ болѣе она нуждается въ предварительномъ изслѣдованіи болѣе простыхъ явленій, изъ комплекса которыхъ она состоитъ, тѣмъ чаще для нея выставляется то требованіе, что методы, употребляемые для изученія этихъ болѣе простыхъ явленій, должны сдѣлаться вмѣстѣ съ тѣмъ отчасти и ея методами. Это въ нѣкоторой степени правильно. Естественно-научные и математическіе методы, напр., для нѣкоторыхъ экономическихъ вопросовъ являются необходимыми вспомогательными средствами, а психологическіе неизбѣжны для всѣхъ духовныхъ наукъ. Но такъ какъ одинаковое обладаніе всѣми науками и ихъ методами невозможно по ограниченности человѣческаго ума, то главной задачей каждаго спеціалиста остается навыкъ въ спеціальныхъ методахъ собственной науки. Въ области общественныхъ и государственныхъ наукъ увлеченіе односторонними методами естественныхъ наукъ является въ особенности вреднымъ. Гораздо ближе, конечно, взаимная связь между духовными науками. Въ частности къ политической экономіи примѣнимы тѣ же методы, какъ и къ ряду другихъ изъ этихъ наукъ; она имѣетъ цѣлью изучать схожій-же матеріалъ и объяснить его

изъ тѣхъ-же причинъ, которыя стремятся познать и эти науки.

3) Примѣненіе къ опредѣленной наукѣ того или иного метода зависитъ и отъ той степени развитія, которой она достигла къ данному времени. — Первоначальное познаніе начинается съ полуистинъ и скорыхъ обобщеній; только мало по малу способы познанія становятся болѣе тонкими; въ одно время главнымъ дѣломъ являются наблюденіе и описаніе, въ другое—классификація, въ иное, наконецъ, средоточіемъ изученія становится объясненіе причинъ. Можно даже сказать, что въ великомъ историческомъ развитіи человѣческаго познанія оба элемента познанія, опытъ и стремленіе къ раціональному объясненію явленій, ведутъ борьбу за преобладаніе: за эпохой утонченнаго опытнаго изученія должна всегда почти слѣдовать эпоха высшаго раціональнаго объясненія опытныхъ данныхъ. Такимъ образомъ попеременно выступаютъ на первый планъ приемы, служащіе къ выгодѣ одного элемента. Окончательная побѣда раціонализма совершилась-бы только тогда, когда познаніе міра было-бы окончательно достигнуто.

IV. Сборники правилъ и религіозныя системы, какъ начальный пунктъ развитія всѣхъ социальныхъ наукъ. — Связь поколѣній очень рано приводитъ къ тому, что отецъ передаетъ сыну правила поведенія, частью полученные имъ самимъ отъ предковъ, частью добытыя собственнымъ опытомъ. Чѣмъ болѣе накапливаются техническія познанія, слагаются обычаи и нравы, заявляютъ право на господство ритуальныхъ обрядности и

юридическія предписанія, тѣмъ болѣе все эти правила слагаются для легчайшаго запоминанія въ пѣсни и поговорки, передаются въ рифмованной и нерифмованной формѣ, а когда, наконецъ, образуется письменность, записываются. Такимъ образомъ въ рукахъ духовенства, а затѣмъ и въ рукахъ мірянъ, образуются сборники всякаго рода правилъ: медицинскихъ рецептовъ, техническихъ предписаній, ритуальныхъ, юридическихъ и нравственныхъ правилъ. Такими являются: десять заповѣдей и другіе древніе сборники, въ средніе вѣка *leges barbarorum*, покаянныя книги, сборники судебныхъ рѣшеній и обычнаго права, техническіе сборники монастырей и цеховъ, позднѣе книги, посвященныя описанію травъ и садовъ, и въ нѣкоторомъ смыслѣ большая часть всей древней камералистической литературы. Установленіе и передача правилъ какъ практико-техническихъ, такъ и опредѣляющихъ соціально нравственное, общественное поведеніе является цѣлью этой дѣятельности. Такимъ образомъ происходятъ религіозныя, обрядовыя, критическіе, моральныя и практико-техническіе сборники и законодательныя книги. Они постоянно переписываются, видоизмѣняются съ теченіемъ времени, объясняются съ разныхъ сторонъ, интерпретируются. Они не представляютъ еще собою науки, хотя и становятся ядромъ ея. Ихъ исключительной цѣлью является предписать людямъ должное съ точки зрѣнія традиціоннаго порядка. Они основываются на практическомъ опытѣ, но, конечно, не на немъ одномъ. Все человѣческое поведеніе находитъ свой стимулъ въ чувствахъ удовольствія и страданія и связанныхъ съ ними склонностяхъ, но только подъ воздѣйствіемъ размышленія, осмотрительности, самообладанія и высшихъ чувствъ

вообще съ одной стороны, а съ другой—подъ вліяніемъ общественной обстановки и ея цѣлей образуется ритуальный порядокъ, устанавливаются формы проявленія жизненныхъ склонностей, создаются обычаи (нравы), возникаетъ понятіе должнаго, власть совѣсти, представленіе объ одобрительныхъ и неодобрительныхъ дѣйствіяхъ. Результаты этого внутренняго процесса внѣшнимъ образомъ укрѣпляются страхомъ передъ духами и богами, передъ общественнымъ порицаніемъ, передъ местию и наказаніемъ, и устанавливаются, такъ-сказать, подъ общественнымъ давленіемъ.

Такимъ образомъ уже эти древнѣйшія нормы, преслѣдующія столько-же благо отдѣльнаго лица, сколько и благо общества, содержатъ въ себѣ какъ эмпирическіе, такъ и рacionales элементы. Онѣ основываются столько-же на грубыхъ представленіяхъ объ участіи боговъ и духовъ, о соотношеніи между природой и небомъ, жизнью и смертію, смертію и сномъ, сколько и на тѣхъ сужденіяхъ, которыя связываются съ этими представленіями. Въ нихъ перемѣшаны истина и ложь, но онѣ во всякомъ случаѣ постоянно стремятся къ теоретическому и практическому единству и соглашенію.

Это послѣднее есть результатъ человѣческаго самосознанія. Въ вѣчной смѣнѣ чувствъ, представленій мыслей и склонностей существуетъ только одно единство—отношеніе всѣхъ этихъ явленій къ нашему я. Какъ въ единомъ фокусѣ собираются и сосредоточиваются въ немъ душевныя явленія, связываясь въ одно цѣлое. Каждое отдѣльное явленіе упорядочивается въ связи съ этимъ цѣлымъ. Подобно тому какъ существуетъ неоспоримая практическая потребность привести въ соглашеніе всѣ практическія правила нашего

поведенія, чтобы не впасть въ мучительное противорѣчіе съ самимъ собой, такъ изъ единого самосознанія происходитъ то теоретическое, неодолимое стремленіе, которое принуждаетъ всѣ наши наблюденія, все пережитое сводить къ высшимъ представленіямъ, видѣть въ нихъ части одного цѣлаго. Наша мысль и наша совѣсть чувствуютъ себя только тогда успокоенными, когда они нашли такой пунктъ единства, который имѣетъ заразъ и теоретическую, и практическую природу, даетъ единое представленіе какъ о мірѣ и его сущности, такъ и о цѣляхъ нашего существованія. Изъ единого самосознанія слѣдуетъ, что каждый человѣкъ стремится къ единому міровоззрѣнію, которое въ высказываемыхъ имъ оцѣнкахъ поведенія заключаетъ и опредѣленный жизненный идеаль.

Въ древнѣйшее время установленіе такого единого міросозерцанія совершается исключительно въ формѣ космогоническихъ представленій, съ которыми связывается вѣра въ боговъ и духовъ, т. е. въ формѣ религіозной вѣры, которая въ одно и тоже время дѣлаетъ понятнымъ человѣческое существованіе и природу и рассматриваетъ всѣ правила поведенія, какъ повелѣнія боговъ. Вѣра во множество боговъ, въ свою очередь, подчиняется стремленію къ единству, благодаря чему происходитъ, наконецъ, вѣра въ высшее, всемогущее и всевѣдущее существо, которое рассматривается какъ причина міра, какъ совокупность всего добраго и идеальнаго. Даже внѣшнія правила практическаго поведенія рассматриваются, какъ повелѣнія Бога или какъ выводы изъ его заповѣдей.

Религіозныя и церковныя учрежденія этихъ древнихъ временъ суть вмѣстѣ и важнѣшія орудія соціальной, политической и хозяйственной организаціи. Въ отно-

сительно малыхъ обществахъ можетъ существовать только одна общая религія, которая проникаетъ всѣ жизненные отношенія и надъ ними господствуетъ.

Религіозное ученіе объясняетъ все и управляетъ всѣмъ. Оно есть первый опытъ раціональнаго объясненія существующаго и практическій направитель всѣхъ событій. Оно не содержитъ въ себѣ знанія и познанія въ позднѣйшемъ смыслѣ, но оно даетъ людямъ единое пониманіе вещей, единую вѣру, которая успокоиваетъ основное разумѣніе, овладѣваетъ его настроеніемъ, учитъ находить хорошее, предписываетъ ясное и несомнѣнное должное. Эта вѣра основывается на неясныхъ представленіяхъ о мірѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и на становящемся все болѣе и болѣе ясномъ пониманіи человѣческой души, ея силъ и склонностей. Ибо этотъ внутренній опытъ есть древнѣйшее и наиболѣе прочное приобрѣтеніе человѣческаго познанія.

V. Моральныя системы.—Въ продолженіе столѣтій и тысячелѣтій живутъ такимъ образомъ народы. Носителями прогресса являются творцы и усовершенствователи религіозныхъ системъ, устроители болѣе правильнаго порядка жизненныхъ отношеній,—лица, среди которыхъ могло развиваться стремленіе къ познанію природы и человѣка. Это познаніе было направлено на то, чтобы объяснить отдѣльные явленія, взятые сами по себѣ, независимо отъ ихъ причинъ. Но ходъ его былъ съ самаго начала различенъ въ отношеніи къ объясненію явленій, природы съ одной стороны, и человѣческой жизни, съ другой. Природа стоитъ передъ человѣкомъ, какъ нѣчто ему чуждое; здѣсь онъ можетъ

наблюдать, изслѣдовать и постигать неизвѣстные ему силы, лишь медленно подвигаясь впередъ. Духовная жизнь, другой человѣкъ, семья, государство—явленія, ему чрезвычайно близкія, свои. Онъ можетъ здѣсь понимать событія, какъ - бы переживая ихъ внутренне; ему становится болѣе или менѣе доступнымъ обозрѣніе цѣлаго, овладѣніе имъ въ то время, когда онъ, познавая, анализируетъ отдѣльные явленія. Этимъ объясняется хорошо извѣстный и совершенно справедливо подчеркиваемый Дильтеемъ историческій результатъ, согласно которому извѣстная высота знанія въ области психологической, этической и политической достигнута раньше, чѣмъ въ области изученія природы. По крайней мѣрѣ то, чему учили греки въ этихъ областяхъ, стоитъ гораздо ближе къ нашимъ нынѣшнимъ ученіямъ, чѣмъ наше познаніе природы къ ихъ познанію.

Первые значительные успѣхи эмпирическаго знанія выпадаютъ на долю тѣхъ эпохъ, когда традиціонныя религіозныя системы приходятъ въ колебаніе. Измѣнившіяся условія жизни потрясаютъ въ основаніи старыя, освященныя правила поведенія и общежитія. вмѣстѣ съ сомнѣніемъ въ старыхъ космогоническихъ представленіяхъ возникаетъ и потребность въ иномъ болѣе глубокомъ объясненіи міра, и въ иномъ обоснованіи должнаго; предписанія обычая, права и морали перестаютъ понимать и объяснять просто, какъ заповѣдь Божію, но хотятъ выводить ихъ объясненіе изъ иныхъ цѣлей и причинъ. Возникаютъ систематическія философско-физическія объясненія міра и моральныя системы, являющіяся первыми серіозными опытами познанія человѣческаго общества. Но эти метафизическія системы истолкованія міра и системы

этическія — обыкновенно тѣсно связанныя въ началѣ — еще очень далеки отъ того, чтобы сбросить съ себя характеристическія черты старыхъ религіозныхъ системъ. Последнее еще не подѣ силу скудному запасу знанія, служащему ихъ основаніемъ; еще менѣе потерпѣли-бы такое отношеніе къ старому практическія цѣли этики. Греческая этика и большая часть позднѣйшихъ этическихъ системъ до новѣйшаго времени стремились гораздо больше научать должному, проповѣдывать идеалы, нежели давать объективное объясненіе существующаго изъ его причинъ. Поэтому, какой-бы обширный эмпирическій матеріалъ психологическихъ, общественныхъ и иныхъ фактовъ онѣ въ себѣ ни заключали, — для нихъ все-таки прежде всего важно найти общій исходный пунктъ нравственныхъ обязанностей, выяснить должное. А достигнуть этого возможно было, съ ихъ точки зрѣнія, только посредствомъ такого способа объясненія явленій, который занимаетъ средину между вѣрой и знаніемъ. Онѣ стараются интуитивно, синтетически, съ помощью фантазіи составить себѣ представленіе о мірѣ, его управленіи, господствующихъ въ этомъ управленіи принципахъ и идеяхъ, ихъ развитіи и общей связи человѣческой судьбы съ міромъ и его средоточіемъ, о цѣляхъ человѣческой жизни и ея будущемъ. Для этого онѣ пользуются эмпирическимъ знаніемъ міра, насколько его хватаетъ, а тамъ, гдѣ его недостаточно, онѣ обращаются, къ телеологическому объясненію, т. е. стараются изъ общаго представленія о цѣломъ извлечь объясненіе отдѣльныхъ явленій, предполагая, что отдѣльныя явленія служатъ цѣлямъ этого цѣлаго. Этотъ пріемъ распредѣленія матеріала подѣ общими точками зрѣнія, при помощи рефлексивныхъ сужденій,

лучше всего выяснилъ намъ Кантъ въ своей „Kritik der Urtheilskraft“. Всѣ выдающіеся философы съ тѣхъ поръ соглашались въ томъ, что, телеологія, въ качествѣ основного приѣма мышленія — гейристическаго средства познанія, можетъ имѣть полное право на существованіе, служа вспомогательнымъ средствомъ познанія, что ее необходимо и возможно допустить, какъ символизирующее восполненіе эмпирической науки. Она — попытка объясненія цѣлаго и его цѣлей. Въ сущности только этимъ телеологическимъ путемъ и возможно получить представленіе о томъ, что міръ есть цѣлое, что существуетъ цѣлый рядъ ступеней природы и исторіи, прогрессъ, совершенствованіе, развитіе.

Телеологическое разсмотрѣніе есть важнѣйшій способъ понять, какъ цѣлое, сумму явленій, внутренней причиной связи между которыми мы еще не знаемъ. Оно родственно съ систематическимъ по столько, по скольку это послѣднее также стремится привести въ стройный порядокъ и объединить опредѣленную сумму явленій или истинъ. Но здѣсь упорядочивающая мысль не должна быть непременно и цѣлевой мыслью; систематическое изученіе включаетъ въ себя и дальнѣйшее стремленіе привести отдѣльныя части и цѣлаго въ такой порядокъ, который соотвѣтствуетъ ихъ внутреннему взаимному соотношенію.

Этическія воззрѣнія потому такъ нуждаются въ телеологіи, что всѣ нравственныя оцѣночныя рѣшенія исходятъ изъ чувствъ и представленій, относящихся къ общему содержанію и къ общей цѣли человѣческой жизни.

Телеологическія воззрѣнія имѣютъ свою исторію, съ теченіемъ времени они стали благороднѣе и чище; но ихъ положенія, по крайней мѣрѣ въ ихъ большей части, не

представляютъ такихъ истинъ, которыми-бы всѣ люди должны были одинаково проникнуться. Они всегда допускаютъ существованіе рядомъ съ собою различныхъ мірозерцаній, которыя также не сходны между собой, какъ и различные темпераменты. Оптимистическое и пессимистическое воззрѣнія, напр. приходятъ постоянно къ различнымъ результатамъ. Реализмъ и идеализмъ, античный и христіанскій образъ мыслей, аристократическіе и демократическіе принципы, являясь системами, крайне противоположными одна другой, всегда будутъ создавать различныя представленія о мірѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и приводить къ различнымъ жизненнымъ идеаламъ. Чрезвычайно различныя представленія о Богѣ и загробной жизни, о прогрессѣ или регрессѣ въ ходѣ исторіи, должны всегда приводить и къ различнымъ рѣшеніямъ относительно обязанностей и всего поведенія человѣка. Такимъ образомъ различные способы пониманія міра, какъ цѣлаго, создали цѣлый рядъ философскихъ и этическихъ системъ, взаимно одна другую опровергающихъ,—системъ, которыя рѣзко расходятся въ настоящее время между собой и не перестанутъ расходиться въ будущемъ. Въ одномъ только онѣ сблизились, какъ это было и съ высшими религіозными системами. Прогрессирующее психологическое сознаніе человѣка, послѣдовательные успѣхи въ изученіи природы и исторіи устранили крайнія воззрѣнія и постепенно обратили этику въ эмпирическую науку должнаго. Тогда отъ нея могли отдѣлиться и особыя части, въ видѣ особыхъ наукъ о государствѣ, правѣ и о народномъ хозяйствѣ.

Но этическія системы удержали все-таки въ своемъ основномъ характерѣ нѣкоторое сходство съ религіозными; онѣ основываются на вѣрѣ, на убѣжденіи въ

истинности нѣкоторыхъ основныхъ принциповъ. Это убѣжденіе возникаетъ, при опредѣленныхъ реальныхъ и психологическихъ условіяхъ, у одинаковыхъ или схожихъ людей съ одинаковою необходимостью, какъ и единство воззрѣній въ области опытнаго познанія міра. Это—признаніе истинности конечныхъ вещей, которое одинаково допускаютъ и матеріалисты, и теисты, и христіанинъ. И такъ какъ при этомъ дѣло идетъ о конечныхъ вещахъ, о высшихъ принципахъ, то именно поэтому вѣра въ ихъ истинность и одаряетъ такой энергіей воли, какой не даетъ одно эмпирическое знаніе. Это—увѣренность, которая даетъ право на извѣстный образъ дѣйствія, заставляетъ человѣка ради своихъ убѣжденій жертвовать всѣмъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже своей жизнью. Увѣренность, получаемая человекомъ или цѣлыми группами людей и народами, благодаря вліянію какой-нибудь воспламеняющей практической системы, религіозной или этической вѣры, хотя и субъективна, но за-то она двигаетъ міромъ, то разрушая и разлагая старое, то воздвигая и создавая новое. Принципы, служащіе средоточіемъ міровоззрѣнія, во время ихъ возникновенія и наиболѣе сильной вѣры въ нихъ, обыкновенно не бываютъ точно отграничены и приведены въ связь съ другими равноправными принципами и съ уже существующимъ порядкомъ отношеній. Поэтому ихъ дѣйствіе и является революціоннымъ, создающимъ новую эпоху; значеніе ихъ чрезмѣрно преувеличивается; но вмѣстѣ съ тѣмъ они — необходимые предшественники новаго времени и высшихъ формъ общественной жизни.

Позволю себѣ прибавить къ этому еще два замѣчанія, имѣющія методологическое значеніе.

То, что въ этическихъ системахъ называется выс-

шими принципами, ихъ послѣдніе идеалы суть представленія о тѣхъ направленіяхъ, по которымъ должна слѣдовать добрая воля, чтобы достигать должнаго. Въ настоящее время большая часть такихъ идеаловъ стоятъ рядомъ другъ съ другомъ въ качествѣ подчиняющихся одни другимъ, подчиненныхъ другъ другу, соподчиненныхъ или самостоятельныхъ. Но какъ скоро одинъ изъ нихъ становится преобладающимъ, тогда стараются перенести его послѣдствія на всѣ области. Я называю такими идеалами идеи личной свободы и общественного порядка, идеи справедливости и прогрессивнаго совершенствованія отдѣльнаго лица и общества,—идеи равенства, отказа отъ своей личности, самопожертвованія въ интересахъ общаго дѣла. Это—абстрактныя цѣли, изъ которыхъ въ практической жизни нельзя взять ни одну, какъ величину самостоятельную, изолированно отъ другихъ, не прида къ злоупотребленію и преувеличенію. Всякая свобода предполагаетъ въ то-же самое время и порядокъ,—всякое равенство различія, допущеніе которыхъ необходимо въ интересахъ цѣлаго общества и пр. Кто ставитъ свободу, справедливость, или равенство, — какъ это столь часто случается теперь въ политическихъ и народно-хозяйственныхъ изслѣдованіяхъ,—въ качествѣ самостоятельнаго и изолированнаго высшаго принципа, изъ котораго можно дедуктивно съ неумолимо строгой логикой вывести правильный образъ поведения, тотъ совершенно не знаетъ истинной природы этихъ этическихъ постулатовъ. Они—путеводныя звѣзды и цѣли, парящія передъ дѣйствующимъ чело-вѣкомъ; они предписываютъ хорошій образъ поведения, будучи взяты въ правильной комбинаціи; даютъ силу и влеченіе къ правильному образу дѣйствія; обра-

щаются въ привычныя качества, сообщающія душѣ индивидуума достоинство и характеръ; но они все-таки не представляютъ собою эмпирическихъ истинъ, изъ которыхъ можно-бы было выводить путемъ силлогизма дальнѣйшія заключенія.

Если такимъ образомъ необходимо предостереженіе противъ частыхъ злоупотребленій, связанныхъ съ этическими системами, то съ другой стороны слѣдуетъ также указать и ихъ важное значеніе въ познаніи. Если эти системы возникаютъ всегда путемъ синтеза, при посредствѣ общихъ точекъ зрѣнія, связывающихъ воедино элементы нашего познанія и нашей вѣры, то изъ этого не слѣдуетъ, что всякое сведеніе отдѣльныхъ предметовъ познанія въ одно цѣлое бываетъ и остается проблематичнымъ. Конечно, можно всегда оспаривать тотъ синтезъ, который стремится объяснить міръ и его исторію, какъ цѣлое. Но синтезъ, который стремится понять, какъ цѣлое, одинъ народъ, одно время, одну человѣческую жизнь,—синтезъ, основанный на богатомъ опытѣ и соединяющій совершенное познаніе вещей съ художественной интуиціей,—такой синтезъ способенъ въ такой степени приблизиться къ дѣйствительному познанію, что можетъ совпадать съ нимъ, поскольку дѣло идетъ о практическомъ руководствѣ въ достиженіи нашихъ цѣлей. Какъ во всѣхъ духовныхъ наукахъ, точно такъ же и въ наукѣ о народномъ хозяйствѣ, подобные опыты необходимы и имѣютъ полное право на существованіе.

VI. Системы или общія теоріи государства, права и народнаго хозяйства.— По мнѣнью того, какъ обществен-

ная жизнь дѣлалась сложнѣе, раздѣленіе труда создавало особыя профессіи; въ этихъ особенныхъ профессиональныхъ кружкахъ накопилось специальное знаніе, которое въ систематически-объединенномъ цѣломъ или отдѣльныхъ частяхъ, поступило въ вѣдѣніе специалистовъ; возникли особенныя науки о государствахъ, о правѣ, о народномъ хозяйствѣ. Эти науки имѣли въ началѣ свой конкретный матеріалъ, съ суммою отдѣльныхъ наблюденій, выводовъ, истинъ; но онѣ, въ особенности въ началѣ, пока находились въ вѣдѣніи философовъ, моралистовъ и благодѣтелей народа, стремились къ тому, чтобы сразу же и съ самаго начала найти единую систематическую форму и послѣдніе высшіе принципы, изъ которыхъ можно-бы было вывести отдѣльныя правила повзденія. Въ этомъ отношеніи онѣ, и по отдѣленіи отъ этики, оставались какъ-бы частью моральной системы, будучи основаны на опредѣленномъ міросозерцаніи. Такимъ образомъ создались различныя теоріи государства, права и народнаго хозяйства, которыя возникали частью одновременно рядомъ одна съ другой и другъ друга опровергали, частью же смѣняли другъ друга въ своемъ историческомъ разнообразіи; въ своемъ то усиливающемся, то ослабляющемся вліяніи. Онѣ сходны со всѣми религіозными и этическими системами въ томъ пунктѣ, что ни одна изъ этихъ системъ не представляетъ собою полной истины и въ своихъ высшихъ принципахъ—неопровержимаго познанія. Онѣ лишь во всей своей совокупности приближаются къ послѣднему. Въ отдѣльности онѣ—предварительныя попытки создать изъ обрывковъ нашего познанія цѣлое, способное собрать во едино идеалы и регулировать практическую жизнь.

Такимъ образомъ господствовали въ политической и юридической жизни противоположныя теоріи государства, начиная со времени софистовъ и большихъ средневѣковыхъ споровъ между императоромъ и папой. Одни выводили государство изъ договора индивидуумовъ, другія—изъ божественнаго порядка и объективныхъ силъ. Такимъ образомъ съ тѣхъ поръ, какъ получила значеніе народно-хозяйственная литература, мы знаемъ консервативныя, либеральныя, ультрамонтанскія и социалистическія теоріи, которыя соотвѣтствуютъ различнымъ принципиальнымъ точкамъ зрѣнія въ воззрѣніяхъ на государство въ этикѣ и философіи. Онѣ выставляютъ, главнымъ образомъ, различные идеалы для хозяйственной морали, для социальной хозяйственной политики, и становятся вмѣстѣ со своими тогдашними представителями, своимъ перемѣннымъ вліяніемъ, даже иногда своимъ господствомъ, важными элементами и опредѣляющими системами развитія; онѣ имѣютъ тѣмъ больше вліянія, чѣмъ больше умѣли, съ одной стороны, вступать на службу великимъ интересамъ и направленіямъ, получившимъ право на существованіе въ данное время, а съ другой—воспринимать въ себя успѣхи дѣйствительнаго, опирающагося на опытъ, познанія экономическихъ явленій.

Экономическія теоріи среднихъ вѣковъ имѣютъ свой единственный корень въ христіанствѣ и въ христіанской морали, въ ученіи объ *justum pretium* и о ростѣ (процентахъ). Государство-хозяйственныя теоріи XVI—XVIII вѣковъ, которыя объединяютъ обыкновенно подъ именемъ меркантилизма, соотвѣтствовали по преимуществу міровоззрѣнію, опирающемуся на идею позднѣйшей римской имперіи и римскаго

права; въ центрѣ ихъ стоятъ абсолютистическія теоріи Маккіавели, Бодэна, Гоббса, Пуффендорфа и Христіана Вольфа. Вышей цѣлью, по ихъ ученію, является образованіе современнаго государства. Подобно тому, какъ отдѣльныя земельныя владѣнія, города, области территоріи подчиняются одному властителю, одному закону, одному управленію, такъ и отдѣльныя хозяйства должны стремиться къ одному рынку, должны быть связаны обмѣномъ, раздѣленіемъ труда и единымъ денежнымъ обращеніемъ; хорошо устроенная монетная система и живой денежный оборотъ являются для этого важнѣйшимъ вспомогательнымъ средствомъ. Вывозная промышленность колоній, иностранная торговля, горные промыслы создаютъ избытокъ денегъ и развитое денежное обращеніе; золото, находящееся въ странѣ, не должно быть изъ нея выпускаемо; таможенныя заставы, торговля и промышленность должны оказывать косвенное вліяніе на все народное хозяйство, направлять его и приводить къ одной системѣ. Отношенія къ иностраннымъ государствамъ поставлены враждебнымъ образомъ; съ ними ведутъ борьбу изъ-за сбыта товаровъ, изъ-за колоній, изъ-за торговаго преобладанія; на народъ смотрятъ какъ на косную массу, которую государственныя люди должны направлять и побуждать къ прогрессу. Эти положенія опираются на многія правильныя и нѣкоторыя ложныя наблюденія и сужденія, но главнымъ образомъ мы видимъ въ этихъ теоріяхъ великія и съ практико-исторической точки зрѣнія имѣющія полное право на существованіе, направленія времени; на почвѣ односторонняго міровоззрѣнія и ученія о государствахъ въ нихъ выставлены были и соотвѣтствующіе идеалы поведенія.

Естественная теорія народного хозяйства въ томъ видѣ, какъ она основана физиократами и Адамомъ Смитомъ, вытекала изъ естественно научныхъ и естественно правовыхъ идей; она разсматриваетъ народное хозяйство, какъ естественнымъ образомъ и гармонически упорядоченную систему индивидуальных, руководимыхъ эгоизмомъ, силъ, изъ борьбы которыхъ теистическій оптимизмъ выводилъ, однако, только благопріятныя слѣдствія. Это была теорія, которая проповѣдывала идеалы индивидуализма и либерализма, государство считало почти-что излишнимъ, а каждаго государственнаго человѣка—ни на что негоднымъ человекомъ, и писала на своемъ знамени уничтоженіе всѣхъ средневѣковыхъ учреждений. Подобно меркантильнымъ и въ новѣйшее время социалистическимъ чтеніямъ, эта теорія шла навстрѣчу точно также великой практической потребности въ реформахъ.

Она построена на преувеличенной матеріалистической оцѣнкѣ внѣшнихъ благъ и внѣшняго счастья, на отрицаніи загробнаго міра, на непризнаніи внутренняго существа человѣческой природы. Но она идетъ навстрѣчу великимъ практическимъ потребностямъ времени, стремленію къ демократическому складу, къ равенству, къ техническому прогрессу, къ государственной централизаціи. Социалистическое міровоззрѣніе имѣетъ нѣкоторые элементы—политическій радикализмъ, прославленіе республики, намѣреніе построить общественную жизнь по логическимъ категоріямъ—общіе съ эпохой просвѣщенія,

другіе съ философіей XIX столѣтія. Ихъ историческая философія заимствована у Гегеля и Фейербаха; вся ихъ экономія взята изъ одностороннихъ абстракцій Рикардо. Ея идеаль—устраненіе неравен-

ства имущества и дохода, уничтоженіе всякаго классового господства, и по возможности всякихъ классовыхъ различій; возвышеніе и поощреніе рабочаго класса—главная цѣль, которой она служить; и на этомъ пути она уже достигла многого. Ея ученія представляютъ собой естественную реакцію противъ односторонности естественно-правового ученія о свободной конкуренціи; они служатъ точно также интересамъ третьяго сословія, какъ тѣ были полезны среднему. Но въ общемъ они не менѣе односторонни и хотя они вызвали къ жизни много научныхъ изслѣдованій, въ сущности-же стоятъ по меньшей мѣрѣ такъ-же далеко отъ болѣе глубокаго познанія, какъ и предшествовавшіе имъ манчестерцы. Можно-бы было даже сказать, что они методологически повторяютъ въ преувеличенномъ видѣ раціоналистическія ошибки послѣднихъ.

Но и менѣе крайнія теоріи и системы ученій она-родномъ хозяйствѣ и соціальной политикѣ нашего времени до извѣстной степени, поскольку онѣ добиваются законченнаго единства и изъ него строятъ идеалы для будущаго, неизбѣжно и всегда образуются изъ опредѣленнаго міровоззрѣнія, изъ субъективнаго представленія мірового и историческаго развитія. Только тотъ можетъ сказать, до чего дойдетъ и должно дойти будущее, кто представляетъ себѣ въ общемъ конкретную картину развитія великихъ учреждений государства, частнаго права и хозяйственной организациі. Эта картина въ извѣстномъ смыслѣ остается субъективной; во всякомъ случаѣ она дополняется при помощи конструктивныхъ представленій фантазіи, и основывается по большей части на телологическихъ заключеніяхъ. Пусть отдѣльные теоретики

стоять при этомъ такъ высоко, что могутъ считать себя свободными отъ всякихъ классовыхъ и партійныхъ интересовъ, которые выставляютъ также свои собственные политико-экономическія теоріи; но, какъ только они доходятъ до практичной политики, начинаютъ выставлять практическіе идеалы поведенія,—они выходятъ изъ нѣкоторой вѣры, изъ индивидуальнаго міровоззрѣнія, и сколько-бы ни заключали въ себѣ дѣйствительно научныхъ положеній ихъ ученія,—они не въ состояніи убѣдить заразы всѣхъ людей въ своей истинности. Это можно сказать о государственно-соціалистическихъ идеалахъ А. Вагнера точно такъ же, какъ и объ идеалахъ промышленныхъ союзовъ Брентано, объ умѣренныхъ реформаціонныхъ планахъ „Союза соціальной политики“ и о радикальныхъ идеалахъ англійскихъ фабіанцевъ.

И не только системы и идеалы будущаго подлежатъ этому ограниченію, но также и всѣ сужденія по поводу великихъ историческихъ явленій, образованія и паденія государствъ, соціальныхъ революцій, прогресса и регресса въ экономической и иного рода культурныхъ сторонахъ жизни, сколько-бы они ни опирались при этомъ на возможно точнѣйшее знаніе индивидуума,—стоятъ на той-же почвѣ, построены съ помощью дедукціи изъ посылокъ телеологическаго рода, изъ картинъ міра и исторіи, которыя рисуются различнымъ образомъ, смотря по міровоззрѣнію и личности. Они имѣютъ, поэтому, только цѣну предварительныхъ попытокъ приблизиться къ истинѣ, но они никогда не содержатъ въ себѣ того критеріума истины, который должна принимать во вниманіе вполне выработанная наука,—критеріу-

ма, который гласить, что каждый изслѣдователь долженъ придти къ одному и тому-же выводу.

Болѣе строгая наука стремится къ этой великой цѣли. Она старается получить неопровержимыя истины. Въ областяхъ, гдѣ комплексы явленій представляются менѣе сложными, она уже достигла этого. И она можетъ идти по этому пути тѣмъ дальше, чѣмъ больше она будетъ ограничиваться изученіемъ отдѣльныхъ явленій. Но чѣмъ болѣе она это дѣлаетъ, тѣмъ болѣе она должна и отказываться отъ выставленія идеаловъ, отъ ученія о долженствующемъ быть, потому что это ученіе можетъ быть выведено только изъ представленія о цѣломъ. Если, поэтому, болѣе строгая наука и въ нашей области начинаетъ требовать смиренія, настаивая на томъ, что прежде всего слѣдуетъ объяснять только происхожденіе существующаго порядка вещей, то этимъ она не отказывается отъ надежды служить позднѣе лучшему порядку человеческой жизни, проложить дорогу къ исполненію высшаго рода обязанностей и установленію идеаловъ должнаго. Она желаетъ ограничиться въ началѣ, въ интересахъ справедливаго раздѣленія труда, только областью познаваемого, тѣмъ болѣе, что въ области государственной и социальной жизни всегда было наблюдаемо то явленіе, что здѣсь еще болѣе, чѣмъ гдѣ либо, стремленіе при помощи точнаго изслѣдованія давать опору какимъ-либо субъективнымъ представленіямъ о должномъ, всегда колебала довѣріе къ объективности метода. Можно, поэтому, въ принципѣ согласиться, что послѣдняя цѣль всякаго знанія практическая, что воля идетъ всегда впередъ ума, управляетъ имъ и остается его повелительницей, что каждый прогрессъ познанія есть дѣло воли. Мож-

но также согласиться съ тѣмъ, что ради опредѣленныхъ педагогическихъ цѣлей, особенно въ преподаваніи практической политической экономіи и финансовой науки, объясненіе существующаго слѣдуетъ соотвѣтственнымъ образомъ связывать съ указаніемъ на вѣроятный ходъ будущаго развитія и на преимущества опредѣленнаго рода развитія. И, несмотря на это, въ интересахъ именно чисто-научнаго прогресса будетъ болѣе правильнымъ стоять въ научныхъ изслѣдованіяхъ по возможности на почвѣ болѣе строгихъ методовъ, ограничиваясь: 1) правильнымъ наблюденіемъ явленій, 2) ихъ опредѣленіемъ и классификаціей и 3) объясненіемъ ихъ изъ причинъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы вкратцѣ обсудимъ эти три умственные операціи въ послѣдовательномъ порядкѣ, одну послѣ другой. Но изъ этого не слѣдуетъ заключать, что ихъ можно отдѣлять одну отъ другой и въ процессѣ изслѣдованія и пользоваться одной вслѣдъ за другой въ указанномъ выше порядкѣ. Всѣ эти операціи всегда находятся въ тѣсномъ отношеніи между собой; первый шагъ наблюденія предполагаетъ ужь правильныя названія и классификацію; каждое хорошее наблюденіе даетъ объясненіе причинъ. Но всегда сырое наблюденіе служитъ началомъ, а полное объясненіе причинъ—концемъ научнаго пріема изученія.

VII. Наблюденіе и описаніе вообще. — Наблюдать народно-хозяйственныя явленія значитъ устанавливать мотивы данныхъ хозяйственныхъ дѣйствій и ихъ слѣдствія, опредѣлять ихъ направленіе и вліяніе. Мотивы

нашихъ дѣйствій извѣстны намъ непосредственно черезъ наблюденія нашей собственной жизни; отъ насъ заключаемъ мы къ другимъ. Что происходитъ въ мірѣ, мы узнаемъ черезъ впечатлѣнія нашихъ чувствъ, истолковываемыя и постигаемыя нами, какъ объективныя явленія. Весь нашъ опытъ происходитъ такимъ образомъ изъ этихъ двухъ источниковъ нашего наблюденія. Но прежде чѣмъ мы научились правильно наблюдать себя самихъ и міръ, потребовалось развитіе самого опыта въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій. И теперь еще мы должны, по отношенію къ каждому наблюденію, выражать сомнѣнія, правильно-ли оно, не рисуютъ-ли намъ ложныхъ картинъ субъективный обманъ, несовершенное зрѣніе, необдуманнѣйшій сангвиническій пріемъ, неопытность, предубѣжденія и личные интересы. Только тогда можемъ мы вѣрить, что мы сдѣлали правильныя и годныя научно наблюденія, когда при повторномъ наблюденіи одного и того-же предмета мы и другіе наблюдатели получаемъ всегда тотъ-же самый результатъ,—когда этотъ результатъ освобожденъ отъ всякаго субъективнаго воздействия.

Всякое наблюденіе выдѣляетъ изъ хаоса явленій отдѣльное событіе, чтобы разсмотрѣть его особо. Оно опирается всегда на абстракцію; оно анализируетъ лишь часть цѣлаго явленія. Чѣмъ явленіе мельче, чѣмъ изолированнѣе представляется оно, тѣмъ легче дѣло. Наблюденіе должно быть исчерпывающимъ, совершеннымъ, точнымъ, должно выдѣлить всѣ замѣтныя отношенія предмета, содержать опредѣленіе величины, времени, пространства; его цѣль—установить равенство и подобіе точно также, какъ и различіе по отношенію къ родственнымъ или противоположнымъ

явленіямъ. Относительная простота элементарныхъ явленій природы очень облегчаетъ наблюденіе въ области естественныхъ наукъ; къ этому присоединяется возможность для естествоиспытателя измѣнять по желанію обстановку и производящія причины явленія, т.-е. экспериментировать и такимъ образомъ легче обнимать предметъ со всѣхъ сторонъ. Въ народно-хозяйственныхъ явленіяхъ это часто совершенно невозможно; здѣсь явленія даже въ простѣйшей ихъ формѣ, всегда бываютъ гораздо болѣе сложными, зависятъ отъ различныхъ причинъ и находятся подъ вліяніемъ цѣлаго рода совместно-дѣйствующихъ условій. Возьмемъ-ли мы повышение цѣнъ на хлѣбъ, заработной платы, перемѣну курса, торговый кризисъ или прогрессъ въ области раздѣленія труда—почти каждое такое событіе стоитъ въ зависимости отъ чувствъ, мотивовъ и дѣйствій извѣстныхъ группъ людей, затѣмъ изъ массовыхъ фактовъ природы (напр. урожай), или технической жизни (напр. введеніе машинъ), и подвергается воздѣйствію нравовъ и учреждений, причины которыхъ лежатъ далеко другъ отъ друга. Дѣло идетъ, слѣдовательно, всегда или по большей части объ одновременномъ наблюденіи фактовъ, разбросанныхъ во времени и пространствѣ, но имѣющихъ между собою тѣсную связь. А если бываетъ необходимо наблюдать типическія формы народно-хозяйственной жизни, какъ то: семейное хозяйство, предпріятіе, акціонерное общество, ремесленный союзъ, рынокъ, биржу, то трудности самонаблюденія и правильнаго наблюденія дѣлаются неизмѣримыми.

И все-таки съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ высшая умственная культура со школьнымъ образованіемъ, печатью и потребностью въ чтеніи, многочислен-

ные дѣловые люди и чиновники приобрѣтають, благодаря многолѣтнему практическому жизненному опыту и упражненію, нѣкоторую способность правильно наблюдать народно-хозяйственныя явленія въ ихъ общемъ и цѣльномъ составѣ. Наука и ея преподаваніе, ознакомленіе съ правильными методами научнаго наблюденія, устраняющаго возможность правдоподобныхъ заблужденій и ихъ источники, завели нѣкоторыхъ практиковъ и многихъ теоретиковъ еще дальше, такъ что критическое, осторожное наблюденіе распространено теперь гораздо шире, чѣмъ когда-либо прежде. Это ознакомленіе привело также къ тому, что даже тамъ, гдѣ мы сами не въ состояніи наблюдать и должны бывать полагаться на свѣдѣнія и наблюденія другихъ, — и здѣсь мы научились опытнымъ глазомъ отдѣлять годные научно факты отъ негодныхъ, дѣлать правильный выборъ изъ большой массы подвергшагося наблюденію матеріала, который намъ предлагаютъ печать, сборники описаній и другія науки.

Наблюденіе народно-хозяйственныхъ фактовъ остается, однако, операцией, очень трудной и тѣмъ легче подверженной ошибкамъ, чѣмъ крупнѣе, сложнѣе, запутаннѣе изучаемое явленіе. Только при особенно благоприятныхъ обстоятельствахъ можно выполнить предписаніе, кажущееся само по себѣ простымъ, разлагать каждое подлежащее наблюденію явленіе на мельчайшія остальные части, наблюдать каждую часть особо и выводить результатъ наблюденія только изъ совокупности этихъ наблюденій. Для того, чтобы получить заключительный выводъ, обыкновенно приходится здѣсь поподнять недостаточно изученныя или совсѣмъ не подвергшіяся наблюденію стороны явленія другими, точно установленными наблюденіемъ какого-

либо событія данными, и такимъ образомъ составлять себѣ цѣльную картину явленія. Это пополненіе совершается подѣ влияніемъ извѣстной совокупности впечатлѣній, съ помощью творческаго акта фантазіи, способной заблуждаться, если при ней умъ не направляется на правильную дорогу богатымъ личнымъ дарованіемъ наблюдателя или опытностью. Когда дѣло идетъ о дальнѣйшей оцѣнкѣ подвергшагося наблюденію предмета, не слѣдуетъ при этомъ никогда забывать того, какъ различно дѣйствуетъ на душу опытный матеріалъ въ томъ случаѣ, когда онъ добытъ нами самими изъ жизни, и въ томъ, когда мы получаемъ его изъ третьихъ рукъ. Первый всегда имѣетъ въ нашихъ глазахъ опредѣленную окраску и жизнь, полную ясность и наглядность, кажется обширнѣе и дѣйствуетъ сильнѣе, хотя по своему объему у ученыхъ онъ гораздо ограниченнѣе. Второй же, добытый изъ книгъ, извѣстій, рассказовъ, является тѣмъ болѣе блѣднымъ, схематичнымъ, тѣмъ болѣе представляетъ собою лишь собраніе названій и понятій, чѣмъ менѣе пользующійся имъ обладаетъ продуктивной фантазіей. Только послѣдовательное и настойчиво повторяющееся напряженіе умственныхъ силъ можетъ привести къ тому, чтобы живой и мертвый матеріалъ наблюденій соединился въ вполнѣ равноцѣнные части и далъ общій результатъ, вполнѣ соответствующій дѣйствительности.

Каждый внимательный читатель экономическихъ сочиненій тотчасъ же убѣдится, основываются ли они, и въ какой мѣрѣ, на хорошемъ или дурномъ наблюдении, стоятъ ли въ нихъ на первомъ планѣ собственное, самостоятельное наблюденіе или чужое, построены ли они на знаніи міра и человѣка или почерпнуты изъ

книгъ. А. Смитъ хорошо наблюдалъ хозяйственную жизнь только въ мелочахъ, въ остальномъ-же онъ былъ кабинетнымъ ученымъ, который однако и съ заимствованнымъ матеріаломъ умѣлъ достигнуть цѣнныхъ результатовъ. Рикардо былъ человекъ безъ научнаго образованія, но съ богатымъ практическимъ, дѣловымъ опытомъ. Наученные опытомъ практической жизни государственные и дѣловые люди, пріобрѣтшіе въ тоже время полное научное образованіе, даютъ образцовыя описанія, правда по большей части отдѣльныхъ и спеціальныхъ сторонъ экономической жизни, и именно потому, что соединяютъ правильнымъ образомъ оба вида наблюденія. Я напому объ аббатъ Гальяни, о Неккеръ, І. Г. Гофманъ, Тюненъ, Г. Рюмелинъ. Изъ класса ученыхъ спеціалистовъ, пріобрѣтшихъ себѣ въ тоже время и практическій жизненный опытъ, подобными-же преимуществами отличаются Б. В. Германъ, Г. Ганзенъ, Гильдебрандъ. Типомъ спекулятивнаго книжнаго ученаго безъ собственныхъ наблюденій, безъ знанія міра и человека, является Карлъ Марксъ; его излюбленнымъ занятіемъ были отвлеченныя квази-математическія упражненія надъ жизненными явленіями, отливавшимися у него въ абстрактныя понятія и общіе историко-философскіе образы. Благодаря этимъ качествамъ, онъ, несмотря на внимательное изученіе англійскихъ синихъ книгъ, отдалился отъ современныхъ требованій точнаго эмпирическаго изслѣдованія, можетъ быть, гораздо болѣе, чѣмъ какой-либо иной изъ виднѣйшихъ политико-экономическихъ мыслителей.

Точно установленное наблюденіе дѣлають доступнымъ другимъ при посредствѣ описанія. Послѣднее очерчиваетъ предметъ, взятый отдѣльно отъ дру-

тихъ явленій, стоящихъ съ нимъ въ связи, даетъ ему установленное научнымъ опредѣленіемъ названіе, указываетъ его мѣсто среди классовъ и видовъ родственныхъ явленій, опредѣляетъ по отношенію къ послѣднимъ его тождество, сходство, сосуществованіе, слѣдствія, общую связь. Уже въ силу этихъ задачъ описаніе даетъ обыкновенно гораздо больше, чѣмъ наблюденіе. Оно соединяетъ въ одно цѣлое выводы, полученные изъ наблюденія и изъ иныхъ признаковъ истинъ; отдѣльныя наблюденія оно связываетъ въ общее суммарное выраженіе; даже тамъ, гдѣ оно не идетъ такъ далеко, оно сопоставляетъ ближайшія предшествующія наблюденія съ новыми, вчерашнія отмѣтки курса съ сегодняшними. Всякое хорошее описаніе есть описаніе сравнительное, принятое въ лучшія руководства по политической экономіи, въ которыхъ сопоставляются явленія по крайней мѣрѣ изъ области англійской, французской и нѣмецкой жизни. Соединеніе многихъ наблюденій и ихъ сравненіе, попытка создать общее представленіе относительно возможно болѣе широкой области народно-хозяйственной жизни, есть главное средство достигнуть единства въ хаосѣ отдѣльныхъ явленій. Описаніе, такимъ образомъ, приближается къ индуктивнымъ заключеніямъ, такъ какъ главная его цѣль состоитъ въ томъ, чтобы подготовить индукцію. Но оно какъ постоянно подчеркиваетъ Милль, не есть еще индукція, а служитъ точно также и дедукціи, какъ средство повѣрки выводовъ послѣдней.

Если производится описаніе народнаго хозяйства цѣлой страны, развитія всей промышленности, организаціи банковъ и денежной системы даннаго государства, положенія рабочихъ въ данномъ промыслѣ, то

дѣло идетъ при этомъ о такихъ сложныхъ предметахъ, для точнаго исчерпывающаго описанія которыхъ,—описанія, способнаго представить всю полноту явленія, его причинъ и слѣдствій,—необходима способность обнять и связать въ одно цѣлое тысячи мелкихъ подробностей,—умѣнье дать синтезъ явленій, описанныхъ и установленныхъ аналитически. Современное описаніе требуетъ вполне свѣдущаго специалиста, который вмѣстѣ съ тѣмъ умѣлъ-бы, какъ опытный художникъ, въ немногихъ штрихахъ, съ пластической наглядностью, но вполне вѣрно съ дѣйствительностью, изобразить подлежащія его наблюденію явленія.

Чѣмъ проще предметы изученія, тѣмъ менѣе значительную роль играетъ въ данной наукѣ описаніе. Явленія здѣсь типичны, повторяются такъ однообразно, что нѣтъ надобности въ описаніяхъ различныхъ экземпляровъ одного и того-же рода. Это можно сказать и о такихъ элементарныхъ народо-хозяйственныхъ событіяхъ, какъ напр., колебаніе цѣнъ; здѣсь достаточно одного примѣра. Все болѣе сложное, на-оборотъ, имѣетъ свой особенный, индивидуальный характеръ; описаніе одной кустарной промышленности не дѣлаетъ излишнимъ описанія другой. Поэтому въ болѣе сложныхъ научныхъ областяхъ, вмѣстѣ съ побѣдой строгой науки, описаніе завоевало себѣ особенное, самостоятельное мѣсто; отдѣльныя вспомогательныя средства и виды наблюденія, собиранія фактовъ и описанія сдѣлались особыми отраслями наукъ, какъ напр. микроскопія и статистика.

Въ области политическихъ наукъ, и въ особенности въ политической экономіи со времени ея высшаго развитія, мы наблюдаемъ два теченія въ этомъ направленіи. Прежде всего выступили на этотъ путь камералистика

и меркантизмъ, положившіе много труда на собираніе часто, конечно, совершенно поверхностное. фактовъ въ своихъ описаніяхъ Голландіи, Англіи и другихъ государствъ; возникли безчисленныя энциклопедіи и сборники. Но это устарѣлое направленіе было совершенно поглощено своимъ матеріаломъ и погибло, выродившись въ совершенно безсмысленную полигисторію. Естественнo-правовое ученіе о народномъ хозяйствѣ явилось по отношенію къ нему спасеніемъ: оно представляло собою первую попытку раціональнаго освѣщенія всего этого матеріала. Наблюденіе и описаніе явленій, благодаря ему, отступило на задній планъ и не привлекало къ себѣ вниманія въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній. Считая вещи простыми, его представители думали, что въ общихъ свойствахъ человѣческой природы они нашли ключъ, который приведетъ къ святилищу знанія гораздо прямѣе и легче, нежели скучный и отнимающій много времени эмпиризмъ. Реакцію противъ этой односторонности представляетъ наша эпоха. Въ Англіи не только перестали вѣрить такимъ побѣдоноснымъ словамъ, какъ спросъ и предложеніе, но и позаботились о томъ, чтобы передъ рѣшеніемъ по возможности каждаго дѣла устанавливать факты путемъ назначенія специальныхъ комиссій. Французы нашли въ Ле-Плэ новаго апостола эмпиризма. Наконецъ, германская политико-экономическая наука, которая еще съ эпохи камералистики сохранила въ себѣ живое чувство дѣйствительности, съ рѣшительностью въ теченіе одного — двухъ поколѣній ставила реализмъ на своемъ знамени. Лучшіе умы другихъ государствъ слѣдовали за нею въ этомъ отношеніи. Достаточно напомнить здѣсь объ описательной соціологіи Спенсера и трудахъ Г. С. Мэна. Даже тѣ изъ германскихъ по-

литико-экономовъ, которые по большей части стояли за дедуктивный методъ, иногда съ огромнымъ успѣхомъ принимали участіе въ описательныхъ трудахъ, какъ, напр., А. Вагнеръ. Отличіе нынѣшняго описательнаго направленія отъ направленія прошлаго столѣтія состоитъ въ томъ, что оно требуетъ собранія не случайныхъ замѣтокъ, а научно-законченныхъ наблюденій и описаній, веденныхъ по строгому методу.

Хотя германская наука сдѣлала въ указанномъ направленіи больше успѣховъ, чѣмъ наука другихъ странъ, она тѣмъ не менѣе никогда не приходила къ тому заключенію, что наука состоитъ только въ наблюденіи и описаніи, и что послѣднія имѣютъ значеніе большее, чѣмъ простой подготовки къ добыванію общихъ истинъ. Она утверждала только, и съ полнымъ правомъ, что безъ эмпирическаго основанія, безъ строгой школы и навыка въ собираніи и описаніи матеріала не можетъ существовать ни правильной индукціи, ни правильной дедукціи. Она думала затѣмъ, что возможно и можетъ привести лишь къ благопріятнымъ результатамъ обученіе искусству собирать и обрабатывать сырой матеріалъ, такъ какъ въ этой области и начинающіе ученики могутъ сдѣлать еще что нибудь цѣнное, тогда какъ въ области спекулятивныхъ изслѣдованій послѣднихъ вопросовъ науки они даютъ обыкновенно совершенно ничтожные результаты. Нѣмецкая наука и руководители тѣхъ семинаріевъ на факультетахъ государственныхъ наукъ, изъ которыхъ, начиная съ тридцатыхъ годовъ, по преимуществу выходили описательныя работы, думали стать этимъ въ согласіе съ развитіемъ, достигнутымъ современной теоріей познанія и политической экономіей. Въ свое оправданіе они могли сослаться на слова Лассалля:

„факты безъ идей всегда имѣютъ нѣкоторую цѣну, но идеи безъ фактовъ получаютъ значеніе химеръ“, или на изреченіе Лотце: „знать факты еще не значитъ знать все, но многое; цѣнить же ихъ слишкомъ низко потому только, что желательно достигнуть большаго, пристойно только тѣмъ гезіодовскимъ дуракамъ, которые не были въ состояніи понять, что половина часто лучше цѣлаго“.

Различныя стороны народно-хозяйственныхъ явленій требуютъ, естественно, для своего описанія и наблюденія различныхъ методовъ. Эти методы частью заимствуются изъ другихъ наукъ, частью вырабатываются въ области общественнаго бытія самостоятельно. По недостатку мѣста здѣсь невозможно входить въ отдѣльное описаніе каждаго изъ нихъ. Необходимо съ нѣкоторой подробностью остановиться только на томъ, какимъ образомъ сдѣлались вспомогательными науками политической экономіи статистика и исторія.

VIII. Статистическій методъ и спеціальныя коммисіи для собиранія экономическихъ свѣдѣній (Enquêtes).

Освобожденіе отъ субъективныхъ заблужденій и вступленіе науки на путь познанія объективной истины совершилось прежде всего въ тѣхъ ея областяхъ, въ которыхъ изучаемыя явленія могли быть подведены подъ число и мѣру. Уже нѣсколько столѣтій тому назадъ ради практическихъ цѣлей управленія вели счетъ гуфамъ, людямъ, скоту, зданіямъ. Итальянскіе тираны эпохи возрожденія, а еще чаще просвѣщенные деспоты XVII и XVIII столѣтій прибѣгали къ подобнымъ исчисленіямъ для финансовыхъ, военныхъ и другихъ цѣлей.

Пробуждавшаяся наука начала изучать этотъ матеріаль. Петти и Довенантъ говорили о политической ариѣметикѣ, когда сопоставляли и сравнивали хозяйственныя показанія цифръ. Г. Ахенваль и его послѣдователи начали дополнять числами свои описанія государствъ и называли такія дополненія статистикой. Петръ Зюсмилхъ изъ числовыхъ показаній церковныхъ книгъ создалъ ученіе о народонаселеніи. Съ начала текущаго столѣтія, въ виду того, что такія вычисленія доступны частнымъ лицамъ лишь съ большими препятствіями, а существующія государственныя учрежденія могутъ заниматься числовыми наблюденіями лишь въ качествѣ побочнаго занятія, — начинаютъ создавать сперва государственныя, а затѣмъ и особыя мѣстныя статистическія учрежденія, задача которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы вычислять и измѣрять общественные факты, собирать и обрабатывать относящійся сюда матеріаль. Статистическія наблюденія въ настоящее время и находятся по преимуществу въ рукахъ этихъ послѣднихъ учреждений. Само собою разумѣется, что это не препятствуетъ частнымъ лицамъ и другимъ учрежденіямъ и съ своей стороны производить статистическія наблюденія и, въ особенности, обрабатывать статистическій матеріаль.

Здѣсь мы имѣемъ дѣло со статистикой только какъ съ методомъ систематическаго массоваго наблюденія явленій. Она выдѣляетъ группы индивидуумовъ или хозяйственныхъ фактовъ и событій, подводитъ ихъ подъ числа въ цѣломъ составѣ и опредѣленныхъ признакахъ, характеризуетъ эти группы, устанавливаетъ ихъ сходство или различія, констатируетъ измѣненія и приводитъ такимъ образомъ съ помощью остальныхъ нашихъ знаній объ этихъ явленіяхъ къ болѣе глубо-

му познанію ихъ. Статистика примѣнима только тамъ, гдѣ можно образовать постоянныя группы (по принадлежности къ государству, провинціи, общинѣ; по занятіямъ, состоянію, полу, возрасту; по поведенію: преступленія, посѣщенія церкви и школы, уплата податей и т. д.), подвести всѣхъ членовъ группы подъ одинъ вопросъ, поставить этотъ вопросъ ясно и опредѣленно и гарантировать то, что на него получится отвѣтъ, и при томъ правильный отвѣтъ. Возрастающіе расходы, которыхъ требуетъ административная организація статистическихъ описаній, препятствуетъ ихъ болѣе значительному распространенію. Несовершенная постановка вопросовъ, неудовлетворительные или ложные опыты на нихъ лишаютъ часто цѣнны и значительную часть добытаго матеріала. Искусство подведенія матеріала подъ числа совершенствуется лишь очень медленно; теперь, не смотря на то, что народныя переписи, опредѣленія вѣса и стоимости ввозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ и нѣкоторыя другія части статистики достигли высокой степени достовѣрности, — опыты разработки остальныхъ явленій экономической жизни продолжаютъ оставаться еще далеко не совершенными.

Не смотря на это несовершенство статистическаго метода, его значеніе для успѣховъ изученія государства, общества и народнаго хозяйства чрезвычайно велико. Его развитіе было очень важнымъ шагомъ впередъ въ исторіи соціальныхъ наукъ за послѣднія 150 лѣтъ. Статистика во многихъ отношеніяхъ возмѣстила ощущавшійся этими науками недостатокъ въ опытѣ; она впервые возбудила сознаніе возможности точнаго и опредѣленнаго знанія и въ этой области. Она установила точное представленіе объ обществен-

ныхъ величинахъ на мѣсто старыхъ и неясныхъ ихъ опредѣленій. Она впервые дала возможность подчинить положительному наблюденію такія массовыя явленія, которыя до сихъ поръ были доступны лишь бѣглою характеристикѣ, и замѣнить послѣднюю опредѣленными числовыми выраженіями. Посредствомъ цифръ, таблицъ, графическихъ изображеній и другихъ вспомогательныхъ средствъ сравненія она отмѣтила измѣненія въ ходѣ развитія явленій, привела къ изученію причинъ, дала возможность измѣрить вліяніе главныхъ и побочныхъ факторовъ. Распредѣляя статистическіе выводы въ таблицахъ по пространству и времени и разсматривая массовыя явленія, какъ функціи послѣднихъ, изслѣдователи получаютъ понятіе о степеняхъ вліянія дѣйствующихъ причинъ. Статистика создала ученіе о народонаселеніи и положила прочное основаніе для народовѣдѣнія и финансовъ, очистила ученіе о деньгахъ и цѣнахъ отъ грубыхъ ошибокъ, обнаружила неправильность многихъ необдуманныхъ обобщеній въ другихъ отдѣлахъ науки и сдѣлалась главнымъ орудіемъ описательной политической экономіи. Ея теперешніе успѣхи въ области изученія заработной платы, занятій, домашняго хозяйства, показываютъ, насколько и въ будущемъ она способна улучшить и совершенно преобразовать важныя части науки.

Тѣмъ не менѣе, не можетъ быть сомнѣнія относительно границъ ея значенія. Собранный ею матеріалъ обнимаетъ краткій промежутокъ времени и немногія культурныя государства. Она способна добывать истины лишь въ связи съ другими науками, но не изолированно отъ нихъ. Только хорошо свѣдущіе въ своей области спеціалисты: политико-экономъ, антропологъ, криминалистъ, медикъ — могутъ правильно опериро-

вать въ своей области этимъ методомъ. Она затѣмъ можетъ показывать только количественныя отношенія; качественныя, слѣдовательно прежде всего важнѣйшія проявленія нравственной и умственной жизни, для нея недоступны, по скольку они не укладываются въ числа, какъ напр. самоубійства или наказанія. Но и въ области явленій, поддающихся числовому выраженію, мы часто не можемъ узнать при помощи статистики ничего особенно интереснаго, потому что усложняется постановка вопросовъ, получаются невѣрные опыты и данныя поддаются суммированію лишь съ большими затрудненіями. Мы можемъ сосчитать, сколько находится на лицо дойныхъ коровъ, но не можемъ опредѣлить, сколько онѣ вѣсятъ и даютъ молока; мы знаемъ, сколько существуетъ промышленныхъ предпріятій и со сколькоими рабочими, но намъ не удастся до сихъ поръ опредѣлить возрастаніе въ нихъ числа машинъ, ихъ капитала, ихъ годового производства. Лексисъ говоритъ, что статистическое изслѣдованіе излишне тамъ, гдѣ намъ уже извѣстны причины типически повторяющихся случаевъ—здѣсь оно во всякомъ случаѣ имѣетъ лишь значеніе повѣрки старыхъ описаній; тамъ-же, гдѣ идетъ рѣчь объ исторически-индивидуализированныхъ массовыхъ явленіяхъ, статистика, какъ вспомогательная наука, отступаетъ на задній планъ по мѣрѣ того, какъ явленія дѣлаются индивидуальнѣе. Хотя между этими двумя группами остается еще большая и важная область для приложенія статистики, однако и здѣсь она не въ состояніи, по скольку примѣнима, вскрыть сложныя причины явленій и комплексы этихъ причинъ. Сравненіе чиселъ позволяетъ специалисту только предполагать общую связь между опредѣленными явленіями.

Къ статистикѣ близки т.-наз. анкеты (enquêtes), изслѣдованія и подробныя описанія различныхъ сторонъ экономической жизни, производимыя парламентскими комиссіями, правительственными учрежденіями и учеными обществами главнымъ образомъ въ интересахъ подготовки законодательныхъ актовъ и для каждаго случая особо. Официально назначенныя или явившіяся добровольно лица вырабатываютъ прежде всего планъ работы, устанавливаютъ, что должно быть при изслѣдованіи выражено статистически, и затѣмъ пополняютъ собранный статистическій матеріалъ письменнымъ или устнымъ допросомъ возможно большаго числа компетентныхъ лицъ. Къ особенно цѣннымъ результатамъ и близкимъ къ истинѣ выводамъ приводятъ устный допросъ тогда, когда дача показаній вынуждается закономъ, допускается перекрестный допросъ дающихъ показанія и заинтересованныхъ въ нихъ лицъ и предоставляется каждому члену комиссіи право ставить вопросы. Часто обнародываются протоколы допросовъ вмѣстѣ съ обработанными отчетами комиссій. Здѣсь нѣтъ надобности входить въ болѣе подробное изложеніе этого предмета. Объ анкетахъ слѣдовало упомянуть, какъ о важномъ средствѣ и особомъ способѣ собиранія большого и достовѣрнаго матеріала по опредѣленному плану. Когда отдѣльные ученые называютъ свои изслѣдованія анкетами, то они хотятъ этимъ только сказать, что они также какъ и анкетныя комиссіи, собирали свои свѣдѣнія путемъ вопросныхъ листовъ, разосланныхъ большому количеству лицъ.

IX. Исторія и историческій методъ. — Статистика столько-же юная наука, сколько исторія старая. Ста-

тистика—спеціальная вспомогательная наука. Історія вмѣстѣ съ философіей — самая универсальная изъ наукъ. Тѣмъ не менѣе и статистика, и історія обѣ стоять въ одинаковомъ отношеніи къ политической экономіи; обѣ служатъ для нея прежде всего вспомогательными науками, доставляя ей надежный, провѣренный и приведенный въ порядокъ матеріалъ для наблюденія. Но этимъ не исчерпывается еще значеніе історіи для политической экономіи.

Какія задачи преслѣдуетъ історія? Зибель говоритъ, что історія стремится понять жизнь человѣчества въ томъ ея видѣ, какъ она проявляется въ отдѣльных національностяхъ и ихъ совокупности, и прослѣдить послѣдовательное развитіе этой жизни. Бернгеймъ опредѣлилъ ее недавно какъ науку, изучающую ходъ развитія людей въ ихъ дѣятельности, какъ соціальныхъ существъ. Я охотнѣе далъ-бы описательное опредѣленіе історіи: она стремится собрать всю совокупность извѣстій о политической и другихъ сторонахъ культурнаго развитія націй и человѣчества, провѣрить ихъ и соединить въ одно осмысленное и связанное цѣлое. Ея дѣятельность имѣетъ въ виду двѣ цѣли: критику и приведеніе въ порядокъ историческихъ свѣдѣній съ одной стороны, и послѣдовательную передачу и изображеніе событій на ихъ основаніи, съ другой. Первая составляетъ область ея собственного, исключительнаго достоянія; здѣсь она, съ помощью филологіи, создала, по преимуществу въ послѣднее столѣтіе, такой строгій методъ и достигла такихъ солидныхъ результатовъ, которые вполне соответствуютъ высшему масштабу познанія и стоятъ наравнѣ съ результатами всего остальнаго знанія. Отсюда названіе історіи, наравнѣ съ науками естественными, какъ науки точной. Въ этой области

исторія создала свои собственные приемы, отпраздновала великія побѣды. Но ея идеальная цѣнность и великое значеніе выражается въ передачѣ и изображеніи событій, въ ихъ оцѣнкѣ и добываніи общихъ истинъ, выводимыхъ изъ этой передачи и изображенія. Преобразовывая повѣствовательную исторію въ прагматико-дидактическую, а эту послѣднюю въ генетическую, стремящуюся объяснить внутреннюю и причинную связь событій, опредѣлить вліяніе природы, расы, предмета идей, новыхъ знаній, великихъ людей и учреждений,—она должна была привлечь къ своему разсмотрѣнію прямо или косвенно все человѣческое знаніе, философію и спеціальныя науки, но никогда, однако, не могла достигъ указанной сейчасъ конечной и высшей цѣли. Она должна часто довольствоваться тѣмъ, чтобы только дѣлать понятными и доступными человѣческой мысли послѣднія загадки всемірной исторіи, объяснять ихъ съ телеологической точки зрѣнія, вмѣсто того, чтобы объяснять строго научно, изъ причинъ явленій. Такимъ образомъ ея выводы въ обоихъ направленіяхъ изученія весьма различны съ методологической точки зрѣнія и имѣютъ, поэтому, различную цѣну въ качествѣ матеріала для другихъ наукъ.

Вмѣстѣ съ усилившимся раздѣленіемъ труда въ лонѣ исторіи развились спеціальныя науки: исторія языка, литературы, церкви, искусства, нравовъ, права и хозяйства,—отрасли, которыя часто противопоставляютъ общей или политической исторіи подъ именемъ исторіи культуры. По мѣрѣ своего образованія эти отрасли изъ простыхъ частей исторической науки дѣлались ея самостоятельными членами, посредниками между исторіей и близкими ей науками: языка, литературы и т. д. Они соединили своеобразной связью задачи и ме-

тоды исторіи съ задачами и методами филологіи, юриспруденціи, политической экономіи и такимъ образомъ дѣйствовали оплодотворяющимъ образомъ на ту и другую стороны.

Развитіе исторіи и производныхъ отъ нея, но сдѣлавшихся самостоятельными наукъ, въ послѣднія столѣтія получило особенно сильный толчокъ въ Германіи. Въ цѣломъ мірѣ отдають теперь почести Нибуру и Ранке, какъ основателямъ современной исторіи, Савиньи, Эйхгорну и Вайцу, какъ основателямъ исторіи права, Арнольду, Мауреру, Ничу, Беку, какъ основателямъ исторіи хозяйства. Фр. Листъ, Рошеръ, Гильдебрандъ и Книсъ были первыми политико-экономами, которые отвели исторіи подобающее ей мѣсто и въ политической экономіи. Въ другихъ культурныхъ государствахъ это вліяніе обнаруживалось гораздо медлениѣе, отчасти потому, что болѣе высокое развитіе исторіи тамъ немного запоздало, а отчасти также и потому, что въ области духовныхъ наукъ здѣсь вообще существовалъ нѣкоторый застой. Это можно сказать прежде всего объ Англіи, имѣвшей свою великую въ научномъ отношеніи эпоху отъ Гоббса и Локка до Юма и Адама Смита, но пережившей, начиная съ 1780 г. нѣсколько поколѣній безплодныхъ эпигоновъ (ср. *Jodl, Gesch. der Ethik*, II, 397 см.), позднѣйшія безцвѣтныя политико-экономическія сочиненія которыхъ изучали за границей не потому, что въ Англіи процвѣтала наука, а потому, что практика жизни ушла здѣсь впередъ сравнительно съ другими странами. Во Франціи съ настоятельнымъ требованіемъ того, чтобы исторія была основою всѣхъ соціальныхъ наукъ, выступилъ Огюсть Контъ, но онъ долго стоялъ одиноко среди всѣхъ соотечественниковъ.

Если мы теперь спросимъ, что даетъ всеобщая исторія и ея спеціальные отдѣлы, и прежде всего исторія хозяйства, права и нравовъ, наукамъ о государствѣ и народномъ хозяйствѣ, то изъ предыдущаго вытекаетъ слѣдующій простой отвѣтъ на этотъ вопросъ: она даетъ, какъ никакая другая наука, опытный матеріалъ, который дѣлаетъ изслѣдователя изъ нищаго богачемъ въ томъ, что касается знанія дѣйствительности. Этотъ историческій опытный матеріалъ служитъ теперь, какъ всякое хорошее наблюденіе и описаніе, къ тому, чтобы иллюстрировать и провѣрять теоретическія положенія экономическихъ ученій, устанавливать предѣлы дѣйствія определенныхъ истинъ, но еще болѣе къ тому, чтобы добывать индуктивнымъ путемъ новыя истины. Въ болѣе сложныхъ областяхъ политической экономіи въ особенности можно идти впередъ только опираясь на историческое изслѣдованіе; въ опредѣленіи, напр., вліянія введенія машинъ на заработную плату, добычи благородныхъ металловъ на денежную стоимость товаровъ, простыхъ абстрактныхъ построеній ничего не стоятъ. Еще большее значеніе имѣетъ она по отношенію къ развитію народно-хозяйственныхъ учрежденій и теорій, такъ-же какъ и въ вопросѣ объ общемъ экономическомъ прогрессѣ. И потому Кнись правъ, когда говоритъ, что обращеніе къ исторіи является однимъ изъ наиболѣе свойственныхъ политической экономіи приемовъ. А самый выдающійся противникъ историческаго направленія въ политической экономіи, К. Менгеръ, прибавляетъ къ этому, что каждое изъ важнѣйшихъ явленій хозяйственной жизни, какъ то: собственность, деньги, кредитъ — обнаруживаетъ свой индивидуальный ростъ и своеобразное развитіе формъ своего проявленія, такъ что „тотъ,

кто знаетъ эти явленія только въ извѣстной фазѣ ихъ существованія, тотъ вообще ихъ не знаетъ“. Но если это можно сказать о деньгахъ и кредитѣ, то еще вѣрнѣе это по отношенію къ домашнему хозяйству, къ раздѣленію труда, соціальному образованію классовъ, формамъ предпріятій, рынку, торговымъ учрежденіямъ, цеховому устройству, свободѣ промышленно-сти, аграрнымъ отношеніямъ, короче сказать—ко всѣмъ тѣмъ типическимъ формамъ и частнымъ проявленіямъ, которыя обозначаются какъ народно-хозяйственныя учрежденія и, частью отпечатываясь въ обычаяхъ и правѣ, частью дѣйствуя одинаковымъ образомъ въ продолженіе столѣтій, управляютъ теченіемъ хозяйственной жизни.

Разумѣется, если-бы было справедливо то, что исторія описываетъ только конкретное и индивидуальное, то ея вліяніе было-бы очень ограничено. Но она обращаетъ также очень много вниманія на объясненіе дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, вліянія случайныхъ событий, роли отдѣльныхъ народовъ въ прогрессивномъ развитіи человѣчества; она-же входитъ въ подробное изученіе психическихъ и соціальныхъ, какъ и тѣхъ болѣе общихъ причинъ общественнаго порядка, познаніе которыхъ въ ихъ совмѣстномъ дѣйствіи составляетъ задачу обществовѣдѣнія. Многія стороны государственной и экономической жизни исторія оставляетъ незатронутыми; во многихъ ея выводахъ, въ собственности тѣхъ, которыя стремятся дать оцѣнку событій, философское умозрѣніе преобладаетъ, какъ уже было указано выше, надъ точнымъ и достовѣрнымъ познаніемъ; они, поэтому, не могутъ вовсе служить цѣлямъ другихъ наукъ или нуждаются въ предварительной по-вѣркѣ, прежде чѣмъ быть утилизованными. Тѣмъ не

менѣе, не смотря на все это, остается несомнѣннымъ фактомъ, что большая часть всего историческаго матеріала имѣетъ экономическій и соціальный характеръ; въ исторіи этотъ матеріалъ предлагается только въ хронологической послѣдовательности и въ видѣ повѣствованія, въ общественныхъ-же наукахъ въ теоретическомъ освѣщеніи и систематическомъ порядкѣ. И если историческое повѣствованіе полно пробѣловъ и обнимаетъ лишь незначительную часть дѣйствительно происходившихъ событій,—все-таки ею отмѣчены наиболѣе важныя событія за цѣлыя тысячелѣтія; наше знаніе прошедшаго растетъ, притомъ по мѣрѣ приближенія къ настоящему времени. То, о чемъ повѣствуетъ намъ исторія, во всякомъ случаѣ содержитъ въ себѣ въ миллионъ разъ болѣе свѣдѣній, чѣмъ сколько-нибудь изъ нихъ можетъ обладать изслѣдователь при помощи собственныхъ наблюденій. Кромѣ того, все то, что онъ наблюдаетъ въ настоящее время непрямымъ образомъ, является тѣмъ-же разсказомъ, полнымъ пробѣловъ и подлежащимъ доказательству своей достовѣрности. Въ настоящее время, конечно, имѣется много вспомогательныхъ средствъ для наблюденія, которыхъ не существовало въ прошедшемъ, и которыми мы должны пользоваться, извлекая изъ нихъ все то, что они могутъ дать, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ,—тамъ гдѣ мы можемъ съ полной увѣренностью предположить, что и въ прошедшемъ событія совершались такимъ-же образомъ, какъ и теперь,—и ограничиваясь ими, въ силу необходимости; это, несомнѣнно, имѣетъ мѣсто, напр., по отношенію къ нѣкоторымъ элементарнымъ явленіямъ рынка. Но предварительнымъ вопросомъ все-таки, и въ этомъ случаѣ, долженъ быть слѣдующій: были-ли такими-же, какими мы знаемъ ихъ теперь,

мотивы, поступки и результаты человеческих дѣйствій? Для отвѣта на этотъ вопросъ намъ можетъ дать свѣдѣнія лишь историческій матеріалъ, сохранившіеся до насъ памятники языка и литературы, старинные обычаи и хозяйственные учрежденія. Важнѣйшіе народно-хозяйственные процессы тянутся цѣлыя десятилѣтія и столѣтія, имѣютъ свои корни въ отдаленномъ прошедшемъ; вскрыть ихъ, поэтому, можно только исторически.

Что историческій матеріалъ составляетъ только часть того, который подлежитъ разработкѣ политико-экономы, что рядомъ съ этимъ матеріаломъ послѣднему необходимо принимать во вниманіе также и этнографическій, географическій, статистическій, психологическій и техническій, этого не оспаривалъ никогда ни одинъ разумный человѣкъ. И если К. Менгеръ недавно утверждалъ, что есть будто-бы „нѣкоторые“, которые заявляли, что „исторія народнаго хозяйства есть единое прочное эмпирическое основаніе для теоретическаго изслѣдованія въ области человеческого хозяйства“, то онъ не могъ указать ни одного лица, которое-бы защищало когда-либо подобную мысль. Никѣмъ, въ дѣйствительности съ большей настойчивостью не требовалось изученіе психологическихъ и статистическихъ эмпирическихъ данныхъ, какъ политико-экономы исторической школы.

Недавно А. Вагнеръ настойчиво доказывалъ преимущество статистическаго метода надъ историческимъ. Въ статистикѣ онъ въ особенности цѣнитъ массовое наблюденіе явленій, систематическую послѣдовательность изслѣдованія, глубокое проникновеніе въ причинную связь явленій. Само собою разумѣется, статистики наиболѣе всего пригодна для того, чтобы охва-

тывать разомъ огромное количество явленій. Но въ области всесторонняго описанія массовыхъ явленій исторія, несомнѣнно, имѣетъ гораздо большее значеніе, точно также какъ и при объясненіи типическихъ формъ общественной жизни, когда необходимо проникнуть въ болѣе тонкія, особенно психическія, нравственныя и общія причинныя отношенія. Вагнеръ приписываетъ статистикѣ преимущества, которыя обуславливаются не столько ея собственнымъ методомъ, сколько связью ея съ заключеніями иного рода и выводами другихъ наукъ. И если тоже самое можно сказать и объ исторіи, то все-таки не нужно забывать того, что ея духовное содержаніе и универсальный характеръ даютъ ей возможность приносить гораздо больше общихъ плодовъ и раскрывать большее количество причинъ. Если вся общая исторія критически изслѣдуетъ источники нашихъ свѣдѣній о прошедшемъ и соединяетъ ихъ въ цѣльное повѣствованіе, то исторія языка, права и хозяйства идетъ неизбѣжно дальше. Она пытается установить классификацію явленій, располагаетъ ихъ въ ряды и ищетъ въ нихъ закономерности и причинъ.

Мы перешли такимъ образомъ за предѣлы первой и ближайшей функціи исторіи въ области нашей науки; выясненіе дальнѣйшей ея роли мы могли-бы, поэтому, собственно говоря, отложить до послѣдующихъ отдѣловъ, но такъ какъ тамъ будетъ рѣчь не специально объ исторіи и ея методахъ, то мы позволимъ себѣ высказать здѣсь нѣсколько общихъ замѣчаній относительно значенія, которое мы придаемъ противоположенію исторіи, какъ простаго метода, и исторіи, какъ науки.

Историческій методъ въ тѣсномъ смыслѣ обнимаетъ ознакомленіе съ источниками и критическіе приемы для

изслѣдованія, установленія и упорядоченія передаваемыхъ фактовъ. Этотъ методъ неизбѣженъ и для хозяйственной исторіи; онъ можетъ даже сдѣлаться прямо необходимымъ для определенныхъ частей науки о народномъ хозяйствѣ. Но въ общемъ онъ имѣетъ значеніе только въ качествѣ подготовительнаго, вспомогательнаго приёма при упорядоченія фактическаго историческаго матеріала. Описанія экономической, какъ и общей исторіи, поскольку послѣдняя касается экономическихъ явленій, — не политико-экономическая теорія, а только основной матеріалъ для нея. Чѣмъ совершеннѣе, конечно, отдѣльное описаніе, чѣмъ болѣе оно выясняетъ развитіе явленій, тѣмъ болѣе его результаты могутъ сдѣлаться элементами теоріи, привести къ общимъ истинамъ: старая, такъ-называемая историческая школа политической экономіи придавала обыкновенно слишкомъ большое теоретическое значеніе результатамъ общей исторіи; теперь мы видимъ, что только спеціальныя историко-экономическія работы, сдѣланныя съ большой затратой труда, даютъ правильную почву для того, чтобы понять исторію съ экономической и соціально-политической точки зрѣнія, построить политико-экономическую теорію въ достаточной степени на эмпирическихъ данныхъ. Поэтому новая эпоха политико-экономической науки начинается гораздо болѣе со времени появленія историко-экономическихъ монографій, чѣмъ со времени общихъ пожеланій Рошера и Гильдебранда относительно историческаго изученія политической экономіи. Въ этомъ направленіи сдѣлали свои вклады въ науку англичане: Тукъ, Ньюмэрчъ, Роджерсъ, Ашлей; французы: Деспингъ, Буркю, Левассеръ, Пижонно; бельгіецъ Лавелей, а изъ нѣмцевъ: Brentano, Бюхеръ, Годгеймъ,

Гельдъ, Инама, Кнаппъ, Лампрехтъ, Лексисъ, Мей-
ценъ, Міасковскій, Шанцъ, Шенбергъ, Шмоллеръ,
Шнепперъ — Аридтъ, Тунъ и др.

Но рядомъ съ этимъ вліяніемъ историко-экономиче-
скихъ изслѣдованій стоитъ теперь еще одно гораздо болѣе
общее вліяніе, которымъ развивающееся историческое
образование пользуется тѣмъ больше, чѣмъ болѣе оно
проникаетъ во всѣ области духовныхъ наукъ. Это
прежде всего то вліяніе, которое разрушало естествен-
но-правовую теорію объясненія общества съ точки
зрѣнія эгоистическаго обмѣна; указывало, что лю-
ди не всегда были одними и тѣми-же, что ихъ дѣя-
тельность не всегда отливалась въ однѣ и тѣ-же
типическія хозяйственныя формы и учрежденія; соз-
давало представленіе объ историческомъ развитіи на-
родовъ и человѣчества, также какъ и народно-хозяй-
ственныхъ учрежденій; поставило экономическія из-
слѣдованія въ правильную связь съ нравами, пра-
вомъ и государствомъ, съ общими причинами куль-
турнаго развитія вообще; научало сопоставлять изу-
ченіе коллективныхъ явленій съ заключеніями, ко-
торые выводились изъ представленія объ индивиду-
умѣ и его эгоистическихъ интересахъ; учило рядомъ
съ анализомъ обращаться къ правильному синтезу;
много разъ исправляло изолирующую абстракцію, обу-
чая разсматривать ея результаты, какъ частичное со-
держаніе одного систематически связаннаго цѣлаго,
благодаря чему то, что прежде было голой абстрак-
ціей и мертвой схемой, получило вновь кровь и жизнь.
Воздѣйствіе историческихъ наукъ столько-же преобра-
зовывало общія основанія народно-хозяйственной теоріи,
сколько и приводило много разъ къ выводамъ, нахо-
дившимъ себѣ приложеніе въ хозяйственной политикѣ.

Но прежде всего оно развило то практическое, реалистическое пониманіе явленій, безъ котораго всякое заключеніе въ соціальной и политической области легко приводитъ къ ошибкамъ. Оно привело къ такому пониманію существующаго и возможнаго порядка жизни, которое одинаково далеко, какъ отъ того, чтобы считать невозможнымъ всякій смѣлый прогрессъ на томъ основаніи, что люди не мѣняются, такъ и отъ того, чтобы считать осуществимыми безумные планы будущаго,—надѣяться на то, что какая нибудь социалистическая организація создастъ вдругъ добродѣтельныхъ и безкорыстныхъ людей.

Сравнительный методъ не представляетъ собою спеціальной особенности историческаго изслѣдованія. Всякое психологическое и экономическое изслѣдованіе основывается на сравненіи; всякое глубокое наблюденіе приводитъ къ сравненію однихъ и тѣхъ-же и подобныхъ явленій, къ установленію тождества, различія и подобія между ними; на сравненіи-же основывается и всякій экспериментъ. Но, несомнѣнно, накопленіе обширнаго историческаго матеріала дало особый толчокъ къ тому, чтобы дѣлать сравненія между нравами, правовыми и хозяйственными учрежденіями, ходомъ аналогичныхъ соціальныхъ и хозяйственныхъ явленій въ различное время, у различныхъ народовъ и выводить отсюда заключенія. Благодаря этому возникли почти самостоятельныя дисциплины: сравнительная исторія нравовъ, права и хозяйства. Ихъ значеніе растетъ все болѣе и болѣе, хотя слишкомъ ревностные послѣдователи этого метода, благодаря сопоставленію не сравнимыхъ и не относящихся къ предмету изслѣдованія явленій, успѣли уже его дискредитировать. Но подобно тому, какъ въ области поученія психологіи,

языковъ, мѣта, религій, не смотря на первоначальныя ошибки, роль сравнительнаго изученія только возрастаетъ, это явленіе повторяется и въ области права и народнаго хозяйства. Постепенно возрастающее сравненіе подобныхъ и тождественныхъ явленій служить здѣсь возмѣщеніемъ опыта, позволяетъ установить градацію и постепенный ростъ управляющихъ явленіями факторовъ, констатируетъ наличность существованія одинаковыхъ причинъ для одинаковыхъ явленій и даетъ этимъ въ руки изслѣдователю средство предвидѣть съ нѣкоторою вѣроятностью великія социальныя и хозяйственныя движенія и измѣненія. И не смотря на возможность отдѣльныхъ неправильныхъ аналогическихъ выводовъ, приносимая этимъ выведеннымъ изъ исторіи методомъ польза будетъ тѣмъ больше, чѣмъ съ большей осторожностью и критикой будутъ имъ пользоваться, и чѣмъ съ большей широтой мысли будутъ охватывать большій матеріалъ.

Х. Названія и понятія; классификація. — Главное средство для того, чтобы правильно описывать, употребленіе правильныхъ названій и понятій. Установленіе ихъ, поэтому, составляетъ всегда главнѣйшую задачу каждой науки.

Политическая экономія, какъ и всякая наука, заимствуетъ названія и слова, которыя ей нужны, изъ богатой сокровищницы языка культурныхъ народовъ. Ея представители должны только ясно понимать сущность обычнаго образованія названій въ этихъ языкахъ. Исходя изъ наглядныхъ конкретныхъ образовъ и давая суммъ одинаковыхъ или сходныхъ явленій одно и тоже

имя, они обыкновенно соединяютъ въ тоже время главное представленіе со множествомъ окружающихъ его побочныхъ представлений и выбираютъ для его обозначенія слово, напоминающее при его повтореніи самому употребляющему и его слушателямъ обо всѣхъ представленіяхъ, которыя привели къ этому образованію слова, и которыя окружаютъ зерно главнаго представленія. Въ поясненіе этого приведемъ примѣръ, которымъ мы уже раньше пользовались: хозяинъ (Wirt) былъ первоначально домохозяинъ (Hauswirt), сельскій хозяинъ (Landwirt), хозяинъ гостинницы (Gastwirt), т. е. глава домашнего хозяйства, принявшій на себя заботу о пропитаніи, одеждѣ, жилищѣ; теперь слово легко переходитъ на побочныя представленія и принимаетъ такимъ образомъ побочныя значенія; главное значеніе вытѣсняется второстепеннымъ. Хозяйство, которое въ началѣ означало собственное домашнее производство, заключаетъ въ себѣ теперь побочный смыслъ дѣятельности, направленный на обмѣнъ и приобрѣтеніе имущества (экономія); „хозяйственнымъ образомъ“ (экономно) дѣйствуетъ тотъ, кто съ ничтожными средствами достигаетъ большаго успѣха. Представленія и мысли растутъ всегда гораздо быстрее и богаче, чѣмъ употребляемая для ихъ обозначенія слова. Поэтому даже такія многообъемлющія собирательныя понятія и абстрактныя слова, какъ: трудъ, благо, капиталъ, цѣнность,—имѣютъ расплывчатое, обладающее различнымъ значеніемъ содержаніе. Поскольку наука желаетъ установить ихъ признаки и слѣдствія, она должна стараться по возможности придать имъ постоянный смыслъ и полную опредѣленность; она должна стремиться къ точному и общеупотребительному обозначенію словъ. Исполненіе этой задачи—дѣло опредѣленія,

которое превращает слова и названія въ *понятія*. Опредѣленіе есть научно обоснованное рѣшеніе относительно значенія словъ, которыя мы употребляемъ; оно имѣетъ цѣлью отграниченіе расплывчатого содержанія представленія, взятаго изъ обыденныхъ воззрѣній, освобожденіе вулгарнаго словоупотребленія отъ его неопредѣленности и неустойчивости. Путемъ этого наука достигаетъ великой цѣли: для всѣхъ, принимающихъ участіе въ умственномъ трудѣ она устанавливаетъ одинаковый порядокъ словоупотребленія, даетъ одинаковый смыслъ представленій и достигаетъ одинаковой классификаціи явленій съ одинаковыми границами.

Каждое опредѣленіе употребляетъ теперь для своей области слова, которыя оно предполагаетъ съ своей стороны точно установленными; всего проще цѣль достигается тогда, когда является возможность обозначить явленіе, какъ низшее подраздѣленіе, установленнаго уже класса, какъ видъ его, обладающій специфической особенностью, напр. личный кредитъ, какъ видъ кредита, имѣющій тотъ отличительный признакъ, что довѣріе кредитора обусловливается въ немъ личной отвѣтственностью должника. Гдѣ этого нельзя сдѣлать, тамъ оно разлагаетъ представленіе на его элементы и признаки и устанавливаетъ твердое понятіе явленія, выбирая для его опредѣленія существенные изъ этихъ элементовъ и признаковъ. Въ томъ и другомъ случаѣ предполагается, что существуетъ уже готовая научная терминологія, годная для названной цѣли; а такъ какъ это въ дѣйствительности далеко не всегда такъ, то всякое опредѣленіе бываетъ только условнымъ, зависящимъ отъ всего состоянія науки и выработанности ея понятій. Ясно точно также и то, что всякое

опредѣленіе, устанавливая границы понятія, преслѣдуетъ свою цѣль и потому можетъ быть различнымъ въ зависимости отъ различныхъ научныхъ цѣлей. По общему правилу, прежде всего оно должно соответствовать природѣ вещи и предметовъ; но природа требуетъ при одномъ изслѣдованіи, чтобы я, напр., внести въ понятіе капитала землю, въ другомъ-же, чтобы я ее исключилъ изъ него. Такимъ образомъ образованіе понятія опирается прежде всего на научную цѣлесообразность; спрашиваютъ, поэтому, обыкновенно не о томъ, абсолютно-ли правильны понятія, но о томъ, соответствуютъ-ли они въ полной мѣрѣ предположеннымъ научнымъ цѣлямъ.

Каждое образованіе понятія заключаетъ въ себѣ классификацію явленій. Когда я опредѣляю народное хозяйство, я выдѣляю изъ всѣхъ народно-хозяйственныхъ явленій одинъ классъ, изъ всѣхъ не относящихся къ народному хозяйству — другой, не беспокоясь далѣе особенно объ этомъ другомъ. Гораздо больше значенія будетъ имѣть классификація въ томъ случаѣ, если я сумму стоящихъ въ связи между собою явленій раздѣлю съ извѣстной точки зрѣнія или по опредѣленной системѣ такимъ образомъ, чтобы отдѣльные классы образовали равныхъ членовъ одного ряда и создали-бы расположенное по опредѣленному плану цѣлое. Въ этомъ случаѣ распорядокъ и распредѣленіе будетъ стремиться къ тому, чтобы размѣстить данныя группы явленій наиболѣе удобнымъ образомъ въ нашемъ умѣ; дѣло здѣсь идетъ объ искусственномъ приѣмѣ, который-бы усилилъ власть надъ нашимъ знаніемъ, о въ высшей степени важной научной дѣятельности, которую можно хорошо выполнить только на основаніи какъ самаго точнаго знанія каждой частности, такъ и

общаго обозрѣнія всего цѣлаго, всѣхъ причинъ и слѣдствій. Но такъ какъ и послѣднее условіе не легко достижимо во всѣхъ случаяхъ, то образованіе понятій съ помощью классификаціи точно также обыкновенно бываетъ гипотетичнымъ и предварительнымъ, а потому можетъ подлежать новымъ улучшеніямъ; новые способы распредѣленія явленій очень часто должны быть поставлены на мѣсто существовавшихъ раньше. Если до сихъ поръ природу, трудъ и капиталъ рассматривали какъ факторы производства, то въ основѣ этого лежало то представленіе, что они являются равноцѣнными группами причинъ производства. Но эту точку зрѣнія едва-ли можно поддерживать, и съ ея паденіемъ, конечно, упадетъ въ будущемъ и эта классификація. При дѣленіи формъ предпріятія можно образовать ряды съ различныхъ точекъ зрѣнія, какъ это пытались дѣлать Бюхеръ и я самъ. Между классификаціями можно различать аналитическія и генетическія. Когда А. Вагнеръ дѣлитъ всѣ народно-хозяйственныя явленія на частно-хозяйственную, общественно-хозяйственную и каритативную системы, то эта классификація аналитическая; когда Гильдебрандъ раздѣляетъ хозяйство на натуральное, денежное и кредитное, а я выставляю въ качествѣ основы дѣленія историческую смѣну хозяйствъ сельскаго, городского, территоріальнаго и народнаго, то это — генетическія классификаціи. Родственные явленія обыкновенно по своей природѣ образуютъ членовъ одного ряда, отдѣленныхъ одинъ отъ другого только послѣдовательными и незамѣтными различіями; между отдѣльными членами ряда часто находятъ мѣсто и такія мелкія количественныя различія, которыя могутъ быть рассматриваемы только при извѣстной многочисленности, какъ каче-

ственные различія; поэтому во многихъ случаяхъ проведеніе границъ между группами явленій бываетъ дѣломъ труднымъ и совершается часто произвольно. И Уэвелль не такъ не правъ, какъ думаетъ Милль, когда говорить, что должно образовывать классы по выраженнымъ типамъ, причисляя къ классу все, ближайшимъ образомъ окружающее этотъ типъ, и оставаться затѣмъ при сознаніи, что граница между двумя ближайшими типами всегда останется неопредѣленной.

Вся современная строгая наука исходитъ изъ того, что понятія суть результаты нашихъ представленій и ихъ порядка, что они не являются чѣмъ нибудь реальнымъ, никакой особенной самостоятельной сущностью въ противоположность тому, что думали древніе, допускали въ средніе вѣка реалисты въ спорѣ съ номиналистами, и тому, во что и теперь еще вѣрятъ отдѣльные идеологи, считая опредѣленія величинами реальными (вмѣсто номинальныхъ) и воображая, что съ ихъ составленіемъ они проникаютъ въ глубочайшую сущность дѣла. Благодаря этому заблужденію, они надѣются, при помощи правильнаго понятія духа, овладѣть психологіей, при помощи правильнаго опредѣленія основнаго ядра народнаго хозяйства—политической экономіей, выводя изъ этихъ основныхъ понятій все дальнейшее ея содержаніе. Лоренцъ Ф. Штейнъ и другіе ученики Гегеля думали, что такимъ образомъ можно создавать въ наукѣ правильныя методически построенныя. Мыслители, обладающіе богатой фантазіей, способной давать имъ наглядныя картины явленій, могутъ, конечно, думать, что они получаютъ свои выводы изъ основныхъ понятій науки, но въ дѣйствительности дѣло здѣсь не въ понятіяхъ, а въ этой способности воображенія. Самыя абстрактныя и самыя высшія понятія,

говорить Гербартъ, суть и наиболѣе пустыя; правильнѣе будетъ сказать—самыя неопредѣленные, потому что они включаютъ въ себя разнообразное содержаніе, которое тѣмъ менѣе можетъ быть фиксировано, чѣмъ сложнѣе наука.

Къ сказанному о значеніи общихъ понятій для науки слѣдуетъ прибавить еще слѣдующее. Кто помнитъ, какъ Іерингъ осмѣивалъ „юриспруденцію понятій“ (*Begriffsjurisprudenz*), или кто предложитъ себѣ вопросъ—зависятъ-ли успѣхи медицины отъ успѣховъ установленія правильныхъ понятій болѣзней, тотъ ясно пойметъ то, въ какой степени можетъ быть различна оцѣнка значенія процесса образованія понятій, какъ и то, что это различіе имѣетъ свои причины. Я думаю, что послѣ сказаннаго можно просто сказать: чѣмъ болѣе простыми явленіями занимается наука, чѣмъ большихъ результатовъ она достигла, тѣмъ болѣе обладаетъ она совершенными понятіями, тѣмъ легче оно можетъ преобразовывать свои законы и высшія истины въ понятія и опредѣленія, чтобы выводить изъ нихъ дальнѣйшія заключенія. Но чѣмъ сложнѣе предметъ науки, тѣмъ дальше стоитъ она отъ этого идеала. И такая наука нуждается, конечно, постоянно въ понятіяхъ и классификаціи; въ извѣстныхъ случаяхъ она можетъ приходить къ нѣкоторому согласованію своихъ выводовъ по отдѣльнымъ вопросамъ и приводить добытыя такимъ образомъ истины въ связь съ своими понятіями; но чѣмъ болѣе общими и абстрактными становятся примѣняемыя ею понятія, тѣмъ менѣе допускаютъ они выводъ изъ нихъ слѣдствій и результатовъ, тѣмъ болѣе ея опредѣленіе получаетъ значеніе простой характеристики и обособленія извѣстныхъ группъ явленій, а не средства согласовать добытыя

истины съ понятіями. Политическая экономія находится на этой степени развитія. Выясненіе ея конкретных понятій и попытки образованія понятій при помощи классификаціи всегда важны и должны быть встрѣчаемы съ благодарностью. Изслѣдованіе ея общихъ понятій бываетъ важно время отъ времени для того, чтобы намѣчать область и цѣль науки; въ Германіи оно было необходимо въ интересахъ языка, когда надо было передавать англійскую и французскую терминологію по нѣмцки; этимъ дѣломъ занимались Гуфеландъ, Лотцъ и Германнъ. Въ настоящее время необходимая задача состоитъ въ томъ, чтобы изслѣдовать проникшія изъ естественныхъ наукъ понятія (какъ напр. организмъ, борьба за существованіе, соціальная клѣтка для обозначенія семьи), спросить—можемъ-ли мы и какимъ образомъ пользоваться ими въ общественныхъ наукахъ, содѣйствуютъ-ли они надлежащимъ образомъ обогащенію нашихъ понятій, или дѣйствуютъ въ противоположномъ направленіи; во всякомъ случаѣ мы должны придать имъ ясную форму и опредѣленность. Къ числу обогащеній принадлежитъ дѣленіе Бюхеромъ ремесленныхъ предпріятій на ремесло, работающее изъ-за заработной платы и ремесло, готовящее продуктъ для продажи. Достойна признательности также и остроумная попытка Фр. І. Неймана изслѣдовать общія понятія политической экономіи въ ихъ отличіи отъ понятій частнаго и административнаго права. Но въ политической экономіи изслѣдованіе понятій никогда все-таки не будетъ играть такой роли, какая ему принадлежитъ въ практической юриспруденціи, потому что тамъ дѣло идетъ объ ежедневномъ примѣненіи юридическихъ нормъ, которыя построены на опредѣленіяхъ; у насъ дѣло идетъ о познаніи реальныхъ явленій и ихъ

объясненіи изъ причинъ. Должно быть во всякомъ случаѣ отвергнуто все, что содѣйствуетъ внесенію мистичизма въ реальныя опредѣленія и стремленію выводить изъ пустыхъ опредѣленій понятій такія истины, которыя намъ можетъ дать только опытъ. Безполезной игрой въ понятія будутъ попытки созданія съ затратой большой учености такихъ словъ и понятій, которыя въ дальнѣйшемъ построеніи наукъ не найдутъ никакого примѣненія. Гибельнымъ заблужденіемъ является, наконецъ, представленіе, что политическая экономія есть такая наука, которая имѣетъ только логическую функцію дальнѣйшаго разложенія понятій или простыхъ заключеній изъ установленныхъ аксіомъ, какъ это утверждали напр. Сеньоръ, Фаухеръ и Линдвурмъ; къ той-же точкѣ зрѣнія приближались и нѣкоторые изъ новѣйшихъ теоретиковъ, напр. Саксъ.

Что на почвѣ политической экономіи возможно овазять крупныя научныя заслуги, не имѣя слишкомъ много дѣла съ опредѣленіями, лучшимъ доказательствомъ этого служитъ А. Смитъ. Но тотъ фактъ, что многіе изслѣдователи, отдаваясь со страстью опредѣленіямъ и абстрактнымъ изслѣдованіямъ понятій, увлекаются такъ мало полезнаго, объясняется не тѣмъ, что такая дѣятельность имѣетъ мало значенія, но прежде всего тѣмъ, что эти изслѣдователи отдаютъ предпочтеніе этой дѣятельности безъ знанія міра и безъ способности мыслить наглядно—качество, которое, по мнѣнію Шопенгауэра, составляетъ зерно всякаго знанія. Даже обладая большимъ логическимъ остроуміемъ, они не могутъ поэтому достигнуть ничего цѣннаго, подобно тому, какъ лучший и тяжелый жерновъ не можетъ сдѣлать изъ мякины годной пшеничной муки.

XI. Причины. — Наблюденіе и описаніе, опредѣленіе и классификація являются предварительной научной дѣятельностью. Съ ихъ помощью мы стремимся достигнуть знанія общей связи народно-хозяйственныхъ явленій; мы хотимъ знать, какія явленія среди нихъ постоянно существуютъ совмѣстно, какія слѣдуютъ одно за другимъ, желаемъ уловить общее въ разнообразномъ, достигнуть пониманія неизбежности явленій.

Это пониманіе не можетъ быть совершеннымъ. Сложный составъ существующаго — продуктъ болѣе раннихъ комбинацій, явленій и послѣднихъ непостижимыхъ причинъ; даже послѣдовательность ближайшихъ къ намъ отдѣльныхъ явленій отнюдь не всегда доступна объясненію. Но чѣмъ больше мы ограничиваемъ свою задачу выясненіемъ отдѣльныхъ явленій изъ непосредственно имъ предшествующихъ, тѣмъ болѣе намъ удастся достиженіе цѣли. И во всякомъ случаѣ идеаломъ познанія является для насъ объясненіе явленій изъ ихъ причинъ. Естествознаніе приучило насъ къ пониманію того, что текущія явленія стоятъ въ зависимости отъ причинъ, которыя мы представляемъ себѣ, какъ силы. Міръ явленій сдѣлался для насъ процессомъ, въ которомъ ничто не зависитъ отъ случая и произвола, но все имѣетъ достаточныя основанія для своего существованія. Мы замѣчаемъ притомъ, что чѣмъ сложнее явленія, тѣмъ чаще дѣло идетъ не объ одной причинѣ, но о цѣлой суммѣ положеній и условій, которыя вызываютъ опредѣленное слѣдствіе своеобразнымъ сочетаніемъ ихъ въ одно цѣлое; если не достаетъ одного изъ нихъ, не наступаетъ и слѣдствіе. Обычное словоупотребленіе называетъ событія, наступающія внезапно, въ послѣдній моментъ передъ совершеніемъ явленія, его причинами, предшествующія и продолжающіяся

болѣе долгое время—содѣйствующими состояніями, условіями. Слѣдствіе обуславливается причиной реальнымъ образомъ, а не логически; слѣдствія нельзя вывести изъ причины дедуктивно, оно является часто событіемъ совершенно новымъ; общую связь явленій устанавливаемъ мы, поэтому, прежде всего путемъ опыта. Но не каждое предшествующее явленіе, хотя-бы оно повторялось въ правильномъ порядкѣ, служитъ причиною слѣдствія, какъ ночь не служитъ причиною дня, покровительственная пошлина—необходимой причиною благосостоянія той или другой страны. Мы называемъ причиною только то предшествующее состояніе, которое воздѣйствуетъ на происхожденіе опредѣленныхъ слѣдствій безусловнымъ образомъ.

Причинами народно-хозяйственныхъ явленій считаются двѣ самостоятельныя группы явленій: физическія и органическія, съ одной стороны, и психическія, съ другой. Можно имѣть какія угодно представленія относительно общей связи психической и физической жизни; можно въ особенности настаивать на томъ, что наша духовная жизнь обуславливается нервной системой, можно съ полнымъ правомъ думать, что всѣ наши чувства тѣсно связаны съ фізіологическими явленіями; но несомнѣннымъ представляется одно,—то, что мы не можемъ объяснить существованіе и послѣдовательность духовныхъ состояній сосуществованіемъ и послѣдовательностью нервныхъ состояній, что послѣднія познаваемые состоянія матеріальныхъ элементовъ и первые аккорды душевной жизни до сихъ поръ противостояли, да по всей вѣроятности будутъ противостоятъ и въ будущемъ, другъ другу, какъ самостоятельныя явленія. Поэтому всѣ попытки вывести поведеніе челоѣка прямо и единственно изъ простыхъ физи-

ческих или биологических элементовъ, слѣдуетъ признать ошибочными или недостижимыми. Не естественны и тѣ, которыя выводятъ, напр , изъ климата извѣстный образъ жизни населенія, изъ этого послѣдняго опредѣленный физическій и духовный складъ его, изъ этого склада преобладаніе извѣстныхъ чувствъ, идей и поступковъ. При установленіи взаимодѣйствія естественныхъ и духовныхъ причинъ всегда нужно помнить, что мы имѣемъ дѣло съ двумя самостоятельными системами причинности, изъ которыхъ каждая слѣдуетъ своимъ собственнымъ законамъ и потому нуждается въ самостоятельномъ изслѣдованіи связи своихъ явленій и способна дать самостоятельные результаты.

Народное хозяйство имѣетъ свое основаніе въ естественной системѣ причинъ въ видѣ климата и почвы, богатства и бѣдности страны въ минералахъ, ея географическаго положенія, распредѣленія рѣкъ и горъ, состоянія флоры и фауны; вся жизнь животныхъ и людей обусловливается органическими причинами, безъ содѣйствія которыхъ были-бы непонятны самыя простыя событія жизни народонаселенія. Почти вся хозяйственная дѣятельность относится ко внѣшнимъ благамъ; образованіе капитала и всякое увеличеніе благосостоянія выражается въ домахъ, фабрикахъ и машинахъ, въ скотѣ и орудіяхъ, въ деньгахъ и монетахъ, короче сказать—въ предметахъ, которые подчиняются естественнымъ законамъ, существуютъ большею частью въ ограниченномъ количествѣ, подлежатъ измѣренію числомъ и мѣрой, производятъ опредѣленные дѣйствія въ силу взаимныхъ отношеній своихъ величинъ и своихъ технико-физическихъ свойствъ. Существующее въ данное время состояніе техники, зависящее главнымъ образомъ отъ умственного развитія, стоитъ однако въ

тѣсной связи и съ внѣшними явленіями, съ строемъ естественнаго порядка всей хозяйственной жизни. По отношенію ко всѣмъ этимъ вещамъ политическая экономія должна, конечно, больше всего признавать и цѣнить выводы чистаго и прикладнаго естествознанія; но во всякомъ случаѣ она должна заниматься также и самостоятельнымъ изученіемъ причинъ, подвергая тѣ или другія явленія самостоятельному изслѣдованію для того, чтобы опредѣлить границы хозяйственнаго развитія, установить, напр.: насколько можно повысить производительность почвы, не увеличивая чрезмерно издержекъ и не слишкомъ сильно понижая плюса въ валовомъ доходѣ, на сколько времени хватитъ естественныхъ залежей угля и т. д. Съ ролью этихъ естественныхъ факторовъ связывается цѣлое представленіе о народномъ хозяйствѣ, какъ о системѣ силъ и причинности, устанавливаемыхъ естественными законами,—представленіе, которое заразъ и ложно, и вѣрно, поскольку оно имѣетъ въ виду только половину творческихъ силъ народнаго хозяйства.

Построенный въ мірѣ природы, міръ экономической культуры обязанъ своимъ возникновеніемъ прежде всего духовнымъ силамъ людей, которыя проявляются внѣшнимъ образомъ сперва, какъ чувства склонности, затѣмъ какъ представленія и цѣли, наконецъ, какъ поступки и привычныя направленія воли. Несмотря на то, что эти силы въ ихъ цѣломъ составѣ, изслѣдуютъ и объясняютъ психологія и этика, политическую экономію также съ недавняго времени стали называть этической наукой. Дж. Ст. Милль опредѣлилъ ее однажды, какъ науку, relating to the moral and psychological laws of the production and distribution of wealth (изучающую нравственные и физическіе законы производства

и распределенія благъ); въ другомъ мѣстѣ онъ рассматривалъ ученіе объ образованіи человѣческаго характера, т. е. систему положеній, являющихся выводомъ изъ психологіи, какъ основу соціальныхъ наукъ. И повсюду выражаются подобныя воззрѣнія. Въ Германіи историческая школа настаивала на этическомъ характерѣ политической экономіи. Во Франціи социалисты конструировали свою собственную психологію. Въ Англіи Джевонсъ пытался дать, безъ сомнѣнія нѣсколько односторонній, психологическій базисъ политической экономіи, исходя изъ идей Бентама относительно измѣнчивой игры чувствъ страданія и удовольствія. Австрійцы послѣдовали за нимъ въ образованіи субъективнаго ученія цѣнности. Однако, какъ относительно выставленныхъ ими частныхъ положеній о томъ, что всякое удовлетвореніе потребностей отбѣсняетъ на нѣкоторое время эту потребность на задній планъ, что однимъ и тѣмъ-же благомъ удовлетворяются потребности различнаго порядка, такъ напр. зерновымъ хлѣбомъ могутъ питаться одинаково люди и попугаи, — такъ и относительно ихъ цѣлаго ученія о конечной полезности можно сказать, что ими не дается еще достаточныхъ психологическихъ основаній для политической экономіи. Также мало создается оно и тѣмъ, что ставятъ рядомъ съ эгоизмомъ соціальное и правовое чувство или альтруизмъ (по выраженію Конта) въ качествѣ факторовъ экономической жизни.

Необходимо еще разъ предпринять рядъ отдѣльныхъ психолого-экономическихъ изслѣдованій и затѣмъ вновь попытаться основать ученіе о хозяйственныхъ мотивахъ на основаніи психологіи и этики. Въ попыткахъ такого рода также нѣтъ недостатка. Шеффле пытался воспользоваться для этой цѣли психологіей

Гербарта, Brentano изслѣдовалъ съ психологической точки зрѣнія отношенія рабочихъ теперешняго и болѣе древняго времени. Фр. Г. Нейманъ подвергъ плодотворному анализу роль распредѣляющей и вознаграждающей справедливости при образованіи цѣны и родъ дѣйствія своекорыстія въ крупной торговлѣ. Я позволю себѣ упомянуть рядомъ съ этимъ и мое изслѣдованіе справедливости въ народномъ хозяйствѣ, въ которомъ я пытался установить ея понятіе и на основаніи психологическихъ и соціологическихъ данныхъ показать, что чувства справедливости воплощаются въ твердые масштабы, и что они, въ качествѣ таковыхъ, получаютъ законную долю господства, оказывая все болѣе и болѣе вліянія на организацію народного хозяйства и преобразовывая его въ духѣ своихъ требованій. Точно также и новѣйшія мои изслѣдованія относительно торговыхъ обществъ имѣютъ цѣлю, вмѣстѣ съ изученіемъ нѣкоторыхъ формъ ихъ организаціи, выяснить и психологическія ихъ основанія. Съ помощью ряда специальныхъ изслѣдованій такого рода можно достигъ того, чтобы установить научнымъ образомъ психологическія основы всего народного хозяйства.

Въ эту задачу входятъ, впрочемъ, и нѣкоторые болѣе общіе вопросы. Рядомъ съ склонностью къ пріобрѣтенію необходимо поставить и изслѣдовать другіе высшіе и низшіе стимулы человѣческой дѣятельности; нужно отвести свое мѣсто въ системѣ психологическаго изслѣдованія изученію всей совокупности человѣческихъ склонностей, какъ самостоятельныхъ явленій психической жизни, указать, какимъ образомъ всѣ онѣ возбуждаются черезъ посредство господства интеллекта и высшихъ чувствъ. Надо установить отношеніе склонностей къ добродѣтелямъ и, въ особенности, къ доб-

родителямъ народно-хозяйственнымъ. На эти вопросы можно отвѣтить только тогда, когда мы поймемъ сущность нравственности и ея нормъ, роли обычая и права. А для этого необходимо выяснитъ роль психическихъ факторовъ въ обществѣ, показать возникновеніе согласныхъ чувствъ, представленій и тенденцій поведенія въ опредѣленныхъ кружкахъ общества, вліяніе языка, письма и другихъ психологическихъ средствъ, благодаря которымъ образуются коллективныя духовныя силы. Изученіе этихъ коллективныхъ силъ ведетъ къ пониманію общественныхъ коллективныхъ явленій: благодаря согласованію чувствъ, склонностей, мнѣній и стремленій среди отдѣльныхъ расъ, народовъ, классовъ, членовъ общинъ происходятъ социальныя и государственныя учрежденія. Такимъ образомъ мы проходимъ рядъ ступеней въ изученіи народно-хозяйственныхъ явленій съ психологической точки зрѣнія; мы изучаемъ сперва простыя индивидуальныя, затѣмъ сложныя, дѣйствующія во всей ихъ совокупности психико-этическія причины, которыя объясняютъ каждое социальное явленіе, обусловливаютъ одинаково ходъ какъ народно-хозяйственной, такъ и юридической, политической, церковной, социальной жизни. Ихъ вліяніе по большей части распространяется одинаково по всеѣмъ областямъ общественной жизни, захватывая въ одно и то-же время семью, общину, ферейны, товарищества, такъ и все формы проявленія народно-хозяйственной и другихъ сторонъ жизни. Важнѣйшій въ народно-хозяйственномъ и социально-политическомъ отношеніяхъ фактъ—образованіе социальныхъ классовъ—входитъ также въ кругъ дѣйствія этихъ причинъ; его никакимъ образомъ невозможно объяснить только съ экономической точки зрѣнія, но только психологически

и въ общей связи со всѣми общественными явленіями. Отсюда понятно также и то, что чѣмъ болѣе психологическое и этическое разсмотрѣніе этихъ вопросовъ опирается на эмпирическое наблюденіе, тѣмъ болѣе оно сливается съ тѣмъ, что называютъ теперь соціологіей или соціальной наукой. Поэтому повторяющееся съ нѣкотораго времени заявленіе о томъ, что политическая экономія представляетъ собою часть общей соціальной науки, не выражаетъ этимъ ничего другого, кромѣ требованія ея обоснованія на психологическихъ, этическихъ, юридико-философскихъ данныхъ. Это требованіе много разъ признавалось и на практикѣ.

Ог. Контъ и Гербертъ Спенсеръ разсматривали народно-хозяйственную жизнь только какъ часть соціальной; большинство новѣйшихъ политико-экономовъ — упомянемъ только Маршала — включили въ свое изложеніе соціологическіе элементы и мысли или сдѣлали, подобно Л. Штейну, Вагнеру, попытку этического, юридического, философскаго и соціологическаго обоснованія своихъ построеній. И если я разъ сказалъ, что политическая экономія, какъ собирательное понятіе для ряда наукъ, стремится къ преобразованію въ соціальную науку, то я подъ этимъ не понималъ ничего другого, кромѣ того, что всѣ государственныя и соціальныя науки имѣютъ одно общее основаніе и подчинены единымъ причинамъ соціологическаго или психо-этического рода. Только по непонятному недоразумѣнію можно, на основаніи этихъ или подобныхъ выраженій, дѣлать упреки ученымъ, которые въ своихъ лекціяхъ и сочиненіяхъ всегда стояли за большую спеціализацію, въ томъ, что они желаютъ основать универсальную науку всѣхъ народно-хозяйственныхъ и соціальныхъ дисциплинъ, — смѣсь всѣхъ соціальныхъ

наукъ съ уничтоженіемъ спеціальныхъ. Они желали этого такъ-же мало, какъ мало Милль желалъ смѣшать психологію и этику съ политической экономіей, когда онъ называлъ послѣднюю психологической и этической наукой. Моимъ лозунгомъ всегда было: дѣлить науку по матеріалу и методу, точно изслѣдовать отдѣльныя проблемы, изолировать отдѣльные вопросы, но приступать къ каждому изъ нихъ съ универсальнымъ, историко-философскимъ и социологическимъ научнымъ образованіемъ, которое даетъ возможность понимать каждое частное явленіе, какъ составную часть цѣлаго. Въ нашей области этого нужно придерживаться въ особенности потому, что, какъ это убѣдительно показало Г. Спенсеръ, всѣ психическія причины переплетаются нераздѣлимо другъ съ другомъ и всѣ общественныя явленія, начиная отъ социальныхъ склонностей вплоть до хозяйственныхъ и политическихъ учрежденій, стоятъ между собою въ нераздѣльной связи, имѣютъ единыя причины, въ противоположность явленіямъ природы, легко поддающимся распредѣленію по классамъ и изслѣдованію cada вѣ отдѣльности.

Послѣ сдѣланныхъ разясненій мы будемъ въ состояніи опредѣлить наши отношенія къ спору о томъ, начинать ли всякія народно-хозяйственныя изслѣдованія съ индивидуума или съ коллективныхъ явленій. Первое было лозунгомъ старой англійской политической экономіи и въ новое время находитъ себѣ убѣжденнаго защитника, напр., въ Джонѣ, на томъ основаніи, что только отдѣльный случай доступенъ наблюденію; второго часто требовали основатели исторической школы. Но постановка вопроса неправильна, если она утверждаетъ: или, или. Какъ не существуетъ общаго правила относительно того, исходить-ли при всѣхъ

ислѣдованійхъ отъ причины или дѣйствія, такъ-же мало по отношенію къ нашей наукѣ можно утверждать, что слѣдуетъ исходить всегда отъ индивидуума или всегда отъ коллективныхъ явленій. Мы должны всегда идти отъ извѣстнаго къ неизвѣстному. Часто начинаютъ точное наблюденіе съ психическихъ качествъ и поступковъ индивидуумовъ, часто съ психическихъ качествъ и поступковъ опредѣленныхъ человѣческихъ группъ, часто предметомъ перваго наблюденія являются данныя о цѣнахъ, измѣненія хозяйственныхъ состояній, ихъ организаци, часто другія общественныя массовыя явленія. Отъ этихъ предметовъ идутъ затѣмъ назадъ къ ихъ причинамъ и впередъ къ ихъ дальнѣйшимъ слѣдствіямъ. Даже если-бы мы согласились, что прежде всего слѣдуетъ наблюдать отдѣльный случай, то было-бы спорно, что человѣческій индивидуумъ является таковымъ; человѣкъ также представляетъ собою нѣкоторое сложное цѣлое, и на-оборотъ: группы людей, которыя дѣйствуютъ согласно на полѣ битвы, на рынкѣ, въ соціальной и политической борьбѣ, выступаютъ какъ „отдѣльныя явленія“. Всякое отдѣльное явленіе, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказывается безконечно сложнымъ, а отдѣльнымъ случаемъ часто бываетъ то, что наше анализирующее наблюденіе разсматриваетъ, благодаря нашему процессу мышленія, какъ цѣлое.

Къ вышеприведенному утвержденію относительно обычнаго совмѣстнаго дѣйствія столь многихъ причинъ мы должны, для избѣжанія недоразумѣній, присоединить слѣдующее. Поскольку для изслѣдованія представляется выгоднымъ узнать и обозрѣть всѣ дѣйствующія совмѣстно причины, постольку, однако, невозможно войти при каждомъ отдѣльномъ изслѣдованіи

въ разсмотрѣніе всѣхъ ихъ. При многихъ специальныхъ вопросахъ народно-хозяйственнаго свойства мы можемъ предполагать безъ всякихъ колебаній известные естественные комплекты причинъ, опредѣленный юридическій порядокъ и образованіе классовъ, опредѣленные психологическіе типы, и изслѣдовать, какимъ образомъ послѣдніе могутъ дѣйствовать при всѣхъ этихъ предположеніяхъ въ опредѣленныхъ случаяхъ и ихъ видоизмѣненіяхъ. Можно, напримѣръ, если дѣло идетъ о Западной Европѣ и ея теперешнихъ крупныхъ торговцахъ, безъ колебаній предположить, что эти люди дѣйствуютъ въ среднемъ выводѣ, какъ классъ на биржѣ или на рынкѣ, подъ господствомъ склонности къ приобрѣтенію, въ томъ ея видѣ, въ какомъ она опредѣляется и описывается въ данномъ, конкретномъ изображеніи. Но съ этимъ вмѣстѣ не дѣлается предположенія о томъ, что, какъ это думаетъ Милль, всѣ дѣйствія всѣхъ людей вытекаютъ только изъ стремленія къ богатству. Это не будетъ и тѣмъ предположеніемъ, которое высказываетъ Рау, — что отношеніе людей къ имущественнымъ благамъ остается всегда неизмѣннымъ. Можно также спорить и относительно того, допустимо-ли въ качествѣ гипотезы системы частнаго хозяйства слѣдующее положеніе, сформулированное А. Вагнеромъ въ 1876 году: „собственный интересъ, стремленіе къ приобрѣтенію имущества, неизбѣжно слѣдуетъ разсматривать какъ постоянную, остающуюся всегда одною и тою-же, всегда одинаково дѣйствующую, слѣд. какъ абсолютную величину и силу, присущую всѣмъ лицамъ, участвующимъ въ оборотѣ“. Я думаю, что съ такимъ предположеніемъ можно придти къ ложнымъ заключеніямъ; только опредѣленные группы лицъ имѣютъ въ среднемъ въ опредѣленное время

данную склонность къ приобрѣтенію, при чемъ крупные торговцы—иную, чѣмъ мелочные, эти послѣдніе—иную, чѣмъ крестьяне, ремесленники и рабочіе. Даже среди однихъ и тѣхъ-же классовъ существуютъ большія различія; между многочисленными директорами банковъ, купцами, спекулянтами, которые недавно выступали передъ нѣмецкой биржевой комиссіей, можно было наблюдать, при несомнѣнномъ согласіи въ принципахъ, значительныя отклоненія въ томъ, что различныя группы болѣе благородныхъ и деликатныхъ, съ одной стороны, и ничѣмъ не стѣсняющихся, съ другой, понимали подъ естественной и справедливой склонностью къ приобрѣтенію, подъ сама собою понятной причиною дѣловаго поведенія. Всякій способъ пониманія склонности къ приобрѣтенію и всѣ различія въ немъ слѣдуетъ объяснять, какъ общій результатъ опредѣленныхъ чувствъ, нравовъ, юридическихъ обычаевъ, которые поэтому и должно изучить и описать, какъ классовую особенность или какъ особенность опредѣленныхъ расъ и народовъ. Всѣ заключенія изъ этой особенности правильны постольку, поскольку касаются одинаковыхъ или приблизительно одинаковыхъ и схожихъ людей. Но такъ какъ существованіе такихъ группъ людей въ общемъ должно считаться доказаннымъ, то являются совершенно правильными тѣ выводы, которые не обращаютъ вниманія на то, что въ отдѣльныхъ случаяхъ въ дѣятельности тѣхъ или иныхъ изъ нихъ примѣшиваются другіе мотивы, что встрѣчаются небольшія измѣненія описаннаго психологическаго типа. Болѣе крупное, особенно сложное явленіе по большей части только и можно изслѣдовать подъ условіемъ игнорированія побочныхъ причинъ и привходящихъ побочныхъ усло-

вій и сосредоточенія вниманія на главныхъ причинахъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы должны возвратиться въ немногихъ словахъ къ противоположности естественныхъ и психическихъ причинъ экономического порядка. Первыя дѣйствуютъ механически, послѣднія по законамъ психической мотивации. Въ томъ и другомъ случаѣ мы принимаемъ строгую причинную связь, иначе была-бы немыслима никакая наука объ обществѣ и народномъ хозяйствѣ, какъ не существуетъ никакого воспитанія и никакого прогресса внѣ увѣренности, что черезъ воздѣйствіе опредѣленныхъ психическихъ факторовъ возможно достигнуть опредѣленныхъ результатовъ. Но безконечная сложность всякаго психическаго случая, тайна, съ которой выступаетъ передъ нами вліяніе великихъ людей, чувство свободы, которое нераздѣльно связано со всѣмъ нашимъ поведеніемъ, мракъ, который все еще господствуетъ относительно самопроизвольныхъ волевыхъ актовъ, представляющихся намъ одинаково и продуктами прошедшаго, и новыми центрами силъ, и исходными пунктами развитія, — все это неизбѣжно имѣло слѣдствіемъ то, что до сихъ поръ детерминисты и защитники свободы воли въ большей или меньшей степени расходятся между собою. Мѣсто не позволяетъ намъ входить въ разсмотрѣніе этихъ спорныхъ вопросовъ. Мы можемъ только сказать на основаніи предыдущаго, что внѣ общаго закона достаточнаго основанія не существуетъ никакой науки даже въ области духовной жизни. Но причины психическихъ явленій существенно иныя, чѣмъ механическихъ; ихъ послѣдніе принципы еще такъ мало выяснены, что практическія науки, подобныя политической экономіи, должны, предоставивъ

эти споры этикъ и психологій, непоколебимо продолжать самостоятельно свой путь психологическаго и детальнаго изслѣдованія, изучая рядомъ другъ съ другомъ какъ среднихъ, такъ и отклоняющихся отъ обычнаго типа по своей природѣ, условіямъ и результатамъ своей дѣятельности, людей.

Что изъ обѣихъ группъ причинъ выступаютъ на первый планъ, смотря по предмету изслѣдованія, то физическія и біологическія, то психическія,—это ясно. Миль, можетъ быть, нѣсколько шаблонно и односторонне формулировалъ эту противоположность, сказавъ, что производство въ народномъ хозяйствѣ зависитъ отъ естественныхъ, а распредѣленіе отъ нравственныхъ причинъ; во всякомъ случаѣ производство зависитъ также и отъ этическихъ факторовъ прилежанія, трудолюбія, предприимчивости, отъ успѣховъ нашихъ познаній и подобныхъ фактовъ. Я-бы охотнѣе, поэтому, сказалъ-бы, что чѣмъ выше поднимается культура, тѣмъ важнѣе становятся психико-этическія причины. Несовершенство старой политической экономіи зависитъ именно отъ того, что она не обращала вниманія на эту большую и важнѣйшую половину причинъ. Говоря о возрастающемъ вліяніи соціальной этики на общественныя науки и состояніе общества, Вундтъ высказываетъ мысль, что это вліяніе въ ученіи о правѣ и государствѣ уже вполне признано, а въ политической экономіи переворотъ готовится только постепенно, но что онъ здѣсь тѣмъ сильнѣе обнаружитъ свои слѣдствія. Онъ желаетъ этимъ, очевидно, сказать, что наука и жизнь въ будущемъ все сильнѣе и сильнѣе будутъ подпадать этическимъ вліяніямъ. Обратнымъ ходомъ мыслей въ этомъ отношеніи является тотъ, когда вмѣстѣ съ Марсомъ выводятъ всю выс-

шую духовную культуру, всю политическую, религиозную жизнь, изъ формъ хозяйственно-техническаго процесса производства, какъ напр., когда христіанство или реформацію желаютъ объяснить изъ определенныхъ хозяйственныхъ состояній. Нельзя, конечно, отрицать связей и взаимодействія между различными жизненными областями, но слѣдуетъ отрицать возможность исчерпывающаго значенія подобныхъ объясненій причинной зависимости. Нельзя не удивляться, поэтому, тому, что это грубо-матеріалистическое направление мыслей, противъ котораго неотразимыми аргументами боролся Джонъ Стюартъ Милль, нашло себѣ столь широкій кругъ приверженцевъ сверхъ послѣдователей социализма. Съ методологической точки зрѣнія оно стоитъ едва-ли много выше, чѣмъ тѣ ошибочныя воззрѣнія Бокля и его послѣдователей, согласно которымъ надѣялись вывести прямымъ путемъ изъ питанія, положенія солнца и подобныхъ факторовъ, психическія особенности людей и все общественное устройство.

Другимъ заблужденіемъ должно быть признано то, которое находитъ, что исходный пунктъ научнаго изслѣдованія долженъ образовать вообще не вопросъ о причинахъ, а вопросъ объ аксіомахъ и послѣднихъ элементахъ. Аналогія съ математикой и геометріей привела къ тому, что стали стремиться найти небольшое количество простыхъ посылокъ, подобныхъ имѣющимся въ этихъ наукахъ, для того, чтобы основывать на нихъ дедукцію. Въ Англіи такія высшія „propositions“ выставили Сеньоръ, Кернсъ и другіе; первый, какъ извѣстно, выводилъ изъ опыта и сознанія четыре положенія, которыя содержали по крайней мѣрѣ общія сужденія о причинныхъ отношеніяхъ, о хозяйственномъ

поведеніи, о приростѣ населенія, о вліяніи капитала и ограниченности сельско-хозяйственнаго производства. Ихъ нѣмецкіе послѣдователи, главнымъ образомъ Карлъ Менгеръ и Саксъ, выражаются гораздо темнѣе: первый утверждаетъ, что его послѣдніе простые элементы будто-бы достигнуты частью путемъ эмпирико-реалистическаго анализа, изъ чего слѣдуетъ, что въ другой части, они все-таки должны быть признаны вполне апріорными; онъ употребляетъ слово „апріорныя аксіомы“; но изъ этого выраженія нельзя съ полной ясностью объяснить себѣ, тождественны-ли онѣ съ его послѣдними элементами и факторами, или нѣтъ. Такими онъ называетъ потребности и стремленіе къ полному ихъ удовлетворенію. Саксъ называетъ въ одномъ мѣстѣ такими эгоизмъ, мутуализмъ, альтруизмъ, а въ другомъ—чувство потребности, блага, трудъ. Дѣло идетъ здѣсь, слѣдовательно, о возможно абстрактныхъ общихъ понятіяхъ, но не говорится ничего сколько нибудь опредѣленнаго относительно ихъ причиннаго дѣйствія. Ихъ едва-ли можно назвать и аксіомами въ собственномъ смыслѣ, т. е. положеніями истинными, сами собою ясными каждому человѣку; онѣ во всякомъ случаѣ не тѣ причинныя сужденія, которыя одни только могутъ служить базисомъ науки о реальныхъ вещахъ. Остальная нѣмецкая наука (напр., Лезеръ, Нейманъ и я) поэтому безусловно отклоняетъ подобныя мысли, и даже такой почитатель Менгера, какъ А. Вагнеръ, никогда не соглашался съ нимъ въ этихъ рѣшающихъ положеніяхъ.

Наиболѣе совершеннымъ опытомъ установить единый принципъ, единую силу, какъ исключительную причину явленій, является, можетъ быть, опытъ Дитцеля. Послѣдній обѣщаетъ вывести изъ хозяйственнаго стремленія человѣка къ матеріальнымъ благамъ,

отождествляемаго имъ безъ колебаній съ принципомъ разсчитливости въ дѣйствіяхъ, — цѣльную абстрактную соціально-экономическую теорію, въ противоположность къ конкретному ученію о народномъ хозяйствѣ; но и онъ, конечно, не достигъ своей цѣли. Что нибудь одно: или этимъ онъ хочетъ только сказать, что можно при отдѣльныхъ изслѣдованіяхъ цѣнъ не обращать вниманія на нѣкоторыя второстепенныя причины и опредѣленный процессъ соціального образованія классовъ, юридическаго порядка, мѣноваго общества, предполагать какъ данное безъ спеціального изслѣдованія; тогда этимъ онъ доказываетъ только допустимость искусственнаго методологическаго пріема, противъ чего никто не будетъ спорить, поскольку онъ правиленъ и примѣненъ достаточно умѣло, поскольку онъ не кладетъ въ основаніе изслѣдованія, благодаря игнорированію существенныхъ сторонъ, каррикатуръ дѣйствительности. Или это есть мнѣніе, которое предполагаетъ, вмѣстѣ съ неопредѣленнымъ понятіемъ разсчитливости, въ общемъ не обозначающимъ ничего другого, кромѣ раціональнаго поведенія, выставлена внутренняя очевидная причина всего народно-хозяйственнаго поведенія и явленія, — причина, изъ которой можно вывести и образованіе классовъ, и правовой порядокъ, и производство, и весь мѣновой оборотъ. Въ такомъ случаѣ у Дитцеля дѣло идетъ также о сомнительной попыткѣ спасенія старыхъ абстрактныхъ теорій, о смѣшеніи понятій — аксіомы и причины, о неправильномъ пониманіи дѣйствительныхъ факторовъ хозяйственной дѣятельности, о ложной аналогіи съ математикой и формально-логической юриспруденціей. Эти послѣднія науки выходятъ изъ немногихъ внутреннихъ логическихъ посылокъ; политическая экономія, какъ и всякая наука

о реальныхъ вещахъ, стремится объяснять явленія изъ причинъ; она можетъ мѣстами обращать вниманіе только на главные причины, оставлять въ сторонѣ побочныя; но она никогда не можетъ смѣшать причины съ логическимъ основаніемъ.

Произведенныя Г. Г. Госсэномъ, Вальрасомъ, Лаунгардтомъ, Джевонсомъ и, наконецъ, недавно Р. Ауспицемъ и Р. Ливеномъ попытки основать математическую политическую экономію постольку совпадаютъ съ выведеніемъ законовъ цѣнъ изъ аксіомъ или послѣднихъ элементовъ, поскольку при этомъ рѣчь идетъ о томъ, чтобы съ помощью графическихъ изображеній алгебраическихъ формулъ и ряда выводовъ точно представить отношенія величинъ спроса и предложенія и изъ возможно простыхъ посылокъ вывести заключенія въ математической формѣ. Нельзя отрицать того, что въ этой формѣ результаты абстрактной теоріи могутъ быть представлены точнѣе и яснѣе, что подведеніе итоговъ даетъ болѣе опредѣленное представленіе дѣла, чѣмъ обычное изложеніе; оно усиливаетъ наглядность нѣкоторыхъ процессовъ, по крайней мѣрѣ для математически образованнаго человѣка. Новыхъ достойныхъ вниманія результатовъ и истинъ вся эта метода, однако, совсѣмъ не дала. Когда она желаетъ быть болѣе ширею, чѣмъ своеобразной иллюстраціей извѣстнаго, она основывается на неправильномъ пониманіи природы народно-хозяйственныхъ явленій и ихъ причинъ. Ея элементы, замѣняющіе конструкціи и формулы, въ дѣйствительности неопредѣлимы и неспособны ни къ какому измѣренію; благодаря выставленію фиктивныхъ величинъ для психическихъ причинъ и неподлежащихъ измѣренію рыночныхъ отношеній, они лишь

наружно придаютъ изученію видъ точности, котораго въ дѣйствительности оно не имѣетъ.

XII. Индуктивный и дедуктивный методъ.—Какимъ же образомъ, однако, мы можемъ достигнуть познанія дѣйствительныхъ причинъ явленій? Если въ ходѣ явленій В. правильнымъ образомъ слѣдуетъ всегда за А, то эти явленія соединяются въ нашемъ представленіи, какъ ассоціація идей; какъ скоро я вижу нѣчто равное или подобное В., я представляю себѣ тогда А, и затѣмъ изслѣдую, дѣйствительно-ли А слѣдуетъ за В. И если я правильно сдѣлалъ наблюденіе ряда такихъ послѣдовательностей, то „могущественное и повсюду оказывающее свое вліяніе стремленіе къ обобщенію“, какъ говорить Зигвардъ, вынуждаетъ меня считать эту связь постоянною; а когда я пришолъ къ твердому убѣжденію въ постоянствѣ хода явленій, то я объявляю А. за причину В., поскольку А, и именно только А, я считаю за безусловное и необходимое предшествующее. При этомъ условіи названная ассоціація идей является, конечно, только выраженіемъ внутренней связанности, — того факта, что, по выраженію Гефердинга, А и В суть члены одного и того-же процесса, части одного и того-же цѣлаго. Законъ причинности, по Гефердингу, сводится такимъ образомъ къ принципу тождества. Явленія, всегда и необходимо связанныя между собою определенной послѣдовательностью, мы разсматриваемъ, какъ причину и слѣдствіе. Нашъ умъ успокоивается тогда, когда онъ можетъ отдѣльные явленія разсматривать, какъ случай примѣненія общаго правила; онъ долженъ, по этому, постоянно конструи-

ровать для себя такія правила, которыя становятся истиннѣе по мѣрѣ того, какъ они основываются на все болѣе и болѣе совершенномъ наблюденіи, и по скольку они въ дальнѣйшихъ случаяхъ своего примѣненія все болѣе и болѣе обнаруживаютъ свою истинность въ данной формѣ и границахъ.

Такой процессъ мышленія мы называемъ индуктивнымъ; онъ выходитъ изъ наблюденія отдѣльныхъ явленій для того, чтобы отыскать такое общее правило, которое для нѣкотораго класса явленій объявляетъ истиннымъ то, что истинно для наблюденныхъ случаевъ. Чѣмъ сложнѣе явленіе и чѣмъ несовершеннѣе вмѣстѣ съ тѣмъ наше наблюденіе—въ особенности такихъ сложныхъ предметовъ, которые зависятъ отъ суммы разнородныхъ причинъ,—тѣмъ болѣе труднымъ дѣломъ становится отысканіе вѣрныхъ правилъ, тѣмъ чаще получаемъ мы только гипотезы, предварительныя предположенія относительно правильности въ послѣдовательности хода явленій. Мы принуждены однако пользоваться и такими правилами для дальнѣйшихъ заключеній.

Для дальнѣйшаго примѣненія добытыхъ путемъ индукціи правилъ, касающихся причинной зависимости между явленіями, служить дедукція, которая основывается на той-же склонности, той-же вѣрѣ, тѣхъ-же потребностяхъ нашего разума. То, что истинно для данныхъ правильно наблюденныхъ случаевъ, должно быть истинно и для всѣхъ, вполне схожихъ съ ними случаевъ. Всякое правило отыскиваютъ только для того, чтобы примѣнять его далѣе; всякое правило выражаетъ собой, по отношенію къ нѣкоторому классу субъектовъ, предикатъ, дѣйствіе, качество, а изъ анализа понятія субъекта и предиката выясняется, что

содержится въ правилѣ, о которомъ идетъ дѣло, къ чему оно подходитъ, какія случаи обнимаетъ, что оно можетъ объяснить.

Ясно, что цѣль всякой науки достиженіе такихъ правилъ; чѣмъ болѣе ихъ находится въ ея распоряженіи, тѣмъ лучше. Всякій даже самый малый шагъ нашего мышленія контролируется тѣми твердо установленными истинами и правилами, которыя находятся въ нашемъ распоряженіи, связывается съ слѣдствіями, вытекающими изъ этихъ правилъ. Всякое наблюденіе и описаніе и всякая новая индукція основываются на примѣненіи добытаго знанія, и первый пріемъ, которымъ мы пользуемся по отношенію ко всякому новому, необъясненному еще наблюденію, состоитъ въ томъ, что мы пытаемся приложить къ нему наудачу нѣкоторое количество высшихъ положеній, правилъ, истинъ, которыя находятся въ нашей головѣ, и смотримъ, не рѣшается ли ими задача. Такимъ путемъ достигнуты большіе успѣхи въ каждой наукѣ. Точно также послѣдняя проба всякаго индуктивно добытаго положенія состоитъ въ томъ, что оно, при постоянномъ пользованіи имъ въ интересахъ дедукціи, всегда обнаруживаетъ свою истинность.

Изъ этого выясняется, какъ тѣсно связаны между собой индукція и дедукція. Порядокъ заключенія, который лежитъ въ основаніи индукціи является, какъ это показываютъ Джевонсъ, Зигвартъ и Вундтъ, ничѣмъ инымъ, какъ силлогизмомъ, обратнымъ тому, которымъ пользуется дедукція. Въ теченіе многихъ лѣтъ я стараюсь говорить студентамъ, что подобно тому, какъ правая и лѣвая нога служатъ одинаково для того, чтобы ходить, такъ точно индукція и дедукція являются одинаково равноправными пріемами;

я постоянно обращалъ ихъ вниманіе при этомъ на то, что если-бы мы уже обладали полной истиной, то мы мыслили-бы только дедуктивно, что всякій успѣхъ индукціи приносить намъ положеніе, имѣющее цѣну для дедукціи, что всѣ наиболѣе совершенныя науки по большей части суть науки дедуктивныя. Если, поэтому, въ недавнее время много разъ высказывалось утвержденіе, что тѣ, которые требовали, въ противоположность Миллю, Кернеу и Менгеру, болѣе усиленнаго пользованія индукціей, желали исключить совсѣмъ всякую дедукцію, то съ этимъ не могу согласиться ни я, ни кто-либо другой, имѣющій ясное представленіе о методахъ логики. Раздутый сверхъ мѣры въ литературѣ споръ о значеніи индукціи и дедукціи есть въ сущности споръ о томъ, въ какой мѣрѣ дедукція достаточна въ наукѣ о народномъ хозяйствѣ, въ какой мѣрѣ совершенна наша наука, какимъ количествомъ истинныхъ сужденій причинности она уже владѣетъ и какія можетъ заимствовать изъ другихъ наукъ, главнымъ образомъ изъ психологіи. Кто считаетъ политическую экономію наукой почти вполнѣ готовой, подобно англійскимъ эпигонамъ Адама Смита, для тѣхъ она, само собою разумѣется, наука чисто-дедуктивная. Бокль въ своей самодовольной надменности заявлялъ: „политическая экономія по существу столь-же дедуктивная наука, какъ геометрія“. Странно только то, что люди, которые сознаютъ значительную невыработанность нашей науки, рѣшаются говорить то-же самое. Они имѣютъ въ этомъ случаѣ въ виду простѣйшія проблемы и выработанныя части нашей науки, а именно: ученіе объ обмѣнѣ, о цѣнности и о деньгахъ, гдѣ дедукція можетъ объяснять главные явленія изъ нѣкоторыхъ психическихъ посылокъ. Кто изучаетъ болѣе

сложныя явленія, напр., соціальные вопросы, тотъ пойметъ ясно, какъ сильна здѣсь потребность въ индукціи. Господствующій теперь споръ между такъ-называемыми защитниками дедукціи и защитниками индукціи объясняется гораздо проще исторіей нашей науки. Было вполне естественно, что въ XVIII-мъ вѣкѣ прежде всего старались идти, насколько было возможно, дедуктивнымъ путемъ, кладя въ его основаніе ограниченный опытъ отдѣльныхъ лицъ и прибѣгая къ помощи признанныхъ психологическихъ фактовъ. Всякая новая наука поступаетъ прежде всего такимъ образомъ; только мало по малу доходятъ до сознанія недостаточности существующихъ предположеній, и только послѣ того, какъ становится ясной ложность и односторонность преждевременныхъ обобщеній, можетъ возникнуть потребность въ болѣе широкомъ примѣненіи индукціи или, скорѣе, потребность въ болѣе обширномъ и болѣе строгомъ наблюденіи и описаніи, такъ какъ они одинаково необходимы, какъ для индукціи, такъ и для дедукціи.

Смотря по личнымъ склонностямъ и занятіямъ, по существу поставленныхъ задачъ и вопросовъ, по болѣе тѣсному или широкому кругу изучаемыхъ предметовъ, отдѣльные изслѣдователи выбираютъ тотъ или другой методъ, становятся на сторону стараго или новаго направленія или ищутъ примиренія между обоими. Въ послѣднемъ направленіи работалъ уже Джонъ Стюартъ Милль, впадая въ существенныя противорѣчія и создавъ рядъ недоумѣній; на него поэтому могутъ ссылаться обѣ противныя стороны. Его тонкій, чрезвычайно остроумный и образованный, но вмѣстѣ съ тѣмъ склонный къ компромиссамъ и колебаніямъ, часто вращающійся подобно флюгеру умъ, въ

періодъ двадцати—двадцати-трехъ-лѣтняго возраста подпалъ вполнѣ подъ вліяніе абстрактныхъ и радикальныхъ идей XVIII-го столѣтія и чуждаго историческаго пониманія явленія Бентама. Слѣдуя этимъ теоріямъ тѣмъ легче, что онъ совсѣмъ не былъ знакомъ ни съ міромъ вообще, ни съ практической жизнью, Милль и выставилъ лозунгъ, что политическая экономія—наука чисто дедуктивная, потому что она не производитъ никакихъ опытовъ и можетъ вывести всѣ свои существенныя положенія, какъ гипотетическія истины, изъ стремленія къ богатству. Нѣсколько лѣтъ спустя, онъ изучилъ О. Конта, который признавалъ только историческое и индуктивное изслѣдованіе. Такимъ-же точно образомъ оказывали на него все болѣе и болѣе вліянія и другія идеи XIX-го столѣтія, какъ самъ онъ это говорить, и, не смотря на его противодѣйствіе, послѣдовательно передѣлывали всѣ его представленія. Поэтому-то въ его главныхъ сочиненіяхъ, и преимущественно въ его логикѣ, получилась удивительная смѣсь совершенно противорѣчивыхъ положеній относительно методовъ политической экономіи и общественныхъ наукъ вообще. Джевонсъ едва-ли выражается слишкомъ рѣзко, когда онъ говоритъ, что по каждому главному вопросу Милль имѣлъ въ одно и то-же время отъ трехъ до шести непримиримыхъ другъ съ другомъ мнѣній. Его первоначальныя воззрѣнія выступаютъ однако съ большею ясностью, и они-то теперь въ особенности, еще и въ настоящее время, заставляютъ его нѣмецкихъ почитателей вѣрить, что дедукцію нужно защищать противъ нападеній индуктивной школы.

Послѣ полемики съ утилитаристической философіей Бентама, — полемики, основанной на томъ положеніи, что не соотвѣтствуетъ правильнымъ задачамъ философіи

строить науку на немногихъ факторахъ, управляющихъ явленіями, такъ какъ наука должна принимать въ область своего изслѣдованія всѣ вліянія, — черезъ нѣсколько страницъ онъ учитъ, что поступки людей въ области производства и распредѣленія хозяйственныхъ благъ опредѣляются главнымъ образомъ ихъ стремленіемъ къ богатству, и что, поэтому, на указанномъ основаніи строится особая наука — политическая экономія. И сейчасъ-же онъ долженъ прибавить, что въ нѣкоторыхъ, особенно выдающихся случаяхъ, политическая экономія, въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ, должна принимать во вниманіе и рядъ другихъ причинъ, какъ напр. отвращеніе отъ труда, стремленіе къ дорогимъ наслажденіямъ, причины, связанныя съ передвиженіемъ народонаселенія; что ради практической пользы въ политической экономіи нужно вообще отступать отъ строгости научныхъ опредѣленій. Въ другомъ мѣстѣ онъ дѣлаетъ замѣчаніе, что то, что имѣетъ силу относительно англичанина, не можетъ быть само собою приписано французу, а тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о національномъ характерѣ различныхъ народовъ, онъ заявляетъ, что по скольку этотъ характеръ играетъ роль, отдѣльная наука, подобная политической экономіи, не можетъ выяснить его значенія, и что въ этомъ случаѣ слѣдуетъ обратиться къ общей наукѣ объ обществѣ, которая изучаетъ вліяніе всѣхъ обстоятельствъ на развитіе жизни народовъ. Милль указываетъ на приложимость этого замѣчанія въ особенности къ изученію формъ правленія, но не должно-ли подобнымъ-же образомъ поступать и при изученіи экономическихъ учрежденій?

Разсужденіе о томъ, что не существуетъ истинной индукціи тамъ, гдѣ дѣло идетъ о сложныхъ причинахъ

и слѣдствіяхъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ области экономическихъ явленій, Милль повторяетъ еще чаще. Онъ старается доказать эту мысль грубымъ примѣромъ, показывающимъ, что общее изслѣдованіе вопроса о томъ, обогащаетъ-ли страну покровительственная система, было-бы безрезультатно; но онъ не видитъ того, что его постановка вопроса неправильна, т. е. слишкомъ обща. Специальныя изслѣдованія, подобныя тѣмъ, которыя сдѣлали Зерингъ относительно нѣмецкихъ пошлинъ на желѣзо, Зомбартъ относительно итальянской торговой политики и нѣкоторыя другія новыя работы, показываютъ, что правильно поставленное изученіе отдѣльных явленій даетъ достаточно точныхъ указаній на то, гдѣ покровительственная пошлина дѣйствуетъ благотворно. Конечно, остается правильнымъ вмѣстѣ съ тѣмъ и то, что индукція становится тѣмъ труднѣе, чѣмъ сложнѣе предметъ, и что невозможность производить опыты приносить рядъ невыгодъ. Но недавно Кернсъ справедливо указалъ на то, что въ экономической жизни отчасти существуетъ и прямой опытъ въ видѣ мѣропріятій въ области управленія и политики, отчасти же возможенъ опытъ косвенный, — наблюденіе различныхъ видоизмѣненій состояній, бывшихъ раньше одинаковыми. Но кромѣ того Милль не понимаетъ того, что тамъ, гдѣ онъ отрицаетъ возможность индукціи, болѣе специализированное наблюденіе по возможности все большаго и большаго числа случаевъ, и сравненіе однихъ и тѣхъ же или подобныхъ явленій, — служатъ всегда средствами, замѣняющими опытъ; они только приводятъ къ цѣли медленнѣе и болѣе труднымъ путемъ. Въ другомъ мѣстѣ онъ самъ-же приходитъ къ этому заключенію. Онъ въ особенности подчеркиваетъ здѣсь, что его дедуктивная метода основывается на предшество-

щей ей индукціи и, кромѣ того, нуждается въ оправданіи черезъ послѣдующую индукцію. Хотя онъ оговаривается, что въ общественныхъ наукахъ слѣдуетъ довольствоваться приблизительными обобщеніями (напр. „большая часть людей такой-то страны, такого-то класса, такого-то возраста имѣютъ тѣ или другія свойства“), однако, согласно его собственному замѣчанію, они добыты „черезъ достаточную индукцію“. При разсмотрѣніи такъ-называемаго обратно дедуктивнаго или историческаго метода, который онъ беретъ отъ Конта и который въ сущности есть ничто иное, какъ индукція, онъ соглашается съ тѣмъ, что можно наблюдать и описывать общее состояніе народа и выводить изъ этого правила относительно сосуществованія и послѣдовательности явленій, послѣднее объясненіе которыхъ можно будетъ затѣмъ вновь найти психологически. Его замѣчанія о ложной индукціи, о ложной аналогіи и т. п. очень поучительны въ смыслѣ указаній на то, какъ не нужно пользоваться индукціей; но они не доказываютъ, что заѣзженные цитаты изъ его юношескихъ сочиненій, которыя онъ приводитъ въ логикѣ для доказательства исключительной роли дедукціи въ области политической экономіи, имѣютъ еще какое нибудь значеніе.

Наконецъ, его главная опора предпочтенія дедукціи,—положеніе, что все психическія явленія, даже въ ихъ массовомъ дѣйствіи, должно выводить изъ индивидуальной психологіи, вѣрно только отчасти. Конечно, индивидуумъ—всегда исходный пунктъ психологическаго изслѣдованія, но совмѣстныя и противоположныя другъ другу дѣйствія психическихъ стремленій одинаковыхъ и различныхъ людей вещь совершенно особая, которая не можетъ быть сведена къ простому сло-

женію и вычитанію силъ. Справедливо говорить Рюмелинъ: „общій эффектъ многихъ индивидуальныхъ силъ не представляетъ собою, какъ въ механикѣ, ихъ суммы или произведенія“. Всякій знаетъ, какъ психическія силы вырастаютъ; благодаря чувству единомыслія въ гораздо болѣе сильной прогрессіи, чѣмъ это соотвѣтствуютъ числу участниковъ, какъ двадцать собраній, состоящихъ каждое изъ пятидесяти разумныхъ людей, которые, совѣщаясь раздѣльно, даютъ разумныя рѣшенія, будучи соединены въ общее собраніе, приходятъ къ совершенно неразумнымъ результатамъ, какъ всякое соединеніе воли въ значительномъ числѣ столько же увеличиваетъ ихъ силу, сколько и нейтрализуетъ ее. Коротко, какъ-бы ни было истинно положеніе, что вполнѣ совершенная индивидуальная и массовая психологія даетъ возможность политической экономіи пользоваться по преимуществу дедукціей, — тотъ запасъ истинъ, которыми располагаетъ психологія въ своемъ современномъ состояніи, совершенно недостаточенъ для этой цѣли. Эти истины еще нужно найти и частью именно съ помощью психо-экономическихъ индукцій.

Точка зрѣнія Милля въ отношеніи къ этимъ вопросамъ стоитъ, наконецъ, въ связи съ ложнымъ уподобленіемъ, которое было создано имъ въ его юности, когда его отецъ и Макколей спорили о политическихъ предметахъ, а сынъ, огорчившійся этимъ столкновеніемъ, искалъ изъ него выхода. Тогда онъ и пришелъ къ заключенію, что его отецъ, радикальный доктринеръ, желалъ обсуждать общественные вопросы геометрически, а основывававшійся на опытѣ историкъ Макколей трактовалъ ихъ, какъ химикъ, т. е. онъ утверждалъ, что изъ соединенія двухъ причинъ вытекаютъ общественныя слѣдствія совершенно новаго рода, подобно тому,

какъ въ химіи изъ двухъ элементовъ образуется новое вещество, свойства котораго не имѣютъ ничего общаго съ его элементами. И то, и другое, по мнѣнію Милля, ложно; нужно поступать не подобно геометру и химику, а подобно физику. И этого ложнаго представленія о химическихъ и физическихъ методахъ общественныхъ наукъ онъ не только продолжалъ держаться во всю свою жизнь, но и присоединялъ къ нему смѣлое положеніе, что люди, которые рѣшаютъ политическіе вопросы, стали-бы ошибаться не такъ часто, если-бы они были знакомы лучше съ методами физическихъ изслѣдованій. Что исключительныя занятія математикой и естественными науками не ведутъ обыкновенно къ правильнымъ экономическимъ сужденіямъ, въ этомъ меня, по крайней мѣрѣ, убѣдилъ несомнѣнный жизненный опытъ, который объясняетъ также и то, что простой причиной этого является различіе въ особенностяхъ наблюдаемыхъ явленій, методахъ и преобладающихъ привычкахъ мысли.

ХІІІ. Правильная послѣдовательность явленій и законы.— Неизмѣнно однообразный ходъ явленій природы въ ихъ цѣломъ: смѣна дня и ночи, зимы и лѣта, луны и звѣздъ, голода и жажды, бодрствованія и сна, молодости и старости,—былъ, несомнѣнно, причиной того, что въ человеческой душѣ образовался запасъ воспоминаній, который привелъ людей къ сравненію и различенію, а наконецъ и къ изслѣдованію причинъ этой правильности повторенія явленій, подобно тому, какъ постоянный и ритмическій ходъ явленій природы послужилъ для человѣка толчкомъ къ тому, чтобы дѣлать

одно и то-же дѣло въ одно и то-же время, раздѣлить по извѣстному плану часы дня и дни года и соразмѣрять съ этимъ дѣленіемъ жизнь.

Наука о народномъ хозяйствѣ стремилась также прежде всего къ констатированію повторенія одинаковыхъ явленій. Старались подмѣтить одинаковыя системы домашняго хозяйства, одинаковый порядокъ обмѣна благъ, одинаковыя организаціи денежной системы, одинаковыя формы раздѣленія труда; положенія экономическихъ классовъ, отношеній предпринимателей и рабочихъ; вскрывали такую-же правильность повторенія явленій въ движеніи цѣнъ, во вліяніи хорошихъ и дурныхъ денегъ, обильной и скудной жатвы, въ числахъ рожденій, смертей, браковъ. И чѣмъ болѣе недостаточно еще воспитанный разумъ принимаетъ подобіе въ ходѣ явленій за полное сходство, тѣмъ болѣе проявляется склонности къ тому, чтобы обращать преобладающую долю вниманія на болѣе грубыя выраженія однообразія и правильности этого хода, регистрировать ихъ и видѣть сущность науки въ ограниченной такимъ образомъ суммѣ правильно сопровождающихъ другъ друга или правильно слѣдующихъ другъ за другомъ явленій. Сопоставленіе нѣкоторыхъ типическихъ формъ общественной организаціи и гражданскаго оборота рядомъ съ правильными измѣненіями и движеніями внутри этихъ формъ, все это, — представляющее изъ себя абстракцію изъ событій исторіи Западной Европы, главнымъ образомъ, изъ положенія дѣлъ въ Англіи и Франціи за 1750—1850 гг., — и было предметомъ старой науки о народномъ хозяйствѣ. Самыхъ формъ эта наука ближе не объясняла, а принимала ихъ, какъ данныя и сами собою понятныя, предполагая, что онѣ, какъ прямое

слѣдствіе человѣческой природы, всегда существовали такими и должны подходить ко всѣмъ народамъ. Изъ причинъ хотѣли объяснить въ сущности только образование цѣнъ и распредѣленіе дохода между поземельными собственниками, капиталистами (подъ этимъ послѣднимъ словомъ понимали по преимуществу классъ предпринимателей) и рабочими. Правила, выведенныя изъ мнимо-общей человѣческой природы относительно образованія цѣнъ и распредѣленія дохода, называли законами, говорили о законѣ спроса и предложенія, о законѣ, по которому при свободной конкуренціи цѣны стремятся приблизиться къ издержкамъ производства, о законѣ поземельной ренты, о желѣзномъ законѣ заработной платы, какъ и о другихъ „безчисленныхъ естественныхъ законахъ“ народнаго хозяйства. Скоро затѣмъ стали называть статистическимъ закономъ всякое постоянство чиселъ, которое давала статистика, напр. тѣ факты, что на шестнадцать дѣвочекъ родилось семнадцать мальчиковъ, что изъ ста родившихся людей опредѣленная часть правильнымъ образомъ умираетъ въ томъ или другомъ возрастѣ. Изъ наблюденія постоянного роста теперешнихъ государственныхъ расходовъ А. Вагнеръ абстрагировалъ законъ возрастающаго расширенія государственной дѣятельности, а Герцка утопическія описанія будущаго социалистическаго строя съ безпроцентнымъ кредитомъ для всякаго называлъ „закономъ социальнаго развитія“. Ясно, чего хотѣли достигнуть этимъ нѣскольکو шаткимъ словоупотребленіемъ; желали съ особенной настойчивостью подчеркнуть этимъ необходимость наступленія и повторенія нѣкоторыхъ событій и слѣдствій. Нѣкоторые связывали съ этимъ, какъ напр. дѣлали это Рошеръ и Кнись, представ-

леніе о томъ, что дѣло идетъ о независимыхъ отъ челоѣческой воли событіяхъ, слѣдовательно, объ естественныхъ законахъ въ тѣсномъ смыслѣ въ противоположность психической причинности или свободѣ воли. Другіе руководились здѣсь мнѣніемъ, что слѣдуетъ называть закономъ специально то постоянство въ явленіяхъ, подлежащихъ объясненію съ точки зрѣнія причинъ, при которомъ дѣло идетъ въ концѣ концовъ о величинахъ, измѣряемыхъ счетомъ и мѣрою. Во всякомъ случаѣ большинству тѣхъ, которые говорятъ о „безчисленныхъ законахъ народнаго хозяйства“, было неизвѣстно болѣе строгое словоупотребленіе, которое выработано въ логикѣ. Они очень радовались тому, что представлялась возможность находить этимъ путемъ законы дюжинами, и не думали о томъ, что даже въ очень совершенныхъ наукахъ до сихъ поръ раскрыты только нѣкоторые дѣйствительные законы, и что всякое такое открытіе праздновалось, какъ событіе рѣдкое, составляющее цѣлую эпоху.

Конечно, въ нѣкоторомъ смыслѣ является только дѣломъ соглашенія, называть-ли закономъ констатированіе качествъ и признаковъ, повтореніе явленій въ опредѣленной правильности и формахъ, называть-ли этимъ именемъ всякую предполагаемую или доказанную, причинную связь, или только ту, опредѣляющую силы которой дозволяютъ числовое измѣреніе ея дѣйствительнаго существованія. Но какъ въ интересѣ установленія постояннаго словоупотребленія и связи съ современной логикой и методологіей вообще, такъ и въ интересѣ яснаго представленія о сущности народно-хозяйственной причинности и необходимости, — будетъ однако лучше совсѣмъ покончить съ этимъ

паткимъ и расплывчатымъ словоупотребленіемъ. Подъ прикрытіемъ слова „законъ“ придаютъ видъ необходимости утвержденіямъ, которой они въ дѣйствительности не имѣютъ, или придаютъ ниже стоящимъ истинамъ рангъ высшихъ и вводятъ въ заблужденіе этимъ того, кому предстоитъ примѣнять ихъ далѣе.

Безъ сомнѣнія, современная логика не даетъ еди-наго понятія закона въ строгомъ смыслѣ слова, но она достаточно ясна по отношенію ко многимъ сторонамъ этого понятія, на которыя въ нашей наукѣ часто мало обращаютъ вниманія. Мы знаемъ теперь, что первоначально у грековъ понятіе закона заимствовано было изъ области человѣческаго поведенія и регулирующихъ его соціальныхъ формъ, что позднѣе стали говорить подъ вліяніемъ религіозныхъ представленій о божескихъ законахъ, и что, наконецъ, когда стали понимать природу, какъ живое цѣлое, понятіе закона было перенесено на правильность хода ея явленій. А когда въ новое время стали понимать все существующее, природу и человѣческую душу, какъ великое единое цѣлое, которое управляется въ строгой обще-обязательной формѣ опредѣленными причинами, достигли и до господствующаго теперь понятія закона. Мы не называемъ уже больше этимъ словомъ эмпирически открываемой послѣдовательности явленій, а только такую, причины которой точно установлены; а эта точность обезпечивается намъ прежде всего тогда, когда мы имѣемъ возможность образъ дѣйствія причинныхъ силъ опредѣлять численно. Въ противоположность дѣйствительнымъ законамъ, правильное постоянство слѣдствій, объясненіе которому мы или совсѣмъ не можемъ дать, или даемъ только отчасти и въ видѣ предположенія, мы называемъ эмпирически-

ми законами, при чемъ, конечно, границы между обоими являются не твердо установленными, такъ какъ познаніе причинной зависимости можетъ проходить различныя стадіи. Естествоиспытатели точными законами называютъ такіе, дѣйствіе которыхъ можетъ быть сведено къ точному численному выраженію. Цѣль всякаго отысканія законовъ состоитъ въ сведеніи всего сложнаго къ болѣе простому; чѣмъ изъ меньшаго количества высшихъ законовъ можно вывести все существующее, тѣмъ болѣе гордости можетъ чувствовать человѣческій разумъ. Практическая цѣль его есть предсказаніе, а вмѣстѣ съ этимъ и достиженіе непосредственнаго господства надъ ходомъ вещей.

Но даже тамъ, гдѣ мы владемъ знаніемъ совершенныхъ и точныхъ законовъ, какъ въ астрономіи и физикѣ, предсказаніе не бываетъ абсолютно, такъ какъ мы часто не въ состояніи представить себѣ всѣ данныя, не можемъ очень далеко прослѣдить ряды причинности въ обратномъ направленіи и не знаемъ первоначальнаго распорядка элементовъ. Точно также не бываетъ абсолютнымъ предвидѣніе правильнаго постоянства явленій, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ дѣло идетъ о болѣе сложныхъ предметахъ, прежде всего — о біологическихъ явленіяхъ. Ни одно дерево, ни одно животное не повторяются въ абсолютно одинаковой формѣ, какимъ же образомъ возможна полная точность повторенія событій и состояній человѣческой жизни? Но это не исключаетъ правильности повторенія типическихъ формъ, рѣшающихъ, основныхъ устоевъ; ихъ мы и пытаемся объяснить при посредствѣ законовъ. Еще менѣе это исключаетъ дѣйствіе того положенія, что однѣ и тѣ-же причины имѣютъ одни и тѣ-же слѣдствія. Хотя Книсъ и говоритъ на этомъ осно-

ваніи, что при сравненіи экономическихъ отношеній различныхъ временъ и странъ дѣло идетъ не о законѣ абсолютно одинаковой причинной зависимости, а только о законѣ аналогіи, однако эти слова являются только не совсѣмъ вѣрнымъ выраженіемъ той простой истины, что психическія причины, взятые въ постоянномъ развитіи и преобразованіи, постольку могутъ поражать въ разное время и въ разныхъ странахъ различныя формы и явленія, поскольку онѣ сами измѣняются. Ложна не истина, которую Кнись желалъ выразить, а его словоупотребленіе въ отношеніи къ слову „законъ“.

Выражали вообще сомнѣніе, не правильнѣе-ли было-бы совсѣмъ отказаться по отношенію къ области экономической и государственной жизни и еще болѣе по отношенію къ историческимъ событіямъ отъ понятія закона въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно формулировано въ области наукъ естественныхъ. И это несомнѣнно правильно; если желаютъ признавать законы только тамъ, гдѣ извѣстны подлежація точному измѣренію причины, то едва-ли существуютъ экономическіе и соціальные законы. Даже тамъ, гдѣ намъ встрѣчаются относительно очень постоянныя и простыя причины въ совмѣстномъ дѣйствіи съ точно опредѣленными, естественными фактами, — причины, способныя быть выраженными въ числахъ, какъ напр. въ цѣнахъ, — то и здѣсь, однако, мы не можемъ говорить о томъ, что обуславливающія общественную жизнь склонности могутъ вмѣстѣ съ этимъ подлежать дѣйствительному измѣренію; гораздо чаще бываютъ причинами измѣненія цѣнъ измѣняющіяся отношенія жатвы, производства и т. п., а не измѣняющіяся психическія причины. Къ подобнымъ-же результатамъ легко придетъ и тотъ, кто не признаетъ законовъ тамъ, гдѣ причины не могутъ

быть сведены къ послѣднимъ простымъ элементамъ. Ясно во всякомъ случаѣ то, что кто отрицаетъ такіе истинные и дѣйствительные законы, тотъ можетъ, однако, допустить существованіе законовъ эмпирическихъ, а тотъ, кто избѣгаетъ этого выраженія, не отрицаетъ этимъ того, что мы имѣемъ передъ собой большую область закономерности, причинъ познанныхъ что здѣсь возможна извѣстная сумма общихъ истинъ и рѣшеній, *теорій*; онъ долженъ будетъ также согласиться, что нѣкоторые изъ нихъ далеко заходятъ за область эмпирическаго закона, приближаются къ законамъ дѣйствительнымъ, и что поэтому, обычное словоупотребленіе, поскольку оно не называетъ необдуманно всякаго повторяющагося факта закономъ, хорошо понятно и можетъ быть употребляемо.

Мы упоминали уже выше о томъ, что теоріи относительно образованія цѣнъ съ особеннымъ предпочтеніемъ называли законами цѣнъ; это словоупотребленіе обычно и до сихъ поръ. Бемъ - Баверкъ элегически жалуется, что нѣкоторые отъ него отступаютъ. Фр. І. Нейманъ съ большимъ остроуміемъ старался доказать, что извѣстныя психическія причины—и прежде всего эгоизмъ—въ эпоху сложившагося денежнаго и мѣнового хозяйства выражаются у высшихъ классовъ общества столь опредѣленно, и въ своемъ вліяніи въ качествѣ общественной силы господствуютъ надъ хозяйственными процессами такъ равномерно и механически, что уже, поэтому, можно было бы допустить здѣсь выраженіе *хозяйственные законы* „для обозначенія правильной смѣны хозяйственныхъ явленій, обусловливаемой силой зависимости ихъ отъ извѣстныхъ мотивовъ“. Слагающіеся такимъ образомъ законы долго оставались - бы, говорить онъ, по всѣмъ вѣроятіямъ.

базисомъ, опираясь на который, можно было-бы достигнуть способности предвидѣнія будущаго въ области хозяйственныхъ явленій и предупрежденія угрожающихъ опасностей. Онъ, конечно, правъ; хотя то, что онъ называетъ такимъ образомъ не суть точные законы, однако они по своему существу гораздо болѣе, чѣмъ эмпирическіе законы въ смыслъ простой правильности смѣны явленій. Это—обобщенія съ объясненіемъ причинъ, выведенныя для опредѣленныхъ классовъ изъ опредѣленнаго культурнаго состоянія и имѣющія для нихъ и ихъ времени безусловное значеніе. Но и этого недостаточно, и это имѣетъ безконечную цѣну.

Чѣмъ болѣе вообще ограничиваютъ изслѣдованіе опредѣленнымъ экономическимъ состояніемъ культуры и условно принимаютъ его за неизмѣнное,—что является вполне дозволеннымъ методологическимъ приѣмомъ,—тѣмъ легче приходятъ къ правильному пониманію важнѣйшихъ и господствующихъ, психическихъ и другихъ причинъ, выведенію и объясненію при ихъ помощи типическихъ формъ организаціи и элементарныхъ, типически повторяющихся событій хозяйственнаго процесса. Здѣсь слѣдуетъ довольствоваться неопасными обобщеніями, болѣе или менѣе тонкими, обобщеніями, которыя позволяютъ оставлять въ сторонѣ побочныя обстоятельства и незначительныя видоизмѣненія. Будемъ-ли мы называть ихъ законами или гипотетическими истинами,—они, если ими пользоваться съ надлежащей осторожностью, являются великимъ орудіемъ познанія и опорой всякой правильной государственной дѣятельности и управленія.

Но они не послѣднія истины и основываются на фикціи постоянства даннаго культурнаго состоянія. Рядомъ съ ними существуетъ болѣе глубокое и широкое

изученіе измѣняющихся причинъ и преобразованій всѣхъ хозяйственныхъ формъ и процессовъ. Оно совершается въ трехъ направленіяхъ: 1) изслѣдуютъ преобразование психологическихъ причинъ съ этнологическими и классовыми различіями; стараются установить, какимъ образомъ измѣняется или можетъ измѣняться поведение людей въ связи съ этимъ преобразованиемъ; добытыя этимъ путемъ истины не слѣдуетъ называть психологическими законами; послѣднее названіе лучше удержать для элементарныхъ психологическихъ истинъ, изъ которыхъ выводятъ упомянутыя выше историко-психологическія поремѣны. — 2) Стремятся въ частности установить, какія встрѣчаются формы народно-хозяйственной организаціи, и какимъ образомъ онѣ возникаютъ одна изъ другой; констатируютъ послѣдовательное развитіе формъ раздѣленія труда, предпріятій, оборота, финансоваго хозяйства и податныхъ системъ и ихъ связь съ идущимъ параллельно развитіемъ другихъ формъ политической и соціальной жизни; такое изслѣдованіе даетъ въ результатъ по большей части эмпирическіе законы; оно даетъ, однако, и болѣе высокія истины, поскольку въ состояніи исчерпывающимъ образомъ или лишь отчасти вскрыть причины, обуславливающія выясненный порядокъ смѣны явленій. Такія истины называютъ часто „законами развитія“. Старая политическая экономія указала цѣль такого изученія; новая исторія народнаго хозяйства начала собирать и выяснять матеріалы; чѣмъ болѣе послѣдняя работа стоитъ въ связи съ добытыми уже политико-экономическими и психологическими истинами, тѣмъ болѣе цѣнныя положенія и обобщенія она даетъ. — 3) Можно попытаться, наконецъ, установить общую формулу экономическаго и даже общаго человѣческаго

прогресса; съ этимъ вмѣстѣ мы вступаемъ въ область философіи исторіи, телеологіи, надеждъ и предсказаній; чѣмъ болѣе данныхъ опыта и изученія будетъ имѣть подѣ собой подобный опытъ, тѣмъ большую цѣну будутъ имѣть его результаты. Для практическихъ цѣлей такіе смѣлые опыты синтеза изученнаго въ каждый данный моментъ постоянно являются необходимыми; нельзя, поэтому, препятствовать появленію истинныхъ пророковъ времени, если они увѣрены, что открыли „законы развитія“. Гербертъ Спенсеръ и эволюціонные теоретики, Милль и О. Контъ пытались формулировать такіе законы; тоже дѣлали социалисты и манчестерцы. Эти опыты стоятъ, однако, далеко отъ того, что называютъ законами естествоиспытатели; ихъ едва-ли можно назвать и эмпирическими законами. То, что прежде-временно называли законами исторіи, — были или подобными-же обобщеніями, часто очень сомнительными, или первоначальными психологическими истинами, при посредствѣ которыхъ думали объяснить ходъ историческаго развитія. Представляется, поэтому, вполне основательнымъ сомнѣніе по поводу того, можно-ли и должно-ли уже теперь говорить о законахъ исторіи.

Оканчивая этимъ свои краткія разсужденія о методахъ политической экономіи, я резюмирую въ двухъ словахъ свои основныя воззрѣнія на этотъ предметъ.

Двумя путями, изъ которыхъ каждый одинаково необходимъ и полезенъ въ своемъ родѣ, стремится человѣческій разумъ понять міръ. Онъ создаетъ, — конечно на основаніи доступныхъ въ данное время наблюдений и предположеній, — цѣльное представленіе о мірѣ, исто-

рии, государствъ, народномъ хозяйствѣ, обществѣ, человѣческой душѣ; отсюда происходятъ наши идеалы; отсюда получаетъ наше поведеніе свои импульсы и направление; здѣсь лежитъ корень всѣхъ религіозныхъ, этическихъ, политическихъ, экономическихъ системъ; отсюда вытекаютъ наше міровоззрѣніе и жизненные идеалы, которые проникаютъ внутрь каждаго челоуѣка и устанавливаютъ его связь со всѣмъ окружающимъ и божествомъ. Это путь телеологическаго и синтетическаго изслѣдованія и истолкованія, который разныхъ людей и въ разное время приводитъ къ различнымъ результатамъ по мѣрѣ смѣны и совершенствованія представлений о мѣрѣ. Если это—слабая сторона этого пути, то сила его заключается въ томъ, что челоуѣческій умъ, благодаря ему, въ состояніи сразу понимать цѣлую міровую систему и связь существующихъ вещей; способность къ такому познанію челоуѣческаго ума опредѣляется тѣмъ, что онъ переживаетъ внутренне все совершающееся и представляетъ его съ самаго начала какъ цѣлое, хотя и въ смутныхъ образахъ и догадкахъ.

Въ общую картину понятаго такимъ образомъ міра анализирующій челоуѣческій разумъ вноситъ затѣмъ достойныя изученія частности. Разлагая явленія на мелкія и мельчайшія составныя части, онъ наблюдаетъ послѣднія, описываетъ, называетъ и классифицируетъ, приходитъ съ помощью индукціи и дедукціи къ объясненію причинъ, изъ которыхъ проистекаетъ каждое частное явленіе. Результаты этого методическаго, эмпирическаго изученія отдѣльныхъ явленій получаются одинаковые для каждаго изслѣдователя, разъ онъ употребляетъ правильныя пріемы изученія; здѣсь не существуетъ уже никакихъ сомнѣній и колебаній. Чѣмъ

дальше идетъ человѣческій умъ по этому пути, тѣмъ болѣе къ твердымъ результатамъ онъ можетъ придти и въ пониманіи цѣлаго, тѣмъ шире становятся его міровоззрѣніе и идеалы, тѣмъ полнѣе онъ можетъ руководить своимъ поведеніемъ, тѣмъ правильнѣе понимаетъ онъ будущее. Постоянно долженъ онъ прибѣгать къ обоимъ путямъ: разлагающему анализу и объединяющему синтезу. Это соответствуетъ внутреннему существу человѣческаго ума, его запросамъ и склонностямъ къ познанію. „Прогрессирующий анализъ цѣлаго, обладаніе непосредственнымъ знаніемъ и пониманіемъ котораго присуще намъ съ самаго начала, — таковъ характеръ исторіи духовныхъ наукъ“, говоритъ Дильтей.

Тотъ-же самый путь проходить и изученіе народнаго хозяйства. Исходя изъ представленій и цѣлей семейства, общиннаго и государственнаго хозяйства, оно постепенно, путемъ анализа оборота и трудящагося человѣка, матеріальной жизни и причинъ богатства, приходитъ къ понятію народнаго хозяйства. Оно дѣлается наукой въ собственномъ смыслѣ слова, отдѣляясь въ качествѣ самостоятельной части отъ этики, и, со времени прогресса въ его области познанія отдѣльных явленій, стремится давать предварительные образы цѣлаго, выставляетъ идеалы и практическія ученія. Оно впало въ односторонность, когда разсматривало преходящія требованія времени какъ послѣдніе принципы, а въ абстрактныхъ образахъ частныхъ видѣло цѣлое, — когда оно желало заниматься простыми логическими заключеніями изъ несовершенныхъ абстракцій, въ то время какъ его посылки являлись столь-же несовершенными, какъ и познаніе дѣйствительности. На правильный путь оно стало послѣ того,

какъ исторія и философія снова привели его къ пониманію коллективныхъ явленій и цѣлаго, послѣ того какъ статистика и экономическая исторія указали ему путь методическаго эмпирическаго изслѣдованія, а психологія поставила, какъ неизбѣжную цѣль, отысканіе истинныхъ творческихъ причинъ, управляющихъ всѣмъ происходящимъ въ человѣческой жизни.

Хозяйство, нравы и право.

Хозяйство, нравы и право.

Въ послѣднее время часто утверждаютъ, что существенное отличіе новѣйшей реалистической политической экономіи, сравнительно со старой абстрактно догматической, заключается въ иномъ взглядѣ на отношеніе государства къ народному хозяйству, который выставила новая школа. Въ нѣкоторой степени это утвержденіе, конечно, справедливо, но далеко не безусловно; по отношенію къ нѣкоторымъ новымъ спорнымъ вопросамъ наблюдается также противоположное; я могъ бы, поэтому, утверждать, что правильное пониманіе не достигается, потому что противоположность лежитъ глубже. Иная роль, которую новая школа отводитъ государству, стоитъ въ зависимости отъ того, что эта школа защищаетъ новое, видоизмѣненное пониманіе отношенія народнаго хозяйства къ нравамъ и праву. Въ отдѣльныхъ вопросахъ оно и можетъ, поэтому, стоять гораздо болѣе за уменьшенное, чѣмъ за увеличенное воздѣйствіе государства, хотя въ общемъ она и не признаетъ принципиальнаго отрицательнаго отношенія къ мѣропріятіямъ государства и законодательному вмѣшательству въ народно-хозяйственную жизнь. Новый взглядъ на отношеніе государства къ нравамъ и праву я уже нѣсколько разъ раньше называлъ эти-

ческимъ ¹⁾). Это названіе не ново, но мнѣ кажется, что изъ него до сихъ поръ выведены еще не всѣ слѣдствія. Я-бы и хотѣлъ здѣсь обратить вниманіе на наиболѣе существенныя изъ нихъ.

Старая политическая экономія часто утверждала, что не существуетъ никакого *народнаго* хозяйства, *народнаго* капитала, *народнаго* дохода, но имѣются на лицо лишь отдѣльныя хозяйства, индивидуальныя доходъ и капиталъ. Последнее, конечно, ложно, такъ какъ геній языка не могъ обозначить общимъ названіемъ того, что въ дѣйствительности не имѣетъ ничего общаго. Когда говорятъ объ англійскомъ, нѣмецкомъ народномъ хозяйствѣ, народномъ хозяйствѣ гренландцевъ, кафровъ, китайцевъ, то этими выраженіями желаютъ указать не только, и не главнымъ образомъ, на сумму отдѣльныхъ хозяйствъ, ихъ территорію или общую имъ государственную власть, но и на единое цѣлое, отдѣльныя части котораго стоятъ во всѣхъ своихъ отношеніяхъ въ иномъ взаимодѣйствіи, чѣмъ тѣже части съ отдѣльными хозяйствами иныхъ государствъ или народовъ. И этотъ общій, объединяющій отдѣльныя хозяйства народа или государства элементъ, не есть просто го-

¹⁾ Ее можно бы въ нѣкоторомъ смыслѣ также хорошо называть психологической; психологическій элементъ въ народномъ хозяйствѣ въ основѣ тотъ-же самый, что и этический; психологическіе факторы суть источникъ того, о чемъ я говорю; это — ихъ продуктъ. Всѣ лучшіе старые политико-экономы связывали психологическія открытія съ своими изслѣдованіями, и прежде всего Адамъ Смитъ. Все ученіе объ эгоизмѣ, какъ двигающей силы народнаго хозяйства, есть ничто иное, какъ грубый опытъ удовлетворенія потребности политической экономіи въ психологическомъ обоснованіи. Среди новыхъ писателей на эту психологическую сторону сдѣлалъ существенныя указанія Гильдебрандъ.

сударство, а нѣчто болѣе глубокое: общность языка, исторіи, воспоминаній, обычаевъ и идей. Это—общій міръ идей и чувствъ, это—господство общихъ представленій, болѣе или менѣе согласное сочетаніе всѣхъ психологическихъ стремленій. Болѣе того, это—выросшій изъ этихъ согласныхъ психологическихъ основъ и сдѣлавшейся объективнымъ общій порядокъ жизни, это—общій *этосъ*, какъ греки называли кристаллизировавшееся въ правѣ и нравахъ общее духовно-нравственное сознаніе, воздѣйствующее на все поведеніе людей, слѣдовательно и на ихъ хозяйственныя дѣйствія.

Въ послѣднее время утверждали также съ особенной энергіей ²⁾, что хозяйственныя дѣйствія не могутъ

²⁾ См. ст. проф. А. Лассона объ этическомъ пониманіи народнаго домоводства (*Vierteljahrsschrift für Volkswirtschaft*, XLI, 34 сл.). Развитая здѣсь теорія очень проста. Въ области чувственныхъ стремленій нѣтъ ничего нравственного, но дѣйствуютъ лишь механическія силы. Народное домоводство стремится только къ удовлетворенію внѣшнихъ потребностей, тѣлесныхъ побужденій. Здѣсь не можетъ быть рѣчи о нравственныхъ факторахъ. Это справедливо по отношенію какъ къ самымъ примитивнымъ, такъ и самымъ культурнымъ формамъ хозяйственной жизни. Нравственное народное хозяйство существуетъ столько-же, сколько и нравственное поваренное искусство. Вся хозяйственная дѣятельность вытекаетъ изъ нужды,—недостатка въ естественныхъ средствахъ существованія. Борьба за существованіе руководитъ отдѣльными хозяйствами, связываемыми между собою лишь юридическими предписаніями закона. Экономическое поведеніе человека можетъ, конечно, зависѣть и отъ нравственныхъ мотивовъ, но оно не должно отъ нихъ зависѣть непременно. Экономическое дѣйствіе, какъ такое, нравственно безразлично; оно лежитъ впереди и ниже сферы нравственности. Нравственность не приноситъ ничего новаго въ сферу хозяйственной

быть разсматриваемы съ этической точки зрѣнія, потому что они суть прежде всего дѣйствія техническія. Гвоздь можно вбить искусно или неискусно, но одно изъ этихъ дѣйствій стоитъ въ нравственномъ отношеніи не выше, чѣмъ другое. Я могъ-бы даже не отвѣчать на это возраженіе. Простая техническая работа должна быть цѣлесообразна, систематична; она не должна быть совершаема съ излишней затратой средствъ. Простая естественная сила, простая необходимость никогда не вынуждаютъ къ чему-либо иному, кромѣ мимолетнаго напряженія. Дикарь возвращается въ свой лагерь, лишь только онъ удовлетворилъ свой голодъ. Онъ знаетъ только дѣйствія по непосредственному побужденію; онъ лѣнивъ. Поэтому Фихте и называлъ лѣность основнымъ порокомъ человѣчества. Теперешнее пониманіе труда, даже чисто индивидуальнаго, на оборотъ, проникнуто нравственнымъ содержаніемъ. Трудомъ мы называемъ ту разумную самостоятельность, которая съ продолжающимся напряженіемъ стремится создать нѣчто, признанное въ качествѣ имѣющаго право на существованіе въ системѣ человѣческихъ цѣлей, которая сдѣлалась въ нѣкоторомъ смыслѣ сама себѣ цѣлью, поскольку она имѣетъ для насъ значеніе какъ школа

жизни, руководимой силами, лежащими въ природѣ самого дѣла.

Я не знаю, чему болѣе удивляться въ разсужденіи г. Лассона, игривымъ ли его построеніемъ въ области древне-франкской филологіи или его комическимъ представленіямъ о томъ, что такое политическая экономія. Кто, какъ онъ, думаетъ, что при разрѣшеніи политико-экономическихъ проблемъ разсуждаютъ о томъ, какъ колятъ дрова (стр. 69), — тотъ, конечно, долженъ написать какъ философскій трактатъ о колѣхъ дровъ, такъ и объ отношеніи философіи и этики.

всѣхъ добродѣтелей, какъ хранительница всякаго владѣнія, какъ основа нашей общественной организаціи.

Такимъ образомъ, слѣдовательно, всѣ индивидуальныя хозяйственныя дѣйствія рядомъ съ техническими не лишены и нравственныхъ качествъ. Но большая часть дѣйствій, которыя мы изучаемъ въ народномъ хозяйствѣ, не принадлежитъ къ области индивидуальной технической дѣятельности. Политическая экономія не технологія; она изучаетъ главнымъ образомъ отношенія отдѣльныхъ хозяйствъ другъ къ другу и къ цѣлому, а при этомъ дѣло идетъ прямо о такихъ дѣйствіяхъ, при которыхъ техническая сторона если и не отступаетъ совершенно на задній планъ, то во всякомъ случаѣ получаетъ опредѣленную окраску, форму и направленіе только при посредствѣ нравовъ и права, этоса.

Хозяйственная жизнь начинается какъ чисто-естественная; естественныя стремленія и потребности составляютъ ея исходный пунктъ; изъ нея никогда не исчезаетъ эта естественная основа; постоянно дѣло идетъ при ней объ удовлетвореніи естественныхъ потребностей, о естественныхъ средствахъ къ удовлетворенію высшихъ потребностей. Но она и не останавливается никогда на чистой естественно-технической ступени, потому что всякое естественное дѣйствіе подчиняется въ своемъ проявленіи прирожденному нравственному чувству, эстетической потребности и разуму, преобразовываясь подъ ихъ вліяніемъ. Уже у самыхъ дикихъ племенъ изъ хаоса животной жизни, подъ вліяніемъ инстинкта, повторяющихся случаевъ, понесеннаго вреда—образуется нѣкоторый порядокъ, который стоитъ выше, чѣмъ сила и природа, — который содержитъ въ себѣ ядро нравовъ, права, гражд-

данскаго общества. Даже въ жизни животныхъ наблюдаются зачатки такого порядка. Медвѣди и другіе хищные звѣри имѣютъ опредѣленные участки охоты и преслѣдуютъ нарушеніе ихъ границъ. Если такимъ образомъ даже звѣрь ставитъ извѣстный порядокъ выше, чѣмъ простую силу, ложно и должно быть ложно наименованіе нарушеній этого порядка, силы въ самой въ себѣ, разумомъ раннихъ временъ человѣческаго общества.

Мирныя, нравственныя отношенія многихъ членовъ человѣческаго общества между собою невозможны, наконецъ, безъ извѣстнаго соглашенія, безъ взаимнаго пониманія и признанія. Это признаніе создаетъ духовную связь между участниками, между цѣлымъ обществомъ, — связь, которая становится все тверже и тверже подъ вліяніемъ традицій и обращается въ нравы, т. е. въ порядокъ, считающійся разумнымъ и священнымъ, получающій санкцію религіозной мистики и перерождающій индивида.

Нравы составляютъ противовѣсъ дикости первобытнаго человѣка, игрѣ его страстей и причудъ. Они вторгаются во всѣ естественныя событія и придаютъ имъ твердую форму. Эта форма въ началѣ можетъ быть очень грубой, изувѣрной, странной, — и тѣмъ не менѣе она представляетъ собою ростки нравственно-эстетическаго чувства и разума, которые начинаютъ подчинять чистыя естественныя силы правилу. Нравы не прирождены; имъ не божество обучаетъ, они образуются и подчиняются прогрессивному преобразованію и очищенію. Они — вѣчно новое откровеніе духа въ естественной жизни. При посредствѣ нравовъ строить человѣкъ второй міръ, „міръ культуры“. Къ этому

міру культуры принадлежит также и народное хозяйство.

По инстинкту есть человек; но нравы заставляют его есть в определенное время, с определенными формами и приборами; холод вынуждает его к прикрытію тѣла, нравы создают одежду, моды, всякое высшее и благородное потребленіе. По инстинкту женится человек, но нравы создают брак и домашній очагъ. По чувству голода убиваетъ охотникъ дичь; нравы сообщаютъ ему исключительное право на эту дичь, родятъ такимъ образомъ собственность, которая въ свою очередь создаетъ наследственное право. Безъ твердыхъ нравовъ не существуетъ рынка, обмѣна, денежнаго обращенія, раздѣленія труда, кастъ, рабства, государства. Во всѣхъ жизненныхъ областяхъ и кругахъ создаются свои обряды, символы, которыми юная фантазія сопровождаетъ всѣ человѣческія дѣйствія, чтобы этимъ выразить, что ничего не совершается простымъ естественнымъ и техническимъ путемъ, но что все совершается только тогда правильнымъ образомъ, когда, благодаря символамъ нравовъ, все приводится въ связь и соотношеніе съ систематическимъ жизненнымъ планомъ.

Если мы уже на самыхъ древнихъ ступеняхъ культуры отнюдь не можемъ ограничиваться изученіемъ однихъ естественныхъ процессовъ, то въ несравненно большей степени это справедливо по отношенію къ высшей культурѣ. Нравы могутъ на этой послѣдней ступени потерять свою старую строгость, они превращаются здѣсь въ религію, право, объективный обычно-правовой порядокъ отношеній, въ свободную нравственность. Но основаніе всѣхъ этихъ отношеній остается одно и то же. Никогда не встречаемся мы съ чисто

естественными потребностями, но всегда и съ потребностями добрыхъ нравовъ, никогда — ~~а~~ одними только чисто-техническими хозяйственными процессами, но съ процессами, которыя регулируются, обычаемъ, привычками, нравами и правомъ. „Le mot d'économie, говорить Дюноайе ³⁾ — n'exprime foncièrement que des idées d'ordre, de loi, de règle“. Сила народа, даже и экономическая, основывается на мѣрѣ развитія въ нихъ общихъ чувствъ, ихъ способности подчиняться общимъ правиламъ и общимъ учрежденіямъ ⁴⁾. Въ общности проявляется то, чѣмъ человекъ возвышается надъ животнымъ, — разумъ и нравственное чувство. Я перехожу къ вопросу о томъ, какія заключенія вытекаютъ изъ этого для всѣхъ тѣхъ проблемъ, которыя относятся къ народно-хозяйственной организаціи, т. е. къ вопросу о томъ, какимъ образомъ у одного народа опредѣляется взаимодействие индивидуумовъ при производствѣ и распредѣленіи прибылей производства. Отвѣтъ простъ. Народно-хозяйственная организація каждаго народа есть ничто иное, какъ порядокъ экономической жизни, о которомъ только-что была рѣчь; она находитъ свое выраженіе въ этическихъ правилахъ, въ хозяйственныхъ нравахъ и въ хозяйственномъ правѣ каждаго народа. При этомъ дѣло идетъ не исключительно и даже не главнымъ образомъ о большихъ хозяйственныхъ институтахъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ и правовые институты, каковы: рабство, крѣпостничество, ленныя отношенія, цеховыя, свобода промышленности, аграрное устройство. И во всѣхъ подчиненныхъ во-

³⁾ La liberté du travail I, введ. стр. XI.

⁴⁾ Ср. разсужденія Lazarus'a объ отношеніи индивида къ обществу въ Zeitschr. für. Völkerpsych., X, 383.

просахъ организаціи, даже тамъ, гдѣ совсѣмъ не существуетъ или не находитъ выраженія положительное право, — всякое постоянное хозяйственное состояніе основывается на извѣстныхъ правилахъ, которыя становятся нравами. Всякій продолжительный сбытъ товаровъ, всякая продолжительная связь между раздѣленными отраслями труда, всякое настроеніе рынка, всякое процвѣтаніе торговли основывается на нѣкоторой правильности повторяющихся подобныхъ или одинаковыхъ хозяйственныхъ дѣйствій. Эта правильность рождаетъ опредѣленныя формы, создаетъ извѣстные нравы, безъ которыхъ было-бы невозможно равное и покойное теченіе дѣлъ. Но эти нравы получаютъ затѣмъ нѣкоторую самостоятельную и твердую форму, которая снова въ силу обычая, *vis inertiae*, опредѣляетъ съ своей стороны дальнѣйшее теченіе хозяйственной жизни. Побочный вопросъ о томъ, построены-ли извѣстныя дѣловыя отношенія на наличной расплатѣ или допускаютъ опредѣленный видъ кредита, воздѣйствуетъ самостоятельно на преуспѣяніе той или иной отрасли промышленности, на ухудшеніе или улучшеніе положенія одной стороны въ конкурентной борьбѣ. Побочный вопросъ о томъ, сносятся-ли кустарный мастеръ съ фабрикантами непосредственно или при участіи посредника, фактора, — характеръ этихъ сношеній, какъ онъ опредѣляется нравами, воздѣйствуетъ опредѣляющимъ образомъ на все состояніе, на все развитіе даннаго кустарнаго производства. Количество предложенія на рынкѣ вліяетъ отнюдь не прямо на покупателей, но только черезъ посредство извѣстныхъ психологическихъ процессовъ, извѣстныхъ нравовъ. Въ послѣднее время Торнтонъ съ особой убѣдительностью показалъ, какъ ложны старыя абстрактныя положенія о прямомъ воз-

дѣйствиі всякаго измѣненія въ количествѣ предложенія. Онѣ показаль, что спросъ и предложеніе воздѣйствуютъ другъ на друга постоянно только внутри извѣстнаго тѣснаго круга, — внутри пространства, опредѣляемаго нравами, сужденіями и чувствами лицъ, противостоящихъ другъ другу, такъ какъ они прежде и скорѣе всего поддаются вліянію измѣненія цѣнъ и потребленія. Поскольку же послѣ этого торнтоновскаго ограниченія наступаютъ дѣйствія спроса и предложенія, они, по различію нравовъ, проявляютъ свое вліяніе не повсюду съ одною и тою-же силою и быстротою. Въ одномъ мѣстѣ съ развитыми дѣловыми нравами переполненіе рынка вызываетъ тотчасъ обратную спекуляцію, въ другомъ безъ этой послѣдней тотъ-же самый излишекъ предложенія приводитъ къ долгому хроническому угнетенію цѣнъ. Паденіе цѣнъ на сахаръ въ Англіи вліяетъ на увеличеніе потребленія, подобное же паденіе у насъ не производитъ такого дѣйствія, потому что у насъ иныя привычки въ области потребленія сахара.

Весь спросъ есть ничто иное, какъ часть конкретной исторіи нравовъ даннаго времени и даннаго народа. Весь рабочій вопросъ зависитъ отъ нравовъ рабочихъ; повышеніе и паденіе заработной платы стоитъ въ прямой связи со степенью стойкости и склонности нравовъ къ сохраненію или развитію нѣкоторыхъ жизненныхъ потребностей.

Всѣ конкретныя вопросы политико-экономической организаціи находятся такимъ образомъ въ зависимости отъ предварительнаго вопроса о томъ, какимъ образомъ видоизмѣняются основныя психологическія стремленія у даннаго народа подъ вліяніемъ нравовъ и права.

Поэтому, съ моей точки зрѣнія, и ученіе объ эгоизмѣ или интересѣ, какъ постоянномъ и однообразномъ психологическомъ исходномъ пунктѣ всякой экономической дѣятельности, есть ничто иное, какъ безпочвенная поверхностность. Конечно, эгоизмъ — одинъ изъ полюсовъ человѣческой жизни; какъ внутреннее побужденіе, онъ имѣетъ такое-же право на существованіе, какъ мое требованіе время отъ времени что нибудь ѣсть. Но, онъ не есть ничто свойственное только экономической жизни; и въ другихъ областяхъ жизни точно также человѣкъ колеблется между двумя крайностями: относить все къ своему лицу, своимъ желаніямъ, или все къ цѣлому, къ общественному (общему). Но, во всякомъ случаѣ эгоизмъ никогда не является точно определенной, всегда сама себя равной силой. По отношенію къ вопросу, возможно-ли въ настоящее время, у даннаго народа, провести данное фабричное законодательство, для меня ссылка на эгоизмъ говоритъ столько-же, какъ и то объясненіе изобрѣтенной вновь паровой машины, что она сдѣлана изъ желѣза. Это я и самъ знаю, а мнѣ нужно знать, какимъ образомъ здѣсь обработано желѣзо, что за формы созданы изъ него въ подробностяхъ. Такъ и тамъ: что съ эгоизмомъ слѣдуетъ считаться, что его нельзя подавить, что онъ и не долженъ быть подавленъ, что онъ въ предѣлахъ извѣстныхъ границъ имѣетъ полное право на существованіе, что онъ необходимый горючій матеріалъ, который приводитъ въ движенію всю машину,—это само собою понятно, объ этомъ для лицъ, свѣдущихъ въ дѣлѣ, незачѣмъ болѣе и говорить. Конкретный-же, подлежащій рѣшенію вопросъ состоитъ въ томъ, какимъ образомъ въ определенное время и въ определенныхъ кругахъ это стремленіе видоизмѣ-

няется подъ вліяніемъ культурной работы столѣтій, какъ и въ какой мѣрѣ оно проникается и пропитывается нравственными и юридическими представленіями. Всякое практическое экономическое изслѣдованіе должно выходить, поэтому, изъ представленія о характерѣ, съ которымъ имѣетъ дѣло, изъ нравовъ и представленій даннаго времени, состоянія, профессіи, мѣста, о которыхъ говорятъ. Никогда осторожное изслѣдованіе не позволитъ себѣ дѣлать заключенія отъ состоянія умовъ и нравовъ рабочихъ классовъ народа, который процвѣталъ 2.000 лѣтъ тому назадъ, къ настоящему времени. Осторожное изслѣдованіе всегда будетъ считаться съ никогда не прекращающимся процессомъ психологическаго развитія человѣчества и, поэтому, выходить всегда изъ конкретныхъ психологическихъ характеристикъ. Во всякой такой характеристикѣ эгоизмъ будетъ встрѣчаться какъ существенный моментъ, но однако всегда, въ каждый моментъ, видоизмененный на иной ладъ и потому всегда производящій новый, инымъ образомъ устроенный экономическій порядокъ. Эгоизмъ въ народномъ хозяйствѣ падобенъ пару въ паровой машинѣ; его вліяніе я могу опредѣлить только тогда, когда я знаю, подъ какимъ давленіемъ онъ работаетъ.

Давленіе, о которомъ идетъ здѣсь дѣло, образуется всегда изъ нравственной культурной жизни; это давленіе этоса на естественныя склонности; произведеніе, которое мы стремимся разыскать, есть всегда діагональ силъ. Нужно всегда знать объ силы для того, чтобы опредѣлить діагональ правильно. Этимъ мы достигаемъ также и правильной точки зрѣнія для сужденія о томъ, какое отношеніе слѣдуетъ установить къ тому способу выраженія, къ которому и теперь

часто прибѣгаютъ люди, не считающіе себя манчестерцами, но постоянно съ особымъ пристрастіемъ говорящіе объ естественныхъ законахъ народнаго хозяйства, объ естественномъ порядкѣ экономическихъ явленій.

Съ этимъ послѣднимъ выраженіемъ соединяются два абсолютно ложныхъ представленія. Во-первыхъ — съ такой силой опровергнутая уже со времени Листа, Рощера, Гильдебранда и Кнуса, идея о постоянной, вѣ въ времени и пространства существующей нормальной формѣ народно-хозяйственной организаціи, которая, достигая своего высшаго выраженія въ свободной торговлѣ и промышленности, свободномъ движеніи земельной собственности, благодаря вмѣшательству государства можетъ быть только разрушена, и вѣ въ которой не можетъ быть и рѣчи ни о какомъ прогрессѣ. Эту ошибку раздѣляютъ всѣ тѣ, которые считаютъ отношеніе экономическихъ классовъ установленнымъ въ главныхъ своихъ частяхъ на всѣ времена. Я не буду здѣсь входить въ болѣе подробное разсмотрѣніе этой ошибки, такъ какъ она въ достаточной степени раскрыта въ своихъ основныхъ чертахъ названными выше писателями. Но къ вопросу о социальномъ прогрессѣ я возвращусь ниже еще разъ.

Второе ложное представленіе, которое я имѣю въ виду, въ настоящее время распространено еще болѣе. О немъ идетъ дѣло прежде всего въ научномъ спорѣ новѣйшихъ политико-экономовъ съ старой народно-хозяйственной школой. Это представленіе, которое я желалъ бы оспаривать всѣми силами, состоитъ въ томъ, что, не признавая полнаго постоянства народно-хозяйственной организаціи, считаютъ однако внѣшніе и техническіе факты экономическаго развитія абсолютно и единственно опредѣляющими организацію

хозяйства данного времени. Правильно поставленный вопрос состоит въ томъ, существуетъ-ли для всякой формы естественнаго состоянія почвы, для всякаго климата, для всякаго періода накопленія капитала и числа народонаселенія, какъ для ремесленной, такъ и фабричной промышленности, коротко—для всякаго періода техники абсолютно необходимый, этими матеріальными фактами опредѣленный порядокъ народно-хозяйственной жизни?

Теперь, конечно, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что эти внѣшніе факты самымъ могущественнымъ образомъ вліяютъ на нравы и право. Всякій приростъ населенія, всякое большое измѣненіе техники, оборота родитъ необходимо иной экономической порядокъ. Переходъ отъ трехпольнаго хозяйства къ плодоперемѣнному создаетъ совсѣмъ иное аграрное право; современные пути сообщенія создали свободную торговлю, паровыя машины и современная техника, можетъ быть, больше всего повинны въ созданіи свободной промышленности. Я отрицаю не внутреннюю связь между естественными фактами опредѣленнаго экономического состоянія и внѣшней организаціей народнаго хозяйства. Я признаю и подчеркиваю особенно настойчиво, что всякій большой техническій прогрессъ не можетъ болѣе довольствоваться старымъ экономическимъ законодательствомъ, старыми экономическими нравами, и что на мѣсто послѣднихъ вмѣстѣ съ прогрессомъ создаются новые. Но я отрицаю, что новый жизненный порядокъ, новое право, новые нравы даются сами собою вмѣстѣ съ успѣхами техники, что они могутъ отлиться только въ одну опредѣленную форму.

Здѣсь повторяется тотъ-же самый процессъ, который имѣетъ мѣсто въ началѣ всякой исторіи. Нѣкото-

рыя естественныя дѣйствія являются неизбежно необходимыми; но они вмѣстѣ съ тѣмъ поддаются воздействию психическихъ побужденій, господствующихъ представленій и идей, и отливаются въ опредѣленные бытовые и юридическія формы. Эти формы въ извѣстныхъ основныхъ чертахъ опредѣляются природою техники, но въ своихъ существенныхъ деталяхъ зависятъ отъ того, какимъ образомъ культурныя идеи времени, нравственныя и эстетическія представленія, близорукія или дальновидныя соображенія воздѣйствуютъ преобразовывающимъ образомъ на первоначальныя, руководимыя грубыми естественными силами эгоистическія склонности людей.

Вопросы организаціи народнаго хозяйства, т. е. самыя важныя и интересныя вопросы нашей науки, суть слѣдовательно не только вопросы техники; они опредѣляются не только естественными, механически дѣйствующими силами, но суть также вопросы психологическихъ жизненныхъ стремленій, вопросы нравовъ и права, вопросы этического порядка жизни. Поэтому не существуетъ никакого естественнаго порядка народнаго хозяйства въ древнѣйшемъ смыслѣ; ложно, поэтому, далѣе также и то, что будто-бы экономическую дѣятельность въ ея результатахъ слѣдуетъ разсматривать какъ нравственно безразличную. Всякая данная народно-хозяйственная организація имѣетъ свою цѣлью не только производство благъ, но вмѣстѣ и стремится быть вмѣстилищемъ, творческой причиною, опорой для созданія нравственныхъ факторовъ, безъ которыхъ общество не можетъ жить. При всякомъ конкретномъ способѣ раздѣленія труда или прибыли спрашиваютъ: правильно-ли оно воспитываетъ молодыя рабочія силы, воздѣйствуетъ-ли оно также и у взрослыхъ на при-

лежаніе, разчетливость, сознаніе отвѣтственности, честность, добрую семейную жизнь, чтобы обезпечить прогрессъ и здѣсь и не лишиться источниковъ будущаго благосостоянія. Являются-ли эти вопросы вопросами естественнаго порядка? Да, конечно, если понятія причинности и естественнаго порядка совпадаютъ; нѣтъ, если различаютъ между механически дѣйствующими и духовно-нравственными, психологическими причинами.

По поводу этого отношенія естественныхъ и духовно-нравственныхъ причинъ въ области народнаго хозяйства я долженъ присоединить нѣсколько дальнѣйшихъ замѣчаній. Механическая основа всякаго экономическаго порядка жизненныхъ отношеній дана естественными факторами и фактами, числомъ народонаселенія, требованіями техники, раздѣленіемъ труда и т. д.; конечно, и эти требованія не абсолютны; коллизія нравственныхъ и техническихъ требованій можетъ иногда заставлять лучше остаться временно на технически несовершенной ступени, чѣмъ потерпѣть большой нравственный вредъ. Но правиломъ будетъ всегда стремленіе достигнуть мыслимо лучшей точки совершенства техники, возможнаго соответствія хозяйственной дѣятельности съ данными естественными фактами, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ преобразовать въ отношеніи къ нимъ нравы и право, чтобы исчезли всѣ вредныя слѣдствія этого совершенства техники. Поэтому не имѣютъ смысла глупо сантиментальныя жалобы на природу денегъ, биржи, большіе города, машины, фабричное производство, но при этомъ должно строго защищать положеніе, что недостатки, которыя протекаютъ вслѣдствіе этихъ фактовъ, являются результатомъ несовершенства экономическаго порядка, а не чѣмъ-то необходимымъ, даннымъ отъ природы.

Новая техника, большія машины для насъ необходимы; но женская и дѣтская работа, характеръ существующихъ рабочихъ договоровъ, способъ распредѣленія общаго продукта фабричнаго производства, забота о старыхъ и больныхъ рабочихъ, распредѣленіе риска (отъ застоя въ работѣ, опасностей, связанныхъ съ жизнью, потери капитала и т. д.)—все это не дано вмѣстѣ съ техническими фактами машиннаго производства, а зависитъ отъ нравовъ и права, отъ культурныхъ идей времени.

Благодаря техники и другимъ факторамъ, напр. благодаря современному развитію всемірной торговли, въ различныхъ мѣстахъ вызваны къ жизни большія предприятия, но лучше-ли они будутъ дѣйствовать въ рукахъ отдѣльныхъ предпринимателей, товариществъ, акціонерныхъ компаній, общинъ или въ рукахъ государства (напр. почты, желѣзныя дороги), это опредѣляется не естественными силами; рѣшающими въ этомъ случаѣ являются психологическіе факторы, нравственные и бытовые обычаи, культурныя и юридическія идеи.

Распредѣленіе дохода опредѣляется традиціоннымъ распредѣленіемъ имущества, наличнымъ соотношеніемъ силъ экономическихъ классовъ, индивидуальными дарованіями; но оно далеко не простой продуктъ такихъ реальныхъ фактовъ; нѣтъ чисто-естественнаго распредѣленія дохода, такъ какъ таковое состояло-бы въ *bellum omnium contra omnes*, а главными способами распредѣленія въ такомъ случаѣ были-бы грабежъ и убійство. Такой *bellum omnium* въ дѣйствительности не существуетъ, и, по скольку мы знаемъ, ея никогда и не существовало, ибо никогда не было людей безъ зачатковъ нравовъ и права. Покоющееся на нравственныхъ

убѣжденіяхъ право съ теченіемъ культурнаго развитія оказывало все возрастающее вліяніе на распредѣленіе дохода, и теперь важнѣйшими факторами распредѣленія дохода являются обычаи всякаго рода, нравственныя и юридическія идеи. Вопросы силы разсматриваются все болѣе и болѣе какъ стоящія въ противорѣчій съ нравственными идеями, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь.

Всякое совершенствованіе нравственныхъ чувствъ, всякое повышеніе уровня образованія, заставляющее заинтересованныхъ лицъ смотрѣть дальше въ будущее, можетъ привести, даже при вполнѣ тождественной техники, при вполнѣ одинаковыхъ естественныхъ фактахъ, къ измѣненію народно-хозяйственной организаціи. Нравы и право въ древнѣйшее время суть всегда только продуктъ грубыхъ нравственныхъ представленій, очень неясныхъ, не достаточно сознанныхъ понятій; въ теченіе культуры эти представленія и понятія подвергаются постоянному процессу совершенствованія, который приводитъ народное хозяйство ступень за ступенью отъ самыхъ дикихъ формъ власти и вынужденнаго объѣма къ все болѣе благороднымъ и чистымъ формамъ соціального взаимодействія.

Въ этомъ психолого-умственномъ элементѣ народно-хозяйственнаго жизненнаго порядка лежитъ, конечно, вмѣстѣ съ тѣмъ и объясненіе, почему въ ходѣ прогресса замѣчается временно реакція или застой; страсти и глупость могутъ по временамъ одерживать верхъ, утверждать господство отдѣльныхъ классовъ, допускать до такого уродованія экономическаго строя жизни, что только путемъ погребенія цѣлой культуры можетъ возродиться новая жизнь. Но такія времена, такія пятныя движенія во всякомъ случаѣ не уничтожаютъ

общаго закона прогресса, они не освобождаютъ всѣхъ благородныхъ и чистыхъ людей отъ обязанности постоянно работать въ томъ направленіи, чтобы была найдена и установлена, при данной ступени техники, накопленія капитала и плотности населенія, наиболее совершенная форма экономическаго строя жизни.

Резюмирую еще разъ то, что я хочу здѣсь развить. Всякая народно-хозяйственная организація обуславливается двумя рядами относительно другъ отъ друга независящихъ причинъ. На одной сторонѣ стоятъ естественно-техническія причины, которыя исключительно принимала во вниманіе старая школа политической экономіи; на другой—причины, вытекающія изъ духовно-нравственной жизни народовъ и до сихъ поръ признававшіяся или отрицавшіяся, но никогда не подвергавшіяся систематическому изученію съ точки зрѣнія ихъ вліянія на строй экономическихъ отношеній. Наука народнаго хозяйства въ строгомъ смыслѣ слова будетъ существовать только тогда, когда будетъ подвергнута изученію не только первый, но и второй рядъ причинъ. Первый рядъ причинъ образуетъ основу, фундаментъ народнаго хозяйства; образующіяся изъ другого источника причины возвышаются какъ болѣе подвижное промежуточное зданіе на этомъ фундаментѣ. Только взятыя вмѣстѣ, эти причины даютъ опредѣленный результатъ; только на обѣихъ вмѣстѣ можетъ быть возведено зданіе народнаго хозяйства. Большая часть всѣхъ до сихъ поръ существовавшихъ политико-экономическихъ изслѣдованій страдала тѣмъ большимъ недостаткомъ, что стремилась этотъ послѣдній результатъ, т. е. опредѣленное экономическое состояніе, выводить только изъ перваго ряда причинъ. Они забывали или упускали изъ виду

цѣлое промежуточное зданіе, промежуточные члены, и громоздили поэтому на однихъ ложныхъ заключеніяхъ другія. Они постоянно страдали недугомъ объяснить изъ естественныхъ и техническихъ посылокъ то, что лежитъ внѣ всякой техники; они утверждали, что изъ опредѣленныхъ техническихъ фактовъ слѣдуетъ опредѣленный абсолютно - необходимый строй жизненныхъ отношеній и законодательства, въ то время какъ эти послѣдніе, по свидѣтельству исторіи, могутъ быть отлиты въ очень разнообразныя формы. Они не давали справедливой оцѣнки природы нравовъ и права, силы нравственныхъ чувствъ и идей, которыя точно также оказываютъ могущественное дѣйствіе на весь строй народнаго хозяйства.

Вотъ въ чемъ, слѣдовательно, лежитъ разница! Наша точка зрѣнія не тѣмъ отличается отъ воззрѣній господствующей школы, что мы мечтаемъ о возможномъ расширеніи государственнаго вмѣшательства, но въ томъ, что мы вводимъ рядомъ съ естественно-техническими также и психологическія и нравственныя причины, что мы, вслѣдствіе этого, признаемъ этический процессъ развитія формъ организаціи народнаго хозяйства, что мы вѣримъ въ прогрессъ, который долженъ отрицать или считать необъяснимымъ послѣдовательный мыслитель, видящій въ народномъ хозяйствѣ только одинъ естественный порядокъ.

Ученіе о народномъ хозяйствѣ приходило къ указаннымъ выше ошибочнымъ заключеніямъ въ то время, когда вѣрили въ возможность обладать правомъ простымъ, вѣчно остающимся однимъ и тѣмъ же, — когда, выбрасывая за бортъ всѣ старые, тогда конечно уродливые, исчезающіе обычаи и нравы, находили сущность индивидуума въ вѣчно одинаковой естественной

силѣ, когда радовались, какъ дѣти, необузданной, произвольной игрѣ этой естественной силы. Это былъ періодъ бурныхъ порывовъ предшествующаго столѣтія. Нѣсколько вѣчныхъ юридическихъ ограниченій, въ остальномъ безграничная свобода, уничтоженіе всѣхъ оковъ—вотъ лозунгъ и ошибки Руссо и Адама Смита.

Конечно, въ основаніи этого лозунга лежало зерно истины, иначе онъ не могъ-бы вліять столь величественно и могущественно. Всякое революціонное время, которое должно освободиться отъ стараго формальнаго права, лишеннаго въ большей своей части нравственнаго содержанія, будетъ возвращаться подобнымъ-же образомъ къ первоначальному источнику всего человеческого, къ чисто-индивидуальнымъ чувствамъ, оно всегда будетъ говорить о вѣчныхъ правахъ индивидуума,

„которые висятъ на небѣ неотъемлемо

и несокрушимо, подобно самимъ звѣздамъ“.—

она всегда будетъ держаться той теоріи, которую поэтъ въ томъ-же мѣстѣ обозначаетъ словами:

„Возвращается старое первобытное состояніе природы,

Гдѣ человекъ противостоитъ человеку“.

Теперь также вновь, хотя далеко не въ той мѣрѣ, какъ тогда, апеллируютъ къ нѣкоторымъ, неотчуждаемымъ правамъ индивидуума, выступаютъ въ поле съ аналогичными аргументами противъ частью устарѣлыхъ нравовъ и стараго права.

Я не хочу, слѣдовательно, отрицать того, что съ практической точки зрѣнія ходъ мыслей Адама Смита имѣетъ оправданіе. Но съ научной точки зрѣнія онъ одностороненъ, онъ невѣрно смотритъ на этическое

понятіе свободы, даетъ ошибочное представленіе о природѣ нравовъ и права, причинахъ, которыя ставятъ пограничный столбъ между правомъ и нравами, между свободой и принужденіемъ. Я долженъ по поводу этого присоединить еще нѣсколько замѣчаній, хотя этимъ не смогу не только исчерпать затронутый вопросъ, но даже коснуться нѣкоторыхъ его чрезвычайно важныхъ сторонъ.

Въ древнѣйшее время во всѣхъ жизненныхъ областяхъ господствуютъ неподвижные и неотдѣлимые отъ религіи и права нравы. Это не можетъ долго продолжаться, потому что свободная нравственность, которая сама отыскиваетъ, находитъ и выбираетъ, правильную дорогу стоять, выше и должна едѣлаться предметомъ послѣдовательныхъ стремленій. Отдѣльные индивидуумы начинаютъ, поэтому отрѣшаться отъ старыхъ обычаевъ, они поступаютъ иначе, чѣмъ ихъ сограждане; а, дѣлая это, они сами съ одной стороны начинаютъ создавать новые нравы, а съ другой ошибочными мыслями и поступками угрожаютъ крѣпости существующаго общественнаго и государственнаго строя. Вся область нравовъ приходитъ такимъ образомъ въ колебаніе; это необходимо и полезно; но рядомъ съ этимъ возникаетъ необезпеченность, колебаніе существующаго жизненнаго порядка, которыя связаны съ большими опасностями и потрясеніями. Народы чувствуютъ, что такимъ образомъ дѣло дальше идти не можетъ; они отливаютъ, потому, важнѣйшія части своего жизненнаго строя въ строжайшую форму, въ ясно формулированныя и точно выраженныя положенія⁵⁾, они фиксируютъ часть

⁵⁾ Понятно само собою, что я этими бѣглыми замѣчаніями не хочу дать точнаго описанія послѣдовательнаго хода раздѣле-

этого путем государственного принуждения. Одна часть этического порядка жизни приходит въ болѣ легкое, другая въ болѣ сильное колебаніе; первое поддерживаетъ въ качествѣ исполнительнаго органа общественное мнѣніе путемъ возраженій и порицаній согражданъ, другое уголовный и гражданскій процессъ и принудительная государственная власть. Такъ происходитъ отдѣленіе права отъ нравовъ; оно неизбежно для культурнаго прогресса; только благодаря ему личность получаетъ необходимую свободу для приложенія своихъ силъ, только такимъ образомъ можетъ быть достигнуто воспитаніе духовной свободы; только такимъ образомъ открывается для немногихъ, обладающихъ необходимыми къ тому способностями, возможность пролагать новые пути; съ другой стороны дается твердая опора тому, что должно оставаться непоколебимымъ въ интересахъ торговли и оборота, какъ и всей культурной жизни. Субъективизмъ и чувство выходятъ изъ сферы права и уступаютъ мѣсто правосудію, дѣйствующему по объективнымъ, механическимъ, но точнымъ правиламъ⁶⁾. Ради возможности ум-

нѣя права и нравственности; послѣднее было-бы возможно дать лишь на основаніи спеціальнаго юридико-и культурно-историческаго изслѣдованія. Раздѣленіе обоихъ совершается въ теченіе цѣлыхъ столѣтій и сопровождается многочисленными ошибками. Все средневѣковое цеховое устройство, напр., понятно будетъ только послѣ выясненія того, что оно произошло въ то время, когда право и нравы составляли еще одно цѣлое, когда старались удержать всевозможныя нравственныя правила при установленіи цеховыхъ обычаевъ и желали только поддерживать ихъ правовыми средствами, напр. исключая изъ цеха нечестныхъ людей и т. д. Большая часть стѣсненій позднѣйшаго цеховаго устройства тѣсно связано съ подобными постановленіями.

⁶⁾ Ср. *Thering*, Geist des römischen Rechts, I, 328 (3 изд. 1873).

ственного прогресса и нравственной свободы и личностъ подчиняется въ опредѣленныхъ пунктахъ вѣншей совмѣстной жизни, правиламъ суроваго права, признаетъ надъ собою власть общества по отношенію къ нѣкоторымъ вещамъ еще въ большей степени, чѣмъ прежде. Но расходясь такимъ образомъ въ своихъ дорогахъ, право и нравы остаются близнецами-братьями, родившимися отъ одной матери, вскормленными одной грудью. Ихъ общая цѣль—дать людямъ правила для правильнаго нормальнаго поведенія и дѣятельности, регулировать ихъ сосуществованіе. Нравственное и справедливое составляютъ тотъ матеріалъ, изъ котораго они созданы. Свободная нравственность, которая находитъ свой законъ и правила только въ себѣ самой, до сихъ поръ достояніе только немногихъ высокоодаренныхъ и выдающихся людей. Толпа и теперь еще руководствуется нравами и правомъ въ большей части своей дѣятельности, особенно экономической. Для большинства противоположность между нравами и правомъ лежитъ не въ томъ, что въ сферѣ юридической человѣкъ подчиненъ правиламъ, а въ остальныхъ своихъ поступкахъ совершенно предоставленъ собственному произволу, но въ томъ, что въ области права на него наложена твердая и прочная, а въ области нравовъ эластичная узда.

И теперь отдѣльный человѣкъ ведетъ свое хозяйство, ѣсть и пьетъ, какъ предписываютъ ему нравы; согласно съ ними онъ опредѣляетъ свои отношенія къ своимъ знакомымъ, коллегамъ, своимъ рабочимъ; по обычаямъ мѣстности онъ продаетъ и покупаетъ. Во многихъ пунктахъ, подлежащихъ спору въ области политической экономіи, вопросъ идетъ не о томъ, правильно-ли и желательно-ли то или другое само по себѣ,

а о томъ, слѣдуетъ-ли вынудить желательное путемъ нравовъ или права. Представитель идей свободной торговли также не стоитъ за чрезмѣрный воскресный, женскій и дѣтскій трудъ; онъ не желаетъ, чтобы кабаки были чрезмѣрно переполнены, чтобы развивалась недобросовѣстная торговля на вынось, — онъ желаетъ только, чтобы эти вопросы были регулированы нравами, а не правомъ и государствомъ. Онъ говоритъ: жизнь такъ сложна, что всякое неподвижное правило, которое примѣняется одинаковымъ образомъ ко всемъ случаямъ, приносить вредъ, что никакой государственнѣй чиновникъ не можетъ предусмотрѣть и регулировать правильно всѣхъ сложныхъ жизненныхъ сочетаній. Должна быть дана свобода для иного, чѣмъ установленный, порядка вещей тамъ, гдѣ и когда существуютъ мотивы къ иному ходу дѣлъ. Онъ желаетъ, слѣдовательно, не произвола, а только иного рода правомѣрности. Кто защищаетъ свободную конкуренцію, не говоритъ, что всякій можетъ дѣлать, что ему угодно; на-оборотъ, онъ думаетъ, что посредствомъ движенія цѣнъ всякій будетъ вынужденъ дѣлать то, что является наиболѣе подходящимъ для общаго блага. Такимъ образомъ и здѣсь во всякомъ случаѣ остается мѣсто всесильному дѣйствию нравовъ. Что въ конкурентной борьбѣ пристойно, что нѣтъ — опредѣляютъ нравы.

Если дѣло идетъ, такимъ образомъ, объ разграниченіи права и принужденія въ народномъ хозяйствѣ, то нужно ясно сознать то, что по ту сторону области, регулируемой правомъ и государственной властью, начинается не абсолютная индивидуальная свобода и произвольная, не регулируемая никакими правилами, дѣятельность, но только область господства болѣе сла-

быхъ въ смыслѣ принудительнаго воздѣйствія нравовъ, которые захватываютъ, въ свою очередь, очень широкія границы, и лишь за ними начинается граница свободной нравственности.

Вмѣстѣ съ этимъ не должно стирать противоположенія свободной нравственности, нравовъ и права, не слѣдуетъ также отрицать того, что величайшіе успѣхи человѣческаго прогресса тѣсно связаны съ тѣмъ, что наступило заботливое раздѣленіе этихъ трехъ областей, и что теперь нельзя регулировать рядъ однихъ точно опредѣленныхъ пунктовъ путемъ нравовъ, какъ рядъ другихъ—путемъ права⁷⁾.

7) Я не желаю отважиться на то, чтобы точнѣе опредѣлить, въ какихъ областяхъ въ теченіе культуры право превращается въ нравы, нравы въ свободную нравственность. Мои собственные изслѣдованія, касающіяся этого вопроса, еще далеко не закончены. Я могу здѣсь только напомнить то, что внѣшнюю свободу слѣдуетъ всегда отличать отъ духовной, научной и религіозной, что послѣдняя всегда является высшей. Пешель въ своей *Völkerkunde* (стр. 158) прекрасно и очень обстоятельно указываетъ на то, что дикари пользуются величайшей внѣшней свободой, которая дѣлаетъ возможнымъ такое изолированіе индивидуума, которое не встрѣчается болѣе ни на какой ступени культуры, благодаря тому, что охота является здѣсь единственнымъ источникомъ пропитанія. „Мы всѣ, восклицаетъ онъ, — рабы общества съ юности приготовленные старательно на должность колеса въ колесницѣ гражданской жизни, часто для исполненія роли только одной спицы или винта. Свободой пользуется только ботокудъ, австралиецъ, эскимосъ“. Но за то, прибавляетъ онъ дальше,—этотъ свободный охотникъ дрожитъ всю свою жизнь передъ созданіями своего собственного воображенія. „Такъ суждено нашему роду выбирать: сдѣлаться рабомъ среди гражданского порядка, но быть свободнымъ отъ угнетенія собственнымъ воображеніемъ, или, будучи независимымъ ни отъ какихъ общественныхъ оковъ, проходить

Слѣдуетъ только помнить то, что кто стоитъ за устраненіе юридическаго правила, законнаго принужденія, долженъ прежде всего уяснить, какіе нравы должны вступить на его мѣсто, какіе факторы могутъ воздѣйствовать на образованіе этихъ нравовъ,—что истинный споръ въ очень многихъ случаяхъ идетъ не о томъ, свобода или норма, а о томъ, юридическая или нравственная норма? Какъ скоро это поймутъ, то тотчасъ увидятъ, что вопросы свободы есть прежде всего вопросы образованія, что если рѣчь идетъ о свободѣ собственности, слѣдуетъ рѣшать вопросъ не о томъ, соотвѣтствуетъ-ли свобода природѣ оборота съ недвижимыми имуществами, а о томъ, обладаютъ-ли наши крестьяне той добродѣтелью, тѣми нравственными качествами, тѣми нравами, которые гарантировали-бы болѣе благопріятный результатъ при отсутствіи формальнаго, болѣе или менѣе шаблоннаго принужденія, твердой юридической нормы, чѣмъ при ихъ присутствіи.

Съ этой точки зрѣнія становится яснымъ, что должно то утвержденіе, которое считаетъ хозяйственную свободу своимъ предположеніемъ. Это предположеніе справедливо только при томъ условіи, если рѣчь будетъ идти объ опредѣленныхъ людяхъ, съ опредѣленными нра-

охотничьи участки въ качествѣ нѣкоторыхъ свободныхъ господъ, но за то быть постоянно напуганнымъ всякой смѣшной мечтой и оставаться добычей дѣтской боязни привидѣній“.

Этимъ вопросъ, конечно, не исчерпывается. Дальнѣйшую задачу исторіи составляетъ дать личности ея виѣшнюю свободу среди общества настолько, насколько это возможно. Но послѣдній цѣлью,—въ этомъ Пешель правъ, всегда останется внутренняя духовная свобода.

вами и образованіемъ. Политическая экономія Адама Смита и дѣлаетъ это. Она имѣетъ въ виду образованные средніе промышленные классы Англіи и Шотландіи эпохи Адама Смита. Она видѣла, что устраненіе устарѣлаго, ведущаго свое происхожденіе отъ времени среднихъ вѣковъ, хозяйственнаго права вызвало живительное возбужденіе силъ. Слѣдовательно, сдѣлала она тогда заключеніе общаго характера,—принужденіе парализуетъ народное хозяйство, свобода есть его основной элементъ, покровительствующій ей силамъ и освобождающій ихъ отъ оковъ. Это было преувеличенное обобщеніе несомнѣнно правильнаго наблюденія.

Большій просторъ для индивидуальнаго произвола при высокомъ состояніи образованія культурныхъ людей несомнѣнно содѣйствуетъ усиленію дѣятельности и напряженію всѣхъ силъ, но уже средній человѣкъ не подпадаетъ подъ это общее правило. По отношенію къ нему слѣдуетъ возбудить еще вопросъ,—какіе факторы вступили въ дѣятельность съ полученіемъ имъ большей формальной свободы. Современные промышленные законы провозглашаютъ, напр., положеніе о свободѣ рабочаго договора. Въ дѣйствительности-же, свободный рабочій договоръ, которому предшествуетъ съ обѣихъ сторонъ внимательное соображеніе всѣхъ обстоятельствъ, его сопровождающихъ, встрѣчается очень рѣдко. На мѣсто стараго рабочаго права, которое было выработано въ цеховомъ законѣ, горномъ уставѣ, правилахъ о наймѣ при слуги, теперь выступаютъ по большей части мѣстные обычаи, нравы, а эти послѣдніе опредѣляются нравственнымъ развитіемъ какъ фабрикантовъ, такъ и рабочихъ. Предписанные одной стороною правила фабричнаго порядка, какъ и вынужденныя другой предпри-

санія промышленнаго союза или собранія стачки, могут оказать исключительное вліяніе на составъ его нормъ. Это не доказываетъ того, что для нашего времени свободный рабочій договоръ былъ-бы несправедливъ. Это доказываетъ только, что презумпція въ его пользу безъ освѣдомленія относительно всѣхъ факторовъ, нравовъ, обычаевъ и злоупотребленій, которые оказываютъ вліяніе на составъ его условій, несостоятельна. Это доказываетъ только то, что какъ скоро злоупотребленіе сильнѣе, чѣмъ правильный порядокъ, на нашей обязанности лежитъ установить законное рабочее право. Намъ слѣдуетъ вспомнить истину стараго положенія, что по отношенію къ сильно отсталымъ нагурамъ уничтоженіе всякаго принужденія ведетъ къ полному упадку у нихъ всякихъ стремленій. Мы теперь еще имѣемъ сельскихъ рабочихъ, которые для полученія одной хорошей картофельной жатвы работаютъ отъ двухъ до трехъ дней еженедѣльно, потому что они въ такомъ году удовлетворяются даже и этимъ. Если мы для нихъ не издадимъ никакихъ строгихъ законовъ, то это сдѣлаемъ не потому, что мы надѣемся, что свобода будетъ воздѣйствовать на нихъ благотворно, но потому, что думаемъ, что они останутся при такомъ поведеніи въ меньшинствѣ, что не стоитъ издавать принудительныхъ законовъ въ ихъ интересахъ, какъ скоро большинство рабочихъ въ нихъ не нуждается, и на нихъ эти законы будутъ воздѣйствовать лишь отягощающимъ и вреднымъ образомъ. Но мы будемъ видѣть себя вынужденными тѣмъ болѣе воздѣйствовать на представленія, чувства, нравы и идеи въ такихъ кругахъ, если мы не желаемъ дожидаться того, чтобы формальная свобода натворила здѣсь опустошительнаго

вреда ⁸⁾). Формальная свобода создаетъ лишь пустое пространство; какія произведенія возрастутъ на ея почвѣ, это зависитъ не отъ нея, но отъ естественныхъ и духовно-нравственныхъ зеренъ, которыя находятся въ этомъ пустомъ пространствѣ и получаютъ здѣсь развитие.

Старое ученіе о народномъ хозяйствѣ ложно судило о слѣдствіяхъ экономической свободы, такъ какъ стояло слишкомъ близко къ великимъ переворотамъ новаго времени для того, чтобы смотрѣть на нихъ подъ правильнымъ угломъ зрѣнія. Оно пережило паденіе столь многихъ юридическихъ ограниченій, ведущихъ происхожденіе изъ стараго времени, что у него не было времени для изслѣдованія вопроса о томъ, должны-ли пасть эти ограниченія потому, что они устарѣли, или потому, что они вообще были огра-

⁸⁾ Въ классическомъ описаніи характера нѣмецкихъ крестьянъ, сдѣланномъ Гарвесомъ (Garves), которое *mutatis mutandis* во многомъ примѣнимо къ современному положенію рабочихъ, читаемъ: „Лѣньность есть слѣдствіе пустоты ума. Никто не приводитъ себя въ движеніе иначе, какъ если въ его душѣ возбуждаются желанія, которыя служатъ побудительными пружинами къ дѣйствию. Желанія - же возбуждаютъ представленія, предполагаютъ знанія объ извѣстныхъ благахъ. Чѣмъ меньше, поэтому, крестьянинъ знакомъ съ нѣкоторыми удобствами и удовольствіями жизни, и чѣмъ меньше онъ имѣетъ къ нимъ склонностей, тѣмъ слабѣе у него побужденія къ дѣятельности и тѣмъ меньше онъ ея проявляетъ, какъ скоро его не побуждаетъ къ ней голодъ или вышнее принужденіе“.

Эти слова указываютъ, въ какой высокой степени желательно также и съ правильной экономической точки зрѣнія, чтобы болѣе высокая культурность и ея блага не составляли для низшихъ классовъ какого-то невѣдомаго міра.

ниченіями. Оно безъ колебанія приняло прямо послѣднее рѣшеніе. Благодаря этому оно и пришло къ заключенію, что единственнымъ и исключительнымъ масштабомъ для сужденія о высотѣ культуры и народнаго хозяйства является не матеріальная, а формальная свобода,—число павшихъ юридическихъ ограниченій. Но мы устранили аграрное и промышленное право 16—18 столѣтій не потому, что мы не нуждаемся больше ни въ какихъ границахъ для народно-хозяйственной жизни, а потому, что мы должны были какой-бы то ни было цѣной устранить право, происшедшее въ совершенно иное время, подъ господствомъ иной техники, подъ вліяніемъ давнымъ давно пережитыхъ культурныхъ идей. Очень многія ограниченія мы устранили только ради того, чтобы вслѣдъ затѣмъ въ другомъ мѣстѣ выстроить иныя, новыя, болѣе соответствующія нашей technikѣ, нашимъ культурнымъ идеямъ. Наше строительное, водное, плотинное, горное право, наше фабричное законодательство, наши законы о рабочемъ договорѣ, о санитарномъ устройствѣ, о нездоровыхъ и опасныхъ учрежденіяхъ, объ экспроприаціи, банковомъ дѣлѣ, желѣзныхъ дорогахъ, акціонерныхъ товариществахъ, наше законодательство о податяхъ, о принудительной разверсткѣ земельныхъ участковъ въ городахъ (сепараціи)—не могутъ на этотъ счетъ оставить никакого сомнѣнія. Можно сказать даже, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ въ наше время ограниченія должны быть гораздо болѣе значительными, чѣмъ раньше. Чѣмъ плотнѣе становится населеніе, чѣмъ больше люди придвигаются другъ къ другу, тѣмъ неизбѣжнѣ выступаетъ потребность въ мѣропріятіяхъ, которыя при рѣдкомъ населеніи, въ маленькихъ городахъ, въ деревнѣ, не нужны. Мы стремимся къ послѣ-

довательной выработкѣ новаго хозяйственнаго права⁹⁾, которое по объему своего содержанія, по величинѣ ограниченій, ставимыхъ имъ индивидуальной свободѣ, можетъ быть поставлено въ значительной степени рядомъ со старымъ цеховымъ правомъ; только его границы расположены на другомъ мѣстѣ. Что для насъ теперь представляется лишь нѣкоторымъ количествомъ отдѣльных мѣропріятій и законовъ, то въ послѣдующее время окажется связанной системой. Черезъ нѣкоторое время и это право будетъ пережито, если получать господство новая техника и новыя этическія культурныя идеи. Никакое право не создается для

⁹⁾ Что это начинаютъ сознать все болѣе и болѣе и въ Англіи, на это указываетъ свидѣющій авторъ англійскихъ писемъ по рабочему вопросу въ „Гамбургскомъ Корреспондентѣ“ почти во всякомъ №. Такъ напр. констатируя уменьшенія количества несчастій съ матросами на морѣ со времени изданія закона, дающаго управленію торговли право изслѣдовать торговые суда, по отношенію къ которымъ существуетъ подозрѣніе, что они назначены къ уничтоженію ради обманнаго полученія страховой преміи,—этотъ авторъ пишетъ: „Можетъ-ли оказывать вредное вліяніе вмѣшательство государства въ дѣятельность частныхъ лицъ, все равно будутъ-ли они фабриканты или судовладельцы,—объ этомъ теперь еще спорять. Но общественное мнѣніе Англіи все болѣе и болѣе склоняется къ этому направленію“. Точно также относительно чрезмѣрнаго роста фальсификаціи въ оптовой и мелочной торговлѣ, который въ послѣднее время привлекъ къ себѣ большое вниманіе въ Англіи, онъ замѣчаетъ: „Эта система поддѣлокъ является въ высшей степени предосудительной, и это тѣмъ болѣе, что она сдѣлалась обычаемъ среди нашихъ торговцевъ, хотя точно также существуетъ и значительное число почтенныхъ людей, которые не позволяютъ себя увлечь въ это направленіе. Теперь она, однако, вызываетъ большія нападенія на себя. Ее ограничиваютъ очень значительно уже потребительные союзы, а за ними слѣдуетъ,

вѣчности. Всякое право должно быть только соотвѣтствующей формой, соотвѣтствующимъ ложемъ для прогрессивнаго движенія естественныхъ и духовныхъ силъ имѣющей опредѣленный характеръ эпохи. Всякое право въ отношеніи его вліянія на дѣйствительную жизнь можно понять и оцѣнить только тогда, когда привлекаются къ разсмотрѣнію и нравы, его пополняющіе и имѣющіе цѣлью вмѣстѣ съ нимъ достигать опредѣленныхъ результатовъ.

Но если это такъ, если право данной ступени экономического развитія измѣняется больше по формѣ, чѣмъ убавляется въ своемъ содержаніи; если юриди-

съ другой стороны, распространенная по всей странѣ и организованная правительствомъ армія аналитиковъ фальсифицированныхъ вещей, которые стоятъ позади лавокъ и путемъ повторныхъ тяжелыхъ штрафовъ дѣлаютъ ее столь опасной, что она должна сдаться. Такое поведеніе государства считается нѣкоторыми превратнымъ и несоотвѣтствующимъ принципамъ политической экономіи; но подобнаго рода возраженія, дѣлаемые на этомъ или иныхъ основаніяхъ, въ достаточной мѣрѣ потеряли свой кредитъ въ англійской публикѣ. Замѣчательно, какъ скептически относятся предводители нашего рабочаго движенія къ заявленіямъ о томъ, что только изъ одного принципа уже не слѣдуетъ выступать на борьбу съ злоупотребленіями индивидуальной свободой, а еще поучительнѣе видѣть, съ какой легкостью наши законодатели стремятся идти на встрѣчу росту въ данномъ направленіи общественнаго мнѣнія соотвѣтствующими мѣропріятіями. Чѣмъ больше народная воля будетъ получать выраженіе въ правительственной власти, тѣмъ быстрѣе уничтожится противодѣйствіе противъ вмѣшательства правительства; рѣшимость къ вмѣшательству въ случаяхъ, подобныхъ вышеприведенному, увеличивается еще страхомъ, что если этой фальсификаціи жизненныхъ средствъ не будетъ положенъ конецъ при посредствѣ закона, то изъ этого можетъ вырасти трудно исправимое зло“.

ческія нормы только тамъ являются излишними, гдѣ существуютъ выработанные нравы, дѣйствующіе въ томъ-же направленіи на сложившуюся правильно практическую жизнь, то понятно, что рядомъ съ старой теоріей о близости полной и безусловной побѣды экономической свободы должна быть выставлена другая, въ достаточной степени ей противоположная. Лассаль говоритъ: высота культуры измѣняется потому, въ какой мѣрѣ личность подчиняется государству, и это проявляется не только во внутренней преданности, которую признають и противники Лассалья, но точно также и въ законодательствѣ. Родбертусъ выставилъ теорію, которая свободу промышленности разсматриваетъ у всѣхъ народовъ только какъ переходную ступень къ совершенно иной культурѣ; Римъ обладалъ этой свободой во времена первыхъ императоровъ для того, чтобы закончить при позднѣйшихъ промышленнымъ правомъ, въ высшей степени развитымъ и устанавливающимъ почти кастовое устройство. Рошеръ въ своей критикѣ на Адама Смита особенно обращаетъ вниманіе на то, что его идеи соответствовали лишь первой половинѣ великаго экономического расцвѣта, той половинѣ, въ теченіе которой не было еще сдѣлано неудачныхъ опытовъ насажденія новшествъ. И во всемъ этомъ заключается большая доля правды. Даже 13-е столѣтіе, первое время великаго хозяйственнаго расцвѣта Германіи, указываетъ на безконечно большую формальную свободу, чѣмъ 15 и 16 столѣтія, въ теченіе которыхъ вмѣстѣ съ техникой Возрожденія наступилъ второй великій хозяйственный расцвѣтъ Германіи и вмѣстѣ съ нимъ паденіе средневѣкового цеховаго устройства.

Весь споръ о границахъ экономической свободы яв-

ляется въ своемъ принципѣ чисто внѣшнимъ, формальнымъ. Въ такомъ видѣ онъ имѣетъ свое собственное значеніе и свою собственную исторію. Не легко рѣшиться поставить строгое правило права тамъ, гдѣ до сихъ поръ было достаточно растяжимыхъ правилъ обычая; будутъ всегда привѣтствовать какъ прогрессъ то, что совершится безъ принужденія и взысканій, такъ какъ это доказываетъ, что люди въ этомъ отношеніи стали лучше, чѣмъ тамъ, гдѣ нужны штрафы и принужденіе. Но существеннымъ всегда было и остается то, что мы вообще идемъ постоянно по существу дѣла впередъ, что мы производимъ больше, распредѣляемъ продукты этого производства справедливѣе, что мы увеличиваемъ наше потребленіе точно также гораздо болѣе въ области высшихъ и болѣе благородныхъ потребностей, чѣмъ низшихъ, что мы становимся все болѣе и болѣе образованными, прилежными, интеллигентными и справедливыми людьми. И формы жизненнаго строя, лучше всего воспитывающіе насъ въ этомъ направленіи, стали болѣе правовыми. Поэтому мы въ одномъ отношеніи имѣемъ формальную свободу, въ другомъ формальное принужденіе, здѣсь юридическія, тамъ нравственныя нормы. Прогрессъ отъ принужденія къ свободѣ могъ-бы только тогда быть постоянно возвышающейся кривой, если-бы внѣшняя, техническая культура оставалась одной и той-же. Переменной технической культуры, измѣненіями въ составѣ всѣхъ экономическихъ отношеній обусловливается то, что по временамъ и въ извѣстныхъ случаяхъ должно получить вновь значеніе принужденіе, даже если люди будутъ имѣть постоянно одно и тоже нравственное образованіе, что также не имѣетъ мѣста, хотя въ общемъ нравственная культура, несомнѣнно, въ теченіе столѣтій все возрастаетъ.

Стремленіе къ экономической свободѣ вмѣстѣ съ этимъ, естественно, остается всегда элементомъ, имѣющимъ право на существованіе, цѣлью, стремиться къ достиженію которой никогда не переставали политики. Всякій принудительный законъ долженъ имѣть своимъ конечнымъ стремленіемъ сдѣлать себя бесполезнымъ, воспитать людей такимъ образомъ, чтобы они въ концѣ концовъ могли обойтись безъ опоры въ принудительныхъ законахъ. Въ стремленіи къ свободѣ выражается желаніе, чтобы была достигнута эта послѣдняя цѣль! —но, конечно, желаніе, которое отъ осуществленія также далеко, какъ идеаль призвать всѣхъ людей къ высшимъ благамъ и культурѣ.

Справедливость въ народномъ хозяйствѣ.

Существуетъ-ли справедливое распределеніе хозяйственныхъ благъ? Должно-ли оно и вообще существовать? Этими вопросами въ послѣднее время начинаютъ интересоваться вновь, какъ интересовались ими съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ человѣческія общества и социальныя учрежденія, какъ задавалъ ихъ величайшій мыслитель древности и послѣ него тысячи другихъ въ потѣ лица трудившихся головъ,—головъ въ чалмахъ и баретахъ, великихъ государственныхъ людей и голодающихъ пролетаріевъ, благоразумныхъ друзей человѣчества и сумасбродныхъ идеалистовъ.

Въ настоящее время, повидимому, этотъ вопросъ позволителенъ менѣе, чѣмъ когда либо. Даже люди, особенно подчеркивающіе свой идеализмъ, называютъ его бесполезнымъ вопросомъ, на который никто не сумѣетъ дать отвѣта. Къ мыслямъ Аристотеля о распределяющей справедливости относятся свысока, какъ къ устарѣлымъ и научно опровергнутымъ. Поверхностнымъ образомъ сближая явленія естественной жизни съ социальными процессами, ссылаются на ученіе Дарвина о борьбѣ за существованіе, которая будто-бы даетъ право сильнѣйшему покорять слабого, и исключаютъ всякую мысль о справедливомъ распре-

дѣленіи земныхъ благъ. Многочисленные политико-экономы также ничего не хотятъ знать объ этомъ вопросѣ, и тѣмъ менѣе, чѣмъ дальше стоятъ они отъ философскихъ изслѣдованій, чѣмъ больше углубляются въ спеціальные вопросы. Не смотря на нѣкоторые уступки въ своихъ основныхъ воззрѣніяхъ новому направленію, они все еще движутся по старымъ колеямъ англійской и нѣмецкой школьной догматики, которая не знаетъ другихъ категорій, кромѣ спроса и предложенія. На заднемъ планѣ при этомъ обыкновенно скрывается у нихъ мысль о томъ, что такъ какъ болѣе справедливаго распредѣленія имущества требуетъ социализмъ, то для консервативнаго гражданина, сторонника партіи порядка, нѣтъ другого выбора.

Думающіе и чувствующіе такимъ образомъ впадаютъ, однако, благодаря этому въ самое рѣзкое противорѣчіе съ великими основателями новѣйшей политической экономіи. Никто болѣе Адама Смита, Тюрго и части ихъ истинныхъ послѣдователей не былъ убѣжденъ въ томъ, что при помощи требуемыхъ ими реформъ возможно осуществить болѣе и даже абсолютно справедливое распредѣленіе имущества. Въра въ справедливость своихъ требованій была силою политической экономіи, построенной на началахъ естественнаго права. Адамъ Смитъ требуетъ свободы переселенія и промышленности, какъ слѣдствія „естественной свободы и справедливости“. Свободная личная конкуренція — такъ въ послѣднее время совершенно вѣрно выражаютъ кратко мысли величайшаго ученика Адама Смита — является у Рикардо строжайшей справедливостью по отношенію ко всемъ трудящимся людямъ. И это не случайно. Никакая великая социальная или народно-хозяйственная реформа не въ

состояніи преодолѣть встрѣчаемаго ею коснаго противодѣйствія путемъ одной только ссылки на свою цѣлесообразность. Только тогда она приводитъ въ движеніе массы и воспламеняетъ ихъ, когда старается доказать, что требуемое справедливо. Путемъ продолжительныхъ наблюденій надъ публичнымъ обсужденіемъ вопросовъ народнаго хозяйства, а также и изъ экономическихъ сочиненій, я убѣдился въ томъ, что вопросъ о справедливости тѣхъ или другихъ хозяйственныхъ явленій безсознательно возникаетъ всегда, какъ только о нихъ заходитъ рѣчь. Обсуждаютъ банковое дѣло, и врагъ неоплаченныхъ счетовъ объявляетъ ихъ несправедливостью. Заходитъ вопросъ о повышеніи пошлинъ, — защитникъ свободной торговли объявляетъ ихъ прежде всего несправедливыми, потомъ безнравственными и только въ третьихъ вредныхъ въ народно-хозяйственномъ отношеніи ¹⁾. При всякомъ обсужденіи новѣйшаго направленія нашей таможенной политики, съ обѣихъ сторонъ старались доказать, что то, чего желаетъ противникъ, прямо вредно малому человѣку, мелкому предпринимателю, слѣдовательно самымъ несправедливымъ образомъ вліяетъ на распредѣленіе дохода и имущества. Одинъ уважаемый политикъ, который каждый вопросъ о справедливомъ распредѣленіи имущества и доходовъ объявляетъ излишнимъ и нелѣпымъ, — въ полемикѣ противъ Маркса немедленно впадаетъ въ тѣже самыя ошибки, въ которыхъ упрекаетъ своего противника. Онъ объявляетъ теперешнее распредѣленіе имущества въ Германіи законнымъ, потому что не обладаніе колоніями,

¹⁾ См. напр., этотъ характерный ходъ разсужденій въ „Элементахъ политической экономіи“, Л. Коссы.

не эксплуатація рабовъ, а честный трудъ нѣмецкихъ гражданъ создалъ ея благосостояніе. Этимъ онъ совершенно вѣрно указываетъ на тотъ основной пунктъ, который господствуетъ въ настоящее время надъ народнымъ сознаніемъ въ вопросѣ о справедливомъ распредѣленіи имуществъ. Одинъ изъ главныхъ ораторовъ партіи свободной торговли въ рейхстагѣ думалъ, что теперь не осмѣлятся уже появляться болѣе на свѣтъ наивныя похвалы низкой заработной платѣ. „Въ настоящее время мы тогда только считаемъ отношенія экономически здоровыми, когда они обезпечиваютъ каждому участнику въ работѣ по праву выпадающую на его долю часть въ прибыляхъ этой работы“. Онъ прибавляетъ къ этому: „Идеальная экономическая задача выполняется тогда, когда болѣе высокое состояніе производства имущественныхъ благъ совпадаетъ съ равномернымъ распредѣленіемъ получаемой при немъ прибыли между соучастниками въ общемъ трудѣ“.

Итакъ, возможно-ли въ дѣйствительности справедливое распредѣленіе хозяйственныхъ благъ, или нѣтъ, — я оставляю теперь этотъ вопросъ совершенно неразрѣшеннымъ, — но о немъ всегда будутъ говорить; въ него будутъ вѣрить, на этой вѣрѣ спекулировать, и эта вѣра имѣетъ свои практическія слѣдствія.

Мы подходимъ этимъ къ правильной постановкѣ вопроса, съ котораго должны начать. Мы не желаемъ, выходя изъ какого-либо одного принципа, развить, въ качествѣ его логическаго слѣдствія, формулу, строгое приложеніе которой вскрывало-бы вездѣ начала справедливости. Мы просто и скромно спросимъ прежде всего: чѣмъ объясняется то, что съ экономической дѣятельностью, съ социальными явленіями связывается

всегда одобряющій или неодобряющій приговоръ, который рѣшаетъ, что одно справедливо, а другое несправедливо? Получивъ на это правильный отвѣтъ, мы дальше легко получимъ заключеніе и по вопросу о томъ, какое значеніе, какое вліяніе съ своей стороны имѣетъ этотъ одобрителный или неодобрителный приговоръ на экономическія и соціальныя явленія.

I.

Даже тотъ, кто всѣ человѣческія побужденія, все поведеніе людей сводитъ къ чувствамъ удовольствія и неудовольствія, долженъ согласиться, что, насколько мы знаемъ людей, у нихъ рядомъ съ низменными чувствами существуютъ и высшія, умственные, эстетическія и нравственныя, и что эти послѣднія указываютъ жизни ея идеальныя цѣли, что изъ нихъ вырастаютъ тѣ представленія, которыя сопровождаютъ всю человѣческую жизнь, всѣ человѣческія поступки, всѣ человѣческія учрежденія и сливаются съ ними, какъ идеальные образы долженствующаго быть. Если мы совокупность этого долженствующаго быть называемъ благомъ, то справедливое есть его часть. Справедливость есть человѣческая добродѣтель,—ее называютъ также добродѣлью всѣхъ добродѣтелей; она состоитъ въ постоянной привычкѣ людей сообразовать свои поступки съ идеаломъ, который мы называемъ правдою,

Справедливое само въ себѣ, правду, какъ таковую, мы встрѣчаемъ въ дѣйствительности также мало и также рѣдко, какъ просто доброе; правда всегда—только идеальное представленіе, къ которому дѣйствительность приближается, никогда ея не достигая. Когда говорить, что нравственный приговоръ, поведеніе, по-

ступокъ человѣка справедливы, то этимъ всегда утверждаютъ только то, что они соотвѣтствуютъ идеальному представленію. Можетъ быть даже для отдѣльнаго поступка это приближеніе будетъ и исполнѣ совершенно, но, вся дѣятельность человѣка, жизнь цѣлаго общества — могутъ только приближаться къ нему. Какіе-же поступки называемъ мы справедливыми? Слово „справедливый“ употребляютъ въ различныхъ значеніяхъ. Мы часто употребляемъ его только для того, чтобы обозначить, что отдѣльный человѣкъ въ своихъ поступкахъ подчиняется нормамъ цѣлаго, что его поведеніе соотвѣтствуетъ положительному праву. Мы употребляемъ его также для обозначенія того, что поведеніе человѣка соотвѣтствуетъ не столько положительному праву, сколько его идеалу.

Мы противопоставляемъ право, долженствующее быть — какъ правду — положительному праву, измѣряемъ послѣднее первымъ. называемъ положительное право несправедливымъ, поскольку оно этому идеалу не соотвѣтствуетъ. Представленія, которыя нами при этомъ руководятъ, и изъ которыхъ мы выводимъ справедливое, отнюдь не просты. Особенная природа юридическихъ нормъ, какъ опредѣленныхъ формальныхъ правилъ социальной жизни, и идеальныя цѣли ея, опредѣляющія матеріальное содержаніе права, совмѣстно участвуютъ въ образованіи этого идеала. Представленія о совершенномъ государствѣ, какъ и о совершенной личности, связываются здѣсь вмѣстѣ. Только объ одномъ изъ этихъ представленій, или правилъ, иде, объ одномъ изъ совмѣстно дѣйствующихъ здѣсь круговъ представленій говоримъ мы тогда, когда рѣчь идетъ о справедливомъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, когда мы употребляемъ слово не въ школьномъ, а просе-

томъ жизненномъ значеніи. Если мы говоримъ о справедливомъ судѣ, о справедливомъ наказаніи, о справедливыхъ учрежденіяхъ, то мы представляемъ себѣ общество, рядъ людей, сравниваемъ послѣднихъ, оцѣниваемъ соотвѣтствующее распределение добра и зла, и то, что доставляетъ удовольствіе и страданіе, взятыя сами по себѣ и примѣнительно къ единому объективному масштабу. Специальное понятіе справедливости—то, которое насъ особенно здѣсь интересуетъ,—есть понятіе о распределяющей справедливости; оно предполагаетъ пропорціональность двухъ рядовъ, стоящихъ одинъ противъ другого, ряда людей и ряда положительныхъ или отрицательныхъ благъ, которыя слѣдуетъ распределить. Всякую совокупность лицъ, которая выступаетъ передъ нами въ какомъ-либо отношеніи какъ единство, мы упорядочиваемъ непременно въ ряды по объективнымъ признакамъ, а идеальное представленіе должнаго требуетъ распределенія добра и зла согласно съ этими рядами; по этому масштабу нашъ идеаль всегда измѣряетъ дѣйствительность. Задачей нашего нравственнаго сужденія является всегда оцѣнка поведенія людей, ихъ добродѣтелей, пороковъ и поступковъ, т. е. ихъ сравненіе и распределение по рядамъ; когда же рѣчь идетъ о проявленіи нашего социальнаго инстинкта, мы стремимся къ тому, чтобы поставить индивидовъ и ихъ поведеніе въ соотношеніе съ цѣлымъ, общиной, государствомъ, человечествомъ, измѣрить ихъ этимъ масштабомъ, размѣстить согласно этимъ связямъ. И всегда при этомъ надъ нами съ неизбѣжной необходимостью господствуетъ представленіе о томъ, что согласно съ этимъ размѣщеніемъ должно быть произведено распределение чести, политическаго вліянія, мѣсть, дохода,

наказаній. Равное должно быть оцѣниваемо одинаково, неравное различно. Мы требуемъ прежде всего пропорціональности человѣческихъ поступковъ. Наличность пропорціональности кажется намъ справедливостью, ея отсутствіе несправедливостью. При несправедливомъ соотношеніи одинъ членъ получить слишкомъ много, другой слишкомъ мало. Несправедливый отдѣляетъ себѣ изъ подлежащаго распредѣленію блага слишкомъ много, потерпѣвшій отъ несправедливости получаетъ слишкомъ мало.

Мы называемъ справедливой ту выборную систему, которая распредѣляетъ политическое вліяніе по способностямъ и услугамъ, оказываемымъ отдѣльнымъ лицомъ государству и общинѣ. Мы называемъ справедливымъ то уголовное уложеніе, которое, не смотря на крайне разнообразный составъ преступленій и проступковъ, не смотря на кажущуюся несравнимость различныхъ наказаній, нашло систему, въ которой злыя дѣянія и наказанія расположены, согласно съ правовымъ чувствомъ народа, въ два параллельныхъ ряда, и которая, поѣтому, въ состояніи дать единую мѣрку этимъ дѣяніямъ. Мы говоримъ о справедливой постепенности въ опредѣленіи содержанія, о справедливомъ повышеніи служащихъ, какъ во всякой акціонерной компаніи на желѣзной дорогѣ, такъ и въ корпусѣ офицеровъ, и у государственныхъ чиновниковъ. Мы говоримъ о справедливомъ распредѣленіи податей, и о справедливомъ возрастаніи заработной платы, о справедливой предпринимательской прибыли, о справедливомъ процентѣ на капиталъ. И всегда въ этихъ случаяхъ на заднемъ планѣ стоитъ у насъ представленіе: люди распредѣляются въ ряды и группы по извѣстнымъ точкамъ зрѣнія, по качествамъ, дѣяніямъ

и услугамъ, происхожденію и владѣнію, и согласно этимъ рядамъ и группамъ распредѣляются выгоды и тягости.

Прибыль предпринимателя, говорятъ, по справедливости выше, чѣмъ указные проценты, потому что при ней соединяется вознагражденіе за большую возможность риска и платы за трудъ, котораго при процентахъ не существуетъ. Рента на капиталъ справедлива потому, что ссужающій капиталъ отказывается отъ пользованія имъ и возможныхъ выгодъ, которыя онъ можетъ принести, а получающій его въ ссуду былъ бы поставленъ безъ него въ гораздо худшее положеніе, потому, что кажется справедливымъ наградить одного за услугу, оказанную другому. Справедливъ большой гонораръ знаменитаго адвоката или врача, — такова приблизительно точка зрѣнія Адама Смита, — потому что изъ большого количества людей, дорого оплачивающихъ изученіе этихъ искусствъ, многіе получаютъ совершенно ничтожную прибыль, и высокое вознагражденіе особенно способныхъ является какъ бы возмѣщеніемъ за эти выдающіяся ихъ качества. Всякая хозяйка дома и каждая служанка ежедневно и ежечасно находятъ одно состояніе дѣлъ справедливымъ, другое несправедливымъ, — и каждый разъ на основаніи сравненій, образованія рядовъ и оцѣнки стоимости продуктовъ. Но важнѣйшимъ является общее сужденіе относительно справедливости или несправедливости классовыхъ отношеній.

Аристотель признавалъ рабство справедливымъ въ томъ случаѣ, если господинъ и рабъ различны по природѣ, какъ душа и тѣло, какъ упорядочивающая воля и внѣшнее орудіе. Въ такомъ случаѣ существуетъ естественное, обусловленное внутренними причи-

нами рабство людей; внѣшнее соціальное отношеніе соотвѣтствуетъ здѣсь природѣ людей.

Совершенно тоже можно сказать о всѣхъ соціальныхъ градаціяхъ и классовыхъ образованіяхъ. Мы считаемъ ихъ справедливыми, поскольку находимъ, что они соотвѣтствуютъ нашимъ наблюденіямъ относительно равенства или различія качествъ классовъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Народное чувство всегда за исключеніемъ временныхъ ошибокъ и страстей, присуждаетъ честь, богатство и положеніе тѣмъ, дѣянія, услуги, добродѣтель и образованіе которыхъ соотвѣтствующимъ образомъ выдавались среди другихъ; положеніе среднихъ и низшихъ классовъ вызываетъ со стороны этого-же чувства порицаніе тогда, когда оно находитъ, что люди одной расы, одной вѣры, одного государства дурно относятся къ себѣ подобнымъ, принижаютъ ихъ несоотвѣтственно ихъ образованію и ихъ услугамъ. Вся классовая борьба прошедшихъ временъ вытекаетъ изъ этого чувства. Великіе политики и народные вожаки всѣхъ временъ, даже величайшіе короли и цезари ставили себя во главѣ движеній, которыя, исходя отъ угнетеннаго, ограбленнаго и унижаемаго класса, стремились счастливо или нѣтъ къ устраненію несправедливыхъ соціальныхъ отношеній. Часто въ этой классовой борьбѣ дѣло идетъ только о политическихъ правахъ, часто только о почетномъ положеніи или брачномъ правѣ; но центральный пунктъ образуютъ почти всегда экономическіе вопросы: о распредѣленіи имуществъ и доходовъ, о предварительныхъ условіяхъ и доступѣ къ обладанію ими, о способахъ пріобрѣтенія. Въ соціальной борьбѣ за существованіе важнѣйшимъ явленіемъ являются экономическія условія этого существованія.

Откуда же и здѣсь возникаетъ вопросъ о томъ, справедливъ ли существующій порядокъ, справедливы ли эти границы пріобрѣтенія, тотъ или иной строй распредѣленія имуществъ, — справедливо ли общее распредѣленіе дохода?

Конечно, не во всякое время одинаково громко звучать эти вопросы; не во всякое время и чувства, возбуждаемые отвѣтами на нихъ, одинаковымъ образомъ вліяютъ на массы и отдѣльныя партіи. Вѣрно также и то, что приговоръ, объявляющій извѣстную организацію классовъ и извѣстное распредѣленіе имуществъ справедливыми или несправедливыми, не представляютъ собою единственнаго условія существованія извѣстнаго соціальнаго явленія. Еще менѣе приговоръ, о которомъ идетъ рѣчь, является единственной причиною, опредѣляющей распредѣленіе дохода, даже если-бы въ немъ согласны были тысячи людей. Но этотъ приговоръ есть единственный психологическій базисъ, на которомъ выросли всѣ требованія юридическаго равенства. Это — полюсъ всего индивидуализма. Съ точки зрѣнія общихъ интересовъ можно было-бы часто требовать иного; интересы общаго блага требуютъ жертвъ какъ отъ высшихъ, такъ и отъ низшихъ рядовъ. Практическіе представители этой точки зрѣнія въ политикѣ будутъ, поэтому, также стараться преодолѣть или ослабить слѣдствія, вытекающія изъ этого основнаго принципа индивидуализма. И съ своей точки зрѣнія они будутъ правы. Но рядомъ съ этимъ имѣетъ также право на существованіе и индивидуалистическая точка зрѣнія. Она прежде всего требуетъ справедливости, — пропорціональности въ правахъ и обязанностяхъ, — она требуетъ равенства тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ одинаковыхъ условіяхъ, и нера-

венства, гдѣ дѣло идетъ о различныхъ. И никогда не будетъ существовать прочнаго основанія для принципа гражданскаго, политическаго и социальнаго равенства, если его не будутъ искать въ этой связи идей. Всякое иное опредѣленіе принципа равенства, кромѣ дѣлаемаго путемъ оцѣнки качествъ людей и оказываемыхъ ими услугъ, произвольно. Матеріальная справедливость требуетъ равныхъ правъ лишь постольку, поскольку на лицо равныя качества, поскольку предполагается возможность равнаго несенія данными лицами повинностей и одинаковаго исполненія долга.

II.

Одобрительное или неодобрительное сужденіе относительно справедливости человѣческихъ дѣйствій или учреждений основывается, такимъ образомъ всегда на однихъ и тѣхъ-же психологическихъ процессахъ. Результатъ, къ которому оно приходитъ, можетъ быть, однако, очень различенъ. Чѣмъ-же инымъ можно было бы объяснить то, что понятія о справедливости варвара, язычника, христіанина и современнаго культурнаго человѣка такъ далеки другъ отъ друга, что для каждаго изъ нихъ требуется новая справедливость? Даже въ средѣ одного и того-же народа, въ одно и то-же время никогда не прекращается споръ о томъ, что слѣдуетъ считать справедливымъ. Лишь время отъ времени нѣкоторыя сужденія занимаютъ господствующее положеніе въ центрѣ прогрессивнаго движенія; лишь нѣкоторые результаты умственной борьбы предшествовавшаго времени будутъ переданы въ качествѣ прочнаго наслѣдства послѣдующему; они будутъ все сильнѣе и сильнѣе воздѣйствовать на него и управ-

лять имъ, пока снова не наступитъ мракъ варварства и невѣжества.

Если мы теперь попытаемся ближе рассмотреть психологическіе процессы, о которыхъ идетъ рѣчь, то первымъ шагомъ въ нашемъ представленіи окажется объединеніе нѣкотораго числа людей въ группы, связанные нравственной общностью. Мы будемъ затѣмъ сравнивать представляемое такимъ образомъ единство людей, оцѣнивая ихъ качества и поступки. Отыскавъ среди нихъ равенство, мы вновь будемъ подвергать изслѣдованію отклоненія отъ установленной мѣрки, пока въ тайникахъ нашихъ чувствующихъ центровъ не послѣдуетъ окончательнаго рѣшенія по поводу значенія этихъ отклоненій. Всѣ чувства въ концѣ-концовъ суть сужденія относительно сравнительнаго достоинства людей и вещей; они имѣютъ свою цѣлью признаніе или непризнаніе этихъ достоинствъ и ихъ цѣнности, полезности и вредности. Разъ-же такія сужденія произнесены, изъ нихъ вытекаетъ само собою простое логическое заключеніе: съ лицами, которыхъ я долженъ себѣ представить какъ нравственное единство, слѣдуетъ обходиться, поскольку они доступны человѣческому воздѣйствію, въ той степени одинаково, въ какой они между собою равны, и неодинаково, поскольку они неравны.

Группы лицъ, въ которыя наши представленія необходимо образомъ соединяютъ людей, очень разнообразны. Члены семьи и племени, сочлены одного товарищескаго союза и общины, граждане государства и союза государствъ, члены одной церкви и одной расы, наконецъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ все челоѣчество могутъ сдѣлаться при этомъ предметомъ разсмотрѣнія, но всегда лишь постольку, поскольку

они представляют собою нравственную общность, преслѣдуютъ опредѣленные общія цѣли. Кто стоитъ внѣ группы, не можетъ быть сравнимъ, не можетъ быть подвергнутъ приговору съ точки зрѣнія справедливости. По этой причинѣ варвару не кажется несправедливымъ умертвить иностранца; только установленіе нравственной общности между всѣми народами развиваетъ сознаніе такой несправедливости. Точно также не кажется мнѣ несправедливымъ, если англичанинъ, получающій одинаковый съ нѣмцемъ доходъ, платитъ податей вдвое больше, чѣмъ послѣдній. Смотря по различнымъ человѣческимъ цѣлямъ, по степени общности, одинъ и тотъ-же человѣкъ можетъ быть равнымъ въ одномъ случаѣ, неравнымъ въ другомъ. Для достиженія цѣлей какого нибудь незначительнаго союза, съ которымъ насъ связываетъ совершенно незначительная часть нашихъ интересовъ, намъ кажется справедливымъ поголовный взносъ одного и того-же размѣра, но для государства и общины мы считаемъ его совершенно недопустимымъ. Мы считаемъ одинаково обязанными къ защитѣ отечества всѣхъ молодыхъ и сильныхъ мужчинъ, не смотря на то, что съ точки зрѣнія государственныхъ и соціальныхъ цѣлей они представляют собою различныя величины и вызываютъ совершенно различное къ себѣ отношеніе.

Приговоръ относительно равенства и неравенства бываетъ, поэтому, всегда очень сложнымъ. При немъ принимаются во вниманіе не только качества и поступки людей, взятые сами по себѣ, но также и въ ихъ отношеніи къ цѣлямъ человѣческаго общества. При образованіи однихъ группъ и рядовъ мы имѣемъ предъ глазами только опредѣленное узко ограниченное качество людей, при другихъ мы оцѣниваемъ всѣ

ихъ свойства, отыскиваемъ средній результатъ всей суммы человѣческихъ свойствъ и дѣйствій. Общество потерпѣвшихъ кораблекрушеніе и спасающихся въ лодкѣ, слишкомъ малой для того, чтобы выдержать ихъ всѣхъ, склонно считать всѣхъ товарищей равными по отношенію къ жизни и смерти и бросить для всѣхъ одинаковый жребій; но оно сочтетъ справедливымъ распределить удѣлявшіе питательные продукты по потребностямъ, т. е. дать гребущему матросу двойную порцію сравнительно съ трехлѣтнимъ ребенкомъ. Въ воинственномъ кочевомъ племени будетъ по справедливости отдано предпочтеніе храбрѣйшему, въ жокей-клубѣ лучшему наѣзднику, въ другихъ-же группахъ людей предпочтеніе этихъ качествъ можетъ показаться несправедливостью. Точно также и въ семьѣ, и въ государствѣ часто только одинъ извѣстный родъ свойствъ и поступковъ даетъ основаніе для рѣшенія. Уголовный судья разбираетъ только опредѣленные неправыя дѣянія. Отецъ, который желаетъ оставить всемъ дѣтямъ одинаковое наслѣдство, не отрицаетъ этимъ ихъ различій во многихъ другихъ отношеніяхъ. Государство раздаетъ почести и достоинство, принимая во вниманіе среднюю сумму особенно цѣнныхъ для него качествъ его гражданъ. Всякое избраніе, всякое повышеніе основывается на общемъ среднемъ впечатлѣніи. Сужденія о справедливомъ распредѣленіи имуществъ точно также основываются всегда на томъ-же впечатлѣніи.

Но идетъ-ли рѣчь объ отдѣльномъ качествѣ или цѣлой суммѣ ихъ, мы принимаемъ во вниманіе только тѣ изъ нихъ, которыя связаны съ той или иной цѣлью даннаго общественнаго союза. Но и самыя качества людей очень различны, напр. тѣлесная сила и красота.

Будетъ справедливымъ въ гимнастическомъ обществѣ дать предпочтеніе сильнѣйшему, при представленіи живыхъ картинъ выставить на первый планъ наиболѣе красивую женщину. Но обыкновенно въ социальныхъ образованіяхъ высшаго порядка принимаются во вниманіе также и такія особенности, которыя, какъ напр. талантъ и добродѣтель, служатъ имъ наиболѣе ощутительнымъ образомъ, и проявляются въ поступкахъ, наиболѣе желательныхъ для общества. Часто приходится при этомъ, конечно, сравнивать совершенно разнородныя качества, такъ какъ большіе нравственные союзы, и прежде всего государство, преслѣдуютъ совершенно различныя цѣли. Можно еще поставить вопросъ, имѣетъ-ли больше цѣны въ интересахъ цѣлаго храбрый генералъ или великій государственный человѣкъ, великій художникъ или знаменитая пѣвица. Рѣшающимъ будетъ здѣсь народное сознаніе данного момента, руководящееся порядкомъ цѣлей, которыя являются въ данный моментъ съ его точки зрѣнія наиболѣе правильными; согласно съ этимъ сознаніемъ постановляется приговоръ, который находитъ справедливыми или несправедливыми окладъ генерала, содержаніе министра или вознагражденіе пѣвицы.

Но въ такой-же мѣрѣ, какъ сравненіе различныхъ качествъ и поступковъ людей, является труднымъ и измѣреніе неравенствъ въ одной и той-же сферѣ человеческихъ поступковъ. Всѣ, конечно, согласятся съ тѣмъ, что министръ по справедливости получаетъ высшее содержаніе, чѣмъ его секретарь, что глава большой фирмы имѣетъ болѣе заслугъ, чѣмъ его главный повѣренный, а этотъ послѣдній больше, чѣмъ послѣдній прикащикъ, что рисовальщикъ на фабрикѣ важнѣе, чѣмъ швейцарь. Но когда дѣло пой-

детъ о томъ, чтобы опредѣлить размѣры этого неравенства, выразить его въ числахъ, что необходимо бываетъ во всѣхъ практическихъ вопросахъ жизни, то придется встрѣтиться съ большимъ различіемъ мнѣній. — На этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ и основывается по большей части мнѣніе, что психологическіе приговоры, на которыхъ основывается представленіе о справедливомъ и несправедливомъ, являются всегда хаосомъ, лишеннымъ единства и ясности. Это послѣднее воззрѣніе очень близко къ мнѣнію, которое часто высказывается по отношенію къ эстетическимъ сужденіямъ и находить, что здѣсь не можетъ быть достигнуто согласнаго сужденія, что все дѣло зависить отъ индивидуальнаго вкуса. Дѣло идетъ здѣсь, говорятъ, о чисто-индивидуальныхъ процессахъ чувствованія, которые расходятся между собою безъ всякаго единства мѣры, и въ которыхъ только глупецъ могъ-бы усмотрѣть основу всего хода государственныхъ дѣлъ и учреждений.

Это замѣчаніе было-бы, конечно, совершенно справедливо, если-бы индивидуальная нравственная и умственная жизнь была только продуктомъ отдѣльныхъ, независимо другъ отъ друга стоящихъ индивидовъ. Но всякое настроеніе чувствъ, всякое слово, всякое представленіе, всякое понятіе, какъ показываетъ болѣе глубокое наблюденіе, являются результатомъ не только индивидуальнаго, но и социальнаго процесса. Даже наиболѣе выдающійся и геніальнѣйшій индивидумъ думаетъ и чувствуетъ только какъ членъ общества; девяносто процентовъ того, чѣмъ онъ обладаетъ, составляетъ добро, переданное ему отъ отцовъ, учителей и согражданъ, для того, чтобы онъ заботился о немъ и накоплялъ его дальше. Большинство-же

обыкновенныхъ людей являются лишь безразличными сосудами, въ которые отливаются чувства и мысли жившихъ до нихъ и живущихъ вмѣстѣ съ ними миллионѣвъ. Языкъ—продуктъ общества: „при посредствѣ слова, рѣчи, говоритъ Гербартъ,—мысль и чувство одного переходятъ въ духъ другого. Здѣсь они вліяютъ на новыя чувства и мысли, которыя въ свою очередь переходятъ обратно по тому-же мосту, чтобы обогатить представленія перваго. Такимъ образомъ происходитъ то, что лишь чрезвычайно малая часть нашихъ мыслей имѣетъ своимъ источникомъ насъ самихъ; на-оборотъ всѣ мы одинаково черпаемъ изъ общаго запаса и принимаемъ участіе въ общемъ умственномъ производствѣ, въ которое каждый индивидуумъ можетъ внести только относительно малую долю участія“.

Такимъ образомъ, если чувства, лежація въ основаніи сужденій, дающихъ оцѣнку справедливаго, не выходятъ совсѣмъ изъ темной сферы простого настроенія, то уже и на этой ступени они представляютъ собою не психологическій хаосъ, но ритмическое массовое движеніе. А чѣмъ болѣе они возвышаются до сужденій и масштабовъ, чѣмъ болѣе чувственные настроенія при посредствѣ публичнаго обсужденія, изслѣдованія, совѣщанія превращаются въ рѣшенія съ опредѣленными признаками и критеріями, тѣмъ болѣе мы имѣемъ передъ собою не единичные, а упорядоченные приговоры массъ, сгруппированные по опредѣленнымъ средоточіямъ и авторитетамъ, ясно, твердо и равномерно поставленные, приговоры, которые на основаніи одинаковыхъ свойствъ, при однообразіи ставимыхъ себѣ индивидуумами цѣлей, достигаютъ одинаковыхъ результатовъ, становятся господствующими способами оцѣнки.

Каждое время имѣть свои условные господствующіе способы оцѣнки качествъ и поступковъ, добродѣтелей и пороковъ людей; оно ставитъ условно одинъ родъ дѣятельности выше другого, требуетъ здѣсь большей награды и почета, тамъ устанавливаетъ большее наказаніе и меньшую долю дохода. Эти условные масштабы являются болѣе или менѣе исходнымъ пунктомъ для всякаго рода сужденій о справедливости. Новое измѣненное пониманіе послѣдней является ничѣмъ инымъ, какъ прежде всего отклоненіемъ отъ стараго. Всякое отдѣльное установленіе цѣнъ въ обществѣ не рождается каждый разъ снова изъ спроса и предложенія, но подобно тому, какъ спросъ и предложеніе стремятся всегда только къ видоизмѣненію существующей цѣны, такъ-же стоитъ дѣло и съ сужденіями о справедливомъ и несправедливомъ. Сумма того, что по традиціи считается справедливымъ, образуетъ постоянный центръ тяжести во всѣхъ сужденіяхъ. Утонченное правовое чувство требуетъ здѣсь и тамъ измѣненій; но по отношенію ко всей совокупности представленій о справедливомъ это послѣднее—всегда только единичный, хоть и имѣющій полное значеніе пунктъ.

Въ существующихъ нравахъ и существующемъ правѣ имѣютъ свою дѣйствительную опору эти условныя традиціонныя масштабы справедливости. Здѣсь получили они свою твердую, неподвижную, господствующую равномерно надъ широкимъ кругомъ явленій форму,—въ этой твердой формѣ передаются они отъ поколѣнія къ поколѣнію. Но и внѣ этой опоры у нихъ нѣтъ недостатка въ твердой почвѣ; онѣ создаются вообще изъ повторенія схожихъ случаевъ и образуютъ основу сужденій о справедливомъ. Такіе масштабы образуются у каждаго думающаго и чувствующаго че-

ловѣка ежедневно и ежечасно по отношенію ко всѣмъ соціальнымъ жизненнымъ отношеніямъ; они не ограничиваются однимъ положительнымъ правомъ. Въ семьѣ сестренка считаетъ предпочтеніе, оказываемое братишкѣ, несправедливостью; во всякомъ общественномъ кругу ежедневно визиты, приглашенія, даже шуточные слова, взгляды, намеки разсматриваютъ какъ несправедливое предпочтеніе однихъ другимъ. Душевные процессы здѣсь тѣже, имѣемъ-ли мы дѣло съ этими послѣдними явленіями или переходимъ на почву положительнаго права; вездѣ и повсюду традиціонные масштабы прежде всего являются руководящими въ области сужденій о справедливомъ. Эти традиціонные условные масштабы суть историческій осадокъ чувствъ справедливости миллионъ и миллиардовъ людей, на плечахъ которыхъ мы стоимъ. Благодаря имъ приобретають прочное постоянство и твердую форму, не смотря на вѣчныя преобразованія и новообразованія, явленія повидимому ничѣмъ не регулируемыя, шаткія, случайно-индивидуальныя.

Съ этой точки зрѣнія мы можемъ здѣсь легко уже опровергнуть дѣтское возраженіе, которое считаетъ непримѣнимымъ къ области народно-хозяйственныхъ явленій понятіе справедливаго, потому что здѣсь дѣло идетъ будто-бы о несравнимыхъ величинахъ и качествахъ; различныя отрасли труда, дѣятельность предпринимателя и поденнаго рабочаго не могутъ быть, будто-бы, согласно этому мнѣнію, измѣряемы какой либо общей мѣркой. Но развѣ не уравниваетъ рыночное образованіе цѣнъ повидимому такіе несравнимыя вещи, какъ такое-то изданіе сочиненій Гете и бутылку шампанскаго? не находимъ-ли мы въ каждомъ уголовномъ кодексѣ подобное-же, согласно условному мас-

штабу равенства, уравненіе неуравнимаго: столько то марокъ денежнаго штрафа или столько-то дней ареста? Повсюду и въ области образованія цѣнь, и въ области права традиціонныя условныя сужденія относительно того, что должно считать равнымъ, что нѣтъ, составляютъ исходный пунктъ. Только въ томъ случаѣ, если бы людямъ приходилось каждый разъ снова создавать эти сужденія, приведенное возраженіе было-бы правильнымъ. Но при дѣйствительномъ положеніи дѣла съ одной стороны всегда продолжаетъ существовать тотъ фактъ, что средняя прибыль предпринимателя, сравнительно съ заработной платой рабочаго, можетъ быть повышена или понижена при существующей народно-хозяйственной организациіи благодаря спросу и предложенію; съ другой-же, независимо отъ этого, это измѣненіе, какъ скоро оно достигаетъ извѣстнаго предѣла, на основаніи традиціонныхъ мѣрокъ и господствующихъ въ настоящее время чувствъ и идеальныхъ представленій, будетъ казаться справедливымъ или несправедливымъ.

И когда обсуждаются эти или подобные вопросы, когда по поводу ихъ вступаютъ въ борьбу различныя воззрѣнія, то споръ зависитъ не оттого, что одни признають примѣнимость категорій справедливости къ этимъ явленіямъ, а другіе ихъ отрицають, а оттого, что одни опираются на традиціонныя сужденія, а другіе на новыя; идеальныя представленія 18 вѣка вступаютъ здѣсь въ борьбу съ представленіями 19 вѣка; грубое чувство борется съ болѣе тонкимъ, — борьба идетъ между представленіями, осуществленіе которыхъ теперь невозможно, съ тѣми, которыя реализированы въ настоящее время благодаря нравамъ и праву. Наконецъ, идеальныя представленія о справедливости,

которыя уже размежевались съ другими, не менѣ ихъ имѣющими право на существованіе идеалами, ведутъ борьбу съ тѣми, которыя претендуютъ на исключительное проведеніе своего основнаго принципа.

И такъ какъ борьба эта никогда не утихаетъ, то и не существуетъ, какъ мы раньше уже замѣтили, простой, одинаково понятной всѣмъ людямъ, годной для всякаго времени и одинаковой для всѣхъ областей формулы справедливости. Представленія, о которыхъ здѣсь идетъ дѣло, сводятся всѣ къ одной основной мысли: всякому по его заслугамъ, *summi cuique*; но возможное примѣненіе этого положенія остается различнымъ смотря по составу возможныхъ представлений о дѣлѣ, ея измѣненій, группъ и рядовъ, въ которыхъ располагаются оцѣниваемые явленія. Въ противовѣсъ абстрактному требованію, желающему видѣть только одинъ масштабъ справедливости для оцѣнки труда или только ручного труда, тотчасъ выступаетъ другой, имѣющий одинаковое съ нимъ право на существованіе и желающій принять во вниманіе также и талантъ, добродѣтель или по крайней мѣрѣ только наличность опредѣленной человѣческой индивидуальности. Только по отношенію къ опредѣленнымъ кругамъ и опредѣленнымъ дѣламъ мало по малу тѣ или другія формулы представляются все болѣе и болѣе имѣющими право на предпочтительное вниманіе, и тогда онѣ завоевываютъ себѣ признаніе.

Но что-же въ концѣ-концовъ побуждаетъ въ борьбѣ различныхъ воззрѣній? Основанія-ли это логическаго порядка? Повидимому нѣтъ или, по крайней мѣрѣ, не они на первомъ планѣ. Сколько-бы ни приводилось логическихъ основаній всякаго рода въ борьбѣ за государственныя и общественныя учрежденія въ пользу

справедливости того или иного изъ нихъ,—эти основанія убѣждаютъ очень рѣдко, они кажутся всегда болѣе или менѣе слабыми. Они по крайней мѣрѣ не убѣждаютъ противника, а своего проверженца воодушевляють на всѣ крайности борьбы за нихъ. И это вполне естественно. Въ вопросѣ о справедливости дѣло идетъ не о логическихъ рѣшеніяхъ. Будутъ-ли ея мѣрки традиціонными, незапамятная древность которыхъ или происхожденіе свѣщѣ импонируютъ умамъ; будутъ-ли это новыя представленія, которыя создаютъ съ силой страсти молодые приверженцы новой школы, партіи, члены одного класса, одного народа,—последнее рѣшеніе лежитъ всегда въ области живыхъ чувствъ, во внутреннихъ тайникахъ человѣческой души.

Отсюда происходитъ также широкая возможность ошибокъ, заблужденій, пылкихъ страстей. Идеалы справедливости могутъ выступать въ самой искаженной формѣ; самаго безразсуднаго могутъ требовать какъ самаго высокаго и священнаго. Часто нужна бываетъ долгая очистительная борьба для того, чтобы разсѣлось заблужденіе, чтобы идеаль выступилъ во всей своей чистотѣ. Но изъ этого въ тоже время выясняется связь представленій справедливаго съ глубинами духовной жизни,—магическая сила дѣйствія этой связи. Что возбуждаетъ внутри дѣятельность сердца, то-же смирять волю, эгоизмъ, побуждаетъ къ дѣяніямъ и увлекаетъ индивидуума и миллионы къ дѣятельности въ пользу другихъ и къ жертвамъ. Отсюда объясняется и та тайна, что всякое политическое требованіе, всякое народно-хозяйственное учрежденіе только тогда воспламеняетъ сердца, когда оно является результатомъ требованій справедливости; отсюда произвольное желаніе призвать на помощь во всякомъ спорѣ справед-

ливость. Отсюда также и тотъ фактъ, что таже самая теорія, которая выставляетъ требованія справедливости, какъ свое послѣдствіе, долгое время является достояніемъ лишь отдѣльныхъ лицъ и отвергается общественнымъ мнѣніемъ, а затѣмъ вдругъ захватываетъ массы съ силой, которой нельзя противопоставить никакого сопротивленія, выводитъ ихъ на новую дорогу и, вліяя самымъ глубокимъ образомъ на законодательство, налагаетъ на цѣлые періоды свою измѣненную печать.

III.

Послѣ этихъ философскихъ разъясненій мы можемъ возвратиться къ нашему главному вопросу, который мы до сихъ поръ затрогивали лишь мимоходомъ или касались въ видѣ примѣра. Спрашивается: при какихъ обстоятельствахъ и отношеніяхъ распредѣленіе доходовъ и имущества признается справедливымъ или несправедливымъ?

Если мы будемъ держаться собственно философскихъ воззрѣній древняго и новаго времени на этотъ вопросъ, то споръ едва-ли будетъ возможно рѣшить удовлетворительно. Правда, со времени появленія аристотелевскаго ученія о распредѣляющей справедливости до философскихъ мыслителей нашего времени идетъ споръ о практическихъ слѣдствіяхъ относящихся сюда сужденій, но существо нашего вопроса эти споры едва затрогиваютъ. Изъ новыхъ писателей, — я назову только нѣкоторыхъ, — Гербартъ представляетъ себѣ уголовное право и народное хозяйство, какъ единое цѣлое. То, что въ одномъ мѣстѣ онъ называетъ правосудіемъ, въ другомъ носитъ названіе справедливости; на справедливости основывается его такъ-называемая си-

стема вознагражденія, обнимающая уголовное право и народное хозяйство. По его мнѣнію, вознагражденіе должно слѣдовать какъ за добрыми дѣлами, такъ и за преступленіями. Идея вознагражденія, говоритъ Гартенштейнъ, — должна быть примѣнена равномерно какъ къ добрымъ, такъ и злымъ дѣламъ. „Слѣдуетъ твердо сознать ту общую мысль, что общественныя учрежденія и дѣятельность способны и должны быть способны предоставлять справедливое вознагражденіе за заслуги и за преступленія“. Тренделенбургъ подобнымъ-же образомъ съ особеннымъ удареніемъ указываетъ на то, что нравственная оцѣнка государственныхъ и народно-хозяйственныхъ явленій исходитъ въ своей основѣ изъ той-же самой точки зрѣнія. „Въ дѣйствительности, говоритъ онъ, — существующая въ организованномъ государствѣ неизмѣнная пропорція между правами и обязанностями есть основная идея справедливости; къ такой-же пропорціи между трудомъ и приобрѣтеніемъ слѣдовало-бы стремиться и въ частно-правовомъ оборотѣ; но рыночная цѣна дѣлаетъ экспонентовъ крайне измѣнчивыми, благодаря чему и возникаетъ постоянное неравенство“. Осуществленіе справедливости кажется ему такимъ образомъ затруднительнымъ, но идеальнымъ ему все-таки представляется то состояніе, при которомъ трудъ и приобрѣтеніе также покрывали-бы другъ друга, какъ право и обязанность.

Но противъ этого послѣдняго пониманія выступаетъ, несомнѣнно другое, которое вытекаетъ изъ изученія индивида и не имѣетъ корня ни въ народномъ инстинктѣ, ни въ народномъ чувствѣ. Не смотря на то, что это воззрѣніе безсознательно было часто опровергаемо даже своими представителями, оно продол-

жасть, однако, сохранять большое значеніе въ практической жизни благодаря авторитету извѣстной учебной системы. Я разумю то ученіе, которое видитъ въ различіи богатства и бѣдности естественное явленіе. За ближайшими причинами имущественнаго распредѣленія это мнѣніе не способно открыть причинъ болѣе глубокихъ. Оно видитъ только спросъ и предложеніе, количественныя отношенія, естественныя явленія, климатъ и солнечное сіяніе, рождаемость и смертность, механическія причины, которыя, несомнѣнно, оказываютъ вліяніе на отдѣльные случаи распредѣленія имуществъ. Приобрѣтенія отдѣльных лицъ, согласно этому ученію, „зависятъ отъ ихъ силъ и счастья“. Въ свободной конкуренціи оно видитъ аналогію дарвиновской борьбы за существованіе. Право имѣетъ болѣе сильный; о цѣли, о нравственной оцѣнкѣ здѣсь совсѣмъ не идетъ рѣчи или на эту оцѣнку обращаютъ очень незначительное вниманіе. Поскольку люди требуютъ справедливаго распредѣленія имуществъ, они высказываютъ неразумныя мысли. Справедливости можно требовать только тамъ, гдѣ государство имѣетъ возможность вмѣшательства, по отношенію же къ свободному гражданскому обороту и силѣ счастья, въ немъ господствующей, это является превратнымъ требованіемъ. Не критиковать же намъ Господа Бога, говорятъ намъ защитники этой точки зрѣнія, за то, что его воздѣйствіе на міръ кажется намъ часто несправедливымъ; не предписывать же Ему, гдѣ должна ударить молнія, куда должна быть направлена пуля. Не ссориться же намъ съ природой за то, что она одному племени доставляетъ роскошныя плоды юга и богоподобное существованіе, а другихъ заставляетъ погибать въ вонючихъ, наполненныхъ ворванью ямахъ.

Мы не будемъ отдѣливаться отъ этого пониманія упрекомъ его въ матеріализмъ. Оно, конечно, матеріалистично, но его заслуга въ томъ, что оно вмѣстѣ съ тѣмъ и стремится быть реальнымъ, оно пытается по крайней мѣрѣ съ одной стороны подойти къ изслѣдованію отдѣльныхъ причинъ явленій. Но какъ-бы ни была велика его заслуга съ этой стороны, что кажется нашего вопроса, то оно, не смотря на всѣ свои аргументы, его совершенно не затрагиваетъ. Этотъ вопросъ всегда останется внѣ кругозора того ученаго, который стремится разсмотрѣть и понять его только съ точки зрѣнія силъ, количественныхъ отношеній, съ точки зрѣнія спроса и предложенія. Пусть эта точка зрѣнія будетъ даже правильна, народное чувство всегда будетъ ставить вопросъ о справедливости, поскольку оно будетъ видѣть передъ собой дѣйствія человѣческихъ существъ.

Постольку безъ сомнѣнія оно ихъ будетъ требовать; въ этихъ предѣлахъ во всякомъ случаѣ. Даже слѣпая игра счастья и теченіе естественныхъ процессовъ будутъ казаться справедливымъ или несправедливымъ тому, который думаетъ, что ихъ ходъ опредѣляется справедливымъ Провидѣніемъ, дѣйствующимъ подобно человѣку. Его чувство ожидаетъ и требуетъ возмѣщенія причиненнаго ущерба, хотя-бы оно могло послѣдовать только въ будущей жизни. Гдѣ, на оборотъ, разумъ видитъ лишь слѣпыя силы, тамъ онъ утѣшаетъ себя тѣмъ, что не дѣло человѣка предписывать имъ законы. Онъ не станетъ ждать справедливости отъ сверкающей молніи, отъ вражеской пули, отъ поражающаго ангела холеры и приносящаго солнечный зной вѣтра, но всегда потребуетъ ее отъ каждаго сознательнаго человѣческаго поступка.

Противоположеніе, слѣдовательно, находится не тамъ, гдѣ его хотятъ найти: государство и случай, государство и свободный оборотъ, государственное распредѣленіе и распредѣленіе путемъ спроса и предложенія. Формула противоположенія гласитъ слѣдующее: Поскольку распредѣленіе стоитъ въ зависимости отъ человѣческихъ дѣйствій и получаетъ отъ послѣднихъ свое руководство, по стольку эти дѣйствія рождать психологическіе процессы, въ результатѣ которыхъ у насъ будетъ возникать сознаніе ихъ справедливости или несправедливости. По скольку-же дѣло будетъ идти о господствѣ слѣпыхъ, внѣ воли человѣка стоящихъ причинахъ, разумное разсужденіе будетъ требовать, чтобы человѣкъ смирялся передъ ихъ необходимостью.

Если намъ, слѣдовательно, укажутъ на то, что спросъ и предложеніе распредѣляютъ доходъ, то мы прежде всего отвѣтимъ слѣдующее: а развѣ спросъ и предложеніе — слѣпые силы, независимыя отъ человѣческихъ поступковъ величины? Жатва настоящаго года, само собою разумѣется, зависитъ отъ дождя и солнечнаго свѣта, но средній результатъ нашихъ жатвъ — продуктъ нашей культуры. Спросъ и предложеніе суть суммарныя выраженія для отношеній величинъ, въ которыхъ группы выступаютъ по отношенію къ человѣческой волѣ; причины, обусловливающія эти отношенія величинъ, суть частью естественныя, но главнымъ образомъ — это человѣческія отношенія и отношенія силъ, человѣческія размышленія и дѣйствія.

Если намъ возразятъ, что природа обусловливаетъ благосостояніе народа, мы отвѣтимъ: конечно, она отчасти дѣлаетъ это; но по скольку она это дѣлаетъ, никто не находитъ несправедливымъ, что одинъ народъ богатъ, а другой бѣденъ. Но когда одинъ народъ

порабощаетъ другой, грабитъ его, держитъ въ зависимости, мы тотчасъ же находимъ несправедливымъ богатство одного и бѣдность другого.

Если намъ укажутъ на то, что одинъ зажиточнѣе другого, потому что онъ не долженъ дѣлить отцовскаго наслѣдства съ сестрами; одинъ счастливъ оттого, что у него здоровая жена, а у другого больная, то мы отвѣтимъ на это, что указанная игра счастья не уничтожаетъ нормальнаго чувства справедливости. Но вопросъ еще и въ томъ, являются-ли такія проявленія независимаго отъ нашей воли порядка вещей, которыя мы называемъ счастьемъ или случаемъ, дѣйствительно существенными причинами распредѣленія имуществъ и доходовъ? Если-бы это было такъ, то не существовало-бы научной обработки народно-хозяйственныхъ и социально-политическихъ явленій, потому что беспорядочную игру счастья и случая нельзя подвести подъ какія-либо общія точки зрѣнія.

Если намъ укажутъ на то, что не государство, а трудъ распредѣляетъ доходъ, то мы отвѣтимъ на это, что въ устахъ того, кто вмѣстѣ съ тѣмъ признаетъ силу и счастье причинами распредѣленія, подобное возраженіе кажется удивительнымъ. Подобное возраженіе имѣетъ только одинъ смыслъ, — тотъ, что различные виды труда и различные виды услугъ производятъ также и соотвѣтственно различное вознагражденіе за нихъ. Въ нашихъ-же глазахъ трудъ создаетъ блага, производитъ продукты, строитъ дома, печетъ хлѣбъ, но онъ непосредственно не распредѣляетъ дохода. Различные виды труда оказываютъ вліяніе на распредѣленіе только послѣ того, какъ въ обществѣ установилась имъ опредѣленная оцѣнка. Спросъ на тотъ или иной трудъ будетъ вліять на его рыночную цѣну,

а нравственная оцѣнка различныхъ видовъ труда окажетъ свое вліяніе на сужденіе о справедливости этой цѣны. Такимъ образомъ косвенно трудъ, конечно, вліяетъ на распредѣленіе, но онъ исключаетъ счастье и случай, если онъ это дѣлаетъ и по скольку дѣлаетъ.

При обоихъ утвержденіяхъ, впрочемъ, слишкомъ исключительно думаютъ объ индивидуальномъ распредѣленіи дохода, въ то время какъ съ соціальной точки зрѣнія наиболее важными является распредѣленіе по классамъ общества. Для всякаго общаго научнаго или критическаго изученія важно не то, имѣетъ-ли поденщикъ Гансъ немного болѣе, чѣмъ Кунцъ, или получаетъ-ли торговецъ Миллеръ болѣе прибыли, чѣмъ Шульце, счастливѣе-ли спекулируетъ банкиръ Блейх-редеръ, чѣмъ банкиръ Ганземакъ; этимъ едва-ли будутъ интересоваться посторонніе люди; во всякомъ случаѣ они будутъ составлять по этому поводу сужденіе лишь въ видѣ исключенія. Но, конечно, общественное мнѣніе всегда будетъ давать оцѣнку средней заработной платы поденщика, общаго положенія тѣхъ или другихъ кустарей, средней прибыли учредителей, средней суммы прибылей мелкихъ торговцевъ, владѣльцевъ рыцарскихъ имѣній, крестьянъ, и будетъ находить ихъ справедливыми или несправедливыми. И очевидно, что эти среднія величины зависятъ не отъ случая и не отъ счастья; онѣ—результатъ среднихъ особенностей классовъ, о которыхъ идетъ рѣчь, въ связи съ ихъ отношеніями къ другимъ классамъ; онѣ прежде всего—результатъ опредѣленныхъ человѣческихъ учреждений.

Въ центрѣ учреждений, управляющихъ распредѣленіемъ дохода, стоятъ дѣйствующие въ данное время права собственности, наслѣдованія и договора. Фор-

ма, въ которую они отливаются въ данное время, опредѣляетъ демократическое или аристократическое распредѣленіе имуществъ. Спросимъ напр., относительно распредѣленія права собственности, которое по общему правилу является опредѣляющимъ началомъ распредѣленія имуществъ и доходовъ, кто установилъ ее? Природа, счастье, случай, спросъ и предложеніе? Нѣтъ, на первомъ мѣстѣ стоятъ здѣсь социальныя, аграрныя институты прошедшаго и настоящаго. Господствующее въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ мелкое крестьянское землевладѣніе восходитъ къ средне-вѣковому строю марки и деревни и крестьянскому наслѣдственному праву. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ встрѣчаются большія земельныя владѣнія, послѣднія являются результатомъ феодализма и рыцарства, позднѣйшаго строя земледѣльческаго господства и сословнаго строя. Въ настоящее время играютъ роль арендные порядки, строй гипотечныхъ учрежденій; законодательство, относительно уничтоженія поземельныхъ повинностей и земледѣльской культуры у насъ было столь-же важно, какъ и установленная правительствами колонизаціонная система. Индивидуальныя особенности выступаютъ гораздо болѣе при распредѣленіи владѣній движимостью; однако и здѣсь, какъ намъ кажется, важнѣйшую роль играютъ учрежденія; рѣшающими являются формы предпріятій и регулируемые закономъ отношенія къ рабочимъ. Тамъ, гдѣ существовало рабство, оно оказывало господствующее вліяніе на всю экономическую жизнь, опредѣляло социальное образованіе классовъ и распредѣленіе доходовъ. Цеховое устройство въ эпоху своего послѣдовательнаго проведенія въ жизнь было въ столь-же значительной степени учрежденіемъ распредѣленія дохода, какъ и организаціи рабочихъ.

Точно тоже слѣдуетъ сказать и о кустарной промышленности, регулировавшейся регламентами 17 и 18 столѣтій: и здѣсь руководящими точками зрѣнія были потребности торговли и техники, съ одной стороны, и положеніе кустарей, съ другой. А теперь? Не представляются-ли существенной основой и причиной нашего теперешняго распредѣленія дохода, установленіе свободнаго и безоброчнаго ремесла, биржъ, организація государственныхъ долговъ, формъ предпріятія, акціонерныя компаніи, товарищества, союзы и корпораціи предпринимателей и рабочихъ, все рабочее законодательство? Индивидуальныя причины и игра случая выражаются въ рамкахъ этихъ учрежденій въ незначительныхъ уклоненіяхъ личной судьбы, положеніе-же социальныхъ классовъ въ цѣломъ опредѣляется самими учрежденіями.

Но что-же иное представляютъ собою народно-хозяйственныя учрежденія, какъ не продуктъ человѣческихъ чувствъ и мыслей, человѣческихъ дѣйствій, человѣческихъ нравовъ, человѣческаго права? Поэтому-то мы и прилагаемъ къ нимъ, какъ и къ ихъ продуктамъ, мѣрку справедливости; поэтому-то мы и спрашиваемъ — справедливо или несправедливо они организованы и дѣйствуютъ. Мы не требуемъ отъ распредѣленія имуществъ и доходовъ, такъ такихъ, чтобы они были справедливы; мы не требуемъ этого и отъ технико-хозяйственныхъ дѣйствій, которыя не касаются другихъ людей; но мы требуемъ отъ всѣхъ бесчисленныхъ хозяйственныхъ поступковъ, касающихся благодаря обмѣну и раздѣленію труда другихъ людей и цѣлыхъ обществъ, чтобы они были справедливы.

Гдѣ приходится подвергать обсужденію такія дѣйствія, нашъ наблюдающій взглядъ видитъ нравствен-

ные союзы, общія цѣли этихъ союзовъ, человѣческія качества, которыя стоятъ въ связи съ этими цѣлями. Простѣйшій мѣновой оборотъ невозможенъ безъ того, чтобы между обмѣнивающимися правильнымъ образомъ лицами, не существовало нѣкоторой нравственной общности. Должно быть прямо или молчаливо условлено сохранять миръ; обмѣнивающіеся должны имѣть общія представленія о цѣнахъ, признавать общее право. Всякій продавецъ образуетъ съ продавцомъ, съ которымъ онъ имѣетъ дѣло, въ моментъ продажи нравственную общность довѣрія.

Въ эпохи примитивной культуры въ социальныхъ союзахъ семейномъ, родственномъ, племенномъ, добровольныхъ союзахъ, основанныхъ на клятвѣ, живетъ необыкновенно сильное чувство общности, которое, по этому, приводитъ къ очень широко проводимымъ требованіямъ справедливости внутри этихъ круговъ, какъ и къ полнѣйшему притупленію этого чувства по отношенію ко внѣ его стоящимъ людямъ. При высшей культурѣ эти маленькія общества отступаютъ на задній планъ. Въ это время получаютъ значеніе индивидуумъ, какъ такой, и болѣе обширные союзы людей. Въ разное время на первый планъ выступаютъ то отдѣльные индивидуумы, то общественные интересы, согласно съ чѣмъ измѣняется и степень живости чувства связи, соединяющей людей въ союзы. Въ эпоху, когда средоточіе экономической дѣятельности составляетъ техническая хозяйственная жизнь индивидуума или семьи безъ большого обмѣна, безъ раздѣленія труда, сознаніе общности народно-хозяйственного базиса стоитъ на заднемъ планѣ. Но чѣмъ далѣе идетъ раздѣленіе труда, чѣмъ запутаннѣе связываютъ индивидуумовъ нити обмѣна въ нерасторжимую спеціальную общность, тѣмъ

болѣе все производство принимаетъ характеръ общаго, а не индивидуальнаго дѣла. Растутъ вмѣстѣ съ этимъ общія задачи мѣстнаго и національнаго характера, индивидуумы все болѣе и болѣе вытѣсняются социальными образованіями. Всякое сколько нибудь значительное предпріятіе, поскольку оно соединяетъ на продолжительное время опредѣленное число людей обще-хозяйственной цѣлью, представляетъ собою нѣкоторую нравственную общность. Оно оказываетъ вліяніе на внѣшнюю и внутреннюю жизнь всѣхъ участниковъ, опредѣляетъ мѣстожителство, школу, распредѣленіе времени, семейную жизнь, въ извѣстной степени умственный горизонтъ, образованіе, удовольствія этихъ участниковъ. Отношенія этихъ лицъ между собою необходимымъ образомъ изъ просто-хозяйственныхъ становятся нравственными. Отсюда, поэтому, создается слѣдующее представленіе: разъ въ данномъ мѣстѣ есть общее производство, есть и нравственная общность между производителями, а вмѣстѣ съ этимъ ставится и вопросъ: являются-ли справедливыми отношенія участниковъ предпріятія, справедливо-ли раздѣленіе между ними продукта? Подобная точка зрѣнія прилагается къ цѣлымъ промышленностямъ, къ цѣлымъ социальнымъ классамъ, и это тѣмъ болѣе, чѣмъ чаще общество рабочихъ организуется и внѣшнимъ образомъ въ союзы и товарищества; она приложима также и къ цѣлымъ государствамъ и государственнымъ союзамъ.

Нравственные общества, которыя играютъ роль въ народно-хозяйственномъ отношеніи, суть или чисто-экономическія, или преслѣдуютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и другія цѣли, какъ это мы видимъ на примѣрѣ мѣстныхъ общинъ и государства. Чѣмъ тѣснѣе ихъ кругъ, чѣмъ проще и яснѣе ихъ цѣль, тѣмъ нагляднѣе выступаютъ

тъ ихъ особенности, по которымъ устанавливается нравственный приговоръ людей, и они упорядочиваются въ опредѣленные ряды съ цѣлью ихъ сравненія. Чѣмъ болѣе объѣмъ они имѣютъ, чѣмъ болѣе разнообразны цѣли они преслѣдуютъ, тѣмъ болѣе усложняется и вопросъ о томъ, какія особенности ихъ должны быть приняты во вниманіе при ихъ оцѣнкѣ, — тѣмъ болѣе шаткимъ становится въ приложеніи къ нимъ сужденіе о справедливости, тѣмъ необходимѣе являются, при нравственномъ и правовомъ регулированіи отношеній, условныя точки зрѣнія и масштабы, съ помощью которыхъ возможно достигнуть здѣсь сколько нибудь прочныхъ результатовъ.

При примитивной культурѣ, въ маленькихъ кружкахъ нравственной и экономической общности, всѣ люди вообще, по крайней мѣрѣ всѣ способные носить оружіе, легко представляются равными, а потому и кажется здѣсь справедливымъ каждому члену общины дать одинаковый съ другими участокъ земли, равное участіе въ добычѣ. Даже цехи еще стремились обезпечить каждому товарищу по возможности равное участіе въ пріобрѣтеніяхъ. При высшей культурѣ наступаетъ необходимымъ образомъ потребность въ различіи; если въ раннее время назначали наиболѣе храбрымъ и благороднымъ родамъ большіе жеребьи, то теперь различія устанавливаются по болѣе общему масштабу. Всѣ наслѣдственные преимущества признаются справедливыми лишь въ той мѣрѣ, въ какой народное чувство оцѣниваетъ качества не отдѣльных индивидуумовъ, но цѣлыхъ семействъ — точка зрѣнія, все болѣе и болѣе отступающая на задній планъ вмѣстѣ съ развитіемъ культуры. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, признается справедливымъ масштабъ распре-

дѣленія имуществъ унаслѣдованное обычнымъ порядкомъ богатство, по скольку оно представляется необходимымъ и естественнымъ образомъ связаннымъ съ владѣльцами. Такимъ образомъ раздѣлъ общественныхъ земель, по размѣру владѣнія скотомъ и землями у отдѣльныхъ общинниковъ, и уступка значительно меньшихъ участковъ безземельнымъ и поденнымъ рабочимъ кажутся въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ провинціяхъ совершенно справедливыми, въ то время какъ тому, который знакомъ съ порядкомъ раздѣла общинныхъ земель во Франціи и южной Германіи, они покажутся, можетъ быть, вопіющей несправедливостью.

Во всякомъ производительномъ обществѣ трудъ является ближайшимъ масштабомъ распредѣленія; поэтому можетъ быть этотъ масштабъ и является самымъ распространеннымъ и доступнымъ сознанию каждаго. Но поскольку дѣло идетъ о сравненіи многихъ различныхъ видовъ труда, — только абстрактному, далекому отъ народнаго сознанія представленію можетъ показаться возможнымъ сводить всякій трудъ къ количеству ручной работы; естественное народное чувство всегда будетъ цѣнить выше тотъ трудъ, для котораго требуется больше образованія и таланта.

По большей части принимаются во вниманіе тѣ качества, которыя служатъ общей цѣли; качества же, которыя имѣютъ только отношеніе къ индивиду и его эгоистическимъ цѣлямъ, отходятъ назадъ. Поэтому только превратное пониманіе вещей можетъ представлять себѣ, что масштабomъ распредѣляющей справедливости являются потребности отдѣльнаго индивида. Старый социализмъ вполне благоразумно воздерживался отъ этого заблужденія. Даже первая дѣйствительно социально-демократическая программа, эйзенахская

1869 г., не отваживалась на эту глупость. Только благодаря возрастающему развитію некультурности и дикости готская программа 1875 г. потребовала распределенія общаго продукта труда каждому индивидууму по его „разумнымъ потребностямъ“. Прибавка слова „разумнымъ“ должна воспрепятствовать крайностямъ, но низкаго уровня пониманія вещей она не устраняетъ. Своими потребностями человекъ служить только себѣ; своимъ трудомъ, своими добродѣтелями, своими услугами онъ служить цѣлому обществу, и послѣднее въ своихъ сужденіяхъ о справедливомъ даетъ цѣну только тому, что оно признаетъ для себя цѣннымъ.

Если дѣло идетъ о большихъ социальныхъ обществахъ, которые преслѣдуютъ различныя хозяйственныя и другія цѣли, и о справедливомъ въ этихъ обществахъ, то всегда и въ нихъ будутъ дѣлать тѣ или иные попытки взвѣсить различныя особенности и услуги людей въ ихъ общемъ результатѣ и въ ихъ связи съ цѣлями общества. И при этомъ будутъ приниматься во вниманіе только таланты и познанія, добродѣтели и услуги, короче говоря „заслуги“ людей. Иногда кажется, что нравственныя качества часто совсѣмъ не находятъ признанія, большіе-же таланты, услуги и дѣянія которыхъ видны далеко, часто оцѣниваются сверхъ мѣры. Но это потому, что одни менѣ замѣтны, чѣмъ другіе, и нравственное сужденіе, которое оцѣниваетъ индивида по тому, чѣмъ онъ является по отношенію къ цѣлому, естественнымъ образомъ только и можетъ имѣть исходомъ пунктомъ то, что оно замѣчаетъ.

И въ этомъ лежитъ противоположность между нравственной и экономической оцѣнкой. Въ обыкновенной хозяйственной оцѣнкѣ дѣятельность людей и событія

имѣють цѣну въ той мѣрѣ, въ какой отдѣльныя лица могутъ воспользоваться ими для удовлетворенія своихъ личныхъ потребностей. Въ нравственной оцѣнкѣ, отъ которой происходитъ сужденіе о справедливомъ, дѣяніи отдѣльныхъ лицъ получаютъ свою оцѣнку по внутренней цѣли цѣлаго. Истинная справедливость, говоритъ Герингъ, состоитъ въ равномъ для всѣхъ гражданъ отвѣщиваніи результатовъ дѣятельности сообразно съ самыми дѣяніями и ихъ цѣнностью для цѣлаго общества. Обѣ оцѣнки выступаютъ въ жизни рядомъ одна съ другою, борятся между собою и вліяють другъ на друга; одна господствуетъ на рынкѣ, другая въ нравственныхъ сужденіяхъ и представленіяхъ. И онѣ сближаются между собою по мѣрѣ того, какъ люди становятся совершеннѣе. При помощи какого механизма происходящіе отсюда конфликты уже ранѣе смягчались и ослаблялись — это мы еще рассмотримъ.

IV.

Если-бы въ области народнаго хозяйства нужно было видѣть только господство слѣпыхъ силъ, эгоистическихъ интересовъ, естественныхъ величинъ, механическихъ процессовъ, тогда она была-бы вѣчной борьбой, хаотической анархіей; она представляла-бы собою *bellum omnium contra omnes*. Что въ дѣйствительности этого нѣтъ, признавали даже тѣ, которые въ проявленіяхъ эгоизма видѣли единственную двигающую силу народнаго хозяйства. Необъяснимый выводъ относительно того, что изъ слѣпой борьбы эгоистическихъ индивидуумовъ должно произойти мирное общество, они пытались оправдать идеалистическимъ представленіемъ о предопредѣленной гармоніи силъ въ

смыслъ ученія Лейбница. Между тѣмъ безпристрастное наблюденіе жизни показываетъ постоянно, что такой гармоніи не существуетъ; къ ней лишь мало по малу медленно стремятся.

Нѣтъ, гармоніи, какъ самостоятельной силы, не существуетъ. Эгоистическія стремленія борются между собою; естественныя величины воздѣйствуютъ другъ на друга разрушающимъ образомъ; механическое господство естественныхъ силъ неумолимо проявляетъ себя и теперь; борьба за существованіе еще и теперь имѣетъ полную силу въ видѣ конкурентной борьбы; гибкость убѣжденій, которую проявляютъ въ своей дѣятельности даже самые благородныя и высокопоставленныя личности, отражаетъ на себѣ вліяніе эгоизма; для массъ эгоизмъ остается главной причиной большинства ихъ поступковъ, хотя и представляется смягченнымъ нравственными результатами современной жизни. Не будучи уничтожены вполнѣ и въ настоящее время, борьба и споры не сохраняютъ однако, одного и того-же характера въ исторіи. Изъ борьбы, оканчивающейся уничтоженіемъ и поработаніемъ противника, они обращаются въ пари, которое разрѣшаетъ третье безпристрастное лицо. Формы зависимости однихъ лицъ отъ другихъ становятся все мягче и человѣчнѣе; классовое господство дѣлается умѣреннымъ. Всякое проявленіе грубой силы или преобладанія, превосходящаго опредѣленную границу, влечетъ за собою наказаніе. Спросъ и предложеніе въ различныхъ системахъ нравовъ и права выступаютъ также съ различными результатами. Говоря короче, благодаря культурной работѣ тысячелѣтій всякое проявленіе эгоизма получаетъ теперь смягченную, упорядоченную, сдерживающую его форму. А этотъ послѣд-

ный результатъ есть слѣдствіе тѣхъ идеальныхъ представлений, которыя, имѣя свой источникъ въ социальной жизни, составляютъ ядро всѣхъ религій, всѣхъ системъ нравовъ, морали и права. Среди этихъ представлений идея справедливости является если не первымъ и единственнымъ, то однимъ изъ важнѣйшихъ. Рядомъ съ ней стоятъ другія, имѣющія одинаковое съ ней вліяніе. Оставляя совершенно въ сторонѣ идеи божества, безсмертія, усовершенствованія и прогресса, и оставаясь только на почвѣ социальныхъ отношеній, мы должны рядомъ со справедливостью, которая отводитъ каждому лицу лишь ему принадлежащее, поставить: идею общности, которая устанавливаетъ то, чѣмъ индивидуумъ долженъ поступиться въ пользу цѣлаго, которая ставитъ интересы цѣлаго выше интересовъ отдѣльныхъ лицъ;—идею благоволенія, которая, руководясь инстинктомъ общности, даетъ бѣдняку больше, чѣмъ онъ можетъ требовать по справедливости,—и, наконецъ, идею свободы, которая имѣетъ своей цѣлью предоставить каждому свободное проявленіе своей личности и, слѣдовательно, указываетъ справедливости и интересамъ цѣлаго разнородныя границы. Что изъ этого для практическаго осуществленія справедливости возникаютъ разнообразныя препятствія, на это мы можемъ здѣсь только указать, не вдаваясь въ подробныя разсужденія. Каковы-бы ни были, во всякомъ случаѣ, эти препятствія, всегда будетъ существовать тотъ фактъ, что развивающаяся вмѣстѣ съ ростомъ представлений, о которыхъ шла рѣчь, идея справедливости ежедневно и ежечасно проявляетъ свое воздѣйствіе на практическую жизнь тѣмъ, что она воздѣйствуетъ на дикія силы и эгоистическія склонности и регулируетъ ихъ, отливая въ форму нравственнаго

и религиознаго чувства долга, социальных нравовъ и положительнаго права. Конфликтъ между интересами и нравственными идеями, конечно, никогда не можетъ быть устраненъ, а только лишь смягченъ; вся человеческая жизнь существуетъ только подъ условіемъ этой никогда не оканчивающейся внутренней борьбы. Всегда будутъ существовать требованія экономической справедливости, которыя будутъ казаться лишь слѣпыми идеалистическими мечтаніями; но всегда будутъ существовать и множество такихъ, которыя будутъ одерживать побѣду въ жизни, которыя встрѣтятъ поддержку по крайней мѣрѣ въ большинствѣ, въ руководящихъ силахъ. Имъ и обязана высшая экономическая культура своимъ гуманнымъ характеромъ.

Но важнѣйшая въ практическомъ отношеніи форма, въ которой эти идеи одерживаютъ побѣду, есть форма нравовъ и права. Безъ этого внѣшняго формальнаго средства представленія и сужденія относительно того, что справедливо, были-бы не легко осуществимы и не могли-бы передаваться отъ поколѣнія къ поколѣнію. Только нравы и право сообщаютъ нравственнымъ идеямъ устойчивость и постоянство, только они устанавливаютъ между огромными массами согласіе во взглядахъ на должное быть. Изъ нравственнаго настроенія людей происходятъ правила нравовъ; устанавливая твердый порядокъ жизни, они сдерживаютъ дикую игру склонностей и инстинктовъ. Правами мы называемъ въ поступкахъ людей то, что происходитъ съ правильнымъ постоянствомъ, вытекаая изъ опыта и воспоминаній, изъ разумнаго пониманія общихъ цѣлей и нравственнаго сознанія. Какъ-бы ни были на первый взглядъ дики тѣ или другіе нравы, ихъ нормы являются всегда прогрессомъ по отношенію къ чисто-

естественному проявленію склонностей. Для подрастающаго поколѣнія они представляются подходящими къ условіямъ жизни, необходимыми, справедливыми правилами, само собою понятнымъ условіемъ всякаго община, всякаго раздѣленія труда, всего соціального существованія; по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ и ихъ наклонностямъ они выступаютъ какъ самостоятельная сила и становятся основой всей нравственности, всей религіи, всего права и всѣхъ учреждений.

Будучи на первыхъ порахъ неподвижны и строги, нравы становятся затѣмъ болѣе приспособленными къ индивидуальной морали и болѣе подходящими къ жизненнымъ условіямъ, хотя и продолжаютъ требовать также болѣе высокаго и болѣе благороднаго поведенія. Отдѣлившееся со временемъ отъ нравовъ положительное право обращаетъ ихъ въ норму, требующую немногого, но настаивающую на соблюденіи этого немногого гораздо болѣе строгимъ образомъ. На болѣе высокой ступени культуры господство нравовъ поддерживается со стороны общества страхомъ порицанія, неуваженія и исключенія изъ своей среды. Формальное право устанавливаетъ наиболѣе важныя нормы совмѣстной жизни, но къ соблюденію ихъ вынуждаетъ путемъ физическаго принужденія, которое община въ состояніи употребить противъ отдѣльнаго своего члена.

Имѣя одну и ту-же внутреннюю природу, какъ и нравы и нравственность, а именно, вытекающая точно также изъ соціальныхъ идеаловъ, и прежде всего изъ идеи справедливости, право, благодаря своей формальной природѣ, пріобрѣтаетъ нѣкоторую самостоятельность, а этой самостоятельностью обуславливается то, что право содѣйствуетъ осуществленію идеи справед-

ливости только въ своей области, внутри опредѣленныхъ границъ, и лишь въ нѣкоторой степени опредѣляетъ ея господство.

Сущность права и закона, послѣ того какъ онъ медленнымъ процессомъ, путемъ опыта многихъ тысячелѣтій отдѣляется отъ религіи, нравовъ и нравственности, составляетъ между прочимъ то, что установленныя имъ одинаковыя для нихъ правила находятъ и совершенно одинаковое примѣненіе ко всѣмъ членамъ общества. Безъ примѣненія ко всѣмъ началъ равенства передъ закономъ право перестаетъ быть правомъ. Но достиженіе этого идеала, благодаря разнообразію и сложности жизненныхъ отношеній, представляется дѣломъ крайне труднымъ. Онъ можетъ быть осуществленъ только путемъ установленія важнѣйшихъ положеній и долгой трудной логической работы ума, которая способна свести нормы права въ немногія, ясныя, короткія и всѣмъ понятныя положенія. Правосудіе при этихъ качествахъ права поднимается выше уровня личныхъ чувствъ и измѣнчивыхъ настроеній, а законы получаютъ, благодаря имъ, точное и равномерное примѣненіе. И чѣмъ суровѣе право, чѣмъ болѣе оно подчиняетъ себѣ отдѣльную личность, чѣмъ рѣшительнѣе и неумолимѣе проводить въ жизнь свои предписанія, тѣмъ важнѣе становится это формальное требованіе: равномерное, справедливое примѣненіе юридическихъ положеній ко всѣмъ становится въ такой степени важнымъ, что по большей части легче терпятъ несовершенное право, справедливое примѣненіе котораго обезпечено, чѣмъ совершенное, по содержанію болѣе справедливое право, но примѣненіе котораго вообще или только въ рукахъ данныхъ судей и чиновниковъ является колеблющимся, непостоян-

нымъ и потому несправедливымъ. Поэтому-то почти каждое положительное право, и прежде всего писанное законодательное право, которое создано мыслящимъ разумомъ законодательной бюрократической машины, а не выросло, подобно обычному, изъ нравовъ, — бываетъ неподвижно, бѣдно содержаніемъ, старается опираться на внѣшніе ясные признаки; оно не можетъ обращать вниманія на индивидуальныя отличія и ихъ природу; оно считаетъ грубыми средними числами. Въмѣсто того, чтобы считаться съ особенностями каждаго отдѣльнаго лица, оно опредѣляетъ, на примѣръ, совершенно — и несовершеннолѣтіе по одинаковому, въ общемъ несомнѣнно правильному, но для отдѣльныхъ лицъ всегда болѣе или менѣе произвольному количеству лѣтъ. Оно призываетъ всѣхъ взрослыхъ мужчинъ къ избирательной урнѣ не потому, что всѣ они имѣютъ одинаковое значеніе для государства, но потому, что допущеніе всякаго иного, болѣе сложнаго способа примѣненія права голосованія привело-бы къ большимъ несправедливостямъ въ приложеніи къ отдѣльнымъ случаямъ. Все законодательное право часто является несправедливымъ и по своему содержанію не правильно разграничивающимъ интересы не потому, что оно считаетъ формальную справедливость высшей, а потому, что при данной культурной ступени развитія она представляется легче достижимой. Изъ этого происходятъ тысячекратныя столкновенія между матеріальной и формальной справедливостью, которыя часто имѣютъ рѣшающее значеніе для практическихъ вопросовъ распредѣленія имуществъ и доходовъ.

Когда дѣло идетъ о какомъ нибудь требованіи справедливости, которое должно быть проведено въ наше

положительное право путем обыкновенной реформы, то при этомъ требуется не только то, чтобы по своему содержанію оно было признано полезнымъ и желательнымъ лучшими людьми;— чтобы оно вошло въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ составъ нравовъ;— чтобы оно побѣдило противодѣйствующія ему силы эгоизма, заставляющей косности, сопутствующей всему традиціонному, и противодѣйствіе другихъ нравственныхъ идей, которыя, преслѣдуя другія цѣли, также могутъ стоять на пути къ осуществленію даннаго требованія;— чтобы оно сдѣлалось религіозной догмой господствующихъ партій и государственныхъ людей. Нѣтъ, оно должно быть также и формально переработано въ примѣнимое формальное право; оно должно получить точныя границы и ясные признаки, быть установлено въ точномъ выраженіи подобно численнымъ и количественнымъ отношеніямъ; оно должно пройти долгій путь отъ правового чувства къ ясному, рѣзко отграниченному своимъ понятіемъ юридическому положенію. Лежащія въ основаніи его оцѣночныя сужденія должны воплотиться въ точный масштабъ, который, являясь посредствующимъ простымъ выраженіемъ для сложныхъ по своей природѣ и разнообразныхъ отношеній, способенъ былъ бы опредѣлять правильно свойства всѣхъ ихъ, взятыхъ въ качествѣ средней величины. Коротко, механика положительнаго права ограничиваетъ всякое проведеніе матеріальной справедливости. Формальное право добывается только цѣною частичной матеріальной несправедливости.

Требованіе справедливости, выражающееся въ опредѣленіи вознагражденія великихъ изобрѣтателей, въ настоящее время можетъ сдѣлаться положительнымъ правомъ лишь въ видѣ закона о патентахъ или уста-

новленной государством системы наградъ, при чемъ способъ проведенія въ жизнь этого права является столь-же важнымъ, какъ и его принципъ. Требованіе справедливости по отношенію къ подоходному налогу, можетъ разсчитывать на сочувствіе къ себѣ лишь въ томъ случаѣ, если оно выразится въ чѣсловыхъ отношеніяхъ, которыя въ своихъ среднихъ величинахъ будутъ соответствовать современному правовому чувству. Требованіе справедливости — предприниматель долженъ оказывать большія заботы о своихъ рабочихъ — можетъ быть проведено только въ видѣ конкретно установленныхъ предписаній о томъ, чтобы предприниматель принялъ на себя отвѣтственность, и отвѣтственность за *опредѣленные* несчастные случаи съ рабочими, чтобы онъ дѣлалъ въ вспомогательную кассу такія-то и такія-то отчисленія, чтобы онъ подчинялся въ отношеніи заработной платы приговорамъ безпристрастныхъ посредниковъ. Участіе рабочихъ въ прибыляхъ предпріятія можетъ быть предметомъ обсуждения съ цѣлью ея законодательнаго регулированія только въ томъ случаѣ, если на-лицо будутъ опредѣленный опытъ, устанавливающій возможный правильный путь къ проведенію этого мѣропріятія. Безъ этого подобный законъ, наравнѣ съ другими хорошо задуманными предложеніями относительно улучшенія положенія низшихъ классовъ, приведетъ только къ произволу, къ удовлетворенію интересовъ лишь отдѣльныхъ лицъ и къ раздорамъ въ затронутыхъ имъ кругахъ, вслѣдствіе нарушенія имъ формальной справедливости. Болѣе точное знакомство съ результатами нашего призрѣнія бѣдныхъ постоянно подтверждаетъ это. Наше законодательство о бѣдныхъ есть важнѣйшая часть социализма; нашъ общественный порядокъ скрываетъ

его въ себѣ. Это—часть социализма, отъ которой мы въ настоящее время не можемъ освободиться, потому что мы не можемъ создать на его мѣсто ничего лучшаго, не знаемъ, при помощи какихъ болѣе совершенныхъ учреждений можно удовлетворить безспорное требованіе справедливости—спасти отъ голодной смерти каждаго члена общества. Темной-же стороной этого законодательства о бѣдныхъ является совершенная невозможность проведения его съ соблюденіемъ требованій какъ матеріальной, такъ и формальной справедливости. Въ немъ господствуетъ произволъ, случай, внѣшніе шаблоны, а потому и вспомошествованіе бѣднякамъ даетъ столь неблагоприятные психологическіе результаты, побуждаетъ къ лѣни и поддерживаетъ склонности низшаго порядка. Пока наши органы управленія не будутъ доведены до степени совершенства иного рода, пока они не получаютъ иныхъ средствъ къ достиженію цѣлей, ставимыхъ этимъ вопросомъ, до тѣхъ поръ большая часть социалистическихъ опытовъ будетъ только расширеніемъ слѣдствій современнаго законодательства о бѣдныхъ на обширную часть всего нашего народнаго хозяйства.

Мы никогда не должны забывать однако того, что составляетъ средство, что—цѣль. Форма права есть средство, а справедливость—цѣль права. Вслѣдствіе убѣжденія въ томъ, что законы не устраняютъ всякой безиравственности, что они не могутъ провести къ исполнѣнню совершенному распредѣленію доходовъ, что утонченныя хитрости изворотливыхъ и эгоистическихъ дѣльцовъ смѣются надъ всякими добрыми нравами и находятъ пути проскользнуть черезъ петли лучшихъ законовъ, мы не должны отказываться отъ стремленій къ справедливому и вѣры въ его побѣду. Если въ

нашей жизни мы и встрѣчаемъ тысячи разъ случаи несправедливости, то все-таки то лучшее, чѣмъ мы владѣемъ, основывается на идеѣ справедливости,—и всякій соціальный прогрессъ зависитъ отъ дальнѣйшихъ побѣдъ ея. Потребовавъ справедливаго распредѣленія доходовъ, социализмъ не сказалъ ничего новаго, а только возвратился отъ краткаго періода ошибокъ эпигоновъ матеріалистическаго направленія просвѣтительной философіи къ великимъ традиціямъ всякой идеалистической соціальной философіи. Его ошибка состояла лишь въ томъ, что онъ не въ достаточной степени оцѣнилъ различіе между матеріальной и формальной справедливостью, какъ и роль другихъ равноправныхъ идеалистическихъ соціальныхъ представлений;—что онъ считалъ возможнымъ достигнуть осуществленія индивидуальныхъ представлений о справедливомъ нѣкоторыхъ идеалистовъ, желающихъ устранить вдругъ и непосредственно существовавшіи въ теченіе столѣтій учрежденія, и что онъ въ своихъ грубыхъ фракціяхъ возвращался къ масштабамъ справедливости, которыя могутъ соответствовать лишь начальнымъ эпохамъ культуры и, во всякомъ случаѣ, составляютъ продуктъ грубаго воззрѣнія, а не облагороженныхъ понятій высшей нравственности.

Социализмъ можетъ насъ научить не требовать ложной справедливости; но онъ никогда не сможетъ заставить насъ отказаться отъ борьбы за истинную справедливость. Исторія насъ учитъ, что прогрессъ совершается по большей части медленно; она показываетъ намъ точно также очень хорошо, что въ концѣ-концовъ величайшія трудности формы будутъ преодолены, что справедливое право и облагороженные нравы одерживали, особенно въ великія эпохи вѣры въ иде-

алы, которые вообще молодятъ и облагораживаютъ народы, побѣды надъ силами эгоизма, косности, глупости, и тогда родились на свѣтъ лучшія и справедливейшія учрежденія.

И по отношенію къ современному, признанному всѣми сторонами требованію справедливаго мѣноваго оборота существовало время, когда оно казалось идеалистическимъ, идущимъ впереди современности требованіемъ. Грабили, воровали, обманывали, обманывались, дрались на рынкахъ, вынуждали подарки—таковы были древнѣйшія формы передачи владѣть. Въ теченіе столѣтій культурная работа, въ связи съ просвѣтительными идеями справедливости, развиваетъ правовыя формы, которыя теперь сопровождаютъ и направляютъ каждый оборотъ въ качествѣ необходимыхъ связей.

Идеи, направлявшія и теперь еще направляющія эту культурную работу, связываются, конечно, не съ цѣлымъ обществомъ и не со всѣми его цѣлями, даже не со всѣми качествами дѣйствующихъ лицъ. При каждой мѣновой сдѣлкѣ сталкиваются два лица, имѣющія намѣреніе содѣйствовать другъ другу при посредствѣ обмѣна имуществами или услугами, и остальные качества этихъ лицъ для этого отношенія являются совершенно безразличными. Ихъ цѣль будетъ достигнута, если обмѣниваемая блага имѣютъ равную цѣнность, если обѣ стороны получаютъ отъ обмѣна равныя выгоды. „Обмѣнъ вещами, говоритъ Гербертъ, предполагаетъ всегда вознагражденіе, т. е. равенство отданнаго и принятаго“. Споръ можетъ идти только относительно масштаба равенства. Дикарь видитъ равенство во внѣшности, напр. въ томъ фактѣ, что мѣхъ, который онъ отдаетъ за мѣдный котелъ, наполняетъ

этотъ послѣдній. Культурный человѣкъ обращаетъ вниманіе на равенство денежной стоимости; формалистъ на одинаковость обѣихъ сторонъ отсутствіе обмана, насилія и ошибки. Но принципъ во всѣхъ этихъ случаяхъ остается одинъ и тотъ-же. Онъ требуетъ наличности измѣряемаго тѣмъ или инымъ путемъ равенства въ отношеніяхъ. Когда-же требуемое условнымъ масштабомъ равенство обоихъ членовъ существуетъ, то справедливость является достигнутой, потому что логическое сужденіе и нравственная оцѣнка отдѣльныхъ договоровъ не стоитъ въ соотношеніи съ общимъ распредѣленіемъ дохода, съ общей нравственной оцѣнкой лицъ. Только глупецъ будетъ выставлать въ качествѣ требованія справедливости, чтобы лавочникъ соразмѣрялъ цѣну фунта кофе сообразно съ общимъ имущественнымъ состояніемъ каждаго отдѣльнаго покупателя, или чтобы при заключеніи издательскаго договора относительно ученаго сочиненія, не могущаго расчитывать на хорошій сбытъ, издатель заплатилъ автору большую сумму, на томъ основаніи, что онъ положилъ на него много труда. Справедливость отдѣльныхъ мѣновыхъ сдѣлокъ есть справедливость т. н. обмѣнивающая—положеніе, которое Тренделенбургъ въ своихъ превосходныхъ изслѣдованіяхъ объ Аристотелѣ отмѣчаетъ также какъ оригинальную мысль великаго стагирита. Но эта обмѣнивающая справедливость не стоитъ, однако, въ существенной противоположности къ распредѣляющей справедливости, являясь только ея низшимъ видомъ, имѣющимъ въ виду не цѣлое общество и всѣ его цѣли, но лишь одну часть его и особенныя цѣли.

По скольку цѣнность всякаго блага для одного человѣка одна, для другого—другая, по столько нѣкоторое

неравенство въ выгодахъ не является еще несправедливостью. Только когда это неравенство переступаетъ извѣстныя границы, когда его причина — не свободное рѣшеніе свободнаго чловѣка, только тогда возникаетъ живое чувство, чувство несправедливости и каждый разъ взываетъ къ законодательному вмѣшательству. Тысячи лѣтъ эгоистическіе инстинкты тѣхъ, которые являются въ конкуррентной борьбѣ по общему правилу сильнѣйшими, требуютъ безусловной свободы договоровъ, и всегда это требованіе встрѣчаетъ сопротивленіе въ народной совѣсти; въ интересахъ слабѣйшихъ устанавливаютъ понятіе *justum pretium*, требуютъ такса цѣнамъ, законовъ противъ ростовщичества, принятія во вниманія *laesio enormis*, публичнаго контроля надъ торговлей и сбытомъ продуктовъ, ограниченія производства. Эти требованія исчезаютъ только тогда, когда дѣйствительно выступаютъ на сцену равныя личности, которыя въ дѣйствительности имѣютъ равную выгоду въ своихъ дѣловыхъ отношеніяхъ.

Старая смитовская политическая экономія, какъ уже это было указано во введеніи, находила свой идеаль справедливости исключительно въ свободѣ договоровъ. Исходя изъ представленія, что по природѣ всѣ люди равны, она требовала для этихъ равныхъ людей только свободы и надѣялась, что въ такомъ случаѣ будутъ заключаться договоры относительно одинаковыхъ для обѣихъ сторонъ цѣнностей съ одинаковыми выгодами. Она не знала ни общественныхъ классовъ, ни значенія общественныхъ учрежденій для народно-хозяйственной жизни. Соціальная динамика слагается по ея взгляду, исключительно изъ дѣятельности отдѣльныхъ личностей, отдѣльныхъ договоровъ этихъ личностей. Поэтому она и не могла требовать никакой иной справедливости.

То, чего она требовала, не было само по себѣ ложно, но оно было только частью справедливости.

Мы требуемъ теперь, рядомъ съ справедливымъ мѣновымъ оборотомъ, прежде всего справедливыхъ народно-хозяйственныхъ учреждений, то-есть мы требуемъ опредѣленной совокупности нравственныхъ и юридическихъ правилъ, которыя управляли-бы группами совместно работающихъ и совместно живущихъ людей въ нѣкоторыхъ сторонахъ ихъ дѣятельности, — требуемъ того, чтобы результаты ихъ дѣятельности стояли въ согласіи съ тѣми идеальными представленіями о справедливости, которыя въ настоящее время являются у насъ господствующими на основаніи нашихъ религіозныхъ и нравственныхъ представленій или имѣютъ достигнуть господства въ будущемъ. Мы не признаемъ того, что эти учрежденія являются постоянными въ исторіи и необходимы для всѣхъ будущихъ временъ. По отношенію къ каждому изъ нихъ мы производимъ изслѣдованіе его результатовъ, спрашиваемъ, какъ оно произошло, какія представленія о справедливости его породили, и въ какой степени необходимо оно въ настоящее время.

Конечно, мы умѣемъ теперь отънривать значеніе и преходящихъ учреждений. Мы знаемъ, что сдѣлавшіяся священными традиціи прошедшаго наполняютъ душу благоговѣніемъ, что формы уже пережитаго права воздѣйствуютъ на невоспитанные умы, что продолжительное мирное состояніе общества основывается на возможно большемъ ограниченіи случаевъ формальнаго нарушенія права. Мы прибавимъ къ этому, что учрежденія никогда не могутъ быть уничтожены до основанія, что народы никогда не могутъ создать чего нибудь совершенно новаго и должны всегда опираться въ

своемъ творествѣ на существующее, и что въ этой въ общемъ совершенно правильной непрерывности лежитъ порука за то, что борьба за добро и правду не является дѣломъ безплоднымъ, что, несомнѣнно, имѣло-бы мѣсто въ томъ случаѣ, если-бы всякое поколѣніе начинало борьбу съизнова, не будучи одарено въ качествѣ наслѣдства мудростью и справедливостью, заложенными въ старыхъ учрежденіяхъ. Мы прибавимъ, что всякое мирное состояніе общества, взятое въ данный моментъ, и въ томъ видѣ, какой придаетъ ему существующій строй собственности и наслѣдственного права и рядъ другихъ наличныхъ учреждений, имѣетъ болѣе полную цѣну тогда, когда ведется опасная, потрясающая его борьба за болѣе справедливый строй собственности и наслѣдованія, и когда переживаемое право способно еще поддерживать равновѣсіе существующихъ въ обществѣ силъ и господствующихъ въ главной его основѣ идеальныхъ представлений. Въ этомъ случаѣ всякая борьба за справедливое право для даннаго момента является безнадёжной и безрезультатной; тогда она можетъ только вредить и разрушать. Даже насильственная революція не можетъ замѣнить внутренняго преобразованія людей, являющагося необходимымъ условіемъ болѣе справедливаго права. Самое существенное всегда заключается въ томъ, чтобы и борющіяся силы и воззрѣнія на справедливость сдѣлались иными. Только въ этомъ случаѣ возможна надежда на благопріятный результатъ борьбы. Но такъ какъ это всегда возможно, то мы не опасаемся, поэтому, какъ темные люди и трусливые души всѣхъ временъ, всякой борьбы за справедливое право. Мы не видимъ, поэтому, во всякомъ возбужденіи самочувствія низшихъ классовъ безъ дальнѣйшаго воз-

мутительнаго возстанія противъ ученія объ естественномъ аристократическомъ разчлененіи общества. Но точно также мы не можемъ впасть въ недостатокъ всѣхъ устарѣвшихъ реформаторовъ, которые, достигнувъ одного, вѣрятъ, что всемірная исторія должна окончиться вмѣстѣ съ ними, съ тѣмъ, за что они боролись. Мы знаемъ теперь, что исторія никогда не стоитъ покойно, что всякій прогрессъ въ исторіи совершается при посредствѣ борьбы народовъ и социальныхъ классовъ, и что дѣло при этомъ обстоитъ не такъ мирно, какъ это можетъ происходить въ дѣтской комнатѣ. И тѣ, которые всегда готовы мечтать о „свѣжей радостной битвѣ“ и ея благопріятныхъ нравственныхъ результатахъ, не должны забывать, что внутреннія социальныя войны отличаются отъ международныхъ войнъ только степенью, но едва-ли своимъ характеромъ. Социальныя войны могутъ также оказывать и благопріятное вліяніе на народы; я напому борьбу плебеевъ съ патриціями. Невозможенъ въ дѣйствительности прогрессъ учреждений безъ нѣкоторой социальной борьбы. Всякая социальная борьба внутри общества есть уже борьба за учрежденія, и тотъ фактъ, что индивидуумъ воодушевляется ради прогресса учреждений, кладя за нихъ даже свою жизнь, что за эти-же учреждения борются классы и партіи, — является до такой степени неизбѣжнымъ, до такой степени благотворнымъ, что мы должны ради этого помириться съ нимъ даже въ томъ случаѣ, если-бы иногда въ такой борьбѣ было нарушено и формальное право. Никакое мнѣніе не является болѣе ложнымъ, чѣмъ то, которое господствовало у старыхъ представителей англійской политической экономіи, — мнѣніе о томъ, что существуетъ нѣкоторое количество простѣйшихъ

естественныхъ правовыхъ и народно-хозяйственныхъ учреждений, которыя были всегда тѣми же самыми, и которыя всегда такими останутся; — что весь прогрессъ, въ культурѣ есть прогрессъ чисто-индивидуальный или техническій, что дѣло идетъ лишь о большемъ производствѣ и большемъ потребленіи, которое можетъ и будетъ всегда совершаться на почвѣ однихъ и тѣхъ-же учреждений. Эта вѣра въ постоянство народно-хозяйственныхъ учреждений была продуктомъ дѣтской вѣры старой политической экономіи во всемогущество индивидуума и индивидуальной жизни. Соціализмъ, на-обоортъ, можетъ быть преувеличилъ значеніе учреждений. Историческая политическая экономія и современная философія права отвели имъ подобающее мѣсто, показавъ намъ, что великія эпохи народно-хозяйственнаго прогресса связываются прежде всего съ реформами учреждений. Великія освободительныя движенія человѣчества всѣ были направлены противъ несправедливости отжившихъ учреждений; при посредствѣ-же болѣе справедливыхъ и лучшихъ учреждений люди достигаютъ высшихъ формъ существованія.

Соціальныя учрежденія древности оказали малое вліяніе на новую исторію; рабство и крѣпостное право исчезли; весь современный прогрессъ учреждений былъ связанъ съ яснымъ стремленіемъ къ все болѣе и болѣе справедливому распредѣленію имущества и доходовъ, все большимъ и большимъ приспособленіемъ его къ личнымъ добродѣтелямъ и важности услугъ, оказываемыхъ отдѣльными лицами. Дѣятельность отдѣльных лицъ этимъ все болѣе и болѣе возбуждается и усиливается, и будущее намѣчаетъ новые успѣхи въ этомъ направленіи. Конечно, учрежденія будущихъ столѣтій будутъ справедливѣе, чѣмъ современные. И при этомъ

руководящія идеальныя представленія будутъ если не исключительно, то всегда очень существеннымъ образомъ подвергаться вліянію распредѣляющей справедливости. Учрежденія, регулирующія цѣлыя группы человѣческихъ существъ и завѣдывающія всѣмъ распредѣленіемъ имуществъ и доходовъ, вызываютъ также необходимымъ образомъ сужденія, которыя имѣютъ предметомъ цѣлое и даютъ общіе выводы. Конечно, по скольку отдѣльныя учрежденія касаются отдѣльныхъ людей и отдѣльныхъ сторонъ жизни, требуемая здѣсь справедливость можетъ быть только частичной. А такая справедливость можетъ быть и легче всего достигнута. Справедливаго распредѣленія налоговъ, дорожной повинности, военной службы, справедливой постепенности заработной платы гораздо легче достигнуть, чѣмъ общаго справедливаго распредѣленія доходовъ и имуществъ. Но стремленіе къ нему будетъ существовать всегда: всѣ частичныя попытки осуществленія справедливости имѣютъ смыслъ только въ системѣ общаго справедливаго распредѣленія. А этимъ мы приходимъ прежде всего къ вопросу: что можетъ и что должно дѣлать ради этого государство?

Государство, по нашему мнѣнію, нельзя представлять себѣ какъ союзъ, который имѣетъ своею задачей осуществленіе справедливости въ уголовномъ правѣ, справедливую оцѣнку договоровъ и распредѣленіе податей, но который долженъ быть совсѣмъ равнодушенъ къ справедливому распредѣленію имущественныхъ благъ. Какой смыслъ тогда горячиться въ законодательныхъ собраніяхъ изъ-за сотой части пеннинга, на которую становится для бѣднаго человѣка дороже мѣрка пива или локоть сукна отъ увеличенія подати, если мы хотимъ въ остальномъ остаться на той точкѣ

зрѣнія, что вопросъ о заработной платѣ для насъ безразличенъ и не подлежитъ государственному воздѣйствію. Несомнѣнно, культурное государство нашихъ дней въ виду того, что оно воздѣйствуетъ и должно воздѣйствовать при помощи формальнаго права, не можетъ устранить каждой несправедливости. Но оно не должно, поэтому, оставаться равнодушнымъ къ нравственнымъ чувствамъ людей, требующихъ справедливости въ распредѣленіи имуществъ и доходовъ во всемъ ихъ количествѣ, въ цѣломъ объемѣ и для цѣлаго общества. Государство есть центръ и сердечная камера всѣхъ учреждений, въ которую они всѣ впадаютъ и стекаются. Оно имѣетъ также огромное прямое вліяніе на распредѣленіе имуществъ и доходовъ, гораздо большее, чѣмъ вліяніе крупныхъ работодателей, земельныхъ собственниковъ и руководителей большихъ предпріятій. Главнымъ же образомъ оно оказываетъ, въ качествѣ законодателя и верховнаго правителя, огромное косвенное вліяніе на нравы и право, на всѣ соціальныя учрежденія, и въ этомъ состоитъ рѣшающій пунктъ.

Честный человѣкъ на честномъ мѣстѣ, великій государственный человѣкъ и реформаторъ, обладающій широкимъ кругозоромъ, вождь партіи и законодатель— всѣ они могутъ оказать въ этомъ отношеніи свое вліяніе; не прямо, не тотчасъ, но черезъ мудрое и легальное преобразование народно-хозяйственныхъ учреждений они могутъ оказать чрезвычайное вліяніе на распредѣленіе имущества и доходовъ. Конечно, теорія, которая видитъ въ народно-хозяйственныхъ явленіяхъ только естественные процессы, даетъ для этого также мало, какъ и тѣ, которые съ точки зрѣнія определенныхъ классовыхъ интересовъ, изъ принципіальна-

го убѣжденія или простой близорукости постоянно говорить о безсиліи государства въ этомъ отношеніи. И подчиненные государственные люди голосами кастратовъ твердятъ также о неспособности государства оказывать въ этой области свое воздѣйствіе, но они смѣшиваютъ собственную неспособность съ неспособностью государства. Всѣ эти оппозиціонныя мнѣнія забываютъ, что государственный центръ есть руководящая интеллигенція, отвѣтственное средоточіе народнаго чувства, вершина всѣхъ существующихъ нравственныхъ и умственныхъ силъ, что оно должно имъ быть, и поэтому оно можетъ оказать огромное вліяніе въ этомъ направленіи.

Мы этимъ не требуемъ того, чтобы стоящія на вершинѣ лица въ качествѣ земной всемогущей силы разсматривали свойства и заслуги миллионовъ людей, сравнивали ихъ, изучали, и оцѣнивали согласно съ результатами этой оцѣнки распредѣляли доходъ. Это — безумное представленіе, отъ котораго отказались и разумные социалисты. Государство можетъ воздѣйствовать на справедливое распредѣленіе дохода всегда только посредствомъ улучшенныхъ социальныхъ учреждений. Только идя по этому пути, оно можетъ быть гарантировано въ томъ, что оно не сведетъ на ничто, благодаря тысячѣ формальныхъ несправедливостей, свои лучшія намѣренія. Совокупность народно-хозяйственныхъ учреждений будетъ всегда важнѣе, чѣмъ взгляды и намѣренія тѣхъ, которые стоятъ въ данный моментъ въ центрѣ государственнаго управленія, будь это даже великіе люди. Ихъ мудрость и справедливость могутъ содѣйствовать росту и реформѣ учреждений, но они только тогда могутъ явиться

истинными благодѣтелями человѣчества, когда они всю совокупность ихъ дѣятельности выразить въ способныхъ къ продолжительному существованію учрежденіяхъ, когда они увеличатъ огромный капиталъ традиціонной справедливости путемъ реформъ, которыя обезпечать ихъ уму и ихъ волѣ вѣчную жизнь.

Мы пришли къ концу нашего изслѣдованія. Что же имѣемъ мы въ результатъ?

Фактъ, что идея справедливости возникаетъ изъ необходимыхъ физическихъ причинъ и точно также необходимымъ образомъ вліяетъ на народно-хозяйственную жизнь. Идея справедливости, какъ и другія нравственныя идеи, даны человѣчеству не откровеніемъ, но точно также они и не найдены произвольно. Она есть необходимый результатъ нашего нравственного расположенія и нашей логической мысли; постольку она является вѣчною, всегда новой, проявляющейся въ иныхъ формахъ, но всегда равномѣрно истинною. Она оказываетъ вліяніе на нѣкоторыхъ людей только въ видѣ неяснаго чувства, но въ теченіе исторіи все болѣе и болѣе возвышается у большинства людей въ ясныя представленія, масштабы и заключенія. Въ силу законовъ своей мысли человѣкъ долженъ многія явленія и сужденія сводить къ единству и благодаря этому подчинять ихъ единымъ масштабамъ. Признаніе нравственной общности людей рождаетъ земную справедливость, признаніе единства всѣхъ вещей—божескую. Цѣпь причинъ и слѣдствій, начинающаяся недовольствомъ, несовершенствомъ земного порядка отношеній,

приводить къ заключительному камню возмездія по ту сторону бытія, въ вышемъ и лучшемъ мірѣ. Такъ связывается идея справедливости съ тѣмъ высшимъ и лучшимъ, какое мы можемъ себѣ представить, въ которое можемъ вѣрить, которое можемъ предугадывать.

Но такъ какъ это высшее и конечное никогда не открывается человѣку въ своемъ полномъ блескѣ, такъ какъ мы его вѣчно ищемъ, вѣчно за него боремся и, идя всегда впередъ, никогда однако его вполне не достигаемъ, то и идея справедливости никогда не приводитъ къ спокойному осязаемому существованію на землѣ. Какъ не существуетъ уголовного права и судей, которые были-бы абсолютно справедливыми, такъ не можетъ быть вполне справедливымъ никакое существующее распредѣленіе имущества и доходовъ; но всякая слѣдующая эпоха въ жизни человѣчества достигаетъ высшей мѣрки справедливости также и въ этой области. Въ нравахъ и правѣ, въ существующихъ учрежденіяхъ, которыя управляютъ народнымъ хозяйствомъ, мы имѣемъ передъ собою осадокъ тысячелѣтнихъ войнъ за справедливость.

Цѣнность нашей собственной жизни, нашего времени основывается не столько на томъ, что нами достигнуто, сколько на размѣрѣ силъ и нравственной воли, который мы кладемъ на то, чтобы проложить дальнѣйшую дорогу прогрессу. Великіе культурные народы, великія эпохи и великіе люди—не тѣ, которые спокойно наслаждаются добытымъ, ѣдятъ, пьютъ и больше производятъ, но тѣ, которые отдаютъ себя съ большимъ рвеніемъ, чѣмъ другіе на службу великимъ нравственнымъ идеямъ человѣчества; это—тѣ,

которымъ удается распространить эти нравственные идеи глубже, чѣмъ до ихъ времени, провести ихъ въ колеса эгоистической борьбы за существованіе; на почвѣ народнаго хозяйства; это—тѣ, которые умѣютъ бороться за справедливыя учрежденія и проводить ихъ въ жизнь.

Раздѣленіе труда.

Уже мыслящіе греки считали раздѣленіе профессій въ ихъ обществѣ достигшемъ высшей культуры, какъ и развитое промышленное раздѣленіе труда въ Египтѣ, причиной тогдашняго благосостоянія этихъ государствъ. Съ тѣхъ поръ изученіе общественнаго раздѣленія труда составляетъ одинъ изъ элементовъ всѣхъ социологическихъ теорій. Адамъ Смитъ изучалъ техническое дѣленіе труда въ мануфактурныхъ производствахъ своего времени и, извлекая изъ явленій, къ нему относящихся, опредѣленные слѣдствія, сдѣлалъ техническое и мѣновое экономическое раздѣленіе труда основой своей системы. Его послѣдователи съ замѣчательной бѣдностью мысли держались его примѣровъ и положеній, пока социалисты, и прежде всего Марксъ, не расширили круга наблюдений и не противопоставили ремесленному раздѣленію труда XVIII вѣка раздѣленіе труда на современныхъ фабрикахъ. Но и благодаря этому новому матеріалу систематическаго и исчерпывающаго развитія ученіе о раздѣленіи труда все еще не получило. Точно также мало могли дать въ этомъ отношеніи технологическія изслѣдованія Эммануила Германа или понятныя самі собою замѣчанія нѣкоторыхъ экономистовъ о томъ,

что всякое раздѣленіе труда есть вмѣстѣ съ тѣмъ организація и сплоченіе труда. Гораздо болѣе плодотворными являются попытки соціологовъ и біологовъ, которыя въ новѣйшее время привели къ болѣе общему разсмотрѣнію предмета.

Біологія начала разсматривать растенія и животныхъ въ видѣ клѣточного государства, которое достигаетъ высшихъ ступеней развитія, благодаря дифференцированію отдѣльныхъ клѣточныхъ организмовъ. Она учитъ, что нѣкоторое подобіе раздѣленія труда создало особыя органы тѣлеснаго покрова, питанія, размноженія, особыя нервныя и мускульныя клѣтки; она старалась показать, что низшія существа обнаруживаютъ меньшее, а высшіе гораздо болѣе развитое раздѣленіе труда. Она привлекла затѣмъ наше вниманіе къ раздѣленію труда, существующему въ животномъ царствѣ. Гербертъ Спенсеръ и Шелле главнымъ образомъ старались оцѣнить эти наблюденія съ точки зрѣнія ученія о государствахъ и привести ихъ въ порядокъ путемъ сравненій и аналогій. И нельзя отрицать того, что они много содѣйствовали этимъ изученію общественнаго раздѣленія труда. На основаніи этого изученія раздѣленіе труда разсматриваютъ теперь какъ приспособленіе индивидумовъ къ опредѣленной специализированной дѣятельности въ пользу общества или отдѣльныхъ его группъ, какъ разчлененіе людей, работающихъ специализированно въ связи другъ съ другомъ и заботящихся о томъ, чтобы трудъ одного служилъ на пользу другому, чтобы трудящіеся специалисты получали пропитаніе и содержаніе; чтобы всѣ работающіе другъ для друга образовали не только хозяйственное, но юридическое и нравственное единство.

Но не отрицая упорядоченія и углубленія въ ученіи о раздѣленіи труда, послѣдовавшихъ съ этой стороны, мы не можемъ, съ другой стороны, не признать и того, что въ этихъ сравненіяхъ встрѣчается много двусмысленнаго и искусственнаго. Главнымъ же образомъ упущено изъ виду при этомъ то основное различіе, что даже человѣкъ, стоящій на самой низкой и дикой ступени развитія, никогда не является въ такой-же мѣрѣ составной частью цѣлаго, въ какой это имѣетъ мѣсто по отношенію къ клѣткѣ растенія или животнаго, — что онъ всегда остается самъ себѣ цѣлью и никогда не можетъ, подобно органической клѣткѣ, служить простымъ средствомъ для общества. Во всякомъ случаѣ долгъ строгой науки состоитъ въ томъ, чтобы прежде всего выходить изъ собиранія и изученія собственнаго матеріала. Въмѣсто абстрактныхъ заключеній изъ двухъ-трехъ техническихъ примѣровъ или сомнительныхъ аналогій слѣдуетъ сдѣлать попытку привести въ систематическую связь и сравнительно обозрѣть весь историческій и географическій, техническій и социологическій матеріалъ, которымъ мы владѣемъ для изученія раздѣленія труда въ человеческихъ обществахъ. Только на основаніи такой предварительной работы возможно будетъ затѣмъ построить болѣе широкіе обобщенія и выводы.

Опытъ такой работы представляетъ нижеслѣдующее изложеніе; но само собою разумѣется, что при этомъ не могутъ быть исчерпаны всѣ относящіеся сюда факты, ни достигнуты какіе-либо существенно новые результаты. Работа имѣетъ цѣлью лишь собрать въ одно цѣлое наиболѣе существенныя и типическія черты явленія, а эта цѣль естественнымъ образомъ будетъ достигнута тѣмъ легче, чѣмъ больше

будетъ находиться у насъ подъ руками работъ по отдѣльнымъ областямъ предмета, стремящихся къ сравнительному освѣщенію опредѣленныхъ сторонъ вопроса о раздѣленіи труда съ исторической, географической, технической и народно-хозяйственной точекъ зрѣнія. Чѣмъ меньше такихъ работъ будетъ имѣть подъ руками авторъ, чѣмъ больше онъ будетъ вынужденъ собирать сырой матеріалъ, — что имѣетъ мѣсто, напр., по отношенію къ описанію за нѣсколько десятилѣтій встрѣчающихся одновременно въ различныхъ мѣстахъ разныхъ родовъ промысловъ, — тѣмъ труднѣе станетъ его работа. Въ цѣломъ рядъ отдѣловъ можно сдѣлать только бѣглый первоначальный опытъ; намъ нужно понять раздѣленіе труда какъ единый великій общественно-историческій процессъ, который никогда не останавливается въ своемъ развитіи, хотя и можетъ въ теченіе десятилѣтій и столѣтій оставаться неизмѣннымъ въ нѣкоторыхъ формахъ и учрежденіяхъ, каждая отдѣльная составная часть которыхъ обусловлена традиціями прошедшаго. Если при описаніи фактовъ, относящихся къ области раздѣленія труда можно будетъ выдѣлить наиболѣе существенные изъ нихъ, то благодаря этому возможно будетъ и раскрыть вполне или частью причины раздѣленія труда, установить ихъ связь съ исторіей народно-хозяйственныхъ учреждений и строемъ социальныхъ классовыхъ отношеній. Послѣдній, безъ сомнѣнія, кромѣ раздѣленія труда имѣетъ и другія психологическія и матеріальныя причины (мы напомнимъ только о раздѣленіи имущественнаго обладанія), но раздѣленіе труда по отношенію къ нему, несомнѣнно, является важнѣйшей. Мы постараемся показать, что распредѣленіе

имущественнаго обладанія является по большей части лишь вторичнымъ послѣдствіемъ раздѣленія труда.

Приводимый матеріалъ мы распределяемъ по группамъ, слѣдуя внутренней связи явленій, обращая вниманіе каждый разъ, поскольку это возможно, и на историческое соотношеніе явленій. Наше изложеніе должно имѣть средоточіемъ по преимуществу народно-хозяйственную сторону явленія; но оно постоянно должно исходить изъ общаго представленія объ общественной жизни, взятой въ цѣломъ ея объемѣ, а также касаться въ отдѣльныхъ случаяхъ и всѣхъ другихъ сторонъ этой жизни, потому что раздѣленіе труда не только народно-хозяйственное, но и общее соціологическое явленіе.

Я выбрасываю весь балластъ цитатъ, чтобы не увеличивать ими объема изслѣдованія. Важнѣйшія имена упоминаются въ отдѣльныхъ случаяхъ. Знакомый съ литературой предмета читатель легко распознаетъ, откуда взяты отдѣльныя историческія, этнографическія, антропологическія и иного рода свѣдѣнія.

I. Раздѣленіе труда въ семьѣ. — Если мы признаемъ правильнымъ предположеніе, что чувство и сознаніе общихъ задачъ и различіе соціальныхъ силъ, при помощи которыхъ достигаются эти задачи, должны служить стимуломъ къ раздѣленію труда, то мы легко придемъ къ заключенію, что наиболѣе грубыя и наглядныя различія возраста и пола въ племенахъ, родахъ и семьяхъ производятъ первое специализированіе дѣя-

тельности. Люди кочевали, боролись и кормились маленькими союзами; у нихъ были общія задачи, но они рѣшали ихъ путемъ раздѣленія труда.

Что дѣти играютъ, взрослые борются съ жизненными нуждами, старцы руководятъ ходомъ жизни и играютъ роль совѣтниковъ, — это слѣдуетъ изъ самого хода жизни и должно во всякое время приводить къ періодическому раздѣленію дѣятельности. Изъ этого явленія на извѣстной высотѣ культуры возникаютъ отдѣльные учрежденія: система воспитанія дѣтей, военное устройство и политическое вліяніе старѣйшинъ. Но эти учрежденія не являются слѣдствіями, связанными съ неизбѣжнымъ ходомъ жизни подобно тѣмъ, которыя обуславливаются противоположностью половъ. Чѣмъ ниже культура, тѣмъ болѣе указанные социальныя различія отходятъ на задній планъ. Что же касается различій, обусловленныхъ противоположностью половъ, то хотя Римъ недавно еще утверждалъ, что крестьянская женщина во всѣхъ отношеніяхъ до тѣлесныхъ признаковъ является до сихъ поръ еще полумужчиной; — что она обрабатываетъ поля и совершаетъ всѣ другія работы подобно мужчинѣ; но истина этого утвержденія представляется очень ограниченной. Беременность, роды и кормленіе грудью должны постоянно ставить женщинѣ границы въ борьбѣ за существованіе, которыхъ не знаетъ мужчина; она никогда не можетъ принимать такого участія въ войнѣ и охотѣ, какъ этотъ послѣдній. Мы видимъ у примитивныхъ народовъ, которыхъ мы знаемъ, что дѣятельность представителей разныхъ половъ различна. Такъ, у многихъ изъ нихъ поддержаніе огня и постройка примитивныхъ хижинъ лежитъ всегда на исключительной обязанности женщины;

когда мужъ идетъ на охоту, жена собираетъ ягоды и травы; мы видимъ ее вообще дѣйствующей тамъ, гдѣ вмѣсто храбрости и проявленій силы необходимы прилежаніе, терпѣніе и предусмотрительность; болѣе мужчины тяжелая на подъемъ и косная, она имѣетъ и большую склонность работать около стада, въ хижинѣ, на первобытномъ полѣ. Мы должны впрочемъ къ этому присоединить, что дальнѣйшему развитію этого раздѣленія труда въ столь-же большой степени, какъ и естественная противоположность половъ, содѣйствуютъ юридическія формы семейной жизни. Съ переходомъ отъ материнскаго права къ отцовскому, съ образованіемъ патріархальной семьи, съ возникновеніемъ брака путемъ похищенія и покупки женщинъ, жена становится въ большей или меньшей степени рабыней и во многихъ случаяхъ рабыней, съ которой дурно обращаются и которую употребляютъ на грубыя работы въ качествѣ вьючнаго животнаго. У всѣхъ кочевыхъ народовъ мужъ пасетъ скотъ въ лугахъ, заботится о немъ, живетъ на лошади, въ то время какъ жена собираетъ топливо, приготовляетъ обѣдъ, шьетъ платья, ткетъ или плететъ, дубить кожи, заботится объ юртахъ или палаткахъ. Вообще тамъ, гдѣ начинается осѣдлость и дѣйствительное земледѣліе, — жена одна въ теченіе столѣтій работаетъ мотыкой и лопатой, въ то время какъ мужъ занятъ войной, охотой, присмотромъ за скотомъ. Таково распредѣленія труда и теперь еще у африканскихъ негровъ, у американскихъ индѣйцевъ; такъ было и у нашихъ предковъ: *siga agorum feminis delegata*, говоритъ Тацитъ. Принятіе мужемъ на себя веденія земельного хозяйства является уже большимъ культурнымъ прогрессомъ; только подѣ

давленіемъ особыхъ обстоятельствъ большая часть племенъ, и обыкновенно по большей части полусвободная и несвободная часть ихъ, рѣшается на такую перемѣну. Панегиристы римскихъ императоровъ ставятъ имъ въ заслугу то, что, напр., хаманы и фризы, бывшіе прежде только ловкими разбойниками, теперь благодаря римскому господству и ярмаркамъ научились въ потѣ лица своего обрабатывать поле. Можно такимъ образомъ утверждать, что за образованіе спеціально-хозяйственной дѣятельности слѣдуетъ больше благодарить женскій, чѣмъ мужской полъ; хозяйственные работы въ теченіе столѣтій и тысячелѣтій производились однѣми женщинами.

Главнымъ рѣшающимъ моментомъ для установленія раздѣленія труда всегда было, безспорно, отношеніе, въ которомъ отдѣльная работа стояла къ среднему состоянію тѣлесныхъ, нравственныхъ и умственныхъ силъ. Если у большей части племенъ женщины поддерживали огонь, строили хижины и воздѣлывали сады, то рубка большихъ деревьевъ для построекъ, какъ и постройка болѣе прочныхъ жилищъ была вообще дѣломъ мужчинъ. Поэтому мы не можемъ поставить въ заслугу женщинамъ образованіе домашняго хозяйства и домоводства также и у культурныхъ народовъ послѣ окончательнаго перехода ихъ къ осѣдлому быту. Основаніе дома составляетъ одинъ изъ величайшихъ фактовъ, образующихъ эпоху въ исторіи человѣчества; его можно назвать концомъ первобытной исторіи человѣчества; Это—актъ строительнаго искусства, технической исторіи и исторіи строя семьи; здѣсь дѣло идетъ объ окончательномъ установленіи и выработкѣ юридической формы патріархальной семьи. Образуется

единая монархическая семья, которая соединяетъ многія поколѣнія женщинъ, дѣтей и рабовъ въ единомъ жилищѣ для единого, но раздѣленнаго труда и, соотвѣтственно этому, распредѣляетъ помѣщенія въ домѣ, хлѣвы и амбары; патріархальная семья остается въ теченіе долгаго періода времени важнѣйшимъ органомъ экономической жизни.

По дому мы называемъ еще и теперь всякое хозяйство экономіей, потому что порядокъ дома, теперь построеннаго мужчинами изъ дерева и камня и раздѣленнаго на комнаты, кладовыя, жилыя и спальныя помѣщенія, — благодаря этому дѣленію и соотвѣтствію его хозяйственнымъ потребностямъ и работамъ, упорядочиваетъ и внѣшнюю форму всего семейнаго хозяйства. Все хозяйство древнѣйшихъ культурныхъ эпохъ есть домашнее хозяйство; почти все древнѣйшее раздѣленіе труда есть раздѣленіе въ области домашняго хозяйства. Ядро этого хозяйства составляетъ отношеніе руководящаго всѣмъ ходомъ дѣлъ главы семьи (отца) къ матери; послѣдняя съ самаго начала имѣетъ центромъ своей дѣятельности домашній очагъ, кухню, дворъ, дѣтскую, а болѣе подвижный мужъ заботится о дѣлахъ внѣ дома, исполняетъ трудныя работы въ полѣ, въ лѣсу. Оставаясь одной и той-же въ теченіе многихъ тысячелѣтій и еще теперь оказывая сильное вліяніе на нѣкоторыя стороны нашей семейной жизни и нашей народно-хозяйственной организаціи, — эта организація патріархальнаго домашняго хозяйства, которую описываетъ Гомеръ и другіе писатели, тѣмъ не менѣе дѣлаетъ уже очень рано шагъ впередъ. Древнѣйшая патріархальная семья не состоитъ, подобно современной, изъ отца, матери и нѣсколькихъ дѣтей, но изъ

многихъ поколѣній, нераздѣльно выросшихъ братьевъ и сестеръ, а также слугъ и служанокъ въ значительномъ числѣ. Еще и въ настоящее время въ Китаѣ и Индіи существуютъ семейно-хозяйственные союзы, состоящіе изъ 16—40 лицъ; по указаніямъ Кейслера, не меньше была и русская крестьянская семья до момента эмансипаціи, со времени которой увеличилось количество раздѣловъ женатыхъ членовъ семьи; патріархальная французская крестьянская семья въ Пиринеяхъ, какъ сообщаетъ намъ Ле-Плэ, — состоитъ среднимъ числомъ изъ 18 членовъ; южно-славянская задруга изъ 20—25 съ колебаніями отъ 10 до 60-ти. Во всякомъ случаѣ для всѣхъ состоятельныхъ семей древнихъ культурныхъ народовъ мы должны допустить тотъ-же сильный и даже еще большій составъ. Указываемое Родбертусомъ въ качествѣ характеристичнаго образца хозяйства древнихъ аристократій ойкосное хозяйство есть ничто иное, какъ большая семья, которая выросла у князей и у римскихъ патриціевъ до сотни, тысячи лицъ. Въ своихъ основныхъ чертахъ оно тоже самое, что и средневѣковое барщинное хозяйство, составлявшее основу землевладѣнія, королевскаго и епископскаго палатинскаго хозяйства.

Стояли и стоятъ-ли подъ главенствомъ домохозяина и домохозяйки отъ 18 до 24 или отъ 100 до 200 лицъ, результатъ получается одинъ и тотъ-же: рабочія силы раздѣлены. Женщины приурочены періодической или постоянной группировкой къ кухнѣ, станку, ручной мельницѣ, домашней работѣ. Женскія руководъля и работы подъ главенствомъ хозяйки дома образуютъ, смотря по мѣсту и предметамъ, особую систему домашнего хозяйства. Тоже имѣетъ мѣсто и по отно-

шенію къ мужской работѣ въ хлѣвахъ и лѣсу, въ полѣ и лугахъ; господинъ, часть сыновей и слугъ можетъ отправиться въ военный походъ въ большихъ семьяхъ; необходимымъ образомъ возникаютъ должности высшихъ чиновниковъ въ области общаго, скотнаго и коннаго хозяйства; является потребность въ особыхъ писцахъ, гонцахъ, лѣсничихъ; группы технически образованныхъ рабочихъ находятъ занятія въ кузницахъ и въ другихъ мастерскихъ. Коротко говоря, возникаетъ домашній механизмъ раздѣленія труда, получающій свои импульсы отъ потребностей и цѣлей всего хозяйства и отъ интересовъ главы дома. Онъ основывается на патріархальной власти главы дома надъ его женой, дѣтьми, сыновьями, невѣстками, внуками, рабами, крѣпостными и другими зависимыми, экономически несамостоятельными силами. Всѣ великія дѣянія политики, князей и аристократій древняго времени, какъ и великіе успѣхи торговли и промышленности въ древнемъ мірѣ и въ средніе вѣка, покоятся на этой общинѣ съ раздѣленнымъ трудомъ, на чувствахъ кровной симпатіи съ одной стороны и частно-правовой деспотіи отца семьи съ другой. Но это система, приносящая односторонне въ жертву жизненное счастье безчисленныхъ индивидуумовъ интересамъ семьи и ея главы, — система, которая благодаря ослабленію кровной связи, дурному обращенію съ низшей рабочей силой въ крупныхъ дворахъ и хозяйствахъ, вмѣстѣ съ выступленіемъ на сцену современной, стремящейся къ постоянному и прочному порядку государственной власти, благодаря побѣдѣ развивающагося сознанія личныхъ правъ, а также и успѣхомъ общественнаго раздѣленія труда вмѣсто семейнаго, — постепенно должна придти къ разложенію.

Тамъ, куда проникаетъ денежное хозяйство, гдѣ образуются особыя занятія и предпріятія, положенія и должности, которыя постепенно принимаютъ на себя самостоятельно и за денежное вознагражденіе функціи, исполнявшіяся въ прежнее время раздѣленнымъ трудомъ семейнаго хозяйства, — тамъ начинаютъ обнаруживаться невыгоды слишкомъ большого, слишкомъ неповоротливаго, слишкомъ деспотичнаго семейнаго хозяйства, и возникаетъ все болѣе и болѣе усиливающееся стремленіе отдѣльныхъ лицъ къ уменьшенію его размѣровъ. Родители и женатыя дѣти, взрослые и состоящіе въ бракѣ дѣти братьевъ и сестеръ не остаются уже болѣе въ нераздѣльномъ семейномъ хозяйствѣ; служащій персоналъ и помощники всякаго рода ограничиваются въ числѣ, сыновья и дочери оставляютъ раньше родительскій домъ. Это — процессъ, начинающійся раньше всего въ городахъ и среди низшаго и средняго класса, — процессъ, которому долгое время противятся крупные земельные владѣльцы и княжескія фамиліи. Еще въ 17-мъ и до 18 столѣтія богатые патриціанскія и купеческія семьи въ нѣмецкихъ городахъ соединяютъ со своей торговлей занятіе земледѣліемъ, пивовареніемъ, скотоводствомъ; совѣтники и офицеры великаго курфюрста въ первые годы его правленія представляютъ собою еще до такой степени членовъ придворнаго хозяйства, связанныхъ съ нимъ началами раздѣленія труда, что они выговариваютъ столъ и придворное одѣяніе для себя и своихъ слугъ, содержаніе для лошадей и все это очень часто получаютъ. О турецкомъ султанѣ Абдуль-Азизѣ въ недавнее время имѣлись свѣдѣнія, сообщающія, что въ его домашнемъ обиходѣ занято было различными видами труда 6124 лица, изъ которыхъ

работаетъ 359 только въ кухнѣ, 351 въ саду и 409 въ качествѣ привратниковъ и стражи.

Но подобныя явленія представляютъ собою въ настоящее время исключенія; въ общемъ въ нашихъ культурныхъ государствахъ побѣдила современная семья, которая состоитъ изъ родителей, дѣтей и немногихъ слугъ, которая передала большую часть всего процесса производства, воспитанія, операциі обмѣна, заботы о защитѣ и безопасности особымъ учрежденіямъ и, поэтому, по своему внутреннему строю представляетъ собою совершенно иной хозяйственный характеръ, чѣмъ старая патріархальная семья. Занятія мужа по большей части находятся внѣ семьи; онъ стремится получать свои доходы на содержаніе семьи путемъ участія въ какой-либо социальной организаціи, основанной на раздѣленіи труда, а главная задача семейнаго хозяйства, т.-е. хозяйства жены, служанокъ и взрослыхъ дочерей состоитъ теперь въ томъ, чтобы позаботиться съ помощью этого дохода о пропитаніи, одѣянніи, жилищѣ, домашней утвари, воспитаніи дѣтей и маленькихъ удовольствіяхъ семейной жизни. Мастерская и кладовая не являются болѣе необходимыми составными частями современнаго жилища. Раздѣленіе труда тѣмъ ограниченнѣе, чѣмъ меньше число взрослыхъ лицъ, чѣмъ обширнѣе и разнороднѣе кругъ домашняго устройства.

Въ новѣйшее время прялка и ткацкій станокъ не встрѣчаются уже болѣе въ семьѣ; теперь даже вязанье и шитье, стирка и стряпня отчасти изъ нея исчезаютъ; даже однолѣтніе и двухлѣтніе дѣти на день или даже на болѣе продолжительное время переносятся въ какое-либо другое мѣсто; не только дочери, но и мать должны искать поденной или фабричной работы,

благодаря чему священный огонь домашнего очага грозитъ угаснуть; раздѣленіе труда начинаетъ поглощать и уничтожать все семейное; многочисленные женскія силы, занятыя до сихъ поръ въ семьѣ, вступаютъ благодаря этому чрезвычайно рано въ жизнь. Хотя и слѣдуетъ привѣтствовать какъ прогрессъ то, что въ виду угрожающихъ на этомъ пути опасностей женщинамъ и стремятся закрыть дальнѣйшій ходъ по пути раздѣленія труда, однако мы говоримъ здѣсь не о нравственныхъ опасеніяхъ, которыя съ этимъ связаны, и не хотимъ объяснять, въ какой мѣрѣ должна быть сохранена ихъ дѣятельность въ области всякаго домашнего хозяйства для того, чтобы сдѣлать возможной нормальную и счастливую жизнь. Мы хотимъ здѣсь описать только фактъ и имѣть возможность заключить это разсмотрѣніе раздѣленія труда въ семьѣ признаніемъ, что она когда-то создала раздѣленіе труда изъ себя и въ себѣ, но теперь выросшее внѣ ея раздѣленіе труда грозитъ поглотить ее.

II. Раздѣленіе труда на руководящій и исполнительный. Въ тѣ эпохи исторіи, когда возникаютъ, а затѣмъ становятся и постоянными обычаями охотность и скотоводство, образуется собственность и первобытное племенное устройство переходитъ въ организованную юридическую и государственную организацію, жизнь народовъ принимаетъ два направленія, опредѣляющія все послѣдующее ихъ развитіе: 1) глава семьи — юридическій собственникъ жены и дѣтей; покупая первую, онъ имѣетъ право купить и продать остальныхъ рабочихъ силы семьи, или причислить ихъ къ своему дому;

скоть, рабы, жены и дѣти здѣсь одинаково составныя части семьи; 2) признаніе личности существуетъ только внутри семейныхъ и родовыхъ союзовъ, gentes и племена, а иногда также и внутри племенныхъ союзовъ; не членъ племени можетъ быть безнаказанно убитъ; чужой безправенъ; участь Каина, жаловавшагося при изгнаніи изъ рая на то, что всякій, кто найдетъ его, можетъ удавить, — суждена была въ теченіе столѣтій всякому, кто не былъ защищенъ опасеніемъ мести со стороны своего родства. Во время вѣчной борьбы племень между собою, при постоянно повторяющемся уничтоженіи и преслѣдованіи слабѣйшаго, и прежде всего тамъ, гдѣ чуждые другъ другу расы и языки при маломъ взаимномъ пониманіи нападаютъ другъ на друга, — такое положеніе дѣла приводитъ къ тому результату, что одни племена, которые не умѣютъ подчинять своему господству чужія силы и пользоваться ими, за немногими исключеніями, убиваютъ побѣжденных, а другія, съумѣвшія пристроить ихъ къ охранѣ скота и воздѣлыванію земли, дѣлаютъ ихъ рабами. Ни одинъ изъ народовъ, незнакомыхъ съ скотоводствомъ и земледѣіемъ, не имѣетъ рабовъ. Рабство есть социальное учрежденіе, обязанное своимъ появленіемъ техническому прогрессу. Въ формѣ семейнаго рабства оно является въ теченіе безконечно долгаго времени великой рабочей школой человечества. Ему одному обязаны облегченіемъ и улучшеніемъ своего положенія замужнія женщины, бывшія прежде рабочими рабынями.

Всѣ представленія, которыя мы, современные люди, имѣемъ обыкновенно о рабствѣ, — представленія, составленныя на основаніи нашихъ знаній о жестокомъ обращеніи съ рабами въ античномъ мірѣ и американ-

скихъ плантаторовъ съ неграми, совсѣмъ не соответствуютъ древнѣйшему быту, который мы и теперь еще встрѣчаемъ въ Африкѣ и въ другихъ мѣстахъ у первобытныхъ племенъ. Пока рабъ стоитъ по отношенію къ господину въ отношеніяхъ, почти подобныхъ отношеніямъ жены и дѣтей; пока не существуетъ никакой другой организаціи, кромѣ семейной, и никакого другого труда, кромѣ труда въ семьѣ; пока и жизненныя потребности, и привычки рабовъ и господъ остаются почти тождественными; пока многіе рабы женятся на дочеряхъ господъ, до тѣхъ поръ и право собственности господина, не смотря на многочисленныя злоупотребленія въ отдѣльныхъ случаяхъ, смягчается и ограничивается нравами и обычаями патріархальной семейной жизни. Только тамъ, гдѣ рабы употребляются для эксплуатаціи большихъ земельныхъ владѣній, для работъ въ большихъ горныхъ промыслахъ и предпріятіяхъ, гдѣ они становятся простымъ источникомъ прибыли для господина, гдѣ возникаетъ охота за рабами и спекулятивная торговля рабами, гдѣ жестокое долговое право родитъ долговое рабство, — только тамъ они становятся безправной собственностью, по отношенію къ которой нравственныя и юридическія обязанности если не совсѣмъ исчезаютъ, то отступаютъ на задній планъ. Но противъ этого процесса соціального раздѣленія, который приводитъ къ все большимъ противоположностямъ и жестокостямъ, доходящимъ до войны рабовъ и уничтоженія культуры цѣлыхъ областей, — рано выступаетъ противоположная тенденція, направленная къ смягченію и улучшенію отношеній. Рабъ, вмѣстѣ съ появленіемъ облагороженныхъ возрѣній высшихъ религій, юридическихъ и нравственныхъ системъ, получаетъ нѣкоторую уголов-

но-правовую защиту и нѣкоторыя имущественныя права; охота на рабовъ и торговля ими ограничиваются; законодательство покровительствуетъ отпуску рабовъ на волю; каждый поселенный на особомъ земельномъ участкѣ въ отдѣльной хижинѣ и живущій совместно съ своей семьей рабъ получаетъ уже вмѣстѣ съ этимъ лучшее, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже законодательствомъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ Римѣ по отношенію къ колонамъ, защищенное положеніе; повинности его не увеличиваются, и его нельзя удалить съ земли и отдѣлить отъ семьи. Медленныя преобразованія, совершающіяся въ теченіе столѣтій, какъ напр. превращеніе античныхъ рабовъ въ колоновъ и крѣпостныхъ, а отчасти радикальныя мѣры, подобныя новѣйшимъ амансипаціямъ рабовъ, устраняютъ старое суровое рабское право, но они сохраняютъ во многихъ отношеніяхъ въ неизмѣнномъ видѣ, въ качествѣ важнѣйшаго факта соціальной организаціи, противоположность руководящаго, владѣющаго и образованнаго меньшинства и толпы механическихъ рабочихъ; это — противоположность, основанная на тысячелѣтнемъ развитіи мускуловъ, нервовъ и душевныхъ силъ.

Рядомъ съ рабствомъ и почти параллельно съ нимъ образуются смягченныя формы несвободы, которыя мы обозначаемъ общимъ именемъ крѣпостничества и наследственной зависимости. Отношеніе характеризуется тѣмъ, что крѣпостной не имѣетъ политическихъ правъ, живетъ въ качествѣ терпимаго полугражданина, ограниченъ по большей части въ выборѣ профессіи и мѣста своего пребыванія, обязанъ оказывать своему господину или государству тяжелыя, идущія до послѣднихъ предѣловъ его способностей, натуральныя услуги и повинности, а также и платить денежные оброки, но

онъ обладаетъ самостоятельнымъ семейнымъ положеніемъ, семейными правами и пользуется въ гораздо большей степени, чѣмъ рабъ, уголовно-правовую защиту; онъ можетъ приобретать собственность, вести процессы. Онъ получаетъ покровительство прочно организованной полусвободной общины, къ которой принадлежитъ, свободенъ отъ государственныхъ повинностей и службъ, отправляемыхъ свободными гражданами, и по большей части имѣетъ право на содержаніе, опредѣленное мѣсто для работы, доставляющей пропитаніе, отводъ опредѣленнаго участка земли или помѣщенія въ домѣ. Подобныя отношенія создаются первоначально тамъ, гдѣ расовыя и язычныя связи между классами уничтожились или вошли въ отдѣльныхъ явленіяхъ и группахъ, въ качествѣ составной части, въ общества развитаго типа. Въ такихъ обществахъ не только отдѣльныя главы семействъ имѣютъ интересъ въ исключеніи рабовъ изъ своего семейнаго хозяйства, но также и короли, аристократія, духовныя и свѣтскія власти заинтересованы въ томъ, чтобы держать зависимыхъ отъ нихъ, сидящихъ на ихъ землѣ и обложенныхъ повинностями и оброками людей въ ихъ юридическомъ и общественномъ положеніи совершенно обособленно отъ остальнаго народа, состоящаго изъ одноплеменниковъ. Здѣсь уже не существуетъ потребности включенія рабовъ въ семейное хозяйство, да оно и невозможно. Они для этого слишкомъ многочисленны, а господа стоятъ слишкомъ высоко. Въ то же время международно-правовыя воззрѣнія настолько уже смягчились, что не стремятся уже къ полному лишенію правъ родственныхъ народовъ, къ похищенію у нихъ семейнаго существованія. Такимъ образомъ относились іудеи къ массѣ туземныхъ подчиненныхъ.

народностей, такъ въ Греціи произошли гелоты и метеки; по новѣйшимъ изслѣдованіямъ послѣдніе являются главнымъ образомъ полугражданами, переселившимися изъ другихъ греческихъ племенъ и областей, получившими позднѣе въ Аѣинахъ въ хозяйственномъ отношеніи равныя права съ остальными гражданами. Моммсенъ такъ-же смотритъ на римскихъ плебеевъ, считая ихъ чужестранцами, принятыми царями изъ родственныхъ племенъ. Мэнъ точно также описалъ различныя формы, въ которыхъ кельтскіе и ирландскіе начальники клановъ поселяли въ своихъ земляхъ совершенно безправныхъ чужестранцевъ, надѣляя ихъ скотомъ. Тоже самое сообщаетъ саксонское зеркало о происхожденіи крѣпостнаго населенія. Огромная, можетъ быть, большая часть всего полусвободнаго крестьянскаго населенія, произошла путемъ подчиненія или принятія въ свою среду иноплеменниковъ.

Разъ образовались такія формы зависимости, они распространяются дальше. Гдѣ роды общинныхъ старѣйшинъ, жрецовъ и дворянъ возвышаются надъ родами своихъ соплеменниковъ, гдѣ въ ихъ рукахъ сосредоточивается обладаніе большимъ количествомъ скота и земли рядомъ съ политическимъ и иного рода могуществомъ, гдѣ они начинаютъ противопоставлять себя обѣднѣвшей, обремененной политическими повинностями и долгами массѣ населенія,—тамъ также внутри племени наступаетъ подобное-же социальное дѣленіе, какое имѣло мѣсто раньше благодаря мѣстному соединенію расовыхъ и племенныхъ противоположностей: дѣленіе на господствующую аристократію и подчиненную, служащую массу, состоящую изъ мелкихъ крестьянъ и поденщиковъ, по преимуществу исполняющихъ механическія работы. Характеристическую

черту этого состоянія составляет неотдѣлимость политической и юридической организаціи отъ экономическихъ и финансовыхъ учрежденій. Такъ какъ здѣсь нѣтъ еще совсѣмъ ренты для аристократіи, не существуетъ никакихъ налоговъ въ пользу государства и церкви, то политическія и духовныя власти могутъ устанавливать и организовать зачатки правосудія и управленія только при помощи надѣленія служилыхъ людей землею и крѣпостными. Экономическое обезпеченіе судьи и воина—дворянина возможно только при посредствѣ работающихъ на нихъ крестьянъ. Зачатки промышленности, большихъ предпріятій, обширной торговли при низкомъ умственномъ и нравственномъ уровнѣ того времени, при маломъ развитіи социальныхъ склонностей, неразвитомъ стремленіи къ приобрѣтенію у низшихъ классовъ, при невыработанности системы заработной платы,—содѣйствуютъ образованію если и не рабовъ, то все-же зависимыхъ вольноотпущенныхъ и иныхъ формъ полусвободы. Хотя съ этими отношеніями, точно также какъ и съ рабствомъ, связываются съ самаго-же начала наслія и разнаго рода неправда, и сами они вырождаются быстро въ порочность и лѣность господствующихъ, съ одной стороны, и въ чрезмѣрную обремененность работами и униженіе подчиненныхъ, съ другой—однако безъ освобожденія господствующаго класса отъ угнетенія механической работой и заботами о насущномъ хлѣбѣ, безъ нѣкотораго принужденія массъ работать на службѣ у господствующихъ, невозможна ни высшая политическая организація, ни развитіе культа, искусства и техники. Раздѣленіе механическаго и умственного труда было также необходимо, какъ и всякій иной прогрессъ въ области раздѣленія труда.

Уже рано въ городахъ рядомъ съ большой массой полусвободнаго трудящагося народа существовало свободное населеніе занятыхъ механическимъ трудомъ рабочихъ; за послѣднія 100 лѣтъ, отчасти даже въ послѣднія два человѣческихъ поколѣнія, зависимое и крѣпостное населеніе въ европейскихъ городахъ достигло полной свободы личности и собственности. Тѣмъ не менѣе внутреннее существо положенія измѣнилось не слишкомъ много. Масса въ своемъ жизненномъ обиходѣ, въ своихъ притязаніяхъ и нравахъ, въ своихъ привычкахъ и воззрѣніяхъ и теперь остается рѣзко отдѣленной отъ руководящей аристократіи общества; только очень талантливыя личности могутъ теперь выдѣлиться изъ низшихъ сферъ, а остальная часть погрязаетъ можетъ быть еще глубже. Толпа можетъ только медленнымъ путемъ возвыситься до уровня новыхъ юридическихъ учрежденій свободной работы, школьной и воинской повинности, новаго общиннаго устройства, современныхъ средствъ образованія. Но образованіе, иного экономическаго состоянія чѣмъ то, при которомъ меньшинство руководить предпріятіями, а большинство занято въ нихъ механической работой, было невозможно въ силу историческаго прошлаго, традиціоннаго сложенія классовъ. Въ большей части европейскихъ государствъ и теперь еще отъ 60 до 90% населенія въ третьемъ или четвертомъ поколѣніи составляютъ потомки полусвободныхъ крестьянъ и поденныхъ рабочихъ; мускулы и нервы, которыми они владѣютъ, какъ и ихъ обычаи и идеи, обусловлены крѣпостными традиціями одного или двухъ столѣтій. Въ этомъ заключается надежда на улучшеніе состоянія ослабѣвающихъ отъ чрезмѣрной умственной

работы высшихъ сословій. Сильные мускулы и здоровье нашего рабочаго населенія являются источникомъ обновленія общества, изъ котораго всегда будутъ выдѣляться полные и цѣльные люди. Но въ этомъ лежитъ также и граница размѣровъ социальнаго прогресса; необходимость для большей половины населенія предаваться механическому труду, прежде всего обусловливается исторіей, хотя-бы она и не вызывалась даже социальными потребностями и состояніемъ техники.

И въ колоніяхъ, гдѣ свободное переселившееся изъ стараго свѣта населеніе создало политическую и социальную жизнь изъ свѣжаго корня, положеніе опредѣлилось иначе лишь только въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, а отнюдь не въ большей ихъ массѣ. Не только тамъ, гдѣ въ качествѣ рабочей силы пользовались низшими расами, сложились отношенія, которыя возобновили всѣ ужасы рабства и крѣпостничества; хотя негру, индѣйцу, паріи дана была свобода, но общественное раздѣленіе труда осталось тоже или даже сдѣлалось болѣе тяжкимъ, чѣмъ это имѣло мѣсто въ древности и въ средніе вѣка. Въ другихъ мѣстахъ устранена эта причина. Здѣсь сложилось только европейское населеніе, какъ напр. въ государствахъ Новой Англіи; здѣсь современные юридическія воззрѣнія, политическое устройство и избытокъ земель, въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, задерживали образованіе механически работающаго и стоящаго на низкой ступени общественнаго класса; здѣсь механическій и умственный трудъ распределены гораздо равномернѣе; здѣсь нѣтъ тупой зависимости и смиреннаго самоограниченія, которая проникаетъ въ члены поколѣнія, воспитаннаго на тысячелѣтнихъ традиціяхъ рабства; здѣсь даже послѣдній

рабочій проникнуть чувствомъ собственнаго достоинства. Но и здѣсь передача европейскихъ формъ жизни, сильный приростъ населенія съ его слѣдствіемъ—занятіемъ всей земли и концентраціей капитала въ немногихъ рукахъ—превозмогли въ главныхъ теченіяхъ противодѣйствующіе факторы. Теперь и здѣсь создано, какъ и въ старой Европѣ, раздѣленіе на экономически господствующее, руководящее и лишь въ незначительной степени занятое механическимъ трудомъ меньшинство и только механически работающее большинство, впрочемъ въ юридическихъ формахъ, которыя по крайней мѣрѣ не исключаютъ возможности улучшенія въ взаимномъ положеніи этихъ классовъ.

Устраненіе этого раздѣленія не можетъ быть и цѣлью всего дальнѣйшаго будущаго. Теперь мы можемъ желать только того, чтобы всякая чисто-механическая работа была передана машинѣ, а механическая работа людей, поскольку она останется, не была чрезмѣрной и умерщвляющей духъ, чтобы она являлась повозможности одухотворяющей, чтобы исполняющій ее и въ юности, и въ глубокой старости имѣлъ возможность участвовать въ нравственномъ преуспѣяніи и образованіи націи. Настоятельной потребностью является и то, чтобы занятые по преимуществу духовнымъ трудомъ были охранены отъ чрезмѣрной нервной дѣятельности, защищены при помощи тѣлесныхъ упражненій и исполненія воинской повинности отъ тѣлеснаго разрушенія и нервной раздражительности, подобно тому какъ должны быть защищены занятые механическимъ трудомъ рабочіе отъ исключительно мускульной дѣятельности и умственной и нравственной тупости.

III. Происхождение жречества. Въ качествѣ дополненія къ предстоящему разсмотрѣнію происхожденія различныхъ соціальныхъ наслоеній среди занятого механической работой класса слѣдуетъ остановиться на политическомъ раздѣленіи труда, образованіи на почвѣ опредѣленной дѣятельности политически господствующихъ слоевъ. Профессія жреца, главы племени, воина является основой и главнымъ условіемъ образованія всѣхъ древнихъ аристократій, кладущихъ основаніе выдѣленію высшихъ сословій, а также и зародышемъ позднѣйшаго развитія либеральныхъ профессій.

Въ исторіи появленіе особыхъ жрецовъ, главъ племенъ и воиновъ наблюдается почти одновременно. Это указываетъ на общность причинъ, вызывающихъ это явленіе, — причинъ, которыми могутъ быть признаны: окончательное установленіе осѣдлаго быта, полное развитіе родового устройства, и даже переходъ къ волостному и сельскому мѣстному управленію, а также и къ патріархальному семейному строю; выработка института собственности является при этомъ необходимымъ условіемъ первыхъ стадій процесса. Свою окончательную форму учрежденія, о которыхъ идетъ рѣчь, получаютъ послѣ возникновенія письма; они остаются затѣмъ въ теченіе столѣтій и даже тысячелѣтій краеугольными камнями государственнаго устройства всѣхъ древнихъ народовъ, возвысившихся до извѣстной степени культуры, и совершенно исчезаютъ или вытѣсняются современными образованіями лишь въ великихъ государствахъ древности и новаго времени. Смѣшеніе различныхъ расъ между собою также вызываетъ цѣлый рядъ указанныхъ соціально-политическихъ явленій, но оно, какъ мы увидимъ, не является общей и

исключительной причиной, дающей главный толчок развитію.

Не смотря на взаимную связь названныхъ явленій, мы рассмотримъ ихъ отдѣльно и прежде всего остановимся на происхожденіи жречества, которое возникаетъ гораздо раньше, чѣмъ дворянскій и воинскій классы, по крайней мѣрѣ въ ихъ обособленномъ видѣ.

Почти у всѣхъ дикихъ народовъ, которые до сихъ поръ можно было изучить, мы встрѣчаемъ колдуновъ и лѣкарей-знахарей. Въ сѣверной Азіи они извѣстны подъ именемъ шамановъ, въ Америкѣ — лѣкарей, въ Африкѣ — гангасъ, на островахъ Великаго Океана подъ различными именами. Ихъ дѣятельность проистекаетъ изъ вѣры, что душа человѣка послѣ смерти остается здѣсь или тамъ въ какомъ-нибудь предметѣ, въ звѣрѣ, въ каменной статуѣ, въ гробу и причиняетъ человѣку порчу, если онъ не приноситъ ей жертвъ; что вообще толпа духовъ окружаетъ людей; отъ нихъ зависитъ счастье и несчастье послѣднихъ; всякая болѣзнь имѣетъ своей причиной духовъ. А отсюда настоящая потребность въ заклинаніяхъ духовъ и ихъ умиловленіи черезъ развивающіеся все болѣе и болѣе акты культа: принесеніе жертвъ, посты, т. е. воздержаніе отъ пищи въ ихъ пользу, и всякаго рода жертвы. Люди, въ которыхъ, по воззрѣнію дикарей, обитаютъ духи, каковы эпилептики, нервно-больные, одержимые пляской св. Витта, вообще хворые, которые не могутъ питаться подобно здоровымъ дикарямъ, выдаютъ себя своимъ товарищамъ по племени за людей, имѣющихъ сношеніе съ духами; они воспитываютъ своихъ дѣтей и другихъ учениковъ вдали отъ селеній, въ уединеніи, въ лѣсахъ, при помощи всевозможныхъ видовъ изнуренія плоти и мученій, для подобной-же профессіи.

Такимъ образомъ и происходитъ классъ колдуновъ, жрецовъ и знахарей, которые, будучи закалены дисциплиной и самообладаніемъ, превосходятъ всѣхъ другихъ знаніями и развитіемъ своихъ душевныхъ силъ и держатъ въ своемъ господствѣ обладающихъ чудодѣйственной силой фетишей. Это — люди, которые съ помощью доступныхъ имъ духовъ за подарки и плату посредствомъ всевозможныхъ формулъ, экстатического возбужденія, заклинаній и маскировки, при свѣтѣ и музыкѣ изгоняютъ злыхъ духовъ, лѣчатъ больныхъ, дѣлаютъ дождь, раскрываютъ нечестивыхъ; вмѣстѣ съ этимъ они развѣдываютъ враговъ, носятъ съ собою своихъ фетишей въ военные походы, какъ побѣдоносныхъ боговъ, руководятъ божескими судами, становясь такимъ образомъ мало по малу въ своемъ кругу судьями и полицейскими органами, короче говоря достигаютъ все болѣе и болѣе почетнаго положенія, благодаря которому часто господствуютъ надъ всей соціальной жизнью племени.

Религіозныя воззрѣнія и обряды культа, благодаря отправленію которыхъ выдвигается на первый планъ, остаются еще долго явленіями, доступными также и остальнымъ главамъ семей, по крайней мѣрѣ главамъ племени, или даже и уважаемымъ женщинамъ, или такими, которыя послѣ нѣкотораго развитія формулъ колдовства могутъ быть переданы жрецами вновь на высоко-поставленныхъ мужчинъ и женщинъ. Именно у особенно одаренныхъ племенъ колдовство, бывшее одно время профессиональнымъ и игравшее роль промысла у его представителей, можетъ со временемъ сдѣлаться побочнымъ занятіемъ аристократіи. Но можетъ также произойти обратное. По мѣрѣ того какъ возвышается аристократія, привлекающая къ

себѣ своимъ положеніемъ и доблестями уваженіе остальныхъ членовъ племени, а также и происходящая отъ княжескихъ родовъ, — растетъ въ своемъ вліяніи и шаманство, въ лицѣ его представителей, сдѣлавшихся верховными жрецами, придворными чиновниками, совѣтниками и довѣренными слугами королей. Болѣе развитые народы, которые возводятъ мѣста погребенія главъ племени и королей и воздвигнутые имъ памятники въ храмы и священные парки, отождествляя съ этими умершими князьями своихъ боговъ, — выражаютъ свои заботы о содержаніи и поддержаніи достоинства служащихъ при этихъ храмахъ путемъ особыхъ богатыхъ благотворительныхъ учрежденій, пожалованій скота, рабовъ, періодическихъ подарковъ, жертвъ и, наконецъ, правильно организованныхъ сборовъ въ видѣ десятинъ и т. д. Въмѣстѣ съ дальнѣйшимъ общественнымъ развитіемъ рядомъ съ старыми племенными, родовыми и семейными культами выступаютъ культы общинные, земскіе и государственные, вызывающіе еще большія и болѣе постоянныя даренія со стороны членовъ даннаго государства, имѣющія цѣлью поддержаніе этихъ культовъ, а также и раздѣленіе труда среди ихъ служителей-жрецовъ. Различіе духовъ, которымъ посвящены культы, фетишей и человѣческихъ болѣзней ведутъ уже на относительно низкой ступени развитія къ образованію различныхъ видовъ жречества; одни умѣютъ произносить заклинанія только противъ злыхъ духовъ, другіе — исцѣлять только опредѣленнаго рода болѣзни. Изъ общности фетишей, религіозной догмы, волшебныхъ формулъ образуются товарищества и культовые союзы жрецовъ опредѣленныхъ специальностей, какъ это, напр., мы встрѣчаемъ въ современной западной Африкѣ. Чѣмъ

дольше идетъ развитіе культа, чѣмъ болѣе многочисленное жречество собирается вокругъ мѣстныхъ и центральныхъ культовъ, тѣмъ болѣе оживленная конкуренція развивается между этими различными жреческими цехами, а также и свободными жрецами-волшебниками, организующими собственныя предпріятія. У народовъ съ особымъ религіознымъ расположеніемъ, подъ импульсомъ большого религіознаго прогресса, эти цехи въ концѣ-концевъ превращаются въ единые центральные и іерархически подчиненные другъ другу союзы, замкнутые со-виѣ и стремящіеся къ уничтоженію старыхъ мѣстныхъ жреческихъ культовъ. Такимъ образомъ въ эпоху отъ 7 до 5 столѣтій до Р.Х. организуется въ единое цѣлое іудейскій союзъ левитовъ, стремящійся утвердить культъ Іеговы и жреческаго господства надъ народомъ; съ этой цѣлью, какъ это показываютъ новые изслѣдованія Вельгаузена, Липперта и др., левитами создается родословная жреческихъ родовъ, утверждающая происхожденіе всѣхъ членовъ жреческаго сословія отъ одного главы, родоначальника, и кодифицируется въ полную систему все право и религіозно-нравственныя догматическія положенія. Такимъ-же образомъ индійскіе брахманы, вѣрившіе въ свое особое божеское происхожденіе изъ устъ Брамьы, организовались благодаря этому въ замкнутую касту, отличную отъ остального народа и стремящуюся исключить другіе непризнававшіеся ими жреческіе цехи. Такое обособленіе и теократическое господство жрецовъ, какое имѣло мѣсто въ Мексикѣ, Перу, Египтѣ, Іудеѣ и Индіи, является однако лишь конечнымъ результатомъ развитія, продолжавшагося цѣлыя столѣтія. Въ теченіе его, несомнѣнно, постоянно возникалъ вопросъ о томъ, должны-ли главы племени и

короли, военное дворянство и главы семей выпустить изъ своихъ рукъ совершеніе всѣхъ культовыхъ служеній и отправленіе всѣхъ обрядовъ? Политической побѣдѣ жрецовъ, поэтому, предшествуетъ долгая и трудная борьба между королевствомъ и жречествомъ, свѣтскимъ и духовнымъ дворянствомъ; въ нѣкоторыхъ государствахъ, какъ напр. въ Перу и Египтѣ, королямъ удалось до извѣстной степени сдѣлать жречество зависимымъ отъ себя. У грековъ и римлянъ въ историческое время жречество имѣетъ значеніе большее, чѣмъ роль побочнаго достоинства свѣтскаго дворянства, у германцевъ-же и славянъ оно никогда не достигаетъ замкнутой и господствующей надъ другими классами организаци; у кельтовъ господство друидовъ было разрушено римскимъ завоеваніемъ, и ихъ значеніе отошло на задній планъ.

Такимъ образомъ рѣшающими моментами въ исторіи позднѣйшаго развитія жречества являются болѣе политическія и социальныя войны за власть и достиженіе или недостиженіе жрецами сословной организаци, чѣмъ успѣхи въ раздѣленіи труда. Это—процессъ социальнаго развитія, въ которомъ сперва выступаетъ на первый планъ раздѣленіе труда, а затѣмъ сословныя образованія. Члены жреческой аристократіи почти всегда выступаютъ, въ качествѣ второстепеннаго занятія, въ роли полководцевъ, городскихъ правителей, совѣтниковъ, чиновниковъ; они почти всегда вмѣстѣ съ тѣмъ и юристы, астрономы, врачи, воспитатели юношества, предсказатели и жрецы; изъ нихъ далеко не всѣ перестаютъ быть домохозяевами, ското-и землевладѣльцами; но брахманамъ было запрещено рѣзать землю плугомъ; іудейскіе жрецы не должны были работать ради приобрѣтенія, а шаманы въ отдѣльныхъ

мѣстностяхъ влчатъ горькое существованіе, получая лишь милостыню и случайные подарки. Съ другой стороны, при храмахъ происходитъ раздѣленіе на высшихъ и низшихъ служителей. Знатные жрецы, аристократы, совершающіе только отдѣльные культовые дѣйствія, и верховные жрецы упоминаются рядомъ съ жрецами, приносящими жертвы и совершающими молитвы ежедневно, рядомъ съ особыми храмовыми пѣвцами, цѣлителями, бальзамировщиками, прислужниками священныхъ животныхъ и другими служащими братьями. Наиболѣе существенное и огромное социальное значеніе дѣленія состоитъ въ томъ, что вся высшая духовная и руководящая дѣятельность, предполагающая знанія и научное образованіе, искусство и тонкую технику, переходитъ къ жреческой аристократіи и различнымъ ея группамъ, въ то время какъ обычная, механическая, направленная на производство и приобрѣтеніе и иная дѣятельность выпадаетъ на долю остального народа.

Никакой дальнѣйшій прогрессъ въ раздѣленіи труда и образованіи общественныхъ классовъ не имѣлъ болѣе глубокаго вліянія, чѣмъ сейчасъ обозначенный: страхъ передъ духами и умершими поколѣніями становится сильнѣйшимъ орудіемъ, посредствомъ котораго милліоны людей на цѣлыя столѣтія и тысячелѣтія падаютъ въ почти рабскую зависимость отъ маленькой кучки жрецовъ. Исполненіе безконечныхъ, сопровождающихъ каждый шагъ въ жизни людей и частью полныхъ глубокаго смысла и хорошо придуманныхъ, а часто и совершенно бессмысленныхъ религіозныхъ обрядовъ, становится психическимъ и экономическимъ бременемъ, которое причиняетъ отдѣльнымъ личностямъ и всему обществу постоянныя мученія. Жреческая

аристократія и культъ въ старыхъ теократическихъ государствахъ отбирають цѣлую треть, а иногда и болѣе всего годового поземельнаго дохода и рабочей силы, утѣшая обобранныхъ наградой въ будущей жизни. Ужасныя злоупотребленія, грубый обманъ и постоянное обесчистываніе связывается въ различныхъ мѣстахъ съ господствомъ жречества, въ особенности на позднѣйшихъ стадіяхъ. Тѣмъ не менѣе, для всѣхъ культурныхъ народовъ, особенно въ начальные эпохи общественнаго развитія, это господство было въ нѣкоторой степени и условіемъ ихъ возвышенія: безъ него не могли бы теократическія государства въ теченіе столѣтій быть носителями прогресса, богатѣйшими и образованнѣйшими обществами. Раздѣленіе труда, которое въ нихъ происходило, въ своемъ главномъ основаніи было ничѣмъ инымъ, какъ побѣдой благородныхъ и разумныхъ элементовъ надъ грубой силой массы. Связывая толпу оракулами, предписаніями культа и законами и приучая ее такимъ образомъ къ порядку, жрецы вкладывали въ дикія представленія объ угожденіи мертвымъ и духамъ нравственныя заповѣди высшаго соціального существованія. Изъ представленія о томъ, что жертвы, посты и подарки умилоствуютъ боговъ создается болѣе благородное, по которому въ этихъ обрядахъ волшебная формула священныхъ словъ молитвъ составляетъ главную ихъ сущность; изъ представленія о томъ, что болѣе праведенъ будетъ тотъ, кто принесетъ больше коровъ жрецамъ, образуется болѣе благородное, по которому праведнымъ считается тотъ, кто почитаетъ родителей, не крадетъ, не лжетъ, не прелюбоудѣйствуетъ, защищаетъ вдовъ и сиротъ. Въ теченіе безконечно долгаго времени жрецы были вожаками и піонерами на пути соціальной дисциплины

и возрастанія нравственнаго самосознанія, въ построе-
ніи домовъ и храмовъ, установленіи счисленія и ка-
лендаря, искусства письма и разнаго рода иныхъ ви-
довъ прогресса. Въ теченіе столѣтій они были поли-
тическими и экономическими организаторами, первыми
собирателями большихъ количествъ сокровищъ, пер-
выми банкирами, первыми техниками и инженерами
при постройкѣ великихъ и общепользныхъ водныхъ
сооруженій.

Въ эпоху достиженія жреческимъ господствомъ,
основаннымъ на злоупотребленіяхъ и эгоистическихъ
пріобрѣтеніяхъ, высшаго пункта своего развитія про-
исходятъ изъ него обѣ совершеннѣйшія религіозныя
системы Будды и Иисуса Христа, которыя, отвергнувъ
всѣ внѣшнія основы жреческаго господства и внѣшній
культъ, указали центръ тяжести нравственности и
освобожденія человѣчества отъ чувства грѣховности
въ самоотреченіи, вѣрѣ и добродѣтельной жизни. Но
вполнѣ естественнымъ явленіемъ было то, что у юныхъ
дикихъ народовъ, которые были еще проникнуты вѣ-
рою въ духовъ и представленіями о томъ, что боги
умиловиваются жертвами, имущественными прино-
шеніями и совершеніемъ ритуальныхъ обрядностей,—
названныя ученія снова выродились на многія столѣтія
въ описанныя выше дикія древнія формы господства
жречества и культа. Христіанская церковь Европы въ
эпоху среднихъ вѣковъ даетъ намъ многочисленныя
образцы тѣхъ-же самыхъ явленій и формъ организа-
ціи, которыя господствовали въ древнихъ жреческихъ
теократіяхъ.

Учители и общинные чиновники превращаются въ
священно-служителей, стоящихъ выше всѣхъ мірянъ
и даже князей; изъ созданнаго ими на почвѣ падаю-

щаго римскаго государства союза вырастаетъ не только государственная, но и мірская организація, которая включаетъ въ себя тысячи епископовъ, канониковъ, мірскихъ священниковъ, монаховъ и монахинь. Это — чудовищный интернаціональный жреческій цехъ, который въ качествѣ церкви, корпорации, учрежденія, организованнаго и направляемаго самимъ Богомъ и его представителями, завѣдуетъ исцѣленіемъ душъ христіанскаго міра, приобретаетъ имущества, воспитываетъ и дисциплинируетъ своихъ служителей для правильного отправленія ихъ должностей и для увеличенія своего господства. Католическое духовенство въ теченіе болѣе, чѣмъ 1.200 лѣтъ, направляло жизнь европейскаго общества, требуя отъ него принесенія себѣ всѣхъ своихъ трудовъ и духовныхъ жертвъ: „католическіе папы, говоритъ Тэнъ, были въ теченіе двухъ столѣтій диктаторами Европы; они устраивали крестовые походы, развѣнчивали королей, дарили государства; ихъ епископы дѣлались то царствующими князьями, то основателями династій; они сосредоточили въ своихъ рукахъ третью часть всѣхъ земель, половину доходовъ и двѣ трети всего остальнаго имущества всей Западной Европы. Почему? Съ психологической точки зрѣнія потому, что благородные, но дикіе варвары считали спасеніе души важнѣе всего остальнаго; съ исторической же — потому, что духовенство сохранило античную государственную организацію и всю древнюю культуру въ теченіе всего времени существованія средне-вѣковыхъ варварскихъ государствъ, — потому что оно одно въ теченіе столѣтій защищало побѣжденныхъ и униженныхъ, старалось утвердить благочестіе, образованіе, справедливость, бракъ, собственность, заботилось о развитіи языка и письмен-

ности, искусства и науки, стремилось довести до высшей степени совершенства земледѣліе, насаждало винодѣленіе и другія техническія усовершенствованія.

По отношенію къ остальному населенію воспитанный въ монастыряхъ и церковныхъ школахъ клиръ, совершенно также какъ въ свое время египетскіе или индійскіе жрецы, являлся профессиональнымъ состояніемъ, организованнымъ по системѣ раздѣленія труда, согласно съ своимъ назначеніемъ — для духовной и умственной жизни; но ввиду именно того, что онъ былъ особымъ сословіемъ, въ него иногда попадали и грубые воины, и необразованные земледѣльцы, а, поэтому, въ немъ среди подчиненныхъ органовъ, встрѣчается множество лицъ, совсѣмъ лишенныхъ высшаго образованія. Съ своимъ огромнымъ имуществомъ, принадлежащимъ различнымъ учрежденіямъ, съ своими земельными владѣніями, своими школами, ремеслами, составлявшими центральнѣйшій пунктъ его могущества, клиръ заботился не только объ отправленіи своей духовной должности, но и вообще о насажденіи высшей культуры; стремился удержать старую и распространить новую технику; вмѣсто простого воздержанія и изнуренія плоти и молитвъ уже первые основатели монашескихъ орденовъ, а за ними и подобно имъ и позднѣйшіе ихъ руководители, требовали полезной работы. Поэтому-то мы и видимъ, что большія церковныя товарищества вмѣстѣ со строгой дисциплиной, обѣтами бѣдности, цѣломудрія и покорности, стараются организовать и большія хозяйственныя учрежденія, въ которыхъ юные клирики должны были изучать музыку и науку, архитектуру и искусства обработки золота, литья колоколовъ и переплетное, скульптуру и живопись, а старшіе братья и кокверсы (мірскіе братья)

распредѣляли между собою уже въ качествѣ постояннаго занятія отдѣльныя искусства, работали въ области различныхъ ремеслъ, существовавшихъ въ церковныхъ учрежденіяхъ. Въ уставѣ цистерцинскаго монастыря находится особая глава: *de fratribus textoribus, de sutoribus et pellipariis, de furnariis, de fullonibus, de fabris* и т. д. Такимъ образомъ происходитъ раздѣленіе труда внутри сословія клириковъ, но оно не устранило совершенно ихъ всеобъемлющаго образованія, которое стало замѣтно падать лишь послѣ того, какъ техническія знанія проникли въ мірскія сословія, и здѣсь образовались особыя профессіи и ремесла. Въ качествѣ врачей и учителей католическіе монахи продолжали выступать вплоть до новаго времени; въ качествѣ канцлеровъ, чиновниковъ и писцовъ они управляли государствами вплоть до 16 и даже 17 столѣтій.

По своей организаціи клирики и монахи христіанскихъ церквей отличаются отъ древнихъ жреческихъ сословій тѣмъ, что они никогда не стремились обратиться въ наслѣдственную касту. Монахи съ самаго начала, клирики съ 13 столѣтія были не женаты. Хотя иногда высшія духовныя должности и были доступны только высшему дворянству, однако духовное сословіе преобладающимъ образомъ пополнялось талантами изъ всѣхъ сословій; оно прежде всего опиралось на воспитаніе, сообразное съ его назначеніемъ и находившееся въ рукахъ его собственныхъ членовъ. Оно не было по существу противно и развитію лѣниваго монастырскаго тунеядства, но на первый планъ оно всегда, однако, ставило самоотверженную работу на пользу церкви и общества, которой оказывало особое уваженіе. Собиравшееся имъ имущество принадлежало не

отдѣльнымъ членамъ, а церкви въ цѣломъ ея составѣ или ея отдѣльнымъ учрежденіямъ и корпораціямъ. Чрезмѣрное скопленіе имуществъ и совершенно безстыдный способъ собиранія денегъ также очень часто встрѣчаются. Отсюда ведутъ свое происхожденіе реформациі и секуляризаціи, т. е. переводъ церковныхъ, монастырскихъ и корпораціонныхъ имуществъ въ государственную собственность. Однако во многихъ мѣстахъ католическая церковь и до сихъ поръ удержала значительныя земельныя владѣнія; въ другихъ-же они перешли въ руки государства, университетовъ, школъ и благотворительныхъ учреждений. Слѣды средне-вѣковаго имущественнаго распредѣленія, поскольку они были результатомъ церковнаго устройства, никогда вполне не исчезали. Въ католическихъ и полукатолическихъ странахъ клиръ и до сихъ поръ удерживаетъ свою старую организацію. Въ протестантскихъ онъ преобразовался въ оплачиваемыхъ жалованьемъ пасторовъ, школьныхъ учителей, профессоровъ и чиновниковъ съ ихъ своеобразными учрежденіями; но и эти послѣдніе, какъ и всѣ либеральныя профессіи, по своему происхожденію, имѣютъ непосредственную связь съ учрежденіями, воззрѣніями и нравами католической церкви, какія-бы измѣненія ни были ими произведены въ ея учрежденіяхъ.

IV. Происхожденіе начальниковъ и военного сословія. — Военное устройство.

Возникновеніе родового, военного и политическаго дворянства совпадаетъ отчасти, какъ мы уже замѣ-

тили, съ развитіемъ жречества, но имѣтъ и свои особыя причины.

Древнѣйшимъ членомъ въ этой цѣпи является начальничество въ томъ его видѣ, въ какомъ оно выступаетъ уже въ эпоху материнскаго права въ племенахъ, организованныхъ на почвѣ родового начала (Л. Г. Морганъ). Ни большія земельныя владѣнія, ни исключительно военныя качества, ни расовое господство не являются его первыми основами. Такъ какъ каждое племя распадается на извѣстное число родовъ (*gentes*), а всякій родъ представляетъ собою замкнутую кровную общину, то и каждый изъ этихъ родовъ долженъ имѣть опредѣленнаго главу, а главы отдѣльныхъ родовъ должны соединиться между собою ради руководства племенемъ. У всѣхъ народовъ, стоящихъ на этой ступени, мы дѣйствительно слышимъ всегда о значительномъ числѣ начальниковъ, благородныхъ, *principes*. Всякій родъ имѣтъ рядомъ съ своими представителями одного или часто многихъ начальниковъ. Въ своей совокупности послѣдніе образуютъ совѣтъ начальниковъ, составъ котораго колеблется въ зависимости отъ количества родовъ. По большей части роды избираютъ себѣ представителей пожизненно, а совѣтъ начальниковъ утверждаетъ избранныхъ, которые принимаютъ иногда, какъ напр. у индѣйцевъ, имена ихъ умершихъ предшественниковъ. Такъ какъ вновь избранные являются обыкновенно братьями или племянниками умершихъ, а послѣ того какъ патриархатъ смѣняется матриархатъ, сыновьями послѣднихъ, то во всякомъ родѣ образуется нѣкоторое число выдающихся, — въ каждомъ племени отъ 15 до 20, а въ союзѣ племенъ 50, 100 и болѣе, — возвышающихся надъ остальными семей. Самые начальники являются

передъ нами всегда какъ самые старѣйшіе и мудрѣйшіе мужи племени; ихъ совѣтъ является собраніемъ старѣйшинъ, сенатомъ. Они постановляютъ единогласныя рѣшенія, принимаютъ чужихъ пословъ, совѣщаются о дѣлахъ племени; они—управители во время міра и предводители на войнѣ. По рѣшенію родовъ или совѣта старшихъ они могутъ быть и смѣщены съ своей должности, какъ позднѣе смѣщались еще короли, если племя постигаетъ неурожай или военная неудача. Внутри рода начальники являются въ качествѣ судей и мировыхъ посредниковъ. По своему происхожденію они значительно старше королевства. Среди начальниковъ, безъ сомнѣнія, одинъ можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ получить столь значительное уваженіе, что можетъ быть приглашенъ занять мѣсто короля у чужестранцевъ, желающихъ создать у себя это учрежденіе.

Въ число начальниковъ вступаютъ прежде всего храбрѣйшіе воины, искусные волшебники, жрецы и мудрые ораторы; благодаря этому естественнымъ путемъ образуется родовое дворянство, которое на первыхъ порахъ не имѣетъ никакого особаго экономическаго положенія сравнительно съ другими своими соплеменниками. Но по мѣрѣ утвержденія выдающагося положенія семей начальниковъ, по мѣрѣ развитія обычая принимать подарки за успѣшное примиреніе междоусобій и споровъ, по мѣрѣ развитія содѣйствія жрецовъ къ увеличенію доходовъ начальниковъ и полученію большаго количества добычи на охотѣ и разбойничьихъ походахъ за скотомъ и рабами, — возвышается и ихъ экономическое положеніе. При первыхъ раздѣлахъ земли они получаютъ бѣльшіе участки. Тамъ, гдѣ земля дѣлится по родамъ, они раздѣляютъ свое обла-

даніе съ другими своими родичами. Съ ростомъ у нихъ количества скота, а также и по мѣрѣ пріобрѣтенія большаго количества рабовъ, они могутъ получить большіе участки и воспользоваться и большими долями и, освободившись такимъ образомъ отъ ежедневной работы, посвятить себя занятію общественными дѣлами.

Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ ростомъ культуры среди племени развивается родовое дворянство въ интересахъ необходимаго руководства ходомъ дѣлъ въ жизни племени. Оно могущественнѣе возвышается въ своемъ положеніи тамъ, гдѣ кочевыя переселенія и военные походы дѣлаютъ болѣе необходимымъ единое руководство, чѣмъ среди мирныхъ племенъ, и гдѣ родовое дворянство обращается, поэтому, въ военное дворянство. Но и независимо отъ этого вліянія военнаго строя, — вліянія къ ближайшему разсмотрѣнію котораго мы сейчасъ перейдемъ, — на возвышеніе родоваго дворянства воздѣйствуетъ также и дальнѣйшее развитіе строя должностей во внутреннемъ управленіи, вмѣстѣ съ характеромъ распредѣленія земельного обладанія; благодаря этому послѣднему фактору образуется т.-наз. служилое дворянство, смѣшивающееся постепенно съ родовымъ. Подобно тому какъ въ Римѣ патриціи имѣли исключительное право на занятіе государственныхъ должностей, и у германскихъ племенъ шеффенская должность дѣлается характеристическимъ признакомъ принадлежности къ высшимъ слоямъ общества, какъ скоро они создаются изъ рыцарской и ленной организаціи.

Что-же касается вліянія военной организаціи, то у большей части первобытныхъ племенъ военные походы и разбойничьи набѣги составляютъ дѣло осо-

бенно выдающихся воиновъ и предводителей, которые, съ цѣлью этихъ походовъ и набѣговъ, собираютъ около себя свободную дружину. Чѣмъ съ болѣею правильною совершаются такіе походы, тѣмъ болѣе дружина становится общимъ, постояннымъ и укрѣпляющимъ положеніе такихъ предводителей учрежденіемъ. А если племя должно часто бороться за свое существованіе, то каждый родъ рядомъ съ наслѣдственнымъ начальникомъ мирнаго времени выбираетъ себѣ еще другого на время войны, а племя—одного или двухъ высшихъ военачальниковъ. Долгое время положеніе этихъ военачальниковъ остается временнымъ и гораздо менѣе обезпеченнымъ, чѣмъ положеніе начальниковъ въ мирное время, но чѣмъ болѣе племя во время переселеній или завоеваній пріобрѣтаетъ воинственныхъ навыковъ, тѣмъ болѣе укрѣпляется и положеніе его военныхъ предводителей. Они возвышаются до положенія герцоговъ, князей, королей; они созываютъ и руководятъ совѣтомъ старѣйшинъ; они даютъ всему племени военную организацію, которая снова ведетъ къ укрѣпленію ихъ положенія.

Образованіе военныхъ организацій у цѣлыхъ племенъ и народовъ представляетъ собою одинъ изъ труднѣйшихъ и величайшихъ ступеней общественнаго прогресса. Оно предполагаетъ значительное возвышеніе соціального воспитанія и необычный ростъ экономической заботливости о будущемъ. Военная организація племени безусловно требуетъ, чтобы всякаго рода частныя сношенія временно пріостановились, и чтобы наступили повиновеніе, дисциплина, единая концентрація всѣхъ силъ. Въ племенахъ, о которыхъ идетъ рѣчь, возникаетъ иного рода авторитетъ, чѣмъ

какой существовать до сихъ поръ; возникаетъ потребность жертвъ отдѣльными личностями въ интересахъ цѣлаго, — явленія, которыя возможны только подъ воздѣйствіемъ этой, а никакой иной причины. Военная власть военачальника обыкновенно постепенно распространяется и на всѣ другія стороны жизни.

Тамъ, гдѣ военные наборы для походовъ могутъ быть предусмотрѣны лишь за день или за недѣлю, гдѣ постоянно предвидится возможность нападенія, тамъ вся экономическая жизнь должна быть направлена на удовлетвореніе этой потребности. Припасы должны быть собраны заботой отдѣльныхъ лицъ или князей для того, чтобы каждый воинъ былъ обезпеченъ во время похода; необходимость заготовки припасовъ ведетъ къ принудительной системѣ обложенія натуральными сборами, а потребность въ постройкѣ крѣпостей къ принудительной системѣ строительной повинности. Было обычаемъ назначать для опредѣленныхъ работъ и походовъ только опредѣленную часть племени, а остальные его члены обязывались принять на себя заботы объ управленіи работъ въ домѣ, семьѣ, родѣ или селѣ получившихъ указанныя сейчасъ назначенія, подобно тому, что мы знаемъ изъ разсказа Цезаря о свевахъ, что имѣло мѣсто у чешскихъ крестьянъ въ эпоху Жижки и что теперь мы встрѣчаемъ у зулусовъ. Съ теченіемъ времени старое, примитивное боевое оружіе и грубые приемы битвъ, практиковавшіеся конными и пѣшими воинами, становятся все болѣе и болѣе неудовлетворительными; семейно-общинная организація войска и обусловленное ею дѣленіе послѣдняго въ битвъ по семьямъ и родамъ постепенно распадается. Война становится все болѣе и болѣе искусствомъ, требую-

щимъ постояннаго обученія и цѣлесообразнаго распредѣленія войска по опредѣленнымъ отрядамъ, стоящимъ подъ начальствомъ отдѣльныхъ, специально для этого назначенныхъ предводителей. Вмѣстѣ со всеми этими явленіями становится все болѣе и болѣе труднымъ разрѣшеніе соціальной задачи, связанной съ организаціей принудительныхъ сборовъ и повинностей, да и сама задача дѣлается все болѣе и болѣе сложной по мѣрѣ увеличенія продолжительности походовъ и большаго удаленія ихъ отъ жилищъ воиновъ. Обычнымъ и часто практикующимся способомъ воспитанія и повышенія боевой годности племени является дѣленіе племени на группы по возрасту, обыкновенно на три: мальчиковъ, занимающихся военными упражненіями; молодыхъ людей, обложенныхъ воинской повинностью, обреченныхъ на безбрачіе и часто поселяемыхъ совместно въ казармахъ, и заслуженныхъ ветерановъ, призываемыхъ къ защитѣ отечества только въ случаѣ крайней нужды. Но это дѣленіе предполагаетъ уже сложную хозяйственную организацію для содержанія тѣхъ, которые, будучи призваны къ военнымъ упражненіямъ и походамъ, на болѣе или менѣе короткое или долгое время удаляются изъ своихъ семей. Другое средство къ той-же цѣли состоитъ въ дѣленіи гражданъ по имуществу и земельному обладанію, при чемъ большія военныя натуральныя повинности возлагаются на тѣхъ, которые оказываются болѣе способными и годными по своему имущественному положенію къ подготовкѣ оружія и продовольствія, а также и удаленію отъ родного очага. Высшую форму этого рода организаціи представляетъ римское военное устройство, созданное Сервіемъ Тулліемъ и основанное на раздѣленіи гражданъ по имуществу на классы

и центуриі, сохранявшееся до 3-го вѣка до Р. Х. Это было гражданское войско, которое перевоспитывало большую массу римскихъ крестьянъ въ солдаты, не отвлекая ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ крестьянской жизни; богатая государственная казна, которая съ 409 г. до Р. Х. уплачиваетъ уже войску жалованье, является, конечно, необходимымъ предположеніемъ такой организаціи.

Въ общемъ, однако, продолжительное совмѣщеніе военной службы съ занятіемъ земледѣліемъ для цѣлаго населенія вмѣстѣ съ развитіемъ культуры становится дѣломъ все болѣе и болѣе труднымъ. Военная организація всѣхъ народовъ доходитъ въ концѣ-концовъ до того пункта, на которомъ становится необходимой замѣна періодической смѣны занятій населенія постояннымъ раздѣленіемъ труда. Гдѣ существуютъ большія княжескія владѣнія, тамъ представляется наиболѣе легкимъ дѣломъ образованіе постоянного войска изъ личной дружины путемъ систематическаго обученія ея военнымъ упражненіямъ и установленія опредѣленнаго содержанія изъ княжескихъ финансовъ, при чемъ отъ массы остальнаго народа не требуется уже болѣе военныхъ услугъ, или онѣ требуются лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Гдѣ дѣлаетъ завоеваніе воинственное племя, распредѣляющее между всѣми воинами опредѣленные участки земли съ сидящими на нихъ полусвободными арендаторами или крѣпостными, — какъ это имѣло мѣсто въ Спартѣ — тамъ становится возможнымъ наложеніе на все наличное войско обязанности повиновенія, упражненій, совмѣстной жизни юношества въ казармахъ, поселенія даже старыхъ воиновъ въ одномъ мѣстѣ, — короче говоря созданіе учреждений, приближающихъ все дворянство страны къ постоян-

ному войску. У другихъ народовъ вмѣстѣ съ завоеваніемъ новыхъ областей военное дворянство, обладающее землями, происходитъ изъ родовъ предводителей и изъ дружины, какъ напр. въ Индіи, Эраніи, а можетъ быть и въ Египтѣ. Хотя такое дворянство и не является здѣсь столь замкнутымъ сословіемъ, какъ жреческіе цехи, однако по отношенію къ лицамъ, стоящимъ отъ него въ большомъ отдаленіи, оно получаетъ значеніе касты. Въ средне-вѣковой Европѣ военная неподготовленность войскъ, добытыхъ путемъ обыкновеннаго набора, необходимость создать конныя войска противъ арабовъ и венгровъ, крупное землевладѣніе и ленная система, сословныя формы, церемоніи и военное воспитаніе рыцарей приводятъ къ большому раздѣленію труда между надѣленнымъ большими земельными участками дворянскимъ военнымъ сословіемъ и сидящимъ на мелкихъ участкахъ и занятымъ старательной обработкой полей крестьянствомъ. Это положеніе вещей вырабатывается почти совершенно схожимъ образомъ и тамъ, гдѣ воины и крестьяне принадлежатъ къ различнымъ расамъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ Италіи и Франціи, и тамъ, гдѣ, какъ въ Германіи, и тѣ и другіе принадлежатъ по большей частн къ одной расѣ. Различіе въ составѣ крови дѣлаетъ лишь болѣе легкимъ обостреніе соціальныхъ противоположностей.

Тройкое дѣленіе населенія на жрецовъ (духовенство), воиновъ (дворянство) и крестьянъ образуется и существуетъ въ теченіе столѣтій почти у всѣхъ извѣстныхъ намъ культурныхъ народовъ. Оба первыхъ состоянія составляютъ высшія слои общества, имѣющіе разнообразную организацію, обусловливаемую жреческой и военной дисциплиной, дѣлающейя наслѣдственной въ опредѣленныхъ фамиліяхъ. Къ этимъ лич-

нымъ качествамъ присоединяются наслѣдственное землевладѣніе и сословныя преимущества, союзная и сословная замкнутость по отношенію къ низшимъ слоямъ населенія. Военное дворянство, принимающее въ себя, если оно сохраняетъ свои доблести и военныя способности, все новые и новые элементы, поддерживающіе въ немъ эти качества, скоро смѣшивается, благодаря этому, со старымъ родовымъ, должностнымъ и служилымъ дворянствомъ. Въ такомъ составѣ оно оказываетъ вліяніе, поскольку это позволяетъ духовенство, на всю политическую, общественную и экономическую жизнь. Все распредѣленіе земельного обладанія въ странѣ въ особенности стоитъ подъ господствующимъ вліяніемъ военной организаціи и сословныхъ интересовъ военнаго дворянства. Военныя и государственныя власти тождественны или стоятъ близко другъ къ другу; военное дворянство все болѣе и болѣе заявляетъ притязанія на преимущественное занятіе всѣхъ или болѣе части государственныхъ должностей. Но по мѣрѣ того, какъ землевладѣльческіе и сословные интересы и политическое господство получаютъ для него болѣе значенія, чѣмъ военныя качества; по мѣрѣ того какъ оно все болѣе и болѣе начинаетъ видѣть свою честь въ турнирахъ, гербахъ и другихъ доказательствахъ дворянскаго происхожденія, чѣмъ въ личныхъ способностяхъ къ службѣ, — оно превращается въ аграрно-феодалное владѣльческое дворянство, которое готово передать свое военное ремесло своимъ молодымъ сыновьямъ, обѣднѣвшимъ сословнымъ товарищамъ, крестьянамъ, пролетаріямъ, перебѣжчикамъ изъ чужихъ государствъ и цѣлымъ чужимъ племенамъ. Для каждого народа важнѣйшимъ поворотнымъ пунктомъ въ его исторіи является тотъ, когда высшіе слои его общества

становятся изнѣженными, невоинственными и преданными роскоши, когда денежное хозяйство и ростъ низшихъ классовъ или предложеніе сосѣднихъ ищущихъ хлѣба и приключеній племенъ дѣлаютъ возможнымъ и необходимымъ созданіе войска, оплачиваемаго жалованьемъ и оказывающаго въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени за деньги и долю въ военной добычѣ защиту не только собственному государству и отечеству, но всякому, кто заплатитъ дороже. Римляне дали новую организацію своимъ гражданскимъ и крестьянскимъ войскамъ въ 4-мъ столѣтіи до Р. Х., когда вообще и въ другихъ мѣстахъ на Средиземномъ морѣ одержала побѣду система наемныхъ войскъ; въ то-же самое время македонскіе цари создали своихъ дворянскихъ всадниковъ и крестьянскія фаланги. Та-же система наемныхъ войскъ вошла въ полное примѣненіе и въ Римѣ въ эпоху Марія и Цезаря—переворотъ, ознаменовавшій собою съ одной стороны технико-военный прогрессъ, какъ слѣдствіе пожизненнаго отправления одними и тѣми-же лицами солдатской профессіи, а съ другой—господство постоянного войска и преторіанства подъ главенствомъ принципата надъ государствомъ и гражданскимъ обществомъ.

Съ того времени, какъ набранные изъ пролетаріата наемныя войска смѣнили въ теченіе 14—17 столѣтій аристократическое, рыцарское войско, исторія феодально-сословнаго дворянства въ Западной Европѣ отдѣляется въ своихъ главныхъ основахъ отъ исторіи военной организаціи. Экономическое раздѣленіе труда отводитъ въ это время дворянству лишь роль обладателя и управителя большихъ земельных владѣній, а также сословія, особенно пригоднаго для занятія государственныхъ и мѣстныхъ почетныхъ долж-

ностей, на которыя оно и заявляетъ преимущественное право. Въ большей части другихъ государствъ развитіе дворянства имѣетъ по преимуществу общественный характеръ: оно борется за титулы, почетныя права, податныя привилегіи, исключеніе низшихъ классовъ изъ брачныхъ союзовъ съ представителями дворянскихъ родовъ до тѣхъ поръ, пока современныя эгалитарныя стремленія не отнимаютъ у него окончательно этихъ привилегій. Благодаря праву королей жаловать дворянское достоинство лицамъ, не принадлежащимъ къ этому классу по рожденію, уничтожается и корпоративная солидарность и замкнутость дворянскаго сословія.

Несомнѣнно, что и въ возникающемъ наемномъ войскѣ значительную роль продолжаетъ играть часть стараго, отчасти вполнѣ обѣднѣвшаго дворянства; и чѣмъ болѣе оно позднѣе вступаетъ въ государственныя арміи въ качествѣ офицеровъ, тѣмъ болѣе оно получаетъ уваженія. Но наемныя войска 14—17 вѣковъ не были государственными войсками, а только дружинами и товарищескими военными братствами подъ главенствомъ богатыхъ ландскнехтскихъ предводителей и предпринимателей, которые стояли сегодня на одной, а завтра на другой службѣ. Князья соединялись съ князьями, а эти послѣдніе съ солдатами по договору срокомъ на одинъ два мѣсяца. Созданіе цѣлыхъ войскъ становится въ это время дѣломъ выгоды и спекуляціи. Государства съ большими, увольняемыми въ отставку каждые два мѣсяца солдатскими шайками, которыя бродятъ тысячами, опустошая и грабя страну, почти истекаютъ кровью подъ давленіемъ этого пагубнаго способа военной организаци, пока армія въ теченіе 17-го и 18 столѣтій не дѣлается изъ частнаго пред-

пріятія полковыхъ командировъ государственнымъ учрежденіямъ. Постоянныя государственныя войска, составлявшіяся прежде исключительно изъ пожизненныхъ наемныхъ солдатъ-пролетаріевъ, набранныхъ изъ всѣхъ земель, вновь начинаетъ вербоваться изъ молодого поколѣнія собственнаго государства. Изъ свободной вербовки создается позднѣе принудительная, а изъ этой послѣдней — регулярные наборы, которымъ на первыхъ порахъ подлежатъ лишь низшіе классы. Такъ какъ просвѣщенный деспотизмъ опирался на союзъ князей со средними и высшими классами, то арміи 18 столѣтія сохраняютъ еще характеръ войскъ, набранныхъ изъ пролетаріевъ. Вполнѣ здоровымъ государственнымъ учрежденіемъ онѣ становятся только съ тѣхъ поръ, какъ въ отдѣльныхъ государствахъ, напр. Пруссіи, дворянство обязывается принудительнымъ образомъ ко вступленію въ офицеры, и, наконецъ, когда въ ихъ составъ привлекаются образованные и владѣющіе классы на началахъ всеобщей воинской повинности. Современныя европейскія постоянныя войска представляютъ собою за немногими исключеніями смѣшеніе пожизненныхъ солдатъ, добровольно посвятившихъ себя этой профессіи, и гражданъ государства, которые созываются подъ знамена на срокъ отъ двухъ мѣсяцевъ до нѣсколькихъ лѣтъ. Офицеры и армейскіе чиновники, принадлежащіе къ высшимъ и образованнымъ классамъ, назначаются государствомъ и получаютъ полную оплату своихъ услугъ; унтеръ-офицеры, выходящіе изъ низшихъ слоевъ общества, остаются въ службѣ дольше, чѣмъ обязываетъ ихъ военная повинность, и получаютъ въ старости низшіе мѣста въ гражданскомъ управленіи. Привлекаемый въ солдаты, обыкновенно въ воз-

расть отъ 20 до 23 лѣтъ, гражданъ государства получаетъ за время своей службы только незначительное вознагражденіе, по выходѣ же изъ нея обязывается лишь являться на короткіе сроки для повторенія военныхъ упражненій или въ случаѣ войны. Владѣтельные и образованные классы и при общей воинской повинности получаютъ облегченія, обыкновенно въ видѣ сокращенныхъ сроковъ службы.

Каждый родъ военной организаціи: общее гражданское войско, какъ и швейцарская милиціонная система безъ постоянной арміи, но съ постоянными и оплачиваемыми офицерами, военные наборы по классамъ имущества, военные дворянскія касты съ землевладѣніемъ, войска, набранныя изъ пролетаріевъ за жалованье, которыхъ содержали старыя торговыя республики и древнія государства, общая воинская повинность съ постоянной арміей — каждый изъ этихъ родовъ военной организаціи предств.яляетъ собою опредѣленный видъ національнаго раздѣленія труда. Каждый изъ этихъ видовъ отражается на всей организаціи народнаго хозяйства и образованіи социальныхъ классовъ; каждый изъ нихъ содержитъ въ себѣ опредѣленный способъ распредѣленія силы внутри социальнаго тѣла, — распредѣленія, благодаря которому опредѣленные общественные элементы получаютъ въ свое обладаніе ultima ratio внѣшней и внутренней власти. Преобразовавъ наши набирающіяся изъ пролетаріата войска, которыя въ древности приводили къ популярной тиранніи, во всеобщую воинскую повинность, при которой все классы общества равномерно призываются къ военной службѣ, владѣющіе классы оставили за собою свое аристократическое вліяніе, удержавъ въ своихъ рукахъ офицерскія мѣста, и въ то-же время затруднивъ всякія злоупотребленія

военной властью. Въ странахъ старой культуры и высокой степени раздѣленія труда общая воинская повинность для всѣхъ отбывающихъ службу лишь временно, является школой физическаго и нравственнаго воспитанія и освѣженія; она вмѣстѣ съ тѣмъ и средство уравниенія соціальныхъ и сословныхъ противоположностей. Хотя она и вторгается въ самую сущность школы, воспитанія, обученія и т. д., и въ самый ходъ карьеры и профессій, отъ которыхъ отвлекаетъ людей на цѣлые годы, — хотя она и уменьшаетъ чистохозяйственные результаты труда, однако остальные благотворныя послѣдствія ея безконечно преобладаютъ надъ этими невыгодными ея сторонами.

V. Происхожденіе либеральныхъ профессій, въ особенности чиновничества.

То, что мы разумѣемъ теперь подъ этими названіями, не представляется ни твердо разграниченнымъ не имѣетъ единаго историческаго корня и единаго историческаго развитія. Тѣмъ не менѣе въ нашемъ разсмотрѣніи эти профессіи представляются въ качествѣ единаго цѣлаго, составляя современное явленіе, соответствующими жреческимъ и военнымъ кастамъ древняго міра, и являясь въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ результатомъ, продолженіемъ этихъ послѣднихъ, въ особенности жречества.

Исходный пунктъ всякой подобнаго рода специализированной умственной и художественной дѣятельности лежитъ прежде всего въ созданіи аристократическихъ классовъ жрецовъ и воиновъ: волшебники въ качествѣ предпринимателей, пѣвцы и музыканты, герольды и ораторы древнѣйшаго времени, мудрецы и юристы,

древній сѣверо-германскій вѣщатель права, провозглашавшій ежегодно въ народномъ собраніи право общины — таковы первые представители такихъ профессій, получившихъ конечно уже очень рано различный характеръ, смотря по тому, отправлялись ли они состоятельными людьми въ интересахъ общаго блага, или бѣдными ради куска хлѣба. Образование всякаго рода аристократій и пріобрѣтеніе ими имущества сопровождается, поэтому, развитіемъ сознанія о томъ, что умственная, художественная, судебная, жреческая дѣятельность представляютъ изъ себя нѣчто такое, что должно служить ко благу другихъ, помогать другимъ, возвышать ихъ, дѣлать ихъ здоровыми, воодушевлять, научать, и не можетъ, поэтому, подлежать непосредственной и унижительной для такихъ предметовъ денежной оплатѣ; оцѣнка каждой подобнаго рода услуги — дѣло трудное; ея результатъ часто не можетъ и быть установленъ въ своихъ послѣдствіяхъ. Отсюда тенденція — поставить аристократическіе классы народа въ обеспеченное экономическое положеніе и даже надѣлать ихъ излишкомъ обладанія и доходовъ, но за это требовать отъ нихъ безденежно высшихъ духовныхъ услугъ, самопожертвованія въ интересахъ государства и общества: акты государственной службы, жреческаго служенія, отправленія судейскихъ функцій, философскаго обученія, художественнаго исполненія, каждое въ отдѣльности столь же мало оплачивались какъ въ лучшія времена древнихъ аристократій, такъ и въ средніе вѣка. Сократъ презиралъ софистовъ, позволявшихъ себѣ получать плату за обученіе, какъ торгашей, дѣлавшихъ промыселъ изъ душевныхъ благъ.

Но этотъ аристократическій принципъ можетъ одержать побѣду лишь въ томъ случаѣ, если аристократія

можетъ располагать богатыми доходами. Кромѣ того, рядомъ съ аристократами, отправляющими либеральныя профессіи, встрѣчаются гадатели, пѣвцы, актеры, музыканты, принимающіе плату или подарки; среди слугъ и рабовъ при дворахъ высокопоставленныхъ лицъ встрѣчаются таланты, шуты, фокусники, музыканты и танцоры совместно; при нихъ могли находить себѣ пропитаніе умственные и художественные таланты изъ низшихъ сословій и чужестранцевъ. Тѣмъ не менѣе остается вѣрнымъ то положеніе, что образъ жизни, обученіе и традиціи цѣлыхъ поколѣній въ дѣлѣ воспитанія дѣлали въ древности аристократію наиболѣе призванной къ духовной дѣятельности. Всякаго рода обученіе, искусство письма, тайны религіи, права, медицины были по преимуществу въ ихъ рукахъ. Преобладаніе психическихъ силъ надъ физическими, на которомъ основывается вся дѣятельность представителей либеральныхъ профессій, могло развиваться ближе всего въ наслѣдственно-аристократическихъ классахъ общества.

Этимъ объясняется то, что либеральныя профессіи, оплачиваемыя деньгами, торгующіяся за оказаніе услугъ, мечтающія о прибыли и происходящія изъ среднихъ и низшихъ слоевъ общества, появляются только въ эпоху упадка древнихъ аристократій, который совпадаетъ съ побѣдой денежнаго хозяйства, широкимъ развитіемъ торговли, вступленіемъ огромнаго числа иностранцевъ въ составъ древнихъ государствъ. Въ это время начинаютъ давать плату за все: за рѣчи и за молчаніе, за отправленіе правосудія и посѣщеніе театровъ, за лѣкарства и яды, за прекрасныя какъ и за безстыдныя искусства. Большіе даже чрезмѣрно большіе доходы и слава оратора, художника, гладиатора

и танцора привлекають на этотъ путь огромное множество лицъ, не упорядоченныхъ и не поставленныхъ въ границы серьезной подготовкой, испытаніями и сознаніемъ профессиональной чести. Благодаря этому, древнія государства и погибають отъ безхарактерности, безстыдства, корыстолюбія и переполненія либеральныхъ профессій. Характеристическимъ отличіемъ древнихъ либеральныхъ профессій отъ новыхъ было то, что ихъ носители, по скольку они были не аристократы, принадлежали къ низшему классу или были рабами и вольноотпущенными. Аѳинамъ, какъ и Риму, не доставало средняго городского сословія, составляющаго теперь соціальное основаніе для либеральныхъ профессій.

Ходъ развитія либеральныхъ профессій въ новой исторіи въ его цѣломъ аналогиченъ древнему, но на него съ самаго-же начала воздѣйствуютъ католическая церковь съ ея школами и учрежденіями, города и цехи съ ихъ корпоративнымъ духомъ, организаціей ученичества и понятіемъ гражданской чести. Благодаря этому воздѣйствію, при переходѣ отъ либеральнаго неоплачиваемаго аристократическаго труда къ оплачиваемой дѣятельности писцовъ, ученыхъ художниковъ, положеніе и функціи отдѣльныхъ видовъ раздѣленнаго труда, образовавшихся постепенно и создававшихся одни по образцамъ другихъ, болѣе чѣмъ это имѣло мѣсто въ древности, подчинились нраву и обычаямъ и сдѣлались постоянными профессіями съ опредѣленными, свойственными каждой обязанностями, правилами приличія, касающимися вознагражденія и доходовъ, съ сословной честью и корпоративной цензурой относительно несоответствующихъ профессіи поступковъ отдѣльныхъ членовъ. Само собою разумѣется, что и до сихъ поръ такой

строй либеральных профессій не составляет общаго правила; еще и теперь существуют многочисленные либеральныя профессіи, которыя не требуют предварительной точно опредѣленной подготовки и не обладаютъ правилами особой профессиональной чести. Существуетъ много такихъ, которые получаютъ кандидатовъ на замѣщеніе своихъ рядовъ изъ лицъ, не получившихъ успѣха на другихъ поприщахъ, какъ напр. профессіи журналистовъ и актеровъ; съ безстыднымъ лихоимствомъ встречаемся мы въ нашей шантажной прессѣ, подкупленныхъ чиновникахъ и депутатахъ; даже теперь одна часть либеральныхъ профессій стоитъ на границѣ, по одной сторонѣ которой находится умственная и художественная дѣятельность, а на другой—физическія услуги низшаго рода, служба по найму въ качествѣ прислуги. Но въ общемъ честность гражданъ, организація школъ и воспитанія, предъявляющія опредѣленные требованія къ лицамъ, выбирающимъ опредѣленную карьеру, союзный или корпоративный строй профессій, ставящій опредѣленные границы дозволеннымъ способамъ обогащенія, придаютъ современнымъ либеральнымъ профессіямъ иной духъ и характеръ, чѣмъ тотъ, который они имѣли въ древности. Либеральныя профессіи прежде всего облагородили третье сословіе нашего теперешняго соціального развитія, снабдивъ его духовными правильными перьями; оказывая можетъ быть нѣкоторое время большее, чѣмъ слѣдовало, вліяніе на право и государство, они за-то ввели въ обиходъ денежнаго приобрѣтенія понятія чести и сословныхъ обязанностей, имѣвшія огромное значеніе для всего народнаго хозяйства. Наши большія предпріятія и акціонерныя компаніи стремятся къ тому, чтобы возвысить своихъ

администраторовъ и рабочихъ въ отношеніи къ приобрѣтенію доходовъ и исполненію долга на такой уровень, какого достигло путемъ долгой работы государственное чиновничество. Въѣсть съ тѣмъ мы вновь стремимся къ тому, чтобы дать мѣсто рядомъ съ платной и аристократической, бесплатной либеральной дѣятельности, поскольку это необходимо въ интересахъ дѣла и поскольку существуетъ достаточное количество силъ.

Въ нашу задачу не входитъ прослѣдить этотъ ходъ развитія по отношенію къ каждой либеральной профессіи. Мы попытаемся освѣтить сказанное въ нѣсколькихъ словахъ и только на примѣрахъ изъ исторіи учителей, врачей и чиновниковъ.

Первыми учителями были вообще жрецы, которые обучали своихъ сыновей и другихъ учениковъ въ теченіе срока, обнимавшаго нѣсколько лѣтъ, волшебствамъ, опредѣленнымъ изреченіямъ, молитвамъ и пѣнію, а затѣмъ преподавали тѣ-же науки и сыновьямъ начальниковъ племенъ и родовъ. Такимъ образомъ произошли жреческія и монастырскія школы. Свободные жрецы или члены жреческихъ цеховъ выступали также и въ качествѣ домашнихъ воспитателей дѣтей начальниковъ, князей, богатыхъ людей вообще. Въ теченіе всего античнаго развитія домашній оплачиваемый учитель, часто рабъ, въ Римѣ грекъ, остается главнымъ лицомъ, которому вѣряется начальное обученіе высшихъ классовъ. Рядомъ съ нимъ выступаютъ затѣмъ общинныя школы со специальными учителями, въ Греціи школы филъ, въ среднія вѣка городскія. Антоній Пій предписываетъ всѣмъ провинціальнымъ общинамъ платить содержаніе грамматикамъ и риторамъ, но большая часть учителей состоитъ на частной

службѣ. Греческіе философы суть прежде всего аристократы, которые не допускаютъ платить себѣ за обученіе, но собираютъ около себя свободныхъ учениковъ бесплатно. Позднѣе софисты дѣлаютъ изъ обученія краснорѣчію промыселъ и стараются обогатиться на счетъ богатыхъ молодыхъ людей. Подобную же роль играютъ въ позднѣйшій періодъ среднихъ вѣковъ, по образованіи университетовъ, гуманисты, прежде всего въ итальянскихъ, а затѣмъ и въ сѣверо-европейскихъ государствахъ. Это — пестрое общество, брошаемое судьбой туда и сюда, сегодня нищенствующее, а завтра плавающее въ вершинахъ общества и утопающее въ богатствѣ. Самые благородные характеры и безхарактернѣйшіе проходимцы одинаково встрѣчаются въ этихъ гуманистическихъ цехахъ, какъ описалъ ихъ намъ своимъ классическимъ перомъ Бургардтъ. Недостатокъ обезпеченныхъ источниковъ дохода, отрѣшеніе отъ семьи, общины и родины, жизнь въ области чистой мысли и идеаловъ, личныя связи съ князьями и аристократами безъ соотвѣтствующей экономической самостоятельности, возможность пріобрѣтенія при помощи однихъ только знаній и умственныхъ дированій славы, подобно королямъ и государственнымъ людямъ, генераламъ и духовнымъ князьямъ, — въ достаточной степени объясняютъ происхожденіе этихъ отличительныхъ качествъ у гуманистовъ. Эти причины и до сихъ поръ продолжаютъ оказывать свое вліяніе въ нѣкоторой степени на положеніе и характеръ лицъ, принадлежащихъ къ литературной профессіи. Только по мѣрѣ достиженія систематическаго упорядоченія исходнаго и конечнаго пункта ученой профессіи, т. е. организаціи подготовки къ ней юношества, и представленія подготовленнымъ учителямъ

мѣстъ въ систематически и послѣдовательно организованныхъ учрежденіяхъ, школахъ и вообще оплачиваемыхъ постояннымъ содержаніемъ мѣстахъ, — дурныя стороны въ организаціи профессіи учителей отстаютъ на задній планъ, а сословное и корпоративное сознаніе отдѣльных ея представителей возвышается и упрочивается. Только благодаря этому дѣлается возможнымъ проводить все въ большей и большей степени въ обученіе принципъ раздѣленія труда, распространяя его и на все большее и большее число учителей, несущихъ совмѣстный трудъ въ учебныхъ заведеніяхъ.

Въ качествѣ врачей въ теченіе тысячелѣтій дѣйствовали исключительно шаманы и духовные. Еще у египтянъ, которые имѣли, по сообщенію Геродота, для каждой болѣзни особаго врача, и древнѣйшія священныя книги которыхъ занимаются въ своей большей части искусствомъ врачеванія, врачебная профессія и продажа лѣкарственныхъ веществъ была дѣломъ жрецовъ. Это соединеніе удерживается до 300 г. до Р. Х., и лишь въ александрійской школѣ происходитъ отдѣленіе врачебной профессіи отъ жреческой. Египетскихъ врачей находятъ повсюду въ сосѣднихъ государствахъ, какъ позднѣе греческихъ въ Римѣ. И въ Греціи врачебное искусство долгое время остается тайной наукой жрецовъ; при храмахъ встрѣчаются и первыя больницы. Въ позднѣйшей Греціи свѣтскій врачъ является владѣльцемъ аптеки и цирюльни, спекулирующимъ при посредствѣ шарлатанства на выгоду. Въ Римѣ до Юлія Цезаря не существовало ни врачей, ни аптекъ въ собственномъ смыслѣ слова, исключая иностранцевъ. Обязанности врачей исполняли рабы и вольноотпущенники, пока эту профессію не возвысили импера-

торы, освободивъ ее отъ податей, установивъ высшій разрядъ врачей, обязанныхъ обучать врачебному искусству и контролировать другихъ врачей; до 2 вѣка по Р. Х. въ большей части городовъ врачи были сдѣланы постояннымъ учрежденіемъ. Императорскіе придворные врачи получили уже и ранѣе высокій окладъ содержанія въ 54.000 марокъ и болѣе. Но солиднаго профессиональнаго образованія и чувства сословной чести врачебная профессія древности никогда не выработала, хотя со времени Августа приготовленіе врачебныхъ средствъ было предоставлено лишь болѣе знаменитымъ врачамъ. Въ общемъ опредѣляющимъ моментомъ принадлежности къ профессіи было обладаніе медикаментами и собраніемъ рецептовъ; къ ней, поэтому, принадлежали и гладиаторы, и кузнецы, и погребальщики, и составители ядовъ, и волшебники, и имъ подобные элементы. Въ магію и астрологию вѣрили въ то время почти всѣ. Школы и секты врачей создавались быстро и находились между собою въ сильнѣйшемъ антагонизмѣ.

Съ упадкомъ римской культуры врачебное искусство возвращается въ монастыри и церковныя учрежденія; вмѣстѣ съ тѣмъ въ княжескіе дворы въ качествѣ врачей приходятъ евреи и арабы. Только въ концѣ среднихъ вѣковъ, на почвѣ специальныхъ школъ (первая основана Фридрихомъ II въ Салерно) и университетовъ, создается сословіе „свободныхъ мастеровъ физики и врачеванія“; въ качествѣ аптекарей рядомъ съ ними появляются итальянскіе торговцы пряностями и виномъ, приготовляющіе и продающіе вмѣстѣ съ тѣмъ всякаго рода сладости, печенія и лѣкарства. Въ Парижѣ продавцы пряностей отдѣляются отъ аптекарей въ 1514 году. Въ 14 и 15 столѣтіяхъ отдѣль-

ные нѣмецкіе города устанавливаютъ врачебныя должности съ 10—100 гульденовъ содержанія; въ 1567 г. штендальскій физикъ является единственнымъ врачомъ въ Алтмаркѣ. Дальнѣйшее развитіе сословія и профессіи врачей, хирурговъ, цирульниковъ и аптекарей связывается съ одной стороны съ успѣхами техники и науки, а также утонченности потребностей высоко и даже чрезмѣрно культурнаго общества, а съ другой— съ воздѣйствіемъ корпоративныхъ и государственныхъ учреждений, которыя регулировали требованія предварительной подготовки къ профессіи, условія вступленія въ нее, способы ея отправленія, сословный этикетъ, способы вознагражденія. Если въ Англіи и до сихъ поръ хорошихъ врачей можно найти только въ большихъ городахъ, если раздѣленіе труда и практическая приспособленность ихъ къ своему дѣлу развиты гораздо болѣе, чѣмъ въ Германіи, то научное образованіе здѣсь гораздо ниже. Если въ остальныхъ мѣстахъ, по словамъ Гнейста, встрѣчаются въ качествѣ врачей лишь шарлатаны да цирульники, и низшіе классы остаются предоставленными больше, чѣмъ гдѣ-бы то ни было, чудеснымъ пилюлямъ, то главной причиной этого является традиціонная свобода врачебнаго промысла, исключительное образованіе врачей въ большихъ госпиталяхъ и господство старыхъ корпорацій надъ всеми врачами, занимающими высшее положеніе. Совершенно инымъ ходомъ развитія Германія обязана своимъ университетамъ, государственнымъ экзаменамъ и только въ 1869 г. данному дозволенію свободнаго лѣченія каждому лицу. Новѣйшее развитіе германскихъ кассъ для больныхъ, ихъ большое распространеніе, необходимость учрежденія для нихъ специальныхъ врачей поведетъ, вѣроятно, къ увеличенію числа врачей и преобразо-

ванію значительной ихъ части въ чиновниковъ подобныхъ кассъ. Мы приводимъ все это, какъ примѣръ того, какое вліяніе оказываютъ договорныя учрежденія на отправленіе профессіи, и какимъ образомъ либеральныя профессіи приходятъ въ тѣсную связь со всеѣмъ ходомъ народнаго хозяйства.

Соціально - политическое и народно - хозяйственное значеніе всей исторіи врачебнаго сословія лежитъ въ послѣдовательномъ стремленіи сообщить сословію, которое, какъ немногіе другіе, вводило въ соблазнъ шарлатанства и стремилось къ сомнительнымъ способамъ пріобрѣтенія, — характеръ научной дѣятельности, развить въ немъ нравственное сознаніе долга и готовность къ самоотверженности въ интересахъ человечества.

Переходя къ короткому изложенію исторіи раздѣленія труда въ бюрократическомъ мірѣ и его дальнѣйшемъ развитіи, слѣдуетъ сдѣлать предварительное замѣчаніе относительно существа государственныхъ должностей и характера раздѣленія труда, имъ пріусущаго.

По мѣрѣ того, какъ возникаетъ государственный порядокъ, образуется повелѣвающая и принуждающая государственная власть; носители ея и подчиненныя имъ лица разчленяются на государственный должности; иначе говоря, отдача государственныхъ приказовъ, управленіе, правосудіе, наборъ солдатъ для войны и подобныя дѣйствія государства принимаютъ твердыя формы, и на всякую такую дѣятельность имѣетъ право только тотъ, кто избранъ и назначенъ для этого въ опредѣленномъ порядкѣ, управомоченъ по наслѣдству или смѣнилъ своего предшественника по другому основанію, и каждый только въ опредѣленныхъ границахъ,

въ опредѣленные дни, съ извѣстными церемоніями и въ опредѣленномъ союзѣ съ другими. Вмѣстѣ съ тѣмъ, для всякой такой государственной дѣятельности создается постоянная оболочка, съ которую отправляющее ее въ данное время лицо долженъ войти, и которой онъ долженъ пользоваться; создается учрежденіе, опредѣленный порядокъ правъ и обязанностей, являющихся атрибутами положенія. Это — должность. Государство состоитъ изъ ряда соподчиненныхъ и подчиненныхъ должностей. Должности суть величины постоянныя, замѣщающіе ихъ чиновники — переменныя.

Всякое высшее государственное развитіе выражается въ возрастающемъ дѣленіи первоначально единыхъ должностей. Рядомъ съ начальникомъ во время мира выступаетъ начальникъ военный; древнѣйшіе короли являются вмѣстѣ съ тѣмъ судьями, жрецами и полководцами. Въ Римѣ со времени учрежденія республики пожизненное, выбираемое или назначаемое жречество отдѣляется отъ избираемой ежегодно коллегіальной магистратуры. Преторъ, консулъ, цензоръ въ первое время республики еще одно и тоже лицо; только въ квесторѣ имѣетъ онъ помощника, который позднѣе изъ вспомогательнаго судебного чиновника вырастаетъ въ главу финансоваго управленія. Далѣе отдѣляется консулъ, какъ глава управленія, отъ претора, какъ судья. Для производства ценза, надзора за нравами и новыми общественными постройками отвѣтвляется цензура. Подобнымъ-же образомъ происходитъ и дальнѣйшее разчлененіе отдѣльныхъ областей управленія. Нѣмецкій графъ, французскій баронъ, марковый фохтъ являются заразъ судьями, администраторами и офицерами. Рѣшающимъ для всего дальнѣйшаго развитія состояній является тотъ путь, по которому духовныя

должности отдѣляются отъ свѣтскихъ, государственныя отъ общинныхъ (мѣстныхъ), военныя отъ гражданскихъ, судебныя отъ административныхъ, главныя отъ вспомогательныхъ, кассовыя отъ контрольных, а отъ этихъ послѣднихъ должности писцовъ и исполнителей. Гееренъ сообщаетъ, что въ персидскомъ государственномъ устройствѣ существовало уже заботливое отдѣленіе военныхъ должностей отъ гражданскихъ. Дройзенъ говоритъ объ управленіи Птолемеевъ, что въ эту эпоху военныя, гражданскія, судебныя и финансовыя должности были совершенно отдѣлены другъ отъ друга. Въ Римской имперіи раздѣленіе между важнѣйшими военными и гражданскими карьерами начинается главнымъ образомъ со времени принципата, но вполнѣ проводится только благодаря реформамъ Діоклетіана. Въ средневѣковомъ городскомъ устройствѣ положеніе городского совѣта рядомъ съ коллегіей шеффеновъ означало отдѣленіе администраціи отъ суда. *Curia regis* во Франціи и Англіи рано распадается на государственный совѣтъ, высшія счетныя и финансовыя палаты и верховный судъ. Палаты (камеры) германскихъ князей только въ 16 и 17 столѣтіяхъ распадаются на казначейскія палаты (*Rentkammern*), палатные суды (*Kammergericht*'ы) и тайные совѣты. Должностное устройство нашихъ современныхъ государствъ представляетъ собою результатъ процесса отдѣленія однихъ должностей отъ другихъ и должностного раздѣленія труда, выработывавшихся въ теченіе столѣтій, даже тысячелѣтій, если мы примемъ во вниманіе древнѣйшіе прообразы, оказавшіе вліяніе на это развитіе. Каждое руководство по государственному праву указываетъ намъ на сложную іерархію государственныхъ, провинціальныхъ, окружныхъ и общинныхъ должностей. Чѣмъ большее число

чиновниковъ въ какомъ нибудь учрежденіи, главнымъ образомъ въ центральныхъ пунктахъ, стоитъ подъ начальствомъ одного начальника и собрано въ одномъ зданіи, тѣмъ дальше среди нихъ проведено раздѣленіе труда въ дѣловыхъ занятіяхъ. Въ канцеляріи французскаго канцлера работали въ 16—17 столѣтіи, рядомъ съ другими многочисленными чиновниками, 300 секретарей. Бранденбургскій канцлеръ Дистельмейеръ установилъ въ 1562 г. восемь самостоятельныхъ отдѣленій своей канцеляріи. О современномъ раздѣленіи труда въ должностной организаціи можно составить себѣ представленіе, если я упомяну, что въ прусскихъ штатахъ 1875 г. (не считая имперскихъ и общинныхъ, а также и сверхштатныхъ чиновниковъ) означено было 10.885 высшихъ, 25.357 среднихъ и 39.226 низшихъ чиновниковъ, въ совокупности 75.468 чиновниковъ. Между ними существуютъ большія группы, занятые одинаковой дѣятельностью: 3.000 судей низшей инстанціи, 485 ландратовъ, окружныхъ и мѣстныхъ управителей, 678 высшихъ лѣсничихъ, 3.308 лѣсничихъ, 3.548 таможенныхъ и податныхъ надзирателей, 1.278 дорожныхъ смотрителей. Многія сотни и тысячи изъ этихъ 75.468 должностей раздѣляются, затѣмъ, смотря по тому, носятъ ли они одно и то же названіе, или заняты одной и той же дѣятельностью, сообщая ей единство. Чиновники высшіе, не распределенные по отдѣльнымъ министерствамъ, распадаются одни на 70—80 категорій, не считая тѣхъ, которые, кромѣ своихъ должностей, занимаютъ еще и другія должности.

Что касается состава лицъ, замѣщающихъ должности, то главное мѣсто въ этомъ отношеніи для древнѣйшаго времени принадлежитъ родовому дворянству; избраніе и наслѣдственность являются главными сред-

ствами замѣщенія должностей. Тамъ, гдѣ мы встрѣчаемъ королевство рядомъ съ совѣтомъ начальниковъ и народнымъ собраніемъ, существуетъ уже смѣшанное государственное устройство, препятствующее администраціи выходить изъ границъ своей власти. Гдѣ изъ начальничества образуется деспотія или наслѣдственное, аристократически-кастовое правленіе, тамъ быстро развиваются злоупотребленія должностной властью. Деревенскіе короли монополизировали торговлю для себя, пользовались отправленіемъ правосудія какъ источникомъ обогащенія. Для всѣхъ примитивныхъ обществъ является характернымъ то, что только маленькіе наслѣдственные деспоты и начальническія фамиліи были и могли быть богаты, что должностная власть, грубое вымогательство и богатство всегда были явленіями, сопровождающими другъ друга.

Огромный прогрессъ по отношенію къ этимъ злоупотребленіямъ наступаетъ въ томъ случаѣ, когда члены аристократическихъ семей получаютъ должности на основаніи избранія и только на короткій промежутокъ времени, по истеченіи котораго ихъ замѣстители подлежатъ отвѣтственности, какъ это имѣло мѣсто въ римскомъ государствѣ. На этой высшей нравственной точкѣ зрѣнія замѣщенія должностей предполагается, что они отправляются богатой аристократіей не иначе, какъ безвозмездно. Благодаря этому возможными становятся политическія услуги и образованіе большихъ государствъ. Избираемые нѣмецкіе городскіе совѣты стоятъ по отношенію къ древнѣйшимъ наслѣдственнымъ феодальнымъ должностямъ князей на сходной почвѣ. Такимъ-же образомъ и въ послѣдующее время встрѣчаются въ различныхъ мѣстахъ, особенно въ общинномъ управленіи, должности, замѣщаемыя безденежно

по избранію или назначенію на короткій срокъ отъ одного до шести лѣтъ, которыя воспитываютъ у владѣющихъ классовъ политическій смыслъ и политическія добродѣтели, облагораживая внутренно богатство черезъ почетную службу. Но основать все государственное управленіе на этомъ принципѣ во всякомъ большомъ государствѣ и на продолжительное время оказывается невозможнымъ. Выборная система въ Греціи и Римѣ извращается благодаря подкупамъ; тотъ-же результатъ имѣетъ она въ настоящее время въ Соединенныхъ Штатахъ. И замѣщаемыя на одинъ годъ бесплатныя должности оказываются не соответствующими труднымъ государственнымъ задачамъ, осуществленіе которыхъ требуетъ продолжительнаго числа лѣтъ, особенно въ томъ случаѣ, когда замѣщающіе ихъ лица, потративъ большія суммы на подкупы, стараются вернуть затраченное при исполненіи принятыхъ на себя обязанностей. Примѣры такихъ злоупотребленій представляетъ римская республика. Въ Англіи существуетъ только 60—70 высшихъ, такъ-называемыхъ парламентскихъ должностей, сохраняемыхъ за собою дворянскими группами и отнимаемыхъ при смѣнѣ министерствъ; но они оплачиваются, замѣщаются монархомъ изъ лицъ, принадлежащихъ къ партіи, взявшей въ свои руки управленіе государствомъ въ данный моментъ, и на срокъ господства этой партіи. Система является возможной только потому, что подъ главенствомъ этихъ перемѣняющихся чиновниковъ заботятся о ходѣ государственныхъ дѣлъ постоянные, пожизненные и оплачиваемые спеціальныя чины внутренняго управленія и совершенно независимые, корпоративно-организованные судьи, а о дѣлахъ мѣстнаго управленія — неоплачиваемые, пожизненные и назна-

чаемые почетные должностныя лица мѣстнаго управленія.

Какіе-бы элементы аристократическаго, бесплатнаго отправленія должностей ни могли быть сохранены, дальнѣйшій великій прогрессъ государственной жизни связывается вообще только съ образованіемъ воспитаннаго согласно съ требованіями профессіи, денежно-оплачиваемаго и болѣе или менѣе специализированнаго по началамъ раздѣленія труда чиновничества, посвящающаго себя вполнѣ и на всю жизнь отправленію государственной службы. Созданіе годнаго для этой цѣли и честнаго чиновничества такого рода было всегда одной изъ труднѣйшихъ задачъ государственнаго искусства и соціальнаго развитія общественныхъ классовъ.

Въ Римѣ принципатъ только благодаря усиліямъ, прилагавшимся въ теченіе столѣтій, разрѣшилъ задачу замѣщенія однолѣтнихъ магистратуръ, находившихся въ рукахъ сенаторскихъ семей и оказывавшихся все менѣе и менѣе годными къ исполненію государственныхъ обязанностей, путемъ: 1) созданія оплачиваемаго высшаго чиновничества всадниковъ, которые, послѣ того какъ они были реорганизованы Августомъ въ сословіе богатыхъ личныхъ дворянъ, получали послѣдовательнымъ образомъ должности сперва офицеровъ, а потомъ и высшія гражданскія; 2) созданія оплачиваемаго деньгами сословія юристовъ, которое, будучи пополняемо изъ всадниковъ и высшихъ разрядовъ вольно-отпущенниковъ, только въ періодъ времени отъ 2 до 4-го столѣтія вполнѣ отдѣляется отъ офицерской карьеры,—и 3) необычайнаго расширенія придворнаго императорскаго хозяйства съ рабами и вольно-отпущенными, на которыхъ можно было положиться благодаря ихъ безусловной зависимости. Въ высшихъ

государственныхъ положенiяхъ мы встрѣчаемъ рабовъ, которые сопровождаютъ въ своихъ путешествiяхъ дюжиной слугъ.

По всей вѣроятности, великiй государственный аппаратъ всѣхъ древнѣйшихъ античныхъ имперiй опирался на такое несвободное низшее королевское чиновничество. Римская республика также создавала свое низшее чиновничество (*apparitores, scribae*) частью изъ рабовъ, частью изъ свободныхъ низшаго разряда, которые, однако, скоро организовались корпоративно, сдѣлали свои должности пожизненными, даже продажными и наследственными. Только реформа Діоклетiана привела, рядомъ съ преобразованiемъ порядка занятiя высшихъ должностей, къ созданiю сословія низшаго чиновничества на широкихъ основахъ „съ разчлененiемъ его на многочисленныя ранги, съ опредѣленнымъ, по большей части основаннымъ на старшинствѣ порядкомъ движенiя по службѣ, съ опредѣленнымъ образомъ установленнымъ числомъ штатныхъ мѣстъ (*statuti*), къ которымъ присоединялись многочисленные *supernumerarii*“ (Гиршфельдъ).

Въ организации государственной службы въ средневѣковыхъ государствахъ античныя традиціи смѣшиваются съ представленiями юныхъ народовъ, только-что сдѣлавшихся осѣдлыми и лишенныхъ еще денежнаго хозяйства. Всѣ высшія должности здѣсь надѣляются земельными владѣніями, а поэтому дѣлаются наследственными и вещными; всѣ низшія должности замѣщаются лицами, принадлежащими къ членамъ домоваго хозяйства, и несвободными; для исполненiя письменныхъ работъ привлекаютъ духовныхъ лицъ, которыя благодаря своей связи съ церковью стремятся закрѣпить свою независимость, но по временамъ служатъ также и важнѣйшей опорой

королевству, какъ это имѣетъ мѣсто особенно въ германскомъ государственномъ строѣ 900 — 1300 гг. Несвободные домовые слуги и дружинники возвышаются послѣдовательно согласно важности ихъ должностей, благодаря взаимной связи и ленной системѣ (т. е. надѣленію землей), до государственныхъ чиновниковъ въ собственномъ смыслѣ слова. Съ побѣдой денежнаго хозяйства князья стремятся ввести, вмѣсто наслѣдственныхъ назначаемихъ на срокъ, зависимыхъ и вознаграждаемыхъ натурой или деньгами чиновниковъ; на мѣсто духовныхъ выступаютъ свѣтскіе писцы, изъ которыхъ образуется новое состояніе низшаго чиновничества, во многихъ случаяхъ не отличающагося строго отъ высшаго чиновничества. Въ различныхъ мѣстахъ мы встрѣчаемъ продажу и отдачу въ агенду должностей, а также и корпоративную замкнутость нѣкоторыхъ чиновничьихъ кружковъ. Последнее имѣло мѣсто, напримѣръ, у англійскихъ судей и французскихъ судебныхъ писцовъ. Продажа должностей — тотъ путь, идя по которому зажиточное городское населеніе Франціи 15—18 ст. послѣдовательно отняло у стараго дворянства всѣ должности до придворныхъ и военныхъ и создало сословіе новаго городского служебнаго дворянства, конечно, не безъ цѣлаго ряда темныхъ сторонъ. Главнѣйшіе пункты новѣйшаго развитія могутъ быть объединены слѣдующимъ образомъ. Королевское назначеніе на всѣ должности, но строгая связанность князей выборомъ кандидатовъ для нихъ только изъ опредѣленныхъ состояній и еще болѣе личными, точно урегулированными условіями, среди которыхъ важнѣйшими являются: предварительное образованіе, существованіе извѣстныхъ испытаній и предварительное прохожденіе нѣкоторыхъ должностей

раньше назначенія на данную должность; несмѣняемость судей и многочисленныхъ другихъ чиновниковъ; по общему правилу пожизненное занятіе должностей съ повышающимся содержаніемъ и правомъ на пенсію. Высшіе и низшіе чиновники распадаются на большое число группъ, которыя имѣютъ видъ особыхъ состояній, смотря по опредѣленному жизненному положенію, предварительному образованію и предшествующей службѣ, пополняются изъ однихъ и тѣхъ-же семействъ, но отнюдь не противопоставляются ни по отношенію къ королевству, ни по отношенію къ родовому и служилому дворянству, ни къ остальному народу по своей внутренней или виѣшней организаціи въ качествѣ самостоятельнаго экономическаго или социальнаго класса; въ большей или меньшей степени они образуютъ, вообще говоря, дѣйствительный стеновой хребетъ государственной жизни. Въ отдѣльныхъ государствахъ высшее чиновничество получаетъ свою окраску, смотря по тому, приближается ли оно по своему составу болѣе къ поземельному дворянству, или среднимъ слоямъ общества, учителямъ, духовнымъ, писцамъ и низшимъ чиновникамъ.

Въ болѣе детальное изслѣдованіе современной организаціи государственной службы мы не войдемъ.

VI. Отдѣленіе другихъ родовъ хозяйственной дѣятельности отъ земледѣлія и раздѣленіе труда въ сельскомъ хозяйствѣ.

Раздѣленіе труда въ семьѣ можно назвать естественнымъ; — раздѣленіе между руководящей дѣятельностью и исполнительнымъ трудомъ — социальнымъ; — образо-

ваніе жреческаго и военнаго сословій, чиновничества и либеральныхъ профессій—политическимъ и духовнымъ раздѣленіемъ труда. Весь остальной процессъ раздѣленія труда противопоставляется названному его видамъ, какъ специально-хозяйственный, такъ какъ главной заботой народнаго хозяйства является прежде всего раздѣленіе труда между земледѣіемъ, промышленностью и торговлей и установленіе пониманія ихъ взаимодействія и связи.

Политическое и духовное раздѣленіе труда захватываетъ только меньшее число семействъ и жителей данной страны; народно-хозяйственное раздѣленіе народа на большія группы земледѣльцевъ, промышленниковъ и лицъ, занятыхъ торговлей и службой при послѣдней, обнимаетъ собою огромное большинство гражданъ. Воины и жрецы, врачи и чиновники могутъ появиться и въ дѣйствительности появляются, по крайней мѣрѣ на начальныхъ ступеняхъ развитія, не преобразовывая въ корнѣ древнѣйшаго земельного хозяйства осѣдлаго народа; отдѣленіе-же земледѣлія и промысла, торговли и производства захватываетъ семейное хозяйство въ его основномъ, внутреннемъ ядрѣ, все болѣе освобождая техническое производство, торговый оборотный промыселъ, какъ нѣчто самостоятельное, отъ семейнаго хозяйства и предоставляя этому послѣднему лишь руководство потребленіемъ. Дѣленія перваго рода касаются, поэтому, домашняго хозяйства меньше, потому что при нихъ идетъ дѣло только о специализированной дѣятельности главы семейства или опредѣленныхъ членовъ семьи, которая не имѣетъ, совсѣмъ или преобладающимъ образомъ, хозяйственной природы, и которая лишь косвенно оказываетъ на него вліяніе, поскольку сопровождается полученіемъ

емъ какого нибудь вознагражденія. Но раздѣленіе труда, о которомъ мы хотимъ вести рѣчь теперь, все характеризуется какъ такое, которое имѣетъ специфически хозяйственную природу, создавая экономическія профессіи. Его исходные пункты лежатъ по большей части въ особенномъ хозяйствѣ дома или въ зачаткахъ мѣнового оборота со стороны послѣдняго; въ особенности въ большихъ домашнихъ хозяйствахъ съ многочисленнымъ персоналомъ развиваются разные виды специализированной хозяйственной дѣятельности, отдѣляющіеся въ концѣ-концовъ какъ самостоятельныя отрасли хозяйственной организаци и приходящіе затѣмъ къ дальнѣйшимъ дѣленіямъ и развѣтвленіямъ.

Если мы, поэтому, хотимъ попытаться описать народно-хозяйственное раздѣленіе труда въ его цѣломъ объемѣ, то мы должны взять за исходный пунктъ домашнее хозяйство и, такъ какъ это послѣднее принадлежитъ къ извѣстной эпохѣ экономической исторіи, — его форму у перешедшихъ къ осѣлости примитивныхъ земледѣльческихъ народовъ. У нихъ прежде всего мы встрѣчаемъ полный круговоротъ хозяйственной жизни внутри домашняго и земледѣльческаго хозяйства. Всѣ предметы питанія, одѣянія и утвари въ своихъ главныхъ составныхъ частяхъ суть продукты собственнаго хозяйства. Только медленно начинаютъ проникать въ него въ видѣ отдѣльныхъ рѣдкостей утварь, оружіе, приправы, позднѣе одежда, комнатное убранство и т. п. вещи со внѣ. Мы достаточно ознакомились съ этимъ явленіемъ уже при описаніи раздѣленія труда въ семьѣ и говорили о причинахъ, которыя мало по малу приводятъ къ измѣненіямъ въ строѣ этого хозяйства; мало по малу рядомъ со старыми универсаль-

ными домашними и земледѣльческими хозяйствами появляются семейныя хозяйства, самостоятельныя предприятия и другія хозяйственныя организаціи, которыя покупаютъ предметы пропитанія и поставляютъ предметы промысла. Возрастающая плотность населенія, образованіе денежнаго хозяйства и формъ оборота являются важнѣйшими общими условіями прогресса народно-хозяйственнаго раздѣленія труда.

Въ отдѣльности всякій шагъ его есть преобразованіе существующаго семейнаго и экономическаго состоянія, предполагаетъ иные нравы, иную группировку лицъ, по большей части другія отношенія осѣдлости и мѣстопробыванія и имѣетъ, слѣдовательно, свои возрастающія, обыкновенно благодаря увеличенію населенія, трудности. Внутри дома также должно кое-что измѣниться, какъ и въ его отношеніяхъ во внѣ. Техническая и иная дѣятельность въ домѣ и потребности, удовлетворяющіяся при помощи этой дѣятельности, должны возрастать въ теченіе долгаго времени, прежде чѣмъ можетъ послѣдовать раздѣленіе: путемъ долгаго процесса должна сдѣлаться сложнѣе техника приготовления кожи и обуви, прежде чѣмъ сапожникъ можетъ поселиться и начать жить въ деревнѣ рядомъ съ крестьяниномъ. Въ существующихъ организаціяхъ, въ нравахъ и правѣ распредѣленія земельной собственности, поселеній, промышленности и самой семейной жизни должна существовать нѣкоторая подвижность и возможность преобразованія, иначе формы останутся тѣми-же самими, ими-же возросшее населеніе будетъ втиснуто въ старыя формы и, благодаря вынужденному безбрачію, получится старый ходъ хозяйственной жизни. Страны съ совершенно несвободной крупной земельной собственностью или съ неподвижной системой дворовъ

могутъ существовать въ теченіе столѣтій безъ существеннаго прогресса въ раздѣленіи труда. Въ среднія вѣка было по большей части необходимо, чтобы образованіе рынка и города пробило брешь въ связанной системѣ существующей хозяйственной организаціи, для того чтобы промыслы и торговля могли получить отдѣльное отъ земледѣлія существованіе. Такъ какъ свобода земли, переселенія и промысла даетъ дорогу всякому видоизмѣненію, а увеличеніе населенія вызываетъ и облегчаетъ его, — благодаря этому и указанное отдѣленіе происходитъ быстрее. Оно наступаетъ въ этомъ случаѣ не только потому, что въ немъ народилась потребность благодаря техникѣ и организаціи оборота, но и потому, что населеніе переросло существующія средства пропитанія, что землевладѣніе чрезмерно раздроблено и многочисленныя бѣдныя семьи должны стараться обезпечить себѣ существованіе какой-бы то ни было цѣной.

Разсматриваемое исторически, окончательное отдѣленіе особыхъ отраслей промышленности отъ земледѣлія, совершалось гораздо ранѣе въ городахъ, чѣмъ въ деревняхъ, и много ранѣе у низшихъ, чѣмъ у высшихъ классовъ общества. Мы указывали уже при обсужденіи семейнаго хозяйства на то, что древнее домашнее хозяйство высшихъ слоевъ общества въ наиболѣе развитыхъ частяхъ Греціи и Рима обнимало по большей части и земледѣліе, и промыслы, и торговлю, и спекуляціи, а также часто горное дѣло и отдачу земель въ аренду и другія подобныя отрасли. Тоже самое мы замѣчаемъ въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ и даже до нашихъ дней. Въ діалогѣ Л. Б. Альбертиса о домоводствѣ, относящемся къ 16-му столѣтію, управленіе земельными имуществами и промыш-

ленными дѣлами разсматривается какъ одно нераздѣльное цѣлое; по Альбертису хозяйственный идеалъ всякаго городского аристократа состоитъ въ томъ, чтобы не покупать ни ржи, ни вина, ни масла. И въ новѣйшее время еще Дитцель указывалъ на то, что 1½ милліона половниковъ Италіи являются въ дѣйствительности посланными въ села слугами городскихъ знатныхъ фамилій, желающихъ удержать въ своихъ рукахъ производство необходимыхъ жизненныхъ продуктовъ.

Во всѣхъ средне-европейскихъ городахъ до 18 столѣтія почти каждый изъ состоятельныхъ гражданъ держитъ скотъ, имѣетъ свое поле, садъ и виноградники. Средневѣковые пивовары всѣхъ ниже-нѣмецкихъ городовъ суть городскіе владѣльцы пахатныхъ земель, занимающіеся вмѣстѣ съ тѣмъ торговлей и судоходствомъ. Въ какой степени значительная часть нашихъ теперешнихъ ремесленниковъ и кустарей и до настоящаго времени представляютъ собою въ одно и то-же время и земледѣльцевъ, и промышленниковъ, мы покажемъ ниже въ численномъ выраженіи. Изъ городовъ это старинное смѣшеніе исчезло; въ деревняхъ-же оно продолжается и теперь существовать, принимая постоянно новыя формы. Законодательство раньше не благосклонно относилось къ такому смѣшенію занятій, потому что оно видѣло въ немъ препятствіе для самостоятельнаго и сильнаго развитія главныхъ отдѣльныхъ отраслей промышленности и мѣноваго оборота. Запрещеніе заниматься торговлею и промыслами въ селахъ должно было поднять городскую промышленность и сельское земледѣліе. Затрудненія дробленія земельныхъ владѣній въ томъ ихъ видѣ, въ какомъ они существуютъ въ саксонскомъ королевствѣ, побуждали излишнее населеніе къ болѣе энергическому промыш-

ленному развитію. Несомнѣнно, что для опредѣленныхъ ступеней экономическаго развитія это отдѣленіе земледѣлія отъ промысла ведетъ къ усовершенствованію техническихъ и торговыхъ процессовъ земледѣльца съ одной стороны и промышленника съ другой. Во многихъ маленькихъ земледѣльческихъ городкахъ еще и теперь полуземледѣльцы и полуремесленники влечатъ жалкое существованіе; у нихъ и то и другое занятіе поставлены одинаково плохо. Но отсюда еще нельзя сдѣлать общаго вывода. Владѣльцы гостинницъ, пивовары, мельники въ равнинахъ вмѣстѣ съ тѣмъ и состоятельные крестьяне. Прядильное искусство, тканье, валянье, обработка дерева и металловъ были въ теченіе тысячелѣтій совершенно соотвѣтствующимъ побочнымъ занятіемъ для бѣдныхъ крестьянъ, особенно въ гористыхъ мѣстностяхъ. Вполнѣ соотвѣтствуетъ отношеніямъ также и то, что бѣдные жители деревень въ лѣсныхъ мѣстностяхъ половину своего времени отдаютъ выработкѣ древесныхъ издѣлій, занимаются извознымъ и иными подобными промыслами. Если въ послѣднія столѣтія, благодаря росту народонаселенія и незначительности земельныхъ участковъ, это соединеніе обрабатывается вновь, то въ этомъ нельзя еще видѣть безусловно чего нибудь нездороваго; многіе изъ этихъ промысловъ не могутъ удержаться, потому что промышленный побочный продуктъ такихъ рабочихъ вытѣсняется машиннымъ производствомъ, а не потому, чтобы такая комбинація была нецѣлесообразной сама по себѣ. Точно также пасторъ и школьный учитель, лѣсничій и фабричный рабочій въ настоящее время часто вновь берутся за кирку и лопату въ предмѣстьѣ, въ селѣ, въ сельскомъ уединеніи, даже если они въ городѣ отвыкли отъ этой работы уже въ теченіе дол-

гаго времени. И для отдѣльныхъ дворовыхъ крестьянъ Швеціи и Норвегіи представляется само собою понятнымъ, что они должны имѣть понятіе о разнаго рода ремеслахъ, какъ для всѣхъ жителей равнинъ умѣнье печь хлѣбъ и бить животныхъ, прясть и ткать, мыть бѣлье и готовить платье столько-же естественно, сколько и экономно, и даже необходимо съ хозяйственной точки зрѣнія. Совершенно естественно также и то, что всякое семейное хозяйство охотно удерживаетъ въ своихъ рукахъ производство необходимыхъ жизненныхъ средствъ. Пропитаніе стоитъ во всякомъ хозяйствѣ на первомъ планѣ; его простѣйшій и болѣе надежный видъ— собственное производство. Только высшая ступень мѣнового хозяйства и долгое господство денежнаго могутъ заставить владѣльца перейти къ покупкѣ всѣхъ жизненныхъ продуктовъ; для болѣе-же бѣднаго, особенно если онъ имѣетъ свободное время, еще представляется вопросомъ, не дешевле-ли ему заниматься самому приготовленіемъ хлѣба, картофеля, овощей и мяса, чѣмъ выкармливать свиней въ видѣ промысла. Собственное производство необходимыхъ жизненныхъ средствъ даетъ независимость и обезпеченность, какъ никакая другая хозяйственная дѣятельность. Даже тамъ, гдѣ высшее развитіе оборота заставляетъ земледѣльца прежде всего производить для рынка, нельзя отрицать выгоды собственного производства всего необходимаго для собственного дома. Можетъ быть принято и для новѣйшаго времени, что средній земледѣлецъ у насъ потребляетъ самъ отъ трети до половины продуктовъ собственного производства.

Также медленно, какъ и отдѣленіе отдѣльныхъ отраслей промышленности отъ земледѣлія,—также медлен-

но совершается раздѣленіе труда внутри отраслей самого первоначальнаго производства, поскольку оно не дано съ самаго начала естественными условіями. На рѣкахъ, моряхъ и берегахъ находили себѣ пропитаніе иными способами, чѣмъ внутри страны; жители богатыхъ травою низменностей дольше оставались при единственномъ или преобладающемъ занятіи — скотоводствѣ; въ гористыхъ и другихъ лѣсистыхъ мѣстностяхъ сѣяли хлѣба гораздо меньше, и посвящали себя гораздо больше занятію охотой, пчеловодствомъ, скотоводствомъ, чѣмъ на равнинахъ. Эти различія съ древнѣйшаго времени налагали свой опредѣленный и характерный отпечатокъ на домашнее и земледѣльческое хозяйство различныхъ странъ. И тамъ, гдѣ благодаря кастамъ закалились первоначальныя противоположности расъ и нравовъ, какъ въ Индіи, — тамъ до сихъ поръ удерживается рѣзкое различіе между представителями различныхъ видовъ труда: охотникъ здѣсь не пастухъ, пастухъ не земледѣлецъ. Но это исключеніе. По большей части мы встрѣчаемъ лишь то, что естественныя и историческія различія здѣсь посѣвъ риса, тамъ зерновыхъ хлѣбовъ, здѣсь винодѣліе, тамъ выращиваніе овощей и шелководство, здѣсь овцеводство, тамъ коневодство, — выступаютъ на первый планъ передъ другими отраслями. Независимо отъ этихъ различій мы можемъ утверждать, и прежде всего для нашихъ европейскихъ отношеній, что домашнее хозяйство и земледѣліе стремились, насколько было возможно, занять универсальное положеніе среди другихъ отраслей сельскаго хозяйства, удерживая это стремленіе и до сихъ поръ, какъ и ту точку зрѣнія, что лучше всего производить собственнымъ трудомъ все необходимое для удовлетворенія

наиболѣе настоятельныхъ потребностей. Содержать всякаго рода скотъ, насаждаютъ виноградъ тамъ, гдѣ онъ не можетъ произрастать, приготавливаютъ пиво изъ собственнаго ячменя, сажаютъ все роды плодовъ и овощей. Горное дѣло въ тѣхъ странахъ, гдѣ не образовалось особеннаго, жалуемаго государствомъ права на отысканіе и разработку находящихся въ нѣдрахъ земли сокровищъ, — и теперь еще частью составляетъ побочное занятіе поземельныхъ собственниковъ, — въ то время какъ въ Германіи со времени среднихъ вѣковъ оно, несомнѣнно, дѣлалось особой отраслью промышленности. Лѣсоводство въ качествѣ особой и самостоятельной отрасли хозяйства возникло лишь въ послѣднія столѣтія и медленнымъ путемъ въ рукахъ государства, общинъ и большихъ корпорацій, въ то время какъ въ теченіе долгаго времени пользование лѣсомъ, какъ мѣстомъ пастбищъ, охоты и добыванія древесныхъ продуктовъ, составляло необходимую составную часть всякаго земледѣльческаго хозяйства. Соединеніе скотоводства съ земледѣліемъ — старинное наслѣдство индогерманскихъ и семитическихъ народовъ; имъ обусловливается выступленіе ихъ на дорогу прогресса предпочтительно передъ другими народами; благодаря технической связи между обработываніемъ полей, трудомъ при помощи упряжныхъ животныхъ и унаваживаніемъ, это соединеніе является нерасторжимымъ для всѣхъ обычныхъ отраслей земледѣльческаго хозяйства нашего климата. Но точно такимъ же образомъ скованы между собою и большая часть остальныхъ отраслей сельскаго хозяйства, напр. посадка различнаго рода культурныхъ растений благодаря законамъ статики, т. е. опасности исчерпать производительныя силы почвы въ томъ случаѣ, если-

бы пожелали на всемъ имуществѣ постоянно сажать одинъ и тотъ-же видъ зерноваго хлѣба. Плодопере-мѣнная система и разнообразіе въ родахъ производства необходимы, поэтому, также и тамъ, гдѣ строй почвы или условія сбыта вызываютъ главнымъ образомъ на посѣвъ пшеницы или другихъ торговыхъ растений. Новѣйшій техническій прогрессъ также связалъ тѣснѣйшимъ образомъ съ различными отраслями сельскаго хозяйства рядъ въ высшей степени развитыхъ производствъ, каковы сахарное производство, винокурение, а частью также и пивоварение, и это потому, что различнаго рода побочные техническіе продукты, какъ напр. барда, могутъ служить предметомъ пользованія только въ случаѣ моментальнаго употребленія ихъ на кормъ скоту; точно также и нѣкоторые сырые продукты, какъ напр. свекловица, могутъ быть выращиваемы лучше всего тѣмъ, кто ихъ затѣмъ перерабатываетъ въ сахаръ. Фабриканты свекловичнаго сахара становятся носителями специально сельско-хозяйственнаго прогресса—очевидное отрицаніе прогрессирующаго раздѣленія труда.

Хотя столь умѣренный прогрессъ раздѣленія труда между его отдѣльными отраслями зависитъ частью отъ естественно-техническихъ причинъ, однако главнѣйшая изъ нихъ состоитъ въ традиціонномъ пристрастіи земледѣльца къ собственному хозяйству, въ трудности организовать правильнымъ образомъ сбытъ земледѣльческихъ продуктовъ, въ недостаточной приспособленности земледѣльцевъ—крестьянъ къ отношеніямъ цѣны, объема и сбыта. Поэтому, тамъ гдѣ земледѣлецъ становится предпринимателемъ, какими являются германскіе арендаторы государственныхъ имуществъ, крупные земледѣльцы вообще, а затѣмъ англійскіе арендаторы, или

гдѣ онъ представляетъ собою гораздо болѣе расчетливаго спекулянта, чѣмъ преданнаго земледѣлю чело-
вѣка, какими являются, напр., американскіе фермеры,
— тамъ отношенія измѣняются также и относительно
раздѣленія труда. Здѣсь, смотря по состоянію почвы,
условіямъ сбыта и другимъ соображеніямъ, специали-
зируются отдѣльныя отрасли сельскаго хозяйства: по-
сѣвъ зерновыхъ хлѣбовъ, скотоводство, выкормка скота,
разведеніе племенныхъ породъ, овцеводство для добы-
ванія шерсти или мяса, торговыхъ растений и т. п.
Различія въ размѣрѣ поверхности земельного облада-
нія и эксплуатаціи точно также все болѣе и болѣе
приводятъ къ специализаціи; мелкій землевладѣлецъ
сѣетъ теперь хмель, табакъ и сажаетъ овощи; крупный
сталъ скотоводомъ и производителемъ зерновыхъ хлѣ-
бовъ; одинъ сѣетъ то, для произростанія чего доста-
точно приложеніе усерднаго труда членовъ семьи,
другой желаетъ сберечь трудъ, примѣняя капиталъ и
машины. И внутри отдѣльныхъ отраслей современное
раціональное сельское хозяйство, по крайней мѣрѣ
въ большей степени, чѣмъ раньше, стремится при-
мѣнить систему раздѣленія труда; среди рабочихъ соз-
даются также специалисты—овчары, специалисты-коню-
хи и т. д. Въ большихъ специализированныхъ хозяй-
ствахъ мы встрѣчаемъ теперь также инспекторовъ,
машинистовъ, бухгалтеровъ и нѣкоторыхъ другихъ
подобнаго рода лицъ. Но большинство сельскохозяй-
ственныхъ работъ связаны съ опредѣленными днями
и временами года; они не могутъ быть отправляемы
постоянно, не требуютъ непременно однихъ и тѣхъ же
силъ. Кто утромъ и вечеромъ доитъ коровъ, кто па-
шетъ весною, собираетъ лѣтомъ жатву, долженъ въ
другое время дѣлать что нибудь иное. Для всѣхъ

сельско и лѣсохозяйственныхъ отраслей промышленности требуется трудное искусство такимъ образомъ распредѣлять различнаго рода трудъ между одними и тѣми же лицами, чтобы даже во время самой усиленной лѣтней работы употреблять немного больше силъ, чѣмъ зимою.

Въ общемъ раздѣленіе труда въ земледѣліи никогда не можетъ играть такой роли, какъ въ промышленности. Сельскій хозяинъ, мелкій какъ и крупный, остается гораздо болѣе, чѣмъ промышленникъ, домашнимъ хозяиномъ; сельскохозяйственное предпріятіе не отдѣляется вполнѣ отъ семейнаго хозяйства, подобно современному промышленному предпріятію. Земледѣлецъ никогда не можетъ быть такимъ спекулянтомъ, никогда не можетъ быть захваченъ въ такой степени денежнымъ и кредитнымъ хозяйствомъ, какъ промышленникъ и купецъ. Являясь, поэтому, съ хозяйственной и соціальной, психологической и этической точки зрѣнія въ теченіе столѣтій антиподомъ всѣхъ другихъ видовъ профессій, онъ останется таковымъ въ извѣстной мѣрѣ и въ будущемъ.

— Будучи связанъ почвой, природой и погодой столько же, сколько зависитъ отъ искусства и техники, сельскій хозяинъ не обладаетъ столь большою вѣрой въ нововведеніе и прогрессъ, какъ промышленникъ. Онъ также и не столь бережливъ и прилеженъ; онъ легко пріобрѣтаетъ привычки; крупный землевладѣлецъ скорѣе становится расточителемъ, чѣмъ крупный фабрикантъ или купецъ. Но за-то сельскій хозяинъ хранитъ болѣе уваженія къ нравамъ, является болѣе здоровымъ и лучшимъ солдатомъ, болѣе вѣрнымъ и стойкимъ патріотомъ. Семейная и государственная жизнь не имѣютъ лучшаго фундамента, чѣмъ испытанное состоя-

ніе среднихъ земледѣльцевъ-собственниковъ, рядомъ съ которыми съ одной стороны стоитъ поземельная аристократія, съ другой большинство лицъ, занимающихъ мелкія должности и ведущихъ хозяйство на отдѣльныхъ участкахъ ремесленниковъ, рабочихъ и поденщиковъ. Даже высшее развитіе основаннаго на систематическомъ проведеніи раздѣленія труда хозяйства до сихъ поръ хорошо мирилось съ такимъ идеаломъ земледѣльской организаціи.

Но это здоровое и цвѣтущее аграрное состояніе было создано и стало возможнымъ лишь благодаря раздѣленію труда въ промышленности и торговлѣ, такъ какъ никакая чисто земледѣльская страна не можетъ дѣлать легкаго экономическаго прогресса; характеристическія черты такихъ странъ — застой и лѣнивая тупость. Къ нимъ присоединяются по большей части социальныя неурядицы, развитіе латифундіальнаго хозяйства и земледѣльческаго пролетаріата.

VII. Раздѣленіе труда въ области промышленности. — Мы обратимъ вниманіе прежде всего на происхожденіе особыхъ классовъ промышленниковъ и разчлененіе послѣднихъ по различнымъ профессіямъ и мастерствамъ, а затѣмъ на раздѣленіе труда въ одномъ и томъ-же промыслѣ.

При начавшемся разграниченіи особыхъ промысловъ мы встрѣчаемся съ историческимъ фактомъ, о которомъ мы упоминали, когда описывали раздѣленіе труда въ области земледѣлія, а именно съ тѣмъ, что члены одного и того-же первобытнаго племени, будучи схожи по большей части въ отношеніи тѣлеснаго, духовнаго

и технико-хозяйственного образованія, въ привычкахъ и образѣ жизни, обращаются къ различнымъ занятіямъ, благодаря различію природныхъ и расовыхъ условій отдѣльныхъ племенъ или частей ихъ. Прирѣчные и береговые жители обращаются по преимуществу къ рыболовству и мореходству; жители богатыхъ низменностей раньше и легче, чѣмъ другіе, становятся земледѣльцами, а живущіе на возвышенностяхъ — скотоводами; гдѣ встрѣчается кремень, тамъ начинаютъ обрабатывать его какъ для себя, такъ и другихъ племенъ; гдѣ легче всего добывается металлъ, тамъ раньше всего возникаютъ металлургическія работы. Ле-Норманъ выставилъ теорію, что туранскія расы (финны, чудь, тюрки, татары, монголы и пр.), на Аральскомъ озерѣ и въ долинахъ Урала прежде всего начали заниматься кузнечнымъ мастерствомъ и горнымъ дѣломъ, а отъ нихъ эти промыслы перешли и къ другимъ расамъ. Такое различное направленіе дѣятельности отдѣльныхъ племенъ и расъ продолжалось втеченіе многихъ столѣтій и позднѣе, вмѣстѣ съ образованіемъ осѣлости и съ разбѣганіемъ отдѣльныхъ племенъ и расъ, сдѣлалось главнымъ основаніемъ профессиональнаго раздѣленія труда. Кузнецы у многихъ теперешнихъ африканскихъ племенъ точно также, какъ это имѣло мѣсто у евреевъ во времена царя Саула, суть потомки другихъ расъ; тотъ фактъ, что они являются часто вмѣстѣ съ тѣмъ знахарями и врачами, указываетъ также на ихъ происхожденіе отъ описанныхъ нами раньше племенъ, практиковавшихъ эти профессіи. Почти всѣ встрѣчающіеся въ Абиссиніи ремесленники — иноплеменники: каменщики и ткачи — маврійскіе арабы, оружейники и серебрянники — греки и копты; въ Индіи и теперь еще многія кастовыя раз-

личія, которыя являются промышленно-профессіональными различіями, совпадаютъ съ различіями племенными и расовыми. Во всѣхъ странахъ со смѣшаннымъ населеніемъ лица, происходящія изъ однихъ и тѣхъ-же племенъ, постоянно обращаются къ однимъ и тѣмъ-же профессіямъ; такъ напр рыбаками въ восточной Германіи втеченіе многихъ столѣтій являются славяне.

Было-бы, конечно, ошибочно сводить всякое промышленное и вообще всякое раздѣленіе труда къ расовымъ противоположностямъ. Подобно профессіямъ знахарей, жрецовъ, начальниковъ и воиновъ и зачатки особыхъ промышленныхъ профессій встрѣчаются прежде всего среди племенъ наиболѣе одаренныхъ. Прослѣдить исторически эти зачатки представляется, однако, дѣломъ труднымъ. Только немногіе дошедшіе до насъ памятники языка, сравнительное языковѣдѣніе и сравнительное наблюденіе низшихъ и стоящихъ на болѣе высокой ступени развитія культурныхъ народовъ даютъ намъ нѣкоторыя данныя для того, чтобы судить о времени и процессѣ созданія этихъ профессій. Оно относится къ эпохѣ установленія окончательной осѣдлости племенъ до возникновенія искусства письма; классы знахарей и жрецовъ по большей части существуютъ уже въ то время, когда еще не существуетъ развитія особыхъ видовъ ремесленниковъ. Какъ мы уже замѣчали выше, семейное хозяйство и техника земледѣлія, обработка дерева и металловъ существуютъ втеченіе долгаго времени, прежде чѣмъ образуются особыя профессіи лицъ, специально ихъ практикующихъ. У современныхъ чистыхъ негритянскихъ племенъ, занимающихся земледѣліемъ, обработка желѣза и отдѣльные виды охоты являются единственными исключительными профессіями, отдѣлившимися отъ остальныхъ, благодаря

раздѣленію труда. Гончарное дѣло, искусство плетенія и ткачество составляютъ еще здѣсь занятіе членовъ каждой семьи. У чисто пастушескихъ племенъ мы не встрѣчаемъ зачатковъ какого-бы то ни было промышленнаго раздѣленія труда, какъ вообще у тѣхъ племенъ, у которыхъ почти всѣ хозяйственныя работы возложены еще на женщинъ. Если въ Африкѣ у феллаховъ, въ Іолѣ и у абиссинцевъ существуютъ уже отдѣльные виды ремесленниковъ, то это объясняется высшей культурой и расовымъ смѣшеніемъ этихъ народовъ.

Въ древнѣйшихъ частяхъ индійскихъ Ведъ (около 900 лѣтъ до Р. Х.). Циммеръ находитъ, собственно говоря, только два класса ремесленниковъ: хотя каждый человѣкъ по ихъ свидѣтельству былъ самъ въ состояніи изготовить себѣ деревянную повозку, однако существовали уже люди, которые создали изъ этого занятія особыя профессіи, работая за деньги для другихъ; но они вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаютъ все то, что дѣлаютъ теперь раздѣльно плотникъ, каретникъ, столяръ и дровосѣкъ. Рядомъ съ ними стоялъ кузнецъ, растапливавшій съ помощью мѣховъ на огнѣ желѣзную руду и приготовлявшій изъ нее наконечники стрѣлъ, котлы и другую домашнюю посуду и утварь. На основаніи древнѣйшихъ иранскихъ и персидскихъ источниковъ (Авеста) Шпигель приходитъ къ заключенію, что у этихъ народовъ только лица, занимавшіеся обработкой металловъ, являются въ качествѣ особыхъ ремесленниковъ.

По описанію Вейнгольда промышленность сѣверогерманцевъ въ эпоху отъ 6-го до 12-го столѣтія по Р. Х. является неразвитой: каждый самъ приготовляетъ себѣ платье и обувь, металлическія и деревянные

издѣлія, прежде всего втеченіе зимняго времени. На корабль викинговъ стоитъ наковальня, предназначенная для общаго употребленія; по баварскому народному праву кузнечныя орудія составляютъ общинную собственность. Отдѣльныя лица, бѣднѣйшія, живутъ болѣе, чѣмъ остальные члены ихъ племени, охотой и звѣроловствомъ, другіе добываніемъ угля и соли, но всѣ они вмѣстѣ съ тѣмъ и земледѣльцы. Среди слугъ короля на первомъ мѣстѣ стоятъ стольникъ, золотыхъ дѣлъ мастеръ и штурманъ.

Гомеровскія пѣсни, сложившіяся въ эпоху 1100—700 до Р. Х. у іонійцевъ, вытѣсненныхъ дорянами въ малую Азію, принадлежатъ къ героическому времени, которому предшествовало продолжавшееся много столѣтій финикійское господство въ Аргосѣ и другихъ пунктахъ, но и они знаютъ только немного классовъ ремесленниковъ и совсѣмъ не знаютъ особаго туземнаго класса купцовъ: маленькіе царьки сами строятъ себѣ дома и изготовляютъ кровати, хотя и допускаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ свои государства чужихъ ремесленниковъ. Текнонь занимается обработкой дерева во всѣхъ видахъ: онъ и плотникъ, и строитель кораблей, и столяръ, и каретникъ, и токарь, и рѣзчикъ; обрабатывая по преимуществу дерево, онъ занимается также выдѣлкой вещей изъ рога, слоновой кости и камня. Халкевсъ, съ финикійскимъ именемъ, растапливаетъ руду, обрабатываетъ металлы, выдѣлываетъ оружіе, утварь и предметы украшенія всякаго рода. Скутотомы не только кожевники, такъ какъ выдѣлкой кожъ занимается всякій крестьянинъ—они занимаются также выдѣлкой кожаныхъ мѣховъ, ремней, поясовъ, шлемовъ и т. п. предметовъ. Гончарное искусство уже является особой профессіей; все остальное состав-

ляетъ предметъ домашнихъ работъ, или побочное занятіе, и хотя рядомъ съ упомянутыми профессіями, подобно ремесленникамъ, причисляются къ общему классу деіурговъ: прорицатели, врачи и герольды, однако они являются гораздо болѣе личными слугами, чѣмъ лицами опредѣленныхъ профессій. Особое искусство въ выработкѣ дерева и металловъ доставляетъ громкую извѣстность лицамъ, ею занимающимся, какъ у туземныхъ князей и знатныхъ лицъ, такъ и чужихъ; подобно этому въ нѣмецкихъ сагахъ и исторіяхъ королевскія сыновья и начальники племенъ до 12 и 13 столѣтія посвящаютъ свободное время занятію кузнечнымъ ремесломъ. Только у грековъ, германцевъ и другихъ народовъ, послѣ того какъ у нихъ образуется особое сословіе ремесленниковъ, стоящее ниже дворянства, создается представленіе, что знатный человѣкъ не долженъ заниматься болѣе такими техническими работами, которыми теперь обыкновенно занимаются особые ремесленники за плату, а должны посвящать свое время военнымъ походамъ, отправленію духовныхъ службъ, увеселительной охотѣ и праздности.

У южныхъ и западныхъ германцевъ, какъ наслѣдниковъ древней культуры, раздѣленіе труда обнаруживается рѣзче и раньше, чѣмъ у сѣверныхъ германцевъ. Послѣ переселенія народовъ мы встрѣчаемъ въ народныхъ правахъ въ качествѣ несвободныхъ рабочихъ желѣзныхъ, золотыхъ и серебрянныхъ дѣлъ мастеровъ, поваровъ, булочниковъ, плотниковъ, сапожниковъ вмѣстѣ съ лицами, которымъ порученъ высшій надзоръ за пастухами, сенешалами и маршалами. Въ монастырѣ С.-Галена насчитываютъ 720 ремеселъ бондарей, столяровъ, цырюльниковъ, сапожниковъ, шорниковъ, точильщиковъ мечей, шлифовальщиковъ, ши-

тодѣловъ, токарей, кожевниковъ, золотыхъ дѣлъ масте-
ровъ, кузнецовъ, валяльщиковъ. Итальянскіе каменщики
съ Комскаго озера долгое время занимаются производ-
ствомъ всѣхъ каменныхъ работъ; отсюда названіе
этихъ работъ *opus italicum* въ противоположность
обработкѣ дерева, которое носитъ названіе *opus*
scoticum, такъ какъ этимъ работамъ германцы научи-
лись отъ шотландскихъ монаховъ. Карлъ Великій
собираетъ около себя ремесленниковъ всякаго рода,
оказывая такимъ образомъ промышленное вліяніе на
нѣмцевъ; жители южныхъ странъ распространяютъ
его потомъ, начиная съ 12—13 вѣка, на сѣверъ и
востокъ и ускоряютъ здѣсь процессъ ремесленного раз-
дѣленія труда на цѣлыя столѣтія. Всякая новая волна
высшей техники и культуры распространяется быстрее
и становится глубже по своему вліянію.

Соціальное положеніе ремесленниковъ и значеніе въ
ихъ жизни ремесленного труда въ начальную эпоху
этого профессиональнаго раздѣленія труда, — эпоху, у нѣ-
которыхъ народовъ продолжающуюся цѣлыя столѣтія
и тысячелѣтія, — представляются очень различными.

1. Знатные князья и начальники, выдающіеся жрецы
и монахи вмѣстѣ со славой, которую приносятъ имъ
занятіе техническими работами, не пренебрегаютъ и
выгодами, съ нею связанными, но они не живутъ ис-
ключительно этими работами.

2. Подобно рабамъ и
крѣпостнымъ, отправляющимъ барщину, — въ домаш-
нихъ хозяйствахъ большихъ господъ многочисленные
ремесленники, на первыхъ порахъ обыкновенно приз-
ванные изъ болѣе культурныхъ земель, работаютъ на
хозяйскомъ иждивеніи, или получая вмѣсто содержанія
опредѣленные земельные надѣлы, съ обязательствомъ
доставлять ежегодно то или иное количество продук-

товъ желѣзнаго, деревяннаго, ткацкаго, гончарнаго производства. Въ древности рабы, представляющіе уже изъ себя специализированныхъ рабочихъ, составляютъ значительную часть ремесленниковъ. Они живутъ частью въ домѣ господина, а частью самостоятельно, выдавая господину опредѣленную часть своего заработка. Въ средніе вѣка несвободные работники при господскихъ дворахъ объединяются позднѣе въ союзы, а наконецъ достигаютъ и положенія свободныхъ горожанъ.

3. Тамъ, гдѣ ремесломъ начинаютъ жить свободные люди, они являются общинными чиновниками, какъ часть демиурговъ въ гомеровское время, а въ Индіи вплоть до настоящаго времени нѣкоторые деревенскіе ремесленники; они по большей части стремятся сдѣлать заработную плату подспорьемъ къ домашнему хозяйству и жить продажей своихъ продуктовъ. Ихъ социальное положеніе обусловливается составомъ ихъ имущественнаго обладанія и традиціоннымъ классовымъ строемъ, а затѣмъ корпоративной организаціей и ея воздѣйствіемъ на общій составъ социальнаго тѣла. Они могутъ быть глубоко принижены въ социальномъ порядкѣ, какъ это мы видимъ въ Римѣ и Греціи, или, выбившись изъ него, достигнуть солиднаго положенія и уваженія въ качествѣ средняго сословія, какъ въ средневѣковыхъ городскихъ организаціяхъ. По отношенію къ высшимъ классамъ они всегда поставлены невыгодно въ томъ отношеніи, что къ такого рода занятіямъ обращается по преимуществу большинство лишенныхъ имущества, невладѣющихъ членовъ общества. Кто обладаетъ домомъ и дворомъ, полемъ и скотомъ, тотъ становится охотно купцомъ, мореходомъ, пивоваромъ, суконщикомъ, но не легко плотникомъ, столяромъ, сапожникомъ, кузнецомъ. — Эти за-

ключенія приводятъ насъ къ слѣдующей эпохѣ, — эпохѣ развитія ремесленного класса.

Болѣе широкое развитіе ремесла предполагаетъ, какъ мы можемъ наблюдать это въ Египтѣ уже съ 2000 г. до Р. Х., въ Индіи въ 700—300 гг. до Р. Х., въ Греціи съ 6 ст., въ Римѣ въ позднѣйшее время республики, въ Германіи съ XIII ст., — рынки и города, упорядоченныя мѣры и вѣсы, денежный обмѣнъ и нѣкоторый прогрессъ въ земледѣліи и торговлѣ. Почти вездѣ встрѣчаются одни и тѣже главные виды ремесленниковъ: пекари, кузнецы, золотыхъ дѣлъ мастера, плотники, каретники, скорняки, кожевники, сапожники, сѣдельщики и шорники, столяры, гончары, каменьщики, красильщики, валяльщики, мѣдники, а вскорѣ также и маляры, литейщики, мясники и ткачи. При царѣ Нумѣ въ Римѣ существуетъ уже 8 видовъ ремеслъ; почти вездѣ затѣмъ съ образованіемъ городской культуры мы встрѣчаемъ отъ 10 до 20 видовъ ремеслъ, которые остаются наиболѣе распространенными въ теченіе столѣтій. Въ 13—15 ст. существуетъ только немного городовъ, имѣющихъ болѣе 10—20 признанныхъ ремесленныхъ союзовъ (въ Базелѣ 15, въ Страсбургѣ 20, въ Магдсбургѣ 12, Данцигѣ 16, Лейпцигѣ и Кельнѣ 26, Франкфуртѣ на Майнѣ въ 1355 г. — 14, въ 1387 г. — 20, въ 1500 г. — 28, въ 1614 г. — 40; въ 1564 г. — 41; въ Вѣнѣ въ 1288 г. — 50, въ 1463 г. — 66; въ Любекѣ въ 1474 — 50; въ Брюгге въ 1368 — 59, въ 1562 — 72). Нѣкоторые изъ этихъ союзовъ включаютъ въ себя, конечно, различнаго рода ремесленниковъ. А если считать отдѣльно также и промышленныя профессіи, которыя имѣютъ только отдѣльныхъ представителей въ городѣ, не обладающихъ правомъ составленія союзовъ, включая сюда всѣ виды личнаго про-

мысла, какъ напр. цирюльниковъ, музыкантовъ, тан-
цоровъ, носильщиковъ, мѣрщиковъ и т. п., то въ
теченіе 200 — 500 лѣтъ по образованіи раздѣленія
труда въ городахъ, количество профессій, стремящихся
къ обособленію, можно уже считать сотнями. Въ этомъ
убѣждаетъ насъ состояніе промышленности въ позд-
нѣйшія эпохи исторіи Египта и Греціи, какъ и Рима
въ императорское время. Въ Θεодосіевомъ кодексѣ
количество однихъ только привилегированныхъ ре-
меслъ, которые въ 337 г. по Р. Х. были освобож-
дены *sardidis muneribus*, доходило до 35. Для Вѣны
1463 г. Фель указываетъ около ста, для Франкфурта
1387 г. Бюхеръ—148, въ 1440 г.—191, около 1500 г.
до 300 видовъ; для Роштока Паше—180 видовъ по
преимуществу промышленныхъ профессій. По Герингу
въ Базелѣ (14—15 стол.) въ одномъ только шафран-
номъ цехѣ существовало до 100 различныхъ профессій.
Въ эпоху возрожденія, въ 17 и 18 столѣтіи эти числа
еще болѣе возвышаются. Братрингъ насчитываетъ для
бранденбургскихъ городовъ 1801 г. 467 различныхъ
профессій, изъ которыхъ почти $\frac{3}{4}$ —профессіи ре-
месленныя, для Китая число отраслей промышлен-
ности, по сообщенію свѣдущихъ лицъ, доходитъ въ
новое время до 350. Краллингеръ утверждаетъ, что
въ маленькомъ баварскомъ городѣ Ландсбергѣ въ 1643 г.
было 42, въ 1702 г.—60, въ 1792 г.—70, въ 1883 г.—
100 видовъ ремесленниковъ. Число цеховыхъ ремеслъ
въ отдѣльныхъ нѣмецкихъ городахъ и земляхъ въ
18 ст. колеблется между 25 и 80—100, а рядомъ съ
ними существовала большее число нецеховыхъ, имѣ-
ющихъ конечно гораздо менѣе представителей. Для
Парижа 1760 г. Савари насчитываетъ 120 обособлен-
ныхъ промышленныхъ корпорацій.

Чтобы понять яснѣе значеніе этихъ цифръ, нужно прибавить не много. Толченіе и помолъ хлѣба, какъ и его печеніе въ Римѣ гораздо дольше, чѣмъ въ Аѳинахъ, остается дѣломъ домашняго хозяйства. Хлѣбопекъ и мельникъ (частью также и поваръ) соединяются въ древности въ одномъ лицѣ. *Pistores* появляются въ Римѣ только во 2-мъ столѣтіи передъ Р. Х. Отдѣленіе помола хлѣба отъ его выпеканія произошло, кажется, только въ VI столѣтіи, благодаря появленію вѣтряныхъ мельницъ. Печенье пироговъ и паштетовъ знали одинаково Александрія, Римъ и эпоха возрожденія; но домашніе пекари отдѣляются отъ пекарей-торговцевъ только съ XIV столѣтія. Въ Индіи и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ — живодерный и кожевенный промыселъ не отдѣлены другъ отъ друга и до сихъ поръ. Греческій скутотомъ, римскій суторъ и нѣмецкій кожевникъ на первыхъ порахъ одинъ и тотъ-же человекъ, который производитъ всѣ кожевенныя работы; выдѣлка же кожъ составляетъ побочное занятіе какъ въ его собственномъ, такъ и въ другихъ домашнихъ хозяйствахъ. Сапожникъ и кожевникъ раздѣляются, конечно, уже очень рано, но для своихъ собственныхъ потребностей сапожники приготавливаютъ кожу сами до XV, частью до XVIII столѣтія. Ихъ преобладающее число въ средневѣковыхъ городахъ, сравнительно съ современностью, объясняется тѣмъ, что они долгое время производили всѣ другіе кожевенныя работы рядомъ съ шитьемъ сапоговъ. Конечно, въ Эрфуртѣ 1332 г. есть уже 5, въ Нюрнбергѣ въ 1363 г. — 6, въ Франкфуртѣ въ 1387 г. — 11 кожевенныхъ промысловъ, а именно, кромѣ кожевниковъ и сапожниковъ: сыромятчики, сумочники, кошелечники, мѣшечники, сѣдельщики, перчаточники, изготовители

кузнечныхъ мѣховъ, башмачники и т. д.; Блюмнеръ называетъ 14 видовъ кожевенныхъ ремеслъ. Кузнецъ древняго міра есть прежде всего плавильщикъ мѣди и изготовитель сырого матеріала, какъ это имѣетъ мѣсто теперь въ Индіи и у другихъ полукультурныхъ народовъ. Позднѣе заготовка матеріала отдѣляется отъ его обработки, а затѣмъ скоро специализируются отдѣльные мастера по приготовленію оружія, шлемовъ, латъ, щитовъ, мечей, ножей, серповъ, топоровъ, гвоздей, игловокъ; такимъ образомъ уже для древняго міра Блюмнеръ насчитываетъ отъ 16 до 18 различныхъ видовъ кузнечнаго ремесла. Въ Германіи уже въ 1200—1300 г. ножовщики представляютъ собою особое ремесло, грубые кузнецы отдѣляются отъ производителей болѣе мелкихъ работъ, или слесарей, уже въ 1400 г.; 6—10 видовъ желѣзныхъ дѣлъ мастеровъ встрѣчаются даже въ маленькихъ городахъ, въ Нюрнбергѣ-же и Франкфуртѣ около 1400 г. ихъ насчитывается уже 18—20. Съ 1400 по 1800 г. къ нимъ присоединяются еще: проволочники, оружейники, ружейники, жестянники, инструментчики, часовщики и нѣкоторые другіе. Штеттенъ описываетъ послѣдовательное развитіе раздѣленія труда въ Аугсбургѣ слѣдующимъ образомъ: старѣйшіе ножовщики записаны въ городскихъ книгахъ съ 1301 года, шлемовщики съ 1347 г., въ 1360 встрѣчаемъ поясниковъ, кольцевщиковъ, пилющиковъ, котельщиковъ, плющильщиковъ, латниковъ, мѣдниковъ, въ 1390 мѣдниковъ-кузнецовъ, въ 1460 гвоздарей, листобоевъ, шпорныхъ мастеровъ, наковальщиковъ, производителей драгоцѣнностей, а затѣмъ, наконецъ, точильщиковъ, распилющиковъ, чехольщиковъ, оружейныхъ мастеровъ; мастера мечей, клинковъ и ножей принадлежатъ въ 16 столѣтіи къ

наиболѣе сильнымъ аугсбургскимъ ремесленникамъ. Въ 1801 г. я насчитываю въ бренденбургскихъ городахъ около 20 желѣзныхъ дѣлъ мастеровъ и 41 занимавшихся обработкой другихъ металловъ. Въ шталь-кальтской мелкой желѣзной промышленности въ 16 столѣтіи различали по производимымъ продуктамъ четыре вида ремесла, въ 18—четырнадцать видовъ кузнецовъ (К. Франкенштейнъ). Въ Солингенѣ мечековы, калильщики и точильщики, а также чистильщики мечей начинаютъ производить работу совмѣстно, обрабатывая предметъ одинъ послѣ другаго, съ 15 столѣтія (А. Thun). Въ XIX столѣтіи лучшія шпаги проходятъ здѣсь черезъ руки ковщика, клинодѣла, калильщика, точильщика, травильщика, позолотчика, дамаскирщика, ножевщика, рукоятщика, собиральщика, наконецъ лица, окончательно пускающаго ихъ въ оборотъ (Фибанъ).

Приготовленіе человѣческаго одѣянія гораздо позднѣе и медленнѣе, чѣмъ обработка металла, сдѣлалось предметомъ особенныхъ отраслей ремесленного производства. Въ суконномъ производствѣ особыя вальцальщики образовались раньше, чѣмъ ткачи; ткачи раньше, чѣмъ прядильщики. Въ шелковомъ производствѣ прядильное, сучильное и красильное ремесла сдѣлались отдѣльной отраслью раньше, чѣмъ ткацкое. Съ эпохи возрожденія развитіе болѣе утонченныхъ способовъ одѣянія и украшенія жилищъ быстро создаетъ значительное количество новыхъ ремеслъ; шляпники, вязальщики, ткани, ленточники, красильщики, позументщики, пуговичники, перчаточники, какъ и стекольщики, болѣе тонкіе столяры, точильщики, ткачи ковровъ, обойщики, оклейщики и т. п. ведутъ свое происхожденіе отъ этого времени. Въ то время какъ

въ Японіи и теперь изготовленіе бумаги составляетъ побочное занятіе крестьянъ,--у насъ уже съ 15 вѣка образуются особыя бумажныя фабрики и типографіи рядомъ съ другими отраслями полиграфическаго искусства: переплетчики, карандашники и т. д.

Неподвижная со времени раздѣла ремесленной промышленности въ Египтъ до XVIII столѣтія техника, снабженіе всѣхъ ремеслъ инструментами, приводимыми въ движеніе человѣческой рукой, преобладаніе ручной обработки во всѣхъ производствахъ—вотъ въ общемъ причины, обуславливающія собою все состояніе промышленнаго раздѣленія труда въ эту долгую культурную эпоху. Значительная часть его, поэтому, въ теченіе многихъ столѣтій почти у всѣхъ народовъ остается неизмѣнною, а поскольку въ немъ замѣчается прогрессъ, послѣдній совершается въ схожихъ формахъ устройства мастерскихъ, организациі соціальной жизни, способовъ платы за работу; классъ мелкихъ ремесленниковъ, которые сами являются также и техническими рабочими, и разчленяющихся по профессіямъ, повсюду составляетъ его результатъ. Дѣятельность нѣкоторыхъ изъ нихъ направляется больше на оказаніе личныхъ услугъ, какъ напр. дѣятельность парикмахеровъ и цирюльниковъ, другіе выступаютъ въ качествѣ вспомогательныхъ дѣателей домашняго хозяйства, какъ напр. домашніе мясники, раньше портные, валяльщики, строительные рабочіе; нѣкоторые ремесленники, какъ горшечники, кожевники, суконщики, съ древнѣйшихъ временъ работали въ запасъ; но всѣ они служили по преимуществу мѣстнымъ потребностямъ; тамъ же, гдѣ приходилось работать для сбыта въ болѣе отдаленныя мѣстности, организациія ремесла и раздѣленіе труда легко принимало нѣкоторыя другія, болѣе сложныя

формы. Но совместная деятельность многих мастерских, образующая одинъ техническій процессъ, какъ она выражается напр. въ раздѣленіи труда между мельникомъ и пекаремъ, кожевника и сапожника, была все еще исключеніемъ; гдѣ имѣеть мѣсто большее раздѣленіе труда, оно происходитъ но большей части такимъ образомъ, что изъ кузнецовъ, напр., одинъ дѣлаетъ только гвозди, другой замки, третій мечи, но не такъ, чтобы продуктъ постепенно для послѣдовательной обработки переходилъ изъ одной мастерской въ другую; всякая мастерская остается для всякаго ремесла цѣльной отъ первой до послѣдней манипуляціи. О французской шелковой промышленности первой половины XVIII стол. мы имѣемъ свѣдѣнія, что въ ней изготовлялось около 100 различнаго рода фабрикатовъ, и сообразно съ этимъ специализировались и обучались ткачи; но во всякой ткацкой мастерской исполнялись всѣ частичныя операціи приготовленія отъ начала и до конца. На этой специализаціи и твердой послѣдовательности обученія мастерству путемъ перехода отъ состоянія ученика къ подмастерью, отъ подмастерья къ мастеру, на обычномъ по большей части исключеніи другихъ рабочихъ силъ изъ твердо опредѣленныхъ и замкнутыхъ профессій — только жены мастеровъ, дѣти и слуги могли быть допускаемы къ исполненію отдѣльныхъ подчиненныхъ работъ — основывалась дѣеспособность ремесленника. Къ этому присоединяются социальныя и юридическія установленія: сожительство одинаковыхъ профессій въ однихъ и тѣхъ же улицахъ, годы странствованія, концентрація въ городахъ, товарищеская и корпоративная организація, запрещеніе принимать на извѣстное число подмастерьевъ больше 1—2 учениковъ — все это

важные моменты для того, чтобы развить въ фактически раздѣленныхъ промышленныхъ профессіяхъ чувство сословной чести, особый духъ, установившійся въ теченіе столѣтій, и, путемъ долгой наслѣдственности, характеръ.

По большей части только на высшей ступени хозяйственно-культурнаго періода, о которой мы говоримъ, или даже только въ концѣ его, мы встрѣчаемъ рядомъ съ городскими ремесленниками, работающими для большаго рынка, развитіе кустарнаго производства въ селахъ, горахъ, гдѣ возросшее населеніе не могло уже жить отъ земледѣлія, лѣсныхъ промысловъ и поденной работы. Это производство сосредоточивается на выработкѣ простѣйшихъ продуктовъ пряжи, ткачества, столярныхъ, гончарныхъ работъ, плетенія, обработки металла и т. д. и является лишь побочнымъ занятіемъ жителей, но въ то же время оно является и производствомъ, рассчитаннымъ для сбыта на сельскихъ рынкахъ. Наиболѣе древніе виды такого половиннаго раздѣленія труда мы встрѣчаемъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Азіи и Персіи; въ Европѣ оно встрѣчается на востокѣ, въ Венгріи, Сербіи, Россіи и болѣе всего распространено въ горныхъ мѣстностяхъ. По большей-же части оно произошло только въ послѣднія 100—150 лѣтъ, какъ напр. сильно распространены теперь въ центральныхъ мѣстностяхъ Россіи кустарные промыслы.

Когда этому профессиональному, разчлененному по маленькимъ мастерскимъ раздѣленію труда противопоставляютъ болѣе новое и новѣйшее, раздѣленіе труда XIX столѣтія, то указываютъ обыкновенно на то, что оно совершается гораздо болѣе внутри мануфактуръ и фабрикъ, чѣмъ въ отношеніи къ самимъ за-

нѣтіямъ и мастерскимъ въ ихъ займныхъ отношеніяхъ. Однако, это неправильно или по крайней мѣрѣ преувеличено. Дробленіе дальнѣйшихъ занятій и производствъ на всѣ дальнѣйшія специальности также сдѣлало огромные успѣхи, гораздо большіе, чѣмъ когда нибудь. Намъ можетъ убѣдить въ этомъ уже простое знакомство съ новѣйшими промышленными и профессиональными переписями, хотя древнѣйшія изъ нихъ, соединяя подъ одной рубрикой разнородныя свѣдѣнія, какъ кажется, не даютъ сильно отклоняющагося отъ описаннаго раньше образа. Такъ ремесленная таблица таможеннаго союза 1849 г. насчитываетъ 91, а 1861 г. 92 вида ремеслъ; фабричная таблица 1861 г. только 121 видъ фабрикъ, въ то время какъ парижская промышленная статистика 1847—48 г. различаетъ уже 325 отраслей ремеслъ. Только новѣйшія переписи даютъ намъ полное изображеніе существующаго теперь въ западной Европѣ раздѣленія труда по профессіямъ и промысламъ. Нѣмецкая промысловая перепись 1875 г. различаетъ въ 19 группахъ, 95 классахъ и 203 порядкахъ 1.500—1.600 промышленныхъ производствъ, а баварская публикація одна только присоединяетъ 398 видовъ промысловъ, которые не пришлось регистрировать въ данную классификацію. А если мы обратимъ вниманіе на систематическое перечисленіе видовъ промысловъ въ промысловой переписи, связанной съ нѣмецкой профессиональной переписью 1882 года, то мы увидимъ, что оно обнимаетъ 4.785 названий промысловъ (не считая торговли и сообщеній); изъ этой цифры, если желаютъ въ точности опредѣлить число видовъ промысловъ, слѣдуетъ исключить значительную часть; всякій промыселъ, который имѣетъ различныя названія, приводится здѣсь со всѣми

своими различными названіями, но все-таки свыше пятой части всего количества эти двойные названія промысловъ не составляютъ. Одна только обработка металловъ безъ горныхъ, прокатныхъ, стальныхъ, ковальныхъ заводовъ, безъ доменно-печевыхъ и молотовыхъ фабрикъ, но со включеніемъ машинной и инструментальной промышленности, раздѣляется на 1.248 видовъ промысловъ. Можетъ быть изъ этого числа придется исключить 100—200 производствъ по причинѣ двойныхъ названій, какъ напр. кузнецовъ, производящихъ ножи, и ножевыхъ фабрикантовъ, но даже и остатокъ количества, а еще болѣе отдѣльные производства, изъ которыхъ оно вырастаетъ, показываетъ, какое изумительное раздѣленіе труда существуетъ теперь между производствами. Обработка металлическихъ сплавовъ обнимаетъ 112, изготовленіе иглъ и проволоки 57, приготовленіе прядильныхъ и ткацкихъ машинъ 73, сборка машинъ 239, приготовленіе музыкальныхъ инструментовъ 53 специальныхъ видовъ занятій. При этомъ указанное раздѣленіе все-таки не такъ значительно, какъ могло-бы быть и уже совершается въ различныхъ мѣстахъ. Изготовленіе часовъ обнимаетъ 33 различныхъ промысла, въ то время какъ въ La Chaux de Fonds уже ранѣе насчитывалось 53, въ Англіи 102 специальности. Игрушечные товары изъ металловъ составляютъ только одинъ номеръ, въ то время какъ въ этой отрасли ремесла, которыя изготовляютъ различныхъ солдатиковъ, колясочки и т. д., могутъ быть подраздѣлены на рядъ отдѣльных видовъ.

Перечисленіе можетъ показать намъ, какъ далеко ушло впередъ раздѣленіе труда въ нашихъ старыхъ простыхъ промыслахъ: обыкновенные садовники рас-

пались на разводчиковъ розъ, камелій и двѣточныхъ луковицъ, овощей, сѣмянъ, владѣльцевъ питомниковъ, затѣмъ на разводителей бульваровъ и сельскихъ садовниковъ, на городскихъ продавцевъ и составителей букетовъ. Кожевенная и замшевая фабрикація распалась на 40—50 специальностей; переплетное и картонажные мастерства специализировались еще болѣе. Точно также и булочники, и мясники въ большихъ городахъ распались на цѣлый рядъ особыхъ промышленныхъ отраслей. Приготовление мясныхъ консервовъ, колбасъ, паштетовъ, бульенныхъ плитокъ, откармливаніе живности, соленіе и копченіе, топленіе жира сдѣлались особыми занятіями. Гартштейнъ такимъ образомъ описываетъ намъ занятія 4.000 лицъ, участвующихъ въ мясной торговлѣ Лондона: скототорговцы и импортеры мяса продаютъ черезъ комиссіонеровъ крупнымъ мясникамъ, которые разрубаятъ его почти на 1.000 бойняхъ на большія части (каждая еженедѣльно 80—100 крупнаго скота, 5—800 овецъ); эти послѣдніе продаютъ тремъ группамъ мелкихъ мясниковъ, мелочнымъ мяснымъ торговцамъ и поставщикамъ мяса, развозящимъ ихъ по большимъ учрежденіямъ, а также и отправляющимъ въ провинцію. Къ этому присоединяется еще рядъ специальныхъ торговыхъ занятій—для среднихъ и низшихъ классовъ: продавцы внутренностей, содержатели закусочныхъ лавокъ и т. д.

Съ XVI и XVII столѣтія развивается, (и прежде всего тамъ, гдѣ маленькія мастерскія, работающія для сбыта въ большія подъ руководствомъ лицъ, завѣдующихъ торговлей, т. наз. оптовыхъ тор-

говцевъ, гдѣ создается такъ-называемое домашнее производство), особый родъ раздѣленія труда, именно такой, который основывается на общемъ взаимодействіи многихъ мастерскихъ. Раньше суконщикъ занимался валяніемъ и окраской суконъ самъ; теперь рядомъ съ нимъ существуетъ специалистъ-валяльщикъ, красильщикъ и апиретурщикъ. Одинъ и тотъ-же кусокъ металла начинаетъ переходить въ опредѣленномъ порядкѣ изъ одной мастерской въ другую; то, что необходимо для производства одного экземпляра часовъ, проходитъ черезъ рядъ малыхъ мастерскихъ. Единство производства требуетъ теперь точнаго соответствія работы однѣхъ мастерскихъ съ другими. Различные регламенты, городской и государственный контроль вмѣстѣ, съ вліяніемъ руководящихъ сбытомъ продукта купцовъ, могутъ только съ большимъ трудомъ достигнуть того, чтобы различныя силы работали по одному и тому-же плану. Поэтому уже въ древности появляются въ видѣ одиночныхъ явленій мастерскія большаго размѣра; въ большемъ размѣрѣ они начинаютъ спорадически возникать въ эпоху Возрожденія въ Италіи, затѣмъ во Франціи, въ Нидерландахъ, — въ 18 столѣтіи въ иныхъ мѣстахъ; французскіе изгнанники перенесли ихъ и въ Германію. Въ то время какъ въ Китаѣ еще и теперь едва-ли найдется мастерская, выходящая по составу рабочихъ изъ предѣловъ обыкновенной семьи, — въ Западной Европѣ въ 18 и 19 столѣтіяхъ, все въ болѣе и болѣе возрастающемъ числѣ, появляются большія предпріятія, т.-наз. мануфактуры, отчасти носящія уже и названіе фабрикъ. Вмѣсто 2—3 начинаютъ соединять въ одномъ помѣщеніи 6—10 ткацкихъ станковъ, а также помѣщать ремесленниковъ и рабочихъ разнаго рода подъ одной кровлей и однимъ ру-

ководствомъ. Каретникъ, столяръ, обойщикъ, стекольщикъ, лакировщикъ и позолотчикъ, которые необходимы для постройки экипажей, будучи помѣщены совмѣстно, исполняютъ работу въ большемъ объемѣ и лучше, чѣмъ при раздѣльномъ производствѣ. Что было естественнѣе теперь, какъ не то, чтобы перестать обращать вниманіе при распредѣленіи работъ на семейную жизнь и воспитаніе учениковъ? Гдѣ 10—30 лицъ работаютъ совмѣстно для одной цѣли, тамъ ихъ классифицируютъ по возрасту, силѣ и способностямъ; теперь получается та выгода, что каждому не приходится уже исполнять всякую работу, какъ въ старыхъ мастерскихъ; въ ней находятъ затѣмъ доступъ дѣти, женщины и старики, какъ это уже отмѣчено было императоромъ Адрианомъ отн. фабрикъ Александріи, въ которыхъ, по его словамъ, были заняты даже слѣпые и подагрики.

Наступаетъ большее специализированіе мастерскихъ; стало возможно установленіе болѣе точныхъ и быстрыхъ отношеній между частичными операціями, а это было тѣмъ болѣе важно, чѣмъ меньше предметъ и объемъ частичной операціи. Такъ произошло раздѣленіе труда, которое иллюстрировали Адамъ Смитъ на производствѣ 18 операцій для приготовленія булавокъ, а Ж. Б. Сэ на 70 операціяхъ для приготовленія игральныхъ картъ, — раздѣленіе труда, значеніе котораго хвалители старой англійской фабричной системы, Бэббръ и Урѣ, видѣли въ томъ, что въ ней различныя способности соотвѣтствуютъ всякаго рода работамъ, и которое Карлъ Марксъ обозначалъ какъ раздѣленіе труда мануфактурнаго періода. Онъ съ правомъ обращаетъ особенное вниманіе на то, что до времени современныхъ моторовъ и фабричныхъ машинъ раз-

дѣленіе труда въ т.-наз. мануфактурахъ или большихъ мастерскихъ существенно отличается отъ позднѣйшаго на фабрикахъ съ паровыми и рабочими машинами, что болѣе широкое специализированіе орудій и индивидуализированіе работы, образованіе виртуозныхъ рабочихъ-специалистовъ, разчлененіе всѣхъ рабочихъ силъ на іерархію высоко-оплачиваемыхъ и обыкновенныхъ рабочихъ принадлежитъ прежде всего этой эпохѣ и этой technikѣ. Высшій пунктъ этого развитія можно отнести ко времени 1800—1850 годовъ.

Ясно, какую большую противоположность образуетъ это раздѣленіе труда по отношенію къ эпохѣ ремесль. Во главѣ предпріятій стоятъ теперь выдающіеся прежніе мастера, обученные техники и купцы; отъ нихъ въ социальномъ отношеніи отдѣляются болѣе или менѣе обыкновенные рабочіе; послѣдніе состоятъ изъ прежнихъ мастеровъ и подмастерій, но также и изъ не-образованныхъ рабочихъ, женщинъ, дѣтей и людей всякаго рода. Старое ученичество мастерскихъ удерживается только съ большимъ трудомъ, а частью и вовсе не существуетъ болѣе. Доступъ къ работѣ излишнихъ рабочихъ силъ всякаго рода въ городахъ и селахъ разсматривается въ 17—18 вв. какъ явленіе въ высшей степени желательное, а оппозиція ремесленниковъ, на-оборотъ, признается недопустимымъ эгоизмомъ. Теперь мы видимъ также и тѣневые стороны, которыя связаны съ социальнымъ приниженіемъ рабочаго класса. Но все-таки мѣсто старой іерархіи цеховаго устройства заняла теперь іерархія болѣе легкихъ и трудныхъ, болѣе грубыхъ и болѣе тонкихъ работъ. Лучшіе работники могутъ по мѣрѣ образованія таковыхъ получать заработную плату, вдвое и больше разъ превышающую плату обыкновеннаго

рабочаго. Въ Берлинѣ существуютъ ученые работники съ нѣсколькими тысячами марокъ дохода. Пивовары въ большихъ пивоварняхъ получаютъ до 20.000 марокъ и болѣе.

Но эта именно постепенность дѣятельностей и заработной платы, которая образуется вмѣстѣ съ укрѣпленіемъ раздѣленія труда въ мануфактурномъ періодѣ, въ настоящее время уже частью превзойдена, а частью устранена, благодаря распространенію машинъ, главнымъ образомъ рабочихъ машинъ. Марксъ, въ видѣ примѣра, приводитъ слѣдующее. При производствѣ конвертовъ одинъ рабочій складываетъ бумагу съ помощью сгибающей ножки, другой намазываетъ на нее клей, третій загибаетъ отвороты, на которыхъ печатаются девизы, четвертый накладываетъ девизы и т. д., и при всякой подобной частичной операціи конвертъ долженъ переходить изъ рукъ въ руки. Нѣкоторыя конвертные машины совершаютъ сразу всѣ эти операціи и выдѣлываютъ до 3.000 и болѣе конвертовъ въ часъ. Въ мануфактурѣ, говоритъ онъ, производство зависитъ отъ развитія мускуловъ, остроты взгляда, виртуозности руки работника, совершающаго ту или другую отдѣльную операцію,—на фабрикѣ въ машинахъ мы имѣемъ автоматическую систему, которая производитъ съ одинаковой степенью легкости, точности и быстроты, недостижимой ни для какой опытности руки самаго искуснаго рабочаго. Благодаря этому дѣятельность многихъ рабочихъ ограничивается простой подачей сырья на машины и на наблюденіе за машинами; простыя рабочія услуги вступаютъ на мѣсто ученой работы; машины во многихъ отрасляхъ сдѣлались важнѣе, чѣмъ искусство рабочихъ. Но не правда то, что искусство въ обработкѣ мелочей индивидуальнаго

работника вообще, какъ совершенно незначительная побочная величина сравнительно съ наукой, воплощающейся въ машинахъ, исчезло совершенно; не правда ли, что раздѣленіе труда вообще обратилось въ комбинацію рабочихъ машинъ. Даже тамъ, гдѣ рабочая машина побѣдила совершенно, остается раздѣленіе труда, а въ области всѣхъ остальныхъ выше стоящихъ видовъ дѣятельности—трудъ обученнаго работника. Какой объемъ имѣетъ теперь работа простого подавальщика и подкладывателя сырья по отношенію къ труду обученнаго и специализированнаго работника, можетъ показать намъ только статистическое изслѣдованіе въ подробностяхъ. Въ горномъ дѣлѣ, въ индустріи машинъ, металловъ, дерева, мебели, кожи, во всей области производства произведеній искусства и платья специализированное раздѣленіе труда преобладаетъ также и теперь; только относительно прядильнаго производства, части ткацкаго, бумажнаго, сахарнаго и нѣкоторыхъ другихъ подобнымъ имъ вѣтвей, справедливо, что въ нихъ работа необученнаго мастера преобладаетъ. А Вортманъ въ своей исторіи промышленности въ ст. Галленъ доказываетъ, что прямо благодаря новѣйшимъ успѣхамъ значительная часть этой простой подкладочной работы уже не нужна, и что качества и родъ продукта производства зависятъ не только отъ машинъ, но и отъ прилежанія и вниманія наблюдающаго за ними работника.

Коротко говоря, раздѣленіе труда сдѣлалось другимъ; дѣйствіе его, направленное на достиженіе высшаго искусства въ данной специальности въ отдѣльных случаяхъ исчезло, но въ общемъ оно еще больше выросло, по мѣрѣ того какъ дѣлались больше предпріятія, въ которыхъ оно существуетъ. Занятія съ

многими сотнями и тысячами рабочихъ могутъ развиваться только при томъ условіи, если они будутъ проводить все дальше и дальше раздѣленіе труда и согласованіе между собою отдѣльныхъ операций. Въ какой степени въ ткацкой индустріи раздѣленіе не только не уменьшается, а укрѣпляется, это можно видѣть изъ описанія Бенж. Готса фабрикъ для производства тонкого сукна, занимающаго одно изъ первыхъ мѣстъ въ Англіи. Въ нихъ существуетъ 34 различныхъ операций, изъ которыхъ всякая исполняется одной группой совместно дѣйствующихъ рабочихъ: 1—сортировка шерсти; 2—очищеніе ея целокомъ и горячей водой; 3—промываніе холодной водой; 4—просушка экстракторомъ и паромъ; 5—окраска въ шерсти; 6—12—ворсировка, щипаніе чесаніе и т. д.; 13 и 14 предварительное и тонкое пряденіе; 15—смазываніе, 16—набирание основы, 17—проклейка основы, 18—тканье на ручномъ и машинномъ станкѣ, затѣмъ слѣдуютъ: чистка, окраска кусковъ, стежка, прокатка, сушка, разстилка, стрижка, варка, чистка, прессованіе, пропариваніе, свертываніе. Въ сапожныхъ мастерскихъ, снабженныхъ машинами, Пие не различаетъ въ настоящее время 16 видовъ отдѣльныхъ рабочихъ: главный мастеръ, закройщикъ, колодочникъ, склейщикъ и утюжчикъ, точалыщца, каблучникъ, пришиватель подошвъ и другіе.

Соціальное разчлененіе, которое обусловливается всѣмъ этимъ новымъ раздѣленіемъ труда, какъ кажется, можно ввести на образованіе трехъ или лучше четырехъ ясно обособленныхъ группъ. Во главѣ стоятъ руководящія, капиталисты, коммерчески и технически высокообразованные аристократы дѣловой жизни; имъ принадлежатъ крупныя предпріятія; они господствуютъ

надъ ними, благодаря своему капиталу, своей интеллигентности, какъ и благодаря своей отважной готовности къ риску, своей энергической волѣ; это — классъ общества, который принимаетъ въ себя лучшія силы изъ обоихъ слѣдующихъ, ближе къ нему стоящихъ классовъ. Рядомъ съ нимъ стоитъ въ отношеніи оплачиваемыхъ чиновниковъ большое количество прикащиковъ, техниковъ, художниковъ, подмастерій, которые выходятъ частью изъ торговаго сословія, частью изъ либеральныхъ профессій, частью изъ лучшаго класса рабочихъ. Въмѣстѣ со средними предпринимателями они составляютъ социальный классъ высшаго средняго состоянія. Въ римской древности было большое число сирійскихъ, египетскихъ и греческихъ, вольно-отпущенныхъ, которые играли эту роль въ Италіи. Третье и четвертое мѣсто занимаютъ рабочіе въ собственномъ смыслѣ; высшій разрядъ ихъ, обученные и лучше оплачиваемые, включая сюда работающихъ самостоятельно у себя на дому мастеровъ, составляетъ изъ приемниковъ старыхъ ремесленниковъ, поскольку это сословіе исчезло. Въмѣстѣ съ существующими еще ремесленниками и мелкими крестьянскими собственниками они образуютъ низшую половину средняго состоянія. Не обученные, не специализировавшіеся по началамъ раздѣленія труда рабочіе и поденщики образуютъ самостоятельный социальный классъ, раньше состоявшій изъ рабовъ и крѣпостныхъ, а теперь свободный. Ихъ отношеніе, численное и всякаго иного рода, къ обученнымъ работникамъ, къ среднему классу и промышленной аристократіи является полюсомъ современнаго социальнаго развитія.

VIII. Раздѣленіе труда въ торговлѣ и торговыхъ сношеніяхъ. Даже въ торговыхъ государствахъ и городахъ раздѣленіе труда среди служащаго торговлѣ и торговымъ сношеніямъ персонала не достигаетъ того объема, который онъ имѣетъ въ области промышленности; въ первой оно и не можетъ никогда создать такого, какъ въ промышленности, раздѣленія занятій и отдѣльных операций внутри каждаго занятія. Тѣмъ не менѣе происхожденіе и развитіе раздѣленія труда, относящагося къ этой области, не менѣе важно для народнаго хозяйства. До нѣкоторой степени оно имѣетъ и большее значеніе, чѣмъ раздѣленіе труда въ области промышленности, такъ какъ торговля и сношенія играютъ роль организатора, а съ этимъ вмѣстѣ господина въ народномъ хозяйствѣ.

Исслѣдователи первобытной культуры показываютъ намъ, что во всѣ времена и у всѣхъ народовъ должны существовать нѣкоторые зачатки торговли. Въ періодъ сѣвернаго оленя и въ эпоху просверливанія камня рабочія орудія и предметы украшенія достигали на тысячи миль дальше тѣхъ мѣстъ, гдѣ они производились. Мы знаемъ слѣдующій обычай производства обмена у враждебныхъ другъ другу ордъ: они сходились на границахъ, одна изъ нихъ складывали здѣсь отдѣльные товары для обмена и затѣмъ удалялись, давая возможность другой положить рядомъ тѣ товары, которые она думала обмѣнять на предлагаемые; по удаленіи орды покупающей снова являлась продающая и брала положенные взаменъ ея собственныхъ товары противника — безсловесная, нѣмая торговля, которая до сихъ поръ еще встрѣчается на Ничерѣ и Фернандо По.

Большая часть народовъ и племенъ въ теченіе не-

обозримаго времени не имѣла особенныхъ торговцевъ, но только нѣкоторые торговые обычаи и торговыя учрежденія. Чѣмъ ниже стоитъ культура, тѣмъ однороднѣ хозяйственный жизненный обиходъ внутри одного и того-же племени. Здѣсь, поэтому, существуетъ спросъ лишь на случайную мѣну. Точно также незначителенъ обмѣнъ между племенами, стоящими на одинаково низкихъ ступеняхъ развитія. Но какъ скоро эти племена стали на различныя ступени, какъ скоро онѣ становятся обладателями различныхъ орудій труда, оружія и предметовъ украшенія, такъ между ними начинается обмѣнъ, распространяющій отдѣльныя предметы и товары по различнымъ частямъ свѣта и приводящій къ пограничнымъ сношеніямъ и устройству постоянныхъ и временныхъ ярмарокъ, а также разбойническимъ походамъ съ цѣлю пріобрѣтенія добычи и истребительнымъ войнамъ. Если мы будемъ помнить, что древнѣйшая торговля выросла прежде всего изъ взаимныхъ отношеній различныхъ племенъ, то мы поймемъ также и то, почему у древнѣйшихъ народовъ, намъ извѣстныхъ, а также и теперь еще у первобытныхъ племенъ, которыя получили свою торговлю не извнѣ, во главѣ торговаго оборота стоятъ главы племени и князья. Въ Микронезіи, напр., судоходство и торговый оборотъ составляетъ исключительное достояніе дворянства. Мелкіе негритянскіе князьки стараются всѣми силами монополизировать всю торговлю въ своихъ собственныхъ рукахъ. Подобнаго-же рода извѣстія мы имѣемъ относительно древнерусскихъ родовыхъ князей. Главное-же подтвержденіе высказываемой здѣсь мысли состоитъ въ томъ, что у древнѣйшаго спеціально-торговаго народа, финикянъ, торговыя предпріятія, какъ и общее руководство тор-

говыми сношеніями находилось въ рукахъ знатныхъ лицъ и королей. Торговля дѣлается предметомъ международныхъ отношеній отдѣльныхъ племенъ, она соединяетъ ихъ въ интересахъ сухопутныхъ и морскихъ походовъ и ставитъ вопросъ о принятіи чужеземныхъ гостей, подлежащій рѣшенію со стороны королей. Представленіе о томъ, что всякая торговля является занятіемъ чужестранцевъ, — происходитъ междуврагами, производящими обмѣнъ и прибѣгающими ко всякимъ обмачамъ и обмѣрамъ, — было долгое время распространено въ древности и отчасти сохранилось до сихъ поръ еще въ Индіи въ представленіи, что лавочникъ и купецъ не могутъ быть членами общинъ, въ которыхъ они торгуютъ, а терпимы только въ качествѣ чужестранцевъ (Мэнь). На тоже самое указываетъ и тотъ фактъ, что въ Эльзасѣ никто изъ мелкихъ еврейскихъ факторовъ, распредѣляющихъ между собою деревни, не живетъ въ той изъ нихъ, которая выпала ему на долю для отправленія своего промысла.

Внутри племенъ рядомъ съ междуплеменнымъ обмѣномъ, но гораздо медленнѣе развивается мѣстовой оборотъ, имѣющій предметомъ главнымъ образомъ, рабовъ, продажу женщинъ, и приводящій къ побѣдѣ композиціонной системы для борьбы съ преступленіями. Образуются постоянныя представленія о цѣнѣ главныхъ видовъ имущественнаго обладанія, а постояннымъ поводомъ къ обмѣну и обороту служатъ праздничныя и судебныя собранія, для которыхъ племя 2—3 раза въ году собирается въ полномъ составѣ на опредѣленномъ мѣстѣ. Такимъ образомъ возникаютъ періодическія ярмарки; онѣ существуютъ въ теченіе столѣтій, не вызывая необходимымъ образомъ образованія внутри племени класса спеціальныхъ торгов-

щевъ. Продавцами на ярмаркахъ являются главы племенъ, крупные земельные владѣльцы и господа ихъ чиновники, а главнымъ образомъ чужестранцы.

Почти всѣ первобытные народы съ большимъ трудомъ создаютъ у себя собственную торговлю; въ теченіе столѣтій сохраняется у нихъ совершенно особенное отвращеніе отъ торговой дѣятельности. Повидимому лишь отдѣльныя расы и племена были особенно одарены природой торговыми талантами или развили ихъ, благодаря особымъ условіямъ положенія ихъ страны и средствамъ пропитанія. Для развитія торговли необходимы: смѣтливый умъ, беззавѣтная отвага, уже сильно развитое чувство пріобрѣтенія, знакомство съ численнымъ счетомъ, склонность къ путешествіямъ и переселеніямъ. Шрадеръ въ своихъ сравнительно-лингвистическихъ изслѣдованіяхъ показалъ намъ, что всѣ слова индогерманскихъ языковъ, обозначающія торговлю, происходятъ изъ представленія странствованія, передвиженія. Подобнымъ же образомъ ближе всего племена, жившія на морскихъ берегахъ и промышленныя раньше рыболовствомъ, судоходствомъ и морскимъ разбоемъ, привлекаемыя благодаря близости острововъ различными благами, или кочующія племена, которыя дѣлаютъ большія путешествія съ своими стадами, научаются цѣнить, благодаря близости богатыхъ племенъ, блага культуры и развозятъ ихъ избытокъ по различнымъ племенамъ и народамъ. Торговля большого объема произошла вообще какъ одно изъ побочныхъ занятій мореплавателей и кочевниковъ.

Мы можемъ представлять себѣ дѣло такъ, что большая часть племенъ и народовъ земли научились вести торговые сношенія, благодаря иностранцамъ и иностран-нымъ колоніямъ, и что арабскія пастушескія племена,

которыя странствовали съ своими верблюдами среди Египта, Вавилона, Финикии и Сабеи, а также семитическія западно-азіатскія племена мореплавателей: сирійцы, финикияне, арабы и евреи сдѣлались основателями и учителями азіатско-европейской торговли до настоящаго времени. Малайцы въ Индійскомъ океанѣ, карибы въ западно-индійскомъ, нѣкоторыя племена на сѣверо-американскомъ западномъ берегу, сѣверогерманцы на восточномъ и сѣверныхъ моряхъ были захвачены подобнымъ-же ходомъ развитія, какъ и финикияне; они всѣ не достигли только такого торговаго господства, какъ послѣдніе, потому что они не были первыми, и, будучи преемниками и наслѣдниками финикиянъ, не кажутся выросшими до тѣхъ-же размѣровъ, какъ эти послѣдніе. Ту же роль, какъ финикияне, евреи и арабы въ древности, играютъ въ настоящее время: армяне въ странахъ между Индіей и Европой, баніане въ самой Индіи, китайцы на сушѣ и на морѣ въ восточной Азіи. Арабы занимали господствующее положеніе въ торговлѣ въ среднія вѣка на морѣ, а теперь занимаютъ его въ восточной Африкѣ.

Вся древнѣйшая торговля, основанная на раздѣленіи труда и сдѣлавшаяся главнымъ жизненнымъ промысломъ для опредѣленныхъ лицъ, есть прежде всего кочевая торговля. Лишь большія разницы въ мѣстныхъ цѣнахъ могли вознаграждать за издержки и опасности, съ ней въ старое время связанныя. Только нѣкоторые заманчивые предметы торговли, встрѣчающіеся исключительно или по преимуществу въ отдѣльныхъ мѣстахъ: соль, пряности, бакалея, вино, бронза, желѣзо, благородные металлы, оружіе, орудія, рѣдкія одежды, драгоценности, а рядомъ съ ними скоть и рабы, казались способными доставить выгоды. Торговцы этихъ

временъ по большей части крупные и мелкіе продавцы, перевозчики и разнощики, а вмѣстѣ съ тѣмъ также и искусные техники и ремесленники. Отъ римскаго разнощика винъ, сауро, происходитъ нѣмецкое слово „kaufmann“. Это была торговля, которая, будучи постоянно сопряжена съ опасностями, стояла такъ близко къ военнымъ походамъ и грабительскимъ набѣгамъ, что нельзя часто различить, что у производившихъ ее лицъ являлось главнымъ дѣломъ. Финикійскіе и греческіе разбойническіе морскіе походы, путешествія скандинавскихъ викинговъ, голландско-англійскія каперскія войны и современные охоты арабовъ на скотъ и рабовъ, хитрость и обманы, кровь и насилія связываютъ съ этой древней торговлей. Еще въ древнѣйшую эпоху нѣмецкихъ среднихъ вѣковъ торгованье на еженедѣльныхъ рынкахъ угрожало постоянно переходомъ въ кровавую драму. О берлинской посреднической торговлѣ жизненными припасами, которая получалась отъ крестьянъ, еще во время постройки специальныхъ рыночныхъ помѣщеній можно было сказать, что ея главными условіями были немилосердная грубость и крѣпко сжатые кулаки. Неудивительно, если торговецъ съ очень ранняго времени считается смѣлымъ человѣкомъ, и что король Кануть Великій возводилъ въ званіе тана всякаго, кто три раза на собственный счетъ переплывалъ море.

Кто предпринималъ такіе походы на сушѣ или на морѣ, долженъ быть не только благоразумнымъ и сильнымъ человѣкомъ, но также быть и человѣкомъ зажиточнымъ или имѣть большіи заслуги въ качествѣ шкипера, рабочаго, производителя, носильщика; онъ долженъ былъ владѣть кораблями, верблюдами, запасными товарами, слугами и рабами, сопровождать самъ свои

товары, отсутствуя изъ дома и повѣсяцамъ и годамъ. Аристократическія семейства купцовъ, выступавшія по большей части во вѣнскихъ сношеніяхъ въ качествѣ дипломатовъ, основателей колоній, предводителей, у себя на родинѣ дѣйствовали въ качествѣ жрецовъ, земле-дѣльцевъ, племенныхъ начальниковъ, чиновниковъ. Организация всей ихъ торговли, рядомъ съ хозяйствен-ными ея цѣлями, выступаетъ также и какъ политико-административная функція.

На каждомъ отдѣльномъ кораблѣ должна быть, если желательно, достигнута цѣль, желѣзная дисциплина, определяемая точными правилами; чужіе капиталисты и свободные матросы принимаютъ участіе по извѣстнымъ правиламъ въ результатахъ торговаго путешествія. Большое число кораблей въ интересахъ устроенія опасности должно соединиться въ подъ однимъ предводительствомъ; купеческіе корабли сопровождаютъ военными кораблями, въ которыхъ государства, какъ напротвѣ Венеціи и Испаніи, корабли составляютъ государственную собственность; только отдѣльныя части ихъ вмѣстимости отдаются въ наемъ частнымъ лицамъ. Точно также должна была быть организована и караванная торговля: отдѣльныя караваны представляютъ собою переселяющуюся общину, подъ единымъ предводительствомъ, подчиняющуюся строгому порядку. Тамъ, гдѣ проходятъ флоты, корабли, караваны или ихъ отдѣленія, — возникаетъ потребность въ дипломатическихъ сношеніяхъ относительно права прохода черезъ страну, склада товаровъ, защиты и объѣма подарковъ по правиламъ гостепріимства; дружественные и торговые договоры вводятъ уже раніи подобно тому, какъ они въ настоящее время во множествѣ, сотнями и тысячами за-

ключаются въ Африкѣ между мелкими негритянскими племенами. Всякая группа купцовъ-соплеменниковъ стремится къ приобретению исключительныхъ или преимущественныхъ правъ по торговлѣ, составляя за границей молчаливый или клятвенно-подтвержденный союзъ противъ всѣхъ торговцевъ, не принадлежащихъ къ ихъ племени. Съ прочныхъ станцій, которые уже завоеваны, гдѣ добыты уже права постоянного мѣсто-пробыванія, а могутъ быть приобретены землевладѣніе и почетныя права, посылають, въ качествѣ піонеровъ, развозящихъ товары, своихъ сыновей или вѣрныхъ рабовъ. Возникають прочныя колоніи съ особыми правами, съ административнымъ и торгово-политическимъ устройствомъ, которымъ ежедневно приходится вступать въ переговоры съ туземными властями относительно правъ иностранцевъ. Путемъ ссудъ и подарковъ, путемъ хитростей и обмана такія поселенія достигаютъ часто полнаго господства, а отдѣльные купцы даже княжеской власти въ чужихъ странахъ. Полученіе добычи и господство въ области производства торговли являются постоянной цѣлью, будутъ-ли торговцы арабскими охотниками за рабами и скототорговцами, португальскими и испанскими аристократами, еврейскими мѣнялами, ганзейскими и голландскими капитанами кораблей-или строителями желѣзныхъ дорогъ—англичанами.

Съ колыбелью всякаго великаго торговаго развитія, такимъ образомъ, соединяется образованіе торговой аристократіи внутри государства и стремленіе къ торговому господству во внѣ. Болѣе слабыя племена и народы подчиняются болѣе сильнымъ въ столь-же большой мѣрѣ черезъ торговое могущество, какъ и при посредствѣ военной силы, болѣе сильные въ кон-

цѣ концовъ свергають съ себя чужеземное иго, благодаря тому, что ихъ собственные граждане сами учаются постепенно веденію торговли, судоходству и завѣдыванію учрежденіями, необходимыми для поддержанія гражданского и торговаго оборота, изгоняють находящіяся среди нихъ чужія колоніи, или сами сливаются съ ними. Первое сдѣлали греки съ финикіянами, англичане, норвежцы и шведы съ ганзейцами; еврейскій вопросъ въ Германіи, нѣмецкій въ Россіи суть ничто иное, какъ отзвуки процесса сліянія туземныхъ и иностранныхъ торговцевъ.

Торговецъ, какъ членъ народнаго хозяйства, покоющагося на раздѣленіи труда и какъ представитель опредѣленнаго состоянія, выступаетъ такимъ образомъ въ исторіи и въ народномъ хозяйствѣ въ качествѣ аристократа, жреца и воина, въ то время какъ развитіе техники въ лицѣ мелкаго земледѣльца-крестьянина и ремесленника приурочивается съ самаго начала къ среднему состоянію. Торговля представляетъ возможность выгодъ и господства совершенно другого рода: она требуетъ въ высшей мѣрѣ таланта, мужества и характера, она сопровождается также, какъ и всякая власть и господство, возможностью злоупотребленія классовой силой, барышничества и обмана; совѣсть наивныхъ людей молчитъ прежде всего тамъ, гдѣ лица, подвергающіяся ихъ злоупотребленіямъ, являются для нихъ чужеплеменными. Поэтому Меркурій является заразъ богомъ купцовъ и воровъ; поэтому же и купецъ въ наивномъ пониманіи всего древняго міра выступаетъ въ качествѣ гордаго, высокоумнаго, говорливаго, двуязычнаго, космополитически-настроеннаго, безсовѣстнаго, отбившагося отъ родины аристократа, представителя народнаго смѣ-

шенія, который приноситъ съ собою культуру, благосостояніе, роскошь, высшую цивилизацію, но также и всѣ ея пороки и вообще неозвратно разлагаетъ существующіе нравы.

Описанный процессъ развитія, идущій отъ образованія первыхъ социалистовъ-торговцевъ черезъ чужое торговое господство до высоты аристократическаго, господствующаго торговаго класса, обнимаетъ по большей части многія столѣтія. Финикіане приходятъ въ Грецію со временъ 1500 г. до Р. Х.; съ 600 до 200 г. до Р. Х. греческіе моряки и купцы достигаютъ высшей степени своего господства, а съ этого момента и вплоть до конца римской имперіи они переносятъ свое могущество на торговлю съ востокомъ. Этрусскіе и фаникійскіе, греческіе и римскіе мелочные торговцы уже задолго до Р. Х. входятъ въ сношенія съ германскими племенами; съ 1300 по 1600 г. по Р. Х. въ центральной Европѣ господствуетъ ганзейская и южно-германская торговля, съ 1600 по 1700—голландская, съ 1700—800—англійская. На пути къ этой вершинѣ совершается дальнѣйшій процессъ раздѣленія труда: 1) образованіе особаго транспортного промысла; 2) образованіе мѣстной розничной торговли; 3) созданіе вспомогательныхъ торговыхъ промысловъ и должностей; 4) учрежденіе гостиницъ.

Финикійскій купецъ, говоритъ Моверсъ, появлялся обыкновенно съ собственными товарами, на собственномъ кораблѣ въ качествѣ капитана послѣдняго; но тотъ-же авторъ указываетъ и на то, что рядомъ съ этимъ существовали уже особые судовладельцы и шкиперы, которые дѣлали промыселъ изъ перевозки другихъ мелкихъ купцовъ, сопровождавшихъ обыкно-

венно свои товары въ море. Подобнымъ же образомъ и Аристотель упоминаетъ рядомъ съ крупнымъ торговцемъ также шкипера и капитана; въ танзейскихъ источникахъ эти лица извѣстны во всякомъ случаѣ уже съ 14 столѣтія. Особые гильдіи шкиперовъ многочисленны были въ позднѣйшую эпоху римской жизни; по большей части они образовались изъ класса прежнихъ рыбаковъ; въ Брюггѣ шкипера съ 1302 г., въ Страсбургѣ съ 1400 составляютъ уже очень видныя цехи. Но мы знаемъ также, что эти шкиперы точно также держали въ своихъ рукахъ значительную часть торговли, и прежде всего дровяную и зерновую. Мы знаемъ также, что, поскольку они перевозили чужіе товары, владѣльцы этихъ послѣднихъ почти всегда ихъ сопровождали. Въѣстъ съ этимъ и до нашихъ дней сохраняется старое отношеніе, по которому крупный торговецъ (въѣстъ съ тѣмъ и судохозяинъ).

Гдѣ образуются на опредѣленныхъ проѣздныхъ путяхъ мѣстныя сношенія и постоянный проходъ каравановъ, къ крупнымъ купцамъ, ихъ персоналу и вьючному скоту присоединяются носильщики, владѣльцы верблюдовъ и лошадей, оказывая услуги за плату; мелкія работы они совершаютъ и за собственный счетъ. Чѣмъ безопаснѣе пути, тѣмъ легче могутъ они и одни проходить извѣстныя дороги; изъ провознаго промысла, какъ побочнаго занятія, мало по малу созидаются такимъ образомъ въ большихъ торговыхъ мѣстахъ самостоятельныя провозныя промыслы, состоящія въ отдачѣ въ наемъ скота и повозокъ. Но это развитіе совершается очень медленно. Мы совсѣмъ не встрѣчаемъ подобнаго промысла въ древней Греціи, въ позднѣйшемъ Римѣ извѣстны были корпорации *iumentarii* и *cisiarii*, не игравшія, однако,

значительной роли. Для средних вѣковъ характерно то, что по книгамъ Франкфурта на М. этотъ значительный торговый и ярмарочный городъ, съ почти 70 лавочниковъ и 100—200 мелкихъ торговцевъ, въ 1387 г. имѣлъ только одного, въ 1440 г. только четырехъ извозчиковъ, промышлявшихъ этимъ самостоятельно — доказательство того, что мѣстная перевозка не отдѣлилась еще отъ занятія купца. Въ 17 и 18 столѣтіяхъ въ большихъ торговыхъ городахъ мясники и специальные перевозчики имѣютъ дюжины и сотни лошадей; крестьяне на большихъ торговыхъ дорогахъ также въ значительномъ количествѣ участвуютъ въ этомъ промыслѣ. Въ 16 столѣтіи образуются городскіе и княжескіе курьерскіе курсы, которые вслѣдствіе всей высшей организаціи составляютъ большую конкуренцію почти по перевозкѣ писемъ, товаровъ и пассажировъ. На этомъ основывается важный историческій фактъ — что въ теченіе всей древности и среднихъ вѣковъ до 16 и 17 столѣтія вунецъ или его прикащикъ, его представитель самъ перевозитъ или сопровождаетъ товары; только съ этого послѣдняго времени возникаютъ учрежденія, позволяющія ему оставаться дома и, при посредствѣ писемъ и договоровъ перевозки, поручать третьимъ лицамъ производство торговли. Ясно, что, благодаря этому, вся торговля и торговые сношенія сдѣлались инымъ фактомъ.

Изъ окончательнаго поселенія чужихъ купцовъ происходитъ у большей части народовъ мѣстная торговля; гдѣ князья состоятъ уже слишкомъ высоко для того, чтобы заниматься доходными предпріятіями, это дѣло переходитъ къ богатымъ землевладѣльцамъ; въ такомъ видѣ мы можемъ представлять себѣ, слѣдуя Моммсену, древнихъ римскихъ купцовъ; по Ничу нѣмецкіе купцы

9—11 столѣтій были должностными лицами крупных землевладѣльцевъ, занимавшимися продажей продуктовъ; во всякомъ случаѣ въ 10—11 столѣтіяхъ мы встрѣчаемъ вездѣ патриціанскихъ купцовъ, которые завѣдуютъ судомъ въ дѣлахъ рынка жизненныхъ припасовъ. Но по мѣрѣ того, какъ изъ ярмарокъ развиваются ежедневные и повседневные рынки, рядомъ съ крупными купцами выступаютъ мелкіе торговцы, продающіе по мелочамъ, не дѣлающіе путешествій и принадлежащіе къ низшимъ слоямъ общества. О зачаткахъ такого рода торговли у различныхъ народовъ мы имѣемъ только очень недостаточныя свѣдѣнія. Геродотъ рассказываетъ о лидійцахъ, что они первые начали чеканить монету и производить мелкую торговлю. Въ еврейскихъ источникахъ Іисусъ Сирахъ отличаетъ крупныхъ торговцевъ отъ мелкихъ лавочниковъ; тоже дѣлаютъ Платонъ и Аристотель, тогда какъ Ксенофонтъ рассматриваетъ мелкую торговлю, какъ нѣчто особенное. Позднѣе образуются дальнѣйшія спеціальности: торговцы зерномъ, виномъ и т. д.; въ Римѣ существуютъ уже спеціальныя рынки для продажи различныхъ продуктовъ.

Въ нѣмецкихъ источникахъ среднихъ вѣковъ мы встрѣчаемъ уже въ 13 столѣтіи рядомъ съ крупными, купцами и торговцами платьемъ, лавочниковъ, которые торгуютъ по преимуществу колоніальными товарами, мелкихъ торговцевъ, а частью и особенныхъ торговцевъ разнаго рода пищевыми продуктами, хмелемъ, овощами и плодами, углемъ и солью, особыхъ продавцевъ куръ, яицъ, голубей, рыбы, по крайней мѣрѣ въ большихъ городахъ. Въ 14 столѣтіи это раздѣленіе труда еще болѣе увеличивается. Въ Гентѣ, напр. въ 1368 рядомъ съ гильдіей мелкихъ лавочниковъ су-

ществуютъ особая гильдія бакалейщиковъ, особая гильдія торговцевъ старымъ платьемъ и особая гильдія торговцевъ старыми мѣхами. Число лавочниковъ и купцовъ въ большей части городовъ увеличивается вдвое и болѣе. Они стоятъ по соціальному положенію ближе къ ремесленникамъ, чѣмъ къ крупнымъ торговцамъ, въ то время какъ торговцы платьемъ и шелковыми тканями занимаютъ среднее мѣсто. Мелочными торговцами, продавцами жизненныхъ припасовъ и т. п. до самаго новаго времени являются не только мужчины, получившіе торговую выучку, но и рыночныя торговки, закаленные въ перемѣнахъ рыночнаго настроенія и въ рыночныхъ буряхъ,— торговки, которыя употребляютъ своихъ мужей и сыновей въ качествѣ домашнихъ слугъ, носильщиковъ, возчиковъ и маклаковъ, скупающихъ при помощи самыхъ грубыхъ средствъ за безцѣнокъ товары крестьянъ, пріѣзжающихъ въ городъ для ихъ сбыта.

Съ образованіемъ регулярныхъ рынковъ появляются особые рыночныя чиновники, смотрители, завѣдующіе общественными вѣсами, съ своими помощниками и низшимъ служебнымъ персоналомъ, монетки, а скоро также и мѣнялы. Въ Карфагенѣ, въ Венеціи и вездѣ въ средніе вѣка иностранный купецъ могъ заключать сдѣлки только подъ постояннымъ контролемъ мѣстнаго присяжнаго низшаго покупателя. Этотъ персоналъ должностныхъ профессій: мѣрщики, оцѣнщики монетъ, пробирщики, испытатели вина, красильщики платьевъ, носильщики, браковщики и разныя другіе увеличивается въ крайней степени вмѣстѣ съ развитіемъ городского торговаго оборота. Онъ живетъ поплинами, получаемыми при отправленіи своей профессіи, и стоитъ въ соціальномъ отношеніи ниже, чѣмъ

ремесленники. Только монетчики и все болѣе и болѣе выделяющіеся изъ одной части монетнаго персонала мѣнялы стоятъ выше; ихъ доходы возвышаются съ необыкновенной быстротой. Они уже въ древности образуютъ значительные, но строго контролируемые со стороны государствъ союзы. Въ нѣмецкіе средніе вѣка члены монетныхъ цеховъ уже въ 13 столѣтіи образуютъ денежную аристократію, которая совершаетъ долговыя и залоговыя сдѣлки рядомъ съ монастырями, ломбардами и евреями.

Вся древняя торговля въ своихъ путяхъ и путешествіяхъ обречена была на ночевки на кораблѣ и въ повозкахъ, на гостепріимство и пріюты въ открытыхъ поляхъ. Гдѣ существовали общинные кузнецы и общинные дома, какъ у многихъ первобытныхъ народовъ, иностранецъ могъ найти въ нихъ пристанище. Затѣмъ возникаютъ прежде всего на востокъ на дорогахъ, проходимыхъ караванами, особыя публичныя учрежденія, каравансарай, въ томъ видѣ, въ какомъ они и теперь еще тамъ существуютъ: пустыя зданія, въ которыхъ купцамъ отводятся конюшни и мѣста для продажи и склада товаровъ. Первые гостиницы, какъ частныя учрежденія для пріема путешественниковъ, Риденауеръ находитъ возможнымъ отнести для Греціи къ 7 столѣтію, Марквардъ для Италіи ко 2-му до Р. X. Основываясь на Фридендеръ, можно, однако, кажется, утверждать, что всѣ древнія гостиницы, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ, представляли собою ничто иное, какъ грязные, низкіе кабачки; знатные люди охотнѣе ночевали въ собственныхъ палаткахъ и приспособленіяхъ. Въ германскихъ государствахъ 5—10 столѣтій гостиницъ совсѣмъ не существовало; знатные требовали, а низшіе выпрашивали себѣ квартиры,

отводить которыя, вмѣстѣ съ необходимымъ неоплачиваемымъ или также и оплачиваемымъ содержаниемъ предписывали капитулярія, постановления о божьемъ мирѣ и другія юридическія нормы до 13 столѣтія; на сѣверѣ на проѣзжихъ дорогахъ мы встрѣчаемъ общественныя деревянные блокгаузы для путешественниковъ. Гостинницы, какъ частныя учрежденія, говорить Лампрехтъ, могли долго не существовать даже тамъ, гдѣ уже появились во множествѣ дорожныя кабаки. Въ *Carmen auctoris occulti* (13 ст.) находимъ извѣстіе о томъ, что въ Эрфуртѣ на каждой улицѣ было 5—6 кабаковъ, прислуга которыхъ составляла до 500 лицъ. Базель имѣлъ передъ 3-мъ соборомъ и во время его 17 гостинницъ рядомъ съ 83 гвельфскими и 95 имъецкими кабаками. Въ Франкфуртѣ въ 1440 г. было только 5 гостинницъ. Законъ норвежскій постановилъ въ 1303 г., что для всѣхъ дневныхъ путешественниковъ должны быть учреждены подъ королевской защитой свободныя отъ податей гостинницы, въ которыхъ кушанья могутъ быть продаваемы по цѣнѣ, на треть превосходящей обычныя. Подобнымъ же образомъ на востокѣ Германіи прусское правительство должно было много разъ заботиться объ устройствѣ и регулированіи въ 1680—1740 гг. дѣятельности гостинницъ и постоялыхъ дворовъ. Лучшіе гостинницы въ Берлинѣ и другихъ мѣстахъ были устроены только французскими бѣглецами. Теперь, когда на Западѣ Америки долженъ быть основанъ городъ, то первыми возникающими въ немъ зданіями являются: гостинница, банкъ и почта. Гостинничный промыселъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ величественныхъ, и какъ въ техническомъ отношеніи, такъ и смыслѣ раздѣленія труда наиболее совершеннымъ.

Вообще вся торговая и транспортная профессія въ нашихъ современныхъ культурныхъ государствахъ получила такое развитіе, какого она далеко не имѣла даже въ Египтъ и позднѣйшей римской имперіи, не смотря на ихъ огромный торговый оборотъ. Можно сомнѣваться въ томъ, что больше имѣло вліянія на это развитіе: техническій-ли прогрессъ, выразившійся въ постройкѣ путей сообщенія и каналовъ, судовъ и повозокъ, примѣненіе-ли механическихъ силъ къ перевозкѣ, совершенно иныя политическія и социальныя учрежденія и организаціи оборота или, наконецъ, распространеніе ограничивавшагося раньше совершенно малымъ кругомъ лицъ торговаго духа на все болѣе и болѣе широкіе круги народно-хозяйственнаго тѣла. Во всякомъ случаѣ взаимодѣйствіе этихъ факторовъ сообщило торговлѣ и торговымъ сношеніямъ такое значеніе и столь выработанныя формы, какихъ они не имѣли никогда раньше. Только благодаря этому развитію сдѣлались возможны національныя и международныя виды раздѣленія труда въ его высшихъ формахъ. Национальная форма народнаго хозяйства и создающееся теперь міровое хозяйство являются прямымъ результатомъ этого огромнаго разлива сношеній и торговаго прогресса. Это—процессъ развитія, который обусловливаетъ все наше теперешнее благосостояніе, но который, какъ всякая политическая и социальная организація, имѣетъ и свои темныя стороны. Интересы торговли и оборота считаются теперь часто единственно имѣющими право на покровительство; они господствуютъ часто выше мѣры надъ всѣмъ остальнымъ народнымъ хозяйствомъ, на которое они, конечно, въ правѣ накладывать свою печать лишь на столько, на сколько вся хозяйственная жизнь должна получить покоющійся

на купеческомъ разчетѣ рациональный характеръ; огромная часть населенія желаетъ жить на счетъ этой профессіи; огромное множество растовщическихъ и паразитическихъ явленій развилось и помѣстилось какъ разъ въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ древнѣйшія, еще незнакомыя съ оборотными формами элементы народно-хозяйственной жизни приходятъ въ первое соприкосновеніе съ специальной организаціей торговли и торговыхъ сношеній.

Въ качествѣ общей отличительной черты современной торговли сравнительно съ раннимъ состояніемъ оборота слѣдуетъ выставить на первый планъ отдѣленіе специально торговыхъ функций отъ сдѣлавшихся самостоятельными дѣйствій по заключенію торговыхъ юридическихъ сдѣлокъ и по перевозкѣ товаровъ. Съ установленіемъ прочныхъ государственныхъ и международныхъ юридическихъ отношеній положеніе купца сдѣлалось совершенно инымъ. Онъ пересталъ уже быть вооруженнымъ по военному путешественникомъ по чужимъ странамъ и полуполитическимъ оранизаторомъ; эту послѣднюю функцію почти цѣликомъ онъ передалъ органамъ государственной власти; теперь онъ ограничивается совершеніемъ только своихъ специальныхъ торговыхъ дѣлъ; онъ спекулируетъ и рассчитываетъ на биржѣ и въ своей конторѣ. Аристократическіе круги общества воздерживаются отъ участія въ торговыхъ и оборотныхъ сдѣлкахъ гораздо больше, чѣмъ въ раннее время; купецъ сдѣлался простымъ гражданиномъ, частнымъ человекомъ, однако сильно нуждающимся въ государственной помощи, главнымъ образомъ въ интересахъ установленія вѣшняго порядка въ торговыхъ отношеніяхъ, приобрѣ-

тенія колоній, организаціи сообщеній, которыя все болѣе и болѣе переходить въ руки государства.

Отдѣльныя проявленія этихъ крупныхъ переменъ могутъ быть здѣсь отмѣчены лишь бѣглымъ образомъ.

Античныя почтовые установленія оставались государственными учрежденіями, существовавшими лишь для государственныхъ сношеній; наши теперешнія почтовые, желѣзно-дорожныя и телеграфныя учрежденія, почтово-пороходные рейсы и телефонныя линіи развились въ огромныя, исполинскія установленія, находящіяся въ рукахъ государства или большихъ акціонерныхъ компаній, которыя служатъ прежде всего хозяйственному обороту, ежедневной и ежечасной передачѣ съ невѣроятной точностью частныхъ извѣстій, перевозкѣ частныхъ лицъ и ихъ имущества на самыя огромныя разстоянія и въ самыя отдаленныя страны. Тысячи должностныхъ лицъ дѣйствуютъ совмѣстно въ этихъ учрежденіяхъ, распредѣляя работу по началамъ самой выработанной системы раздѣленія труда, для того чтобы освободить совершенно всѣ или почти всѣ остальные хозяйства, государственныя и общественныя органы и частныхъ лицъ отъ самостоятельнаго совершенія необходимыхъ для перевозки дѣйствій.

Организація товарныхъ складовъ естественнымъ образомъ и до сихъ поръ еще частью составляетъ дѣло отдѣльныхъ купцовъ; но рядомъ съ этимъ та-моженныя управленія, большія акціонерныя предпріятія для поставки товарныхъ складовъ, а частью и большія транспортныя организаціи, путемъ примѣненія самой усовершенствованной техники, стараются устранить для купца опасности и трудности, связанныя

съ устройствомъ этой части его профессіи: нагрузку и выгрузку товаровъ, ихъ складываніе на опредѣленныхъ мѣстахъ, храненіе, а въ случаѣ надобности принимаютъ порученія и на дальнѣйшія заботы объ ихъ доставленіи по назначенію.

Важнѣйшимъ явленіемъ рядомъ съ возникновеніемъ большихъ оборотныхъ учрежденій въ области современнаго торговаго оборота является также отдѣленіе денежныхъ и кредитныхъ сдѣлокъ отъ остальной торговли. Уже въ древности храмовыя управленія, въ среднія вѣка монастыри и духовныя установленія занимались постоянно денежно-мѣновыми оборотами, а затѣмъ совершителями долговыхъ и кредитныхъ сдѣлокъ стали евреи. Однако они едва-ли играли столь самостоятельную роль, какъ ломбарды и флорентійцы, которые, придя съ 13 и 14 вѣка въ большомъ количествѣ на сѣверъ и поселившись въ различныхъ мѣстахъ, создали здѣсь вексельныя сдѣлки и иного рода кредитныя и платежныя средства, къ которымъ въ періодъ времени около 1450—1500 г.г. присоединились и вексельныя ярмарки. Большіе аугсбургскіе дома 16 столѣтія, у которыхъ дѣлали свои займы императоры и короли міра, были еще владѣльцами горныхъ промысловъ, крупными торговцами и промышленниками, занимавшимися въ качествѣ побочнаго занятія и кредитными операціями; англійскіе банкиры 17 столѣтія были еще золотыхъ дѣлъ мастерами; въ Германіи 18 столѣтія едва-ли еще существовали частныя банковые дома. Итальянскіе *montes*, какъ государственныя кредитныя установленія, и банки, принадлежатъ концу среднихъ вѣковъ, сѣверно-европейскія ихъ копіи—17 и 18 столѣтіямъ. Вся многочисленная современная система большихъ центральныхъ, акціонерныхъ и ча-

стныхъ банковъ, билетныхъ, учетныхъ, ипотечныхъ, предпріятельскихъ, маклерскихъ, стропельныхъ и страховыхъ банковъ по большей части по своему возникновенію не старше 50 лѣтъ; только малая доля ихъ насчитываетъ до 100 лѣтъ. Точно то-же слѣдуетъ сказать о сберегательныхъ кассахъ, обществахъ взаимнаго кредита, дивидационныхъ домахъ, переводныхъ учрежденіяхъ для посредничества въ платежахъ. Всѣ эти кредитныя учрежденія, подѣливъ между собою денежныя и кредитныя дѣла, создали ради завѣдыванія ими огромный и специализированный уже въ еще болѣе широкомъ смыслѣ персоналъ. Вся организація беретъ не только у другихъ профессій, но также и у остальной частной публики храненіе ихъ кассовыхъ запасовъ, совершеніе платежей, полученіе денегъ, а частью также и полное управленіе имуществомъ. Чѣмъ выше стоитъ гдѣ нибудь народнохозяйственное развитіе, тѣмъ болѣе имѣетъ мѣсто эта специализація, тѣмъ чаще частное лицо платитъ не само, но черезъ своего банкира, тѣмъ болѣе обыкновенный банкиръ отличается отъ биржевыхъ спекулянтовъ, тѣмъ болѣе расчленяется персоналъ различныхъ банковыхъ и страховыхъ учреждений на особыя группы дѣловыхъ людей съ особыми профессіями. На всякой биржѣ находятъ маклера, коммисіонеровъ, продавцевъ пѣнностей и спекулянтовъ, которыя ограничиваются только продажей опредѣленныхъ пѣнностей и товаровъ.

Въ подобномъ-же направленіи, только идущемъ еще далѣе, специализировались оптовыя и розничныя торговли, а также и принадлежащая къ нимъ маклерскія посредническія и вспомогательныя занятія, по крайней мѣрѣ во всѣхъ крупныхъ торговыхъ мѣстахъ.

Появилось также въ большомъ объемѣ и очень далеко идущее раздѣленіе занятій одного и того же рода по соціальному положенію лицъ, къ нимъ принадлежащихъ.

О современномъ специализированіи торговли по предметамъ вновь можетъ намъ дать представленіе нѣмецкая промышленная перепись 1882 г., которая, какъ уже было сказано, хотя и указываетъ отдѣльные двойные имена для однихъ и тѣхъ же занятій, но за-то приводитъ также и нѣкоторыя собирательныя обозначенія, напр. торговцевъ инструментами, которыя въ различныхъ мѣстахъ вновь распадаются на низшіе роды, какъ напр. продавцевъ оптическихъ, химическихъ и физическихъ инструментовъ. По перечисленію переписи торговля звѣрями распадается на 32, сельскохозяйственными продуктами на 121, горючими матеріалами на 33, металлами на 51, колоніальными товарами, съѣстными припасами и напитками на 121, товарами, продающимися на мѣры длины, 121, мелочными и галантерейными товарами на 51, другими товарами на 310 видовъ. Перепись содержитъ 1.674 обозначенія всѣхъ торговыхъ, оборотныхъ и состоящихъ въ сдачу помѣщений занятій, въ то время какъ для промышленности въ собственномъ смыслѣ (индустріи) насчитывается 4.785.

Стремленіе поставить въ соотвѣтствіе съ потребностями и обычаями различныхъ соціальныхъ классовъ торговыя учрежденія привело къ созданію особыхъ гостинницъ и ресторановъ для каждаго состоянія, даже для каждаго религіознаго исповѣданія, лавокъ и магазиновъ для милліонеровъ, среднего и низшихъ классовъ, театровъ и мѣстъ увеселенія различнаго рода, но также и къ различнымъ формамъ однихъ и тѣхъ же

торговыхъ учреждений рядомъ другъ съ другомъ: раз-
носную торговлю по домамъ, недѣльную и ярмороч-
ную продажу, рыночную въ специальныхъ рыночныхъ
зданіяхъ, аукціонную и переносную съ одного мѣста
на другое, торговлю на наличныя и съ долгосрочнымъ
кредитомъ въ ея различныхъ видахъ. Торговцы въ
разносъ не могутъ быть поставлены на одну линію
съ ихъ предшественниками, торговцами среднихъ вѣ-
ковъ. Первоначально почти всякій купецъ былъ раз-
носчикомъ, потому что почти нигдѣ не существовало
лавокъ; при теперешней организаціи государства, обо-
рота, лавокъ и магазиновъ продавецъ разносчикъ при-
надлежитъ уже къ низшимъ слоямъ общества; часто
можетъ быть онъ человѣкъ, потерпѣвшій неудачу въ
другихъ отрасляхъ дѣятельности. Разносная торговля
имѣетъ своей задачей собирать мелкія статьи сельско-
хозяйственнаго производства, трудно находящія сбытъ
инымъ путемъ, развивать у низшихъ классовъ обще-
ства, въ селахъ новыя потребности и распространять
отдѣльные товары во множествѣ по мелочамъ. Имѣя,
т. обр., съ одной стороны въ этихъ цѣляхъ несомнѣн-
ное право на существованіе и будучи очень полезенъ,
мелкій разносчикъ, съ другой стороны, въ значитель-
ной мѣрѣ существуетъ и обогащается лишь благодаря
обману и хитрости, и даже преступленіямъ и безнрав-
ственности.

Тоже самое, конечно, можетъ быть сказано о зна-
чительной части низшихъ слоевъ торговаго, оборот-
наго и посредническаго промысла. Въ мелкой лавоч-
ной торговлѣ, мелкой продажѣ напитковъ, низшимъ
родамъ агентуры и посредничества посвящаетъ себя
остатокъ людей, не находящій себѣ иного промысла, —
людей, которые и въ этихъ областяхъ совершенно

безнадежно пытаются основать себѣ благосостояніе; частью сюда идутъ разгульные и лѣнныя элементы, а частью и такіе, которые уже знакомы съ исправительными и тюремными заведеніями. Отдачей денегъ подѣ залогъ, ссудой денегъ и скота мелкимъ крестьянамъ, посредничествомъ между ремесленниками и кустарями-промышленниками, съ одной стороны, и фабрикантами, съ другой, между крупными собственниками и мелкими арендаторами заняты точно также во многихъ случаяхъ порочные элементы, во всякомъ случаѣ такіе, которые жестокосердо и безъ всякихъ побочных соображеній готовы притѣснять и выжимать сверху и снизу все, что можно. Чѣмъ безсовѣстнѣе и пронырливѣе съ одной стороны, а съ другой, — чѣмъ въ болѣе худшее положеніе, благодаря сильной конкуренціи, поставлены такіе элементы, тѣмъ болѣе они выступаютъ въ качествѣ паразитовъ на организмѣ нашей современной торговой промышленности и тѣмъ неблагоприятнѣе отзывается на ея развитіи ихъ участіе.

Во многихъ мѣстахъ, благодаря росту и улучшенію путей сообщенія, социальныхъ и экономическихъ условій торговли, устраняются тѣ члены, которые раньше были необходимыми и которые мало по малу сдѣлались посредниками между производителями и потребителями. Часть переводчиковъ и носильщиковъ, также какъ и старыхъ официальныхъ торговыхъ контролеровъ теперь является уже болѣе ненужной; въ Англіи желѣзныя дороги приняли на себя полное завѣдываніе отправкой и доставкой имуществъ. Въ торговлѣ товарами устранены во многихъ случаяхъ отъ 2 до 3 посредствующихъ звеньевъ, такъ какъ, благодаря телеграфамъ и телефонамъ, каждой можетъ купить въ главномъ складочномъ мѣстѣ, а коммивояжеры круп-

ныхъ домовъ проникають теперь уже въ самыя маленькія мѣстечки. Но все-таки исчезли лишь отдѣльные члены. Въ общемъ міровой оборотъ и распаденіе многихъ раньше соединенныхъ вмѣстѣ процессовъ производства на мѣстныя, технически и профессионально раздѣленные организаціи оказываютъ вліяніе на установленіе все болѣе и болѣе серьезнаго раздѣленія труда между соединенными торговцами. Такъ напр. въ Англіи и во Франціи сбытъ продуктовъ крупныхъ индустрій перешелъ по преимуществу къ особымъ домамъ, сдѣлавшимъ себѣ изъ него особую профессію, въ то время какъ въ Германіи имъ еще завѣдуютъ представители самихъ фабрикъ. Если въ отдѣльныхъ большихъ городахъ пытаются сконцентрировать предложеніе товаровъ всякаго рода въ огромныхъ магазинахъ съ сотнями служащихъ, которые гораздо болѣе, чѣмъ потребительныя общества, угрожаютъ существованію малыхъ специализированныхъ лавокъ, однако ростъ этихъ послѣднихъ до послѣдняго времени едва ли ограничился. Огромная часть прежнихъ лавокъ самихъ ремесленниковъ, продававшихъ въ нихъ товары собственнаго издѣлія, устранена теперь созданіемъ специальныхъ магазиновъ, торгующихъ издѣліями даннаго рода магазиновъ, которые принимаютъ на себя заботы и о ремесленной починкѣ. Уже Юстусъ Мезеръ жаловался на то, что торговцы постепенно побѣждаютъ ремесленниковъ. Во всякомъ случаѣ идеаль среднихъ вѣковъ—сблизить насколько возможно между собою производителя и потребителя, допуская между ними по возможности въ меньшихъ размѣрахъ участіе торговца, теперь оттѣсняется все въ большую и большую даль. Организація торговли и сношеній, основанная на раздѣленіи труда, обнимаетъ ежедневно все большія

и большія области и становится все вліятельнѣе. Ея органы раепространяють свое господство на всѣхъ членовъ и всѣ классы общества, на всѣ другія организаціи, основанныя на развитіи труда. Во главѣ стоятъ руководящія личности банковаго и кредитнаго оборота, подобно королямъ и князьямъ, господствующіе благодаря своему богатству и вліянію надъ всѣми остальными сферами, надъ всѣмъ дѣловымъ міромъ, нуждающимся въ кредитѣ. Затѣмъ слѣдуютъ крупныя частныя торговыя предпріятія, принадлежащія къ высшимъ слоямъ средняго состоянія, и мелкія, принадлежащія къ низшимъ слоямъ послѣдняго и отчасти занимающія тоже положеніе, что и ремесленники. Возрастающее число зависимыхъ прикащиковъ принадлежитъ также къ этому общественному классу средняго состоянія, какъ и многочисленныя другія вспомогательныя торговыя силы. Мелкіе содержатели лавокъ, мелочные торговцы, разносчики, какъ и весь персоналъ рыночныхъ рабочихъ: упаковщиковъ, носильщиковъ, посыльныхъ, подчиненный персоналъ всѣхъ видовъ средствъ сообщенія стоитъ по соціальному положенію на одномъ уровнѣ съ состояніемъ выученныхъ работниковъ и поденщиковъ.

IX. Распределение раздѣленія труда по пространству. Рассмотрѣнное выше личное разчлененіе рабочихъ силъ въ связи съ конкретными естественными условіями и исторіей заявленія странъ обращается въ раздѣленіе труда въ пространствахъ.

Мы уже указывали на то, какимъ образомъ естественныя условія и расовыя особенности съ самаго

начала дифференцировали жизненный обиход племен и давали толчекъ къ устанавленію мѣновыхъ отношеній, какимъ образомъ уже съ самыхъ древнихъ временъ былъ распространенъ нѣкоторый оборотъ съ рѣдкими товарами, главнымъ образомъ съ оружіемъ, орудіями труда и предметами украшенія. Но этотъ оборотъ для большей части племенъ и народовъ остался безслѣднымъ по отношенію къ мѣстному раздѣленію труда, которое ведетъ свое начало только со времени образованія городовъ. Въ древности его развитію содѣйствовали политическія и военныя причины, которыя заставляли стоявшіе на болѣе высокой ступени развитія племена основывать города, какъ средоточіе и опору всей своей политической и общественной жизни; въ среднія вѣка вмѣстѣ со старыми, унаслѣдованными отъ древности государствами, новые, начавшіе основываться съ 12 вѣка города содѣйствуютъ развитію по преимуществу мѣстныхъ рынковъ, но взятые вмѣстѣ, оба рода образованія городовъ, а также и позднѣе возникшія большія торговыя мѣста оказываютъ согласное вліяніе на усиленное распространеніе раздѣленія труда между селомъ и городомъ. Хотя въ городахъ долгое время еще занимались скотоводствомъ и земледѣіемъ, а затѣмъ въ особенности садоводствомъ, масломъ и винодѣліемъ, однако общей тенденціей развитія была то, что городъ принималъ на себя руководство основанными на раздѣленіи труда торговлей и промышленностью на всю окрестную мѣстность, въ то время какъ эта послѣдняя работилась о доставленіи ему сырого матеріала.

Организація этого чисто мѣстнаго раздѣленія труда остается на протяженіи цѣлыхъ столѣтій господствующей точкой зрѣнія хозяйственной политики. Городъ

ское управленіе дѣлаетъ средоточіемъ послѣдней: недѣльные и ежегодные рынки, служащіе мѣстомъ торговаго обмѣна между селами и городомъ, установленіе ихъ правового строя, образованіе на нихъ цѣнъ, принадлежность и приписка каждой деревни къ опредѣленному городскому рынку, запрещеніе производства ремесла и торговли въ селахъ. Городъ сдѣлался также въ скоромъ времени церковнымъ, политическимъ и военнымъ центромъ для всѣхъ окрестныхъ деревень. Онъ стремится къ универсальному развитію промышленности для того, чтобы быть въ состояніи одному удовлетворять потребности окружающей его мѣстности; онъ желаетъ быть единственнымъ представителемъ торговли и оборота во всей области и запрещаетъ появленіе въ ней торговцевъ чужестранцевъ и разносчиковъ изъ другихъ мѣстностей. Легкость сношеній на ближайшихъ пространствахъ и ихъ затруднительность на болѣе отдѣльныхъ обуславливаетъ собою то, что большая часть городовъ, особенно въ мѣстахъ связанныхъ между собою внутренними водными сообщеніями, образуютъ вмѣстѣ съ прилегающими къ нимъ земскими областями замкнутыя хозяйственные тѣла.

Чѣмъ тяжелѣе продукты, тѣмъ дольше остаются они плѣненными въ этомъ мѣстномъ хозяйственномъ круговоротѣ. Большая часть сельскохозяйственныхъ продуктовъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ воднаго сообщенія съ другими областями, вплоть до нашихъ дней не имѣли другого сбыта, кромѣ рынка ближайшаго города. Подлежа быстрой порчѣ, будучи трудно перевозимы, они должны были и производиться по возможности ближе къ городу, особенно овощи, цвѣты, молоко, а затѣмъ и еще съ большимъ трудомъ

перевозимые: солома, сѣно, картофель; за ними слѣдуетъ широкій поясъ зерноваго производства, и, наконецъ, на болѣе отдаленномъ пространствѣ, скотоводство и производство шерсти и кожъ. Для того, чтобы изучить вліяніе издержекъ перевозки на сельское хозяйство и его отрасли, Тюненъ представилъ себѣ идеальное государство съ однимъ городскимъ рынкомъ среди него и показалъ, что отрасли сельского хозяйства окружаютъ городъ концентрическими кругами, располагаясь по способности ихъ продуктовъ къ болѣе легкой или трудной перевозкѣ. Этимъ онъ выразилъ въ абстрактной схемѣ только одну сельскохозяйственную сторону стараго мѣстнаго раздѣленія труда въ томъ его видѣ, какъ оно сложилось исторически въ теченіе многихъ столѣтій.

Въ древности, благодаря развитію водныхъ путей сообщенія, торговыя сношенія въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ уже очень рано вышли изъ стадіи этого чисто мѣстнаго раздѣленія труда. Это именно мѣстности, въ которыхъ прежде всего въ связи съ развитіемъ судоходства и пиратства создалась торговля въ широкомъ размѣрѣ; только на плечахъ послѣдней индустрія могла начать работать для сбыта въ отдаленныя мѣстности. Но все-таки это выдѣленіе изъ области мѣстнаго раздѣленія труда долгое время оставалось ограниченнымъ. Египетъ долгое время не велъ значительной иностранной торговли, а то, что Тиръ и Сидонъ, Милетъ и Аѣины, Сиракузы, Этрурія и другія мѣстности съ особенно развитой промышленностью производили для другихъ городскихъ областей, не шло дальше немногихъ легкоперевозимыхъ товаровъ: цѣнныхъ тканей, бронзовыхъ, желѣзныхъ, глиняныхъ и стеклянныхъ вещей, маселъ, благовоній

и бумаги. Только на высшей ступени своего богатства Аеины и Римъ дошли до того, что стали ввозить всевозможные товары со всего извѣстнаго тогда земнаго круга, а въ особенности тяжелые продукты сельскохозяйственнаго производства, какъ вино и зерно, доставлявшіяся воднымъ путемъ изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстностей. Во всякомъ случаѣ это раздѣленіе труда должно было выдержать много долгихъ и трудныхъ битвъ за торговое господство или политическое подчиненіе, нужно было созданіе всемірныхъ имперій и международныхъ союзовъ для того, что-бы сдѣлался возможнымъ регулярный обмѣнъ значительнаго размѣра между цѣлыми областями и землями.

Для среднихъ вѣковъ мы можемъ прослѣдить съ достаточной точностью, какимъ образомъ со времени возникновенія городовъ чужестранцы-ремесленники во многихъ случаяхъ легко находили себѣ въ нихъ доступъ, какъ и чужеземные товары, — какимъ образомъ мѣстный очень ограниченный оборотъ, долгое время столь достаточный для каждаго города, получилъ благодаря этому толчокъ къ тому, чтобы сдѣлать мѣстное раздѣленіе труда всеобщимъ и увеличить подвозъ промышленныхъ товаровъ изъ другихъ городовъ. Еще въ XVIII столѣтіи въ прусской экономической политикѣ считалось само собою понятнымъ стремленіе привести вновь каждый городъ въ такое положеніе, чтобы онъ могъ при помощи своихъ ремесленниковъ производить всевозможные виды промышленныхъ продуктовъ. Но рядомъ съ этимъ мы видимъ прогрессъ въ развитіи раздѣленія труда между отдѣльными мѣстностями, въ Германіи главнымъ образомъ начиная съ XIV ст. Первоначально каждый городъ имѣлъ столько суконщиковъ, сколько ему было нужно для удовлетворенія собствен-

вой потребности. Но базельскія сѣрья сукна уже передъ 1362 г. принуждены вступить въ конкуренцію съ эльзасскими; въ Страсбургѣ, Франкфуртѣ и Лейпцигѣ городское шерстяное ткачество совершенно падаетъ 1500 г.; съ 15 столѣтія ульмскіе и аугсбургскіе ткачи бархата, нюрнбергскіе металлургисты, солингенскіе влинокдѣлы и базельскіе бумажники начинаютъ работать гораздо больше на другія города, чѣмъ для мѣстнаго рынка, какъ уже это раньше начала дѣлать фландрская и ниже-рейнская суконная промышленность. Рынки, на которыхъ происходитъ этотъ обменъ продуктовъ междуобластнаго раздѣленія труда, получаютъ въ Германіи 1506 — 1800 столь-же большую важность, какую имѣли раннія недѣльные и годовыя ярмарки. Для многихъ мѣстностей этотъ преобразовательный процессъ приноситъ непоправимыя потери; многочисленные мелкіе города начинаютъ съ этого времени сильно упадать; жалобы на это мы встрѣчаемъ въ Германіи, какъ и въ Англіи, уже начиная съ 16 столѣтія. Старую промышленную универсальность всѣхъ города невозвратно теряютъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда и поскольку они входятъ въ предѣлы между-областнаго раздѣленія труда. Герингу, автору „Исторіи базельской промышленности“, мы обязаны тѣмъ, что по крайней мѣрѣ по отношенію къ одному городу можемъ представить себѣ совершенно наглядно этотъ послѣдній процессъ. Кроллингерь подобнымъ-же образомъ выясняетъ исчезновеніе многочисленныхъ ремеслъ изъ Ландсберга по мѣрѣ проникновенія туда новыхъ видовъ промысла.

Мѣстности, въ которыхъ прежде всего развивается торговля или промышленность для большихъ участковъ, дѣльныхъ территорій и земель, очень мало совпа-

даютъ съ политическими границами послѣднихъ. Но начавшееся съ 15 вѣка образованіе европейскихъ національных государствъ и областей народнаго хозяйства, ограниченныхъ государственною территоріею, въ очень значительной мѣрѣ совпадаетъ уже съ предѣлами между-областнаго раздѣленія труда. Области, стоявшія подъ однимъ политическимъ господствомъ, могли легче всего подѣлить между собою промыслы и торговые отношенія; тѣ-же мѣстности, гдѣ торговля, промышленность и производство сырыхъ матеріаловъ неизбѣжнымъ образомъ стремились стать между собою въ прямую связь, не смотря на существованіе раздѣляющихъ ихъ политическихъ границъ, стремились и къ политическому соединенію. Каждая отсталая страна желаетъ владѣть собственными берегами и рѣчными гаванями; приобрѣтеніе колоній было вмѣстѣ съ тѣмъ борьбой за приобрѣтеніе недостающихъ рынковъ, случаемъ вытѣснить туземную торговлю и туземную промышленность. Конечно, эти союзы не всегда удаются; рядомъ съ ними образуются мирныя международныя отношенія, которые позволяютъ установиться продолжительному раздѣленію труда между отдѣльными государствами. Начинаютъ говорить о торговыхъ, промышленныхъ и земледѣльческихъ государствахъ, разумѣя подъ ними области и государства, которыя принимаютъ на себя специализированную по началамъ раздѣленія труда дѣятельность по преимуществу въ интересахъ другихъ государствъ и областей. Чѣмъ болѣе однако каждое торговое государство начинаетъ господствовать надъ областями, о торговлѣ съ которыми оно заботится; чѣмъ болѣе каждое промышленное государство усиливается сравнительно съ земледѣльческимъ, съ которымъ оно вступило въ обмѣнъ,—

вообще чѣмъ болѣе между-областное раздѣленіе труда начинаетъ возвышать одну область или городъ и на-носить вредъ другимъ, — тѣмъ болѣе естественнымъ является въ каждомъ большомъ государствѣ стремленіе достигнуть возможной степени внутренняго національнаго раздѣленія труда, способнаго удовлетворить всѣ потребности страны и обезпечить ея всестороннее развитіе, вмѣсто того, чтобы поддерживать односторонне международное раздѣленіе труда между отдѣльными государствами. Правильность этого стремленія во многихъ отношеніяхъ зависитъ, конечно, отъ того, достаточно-ли велика и способна къ всестороннему раздѣленію, въ интересахъ достиженія названной цѣли, самая область, въ которой возникло подобное стремленіе, выигрываетъ-ли благодаря мѣропріятіямъ, направленнымъ къ достиженію этой цѣли, каковы: таможенные пошлины, законы о судоходствѣ и т. д., національное раздѣленіе труда, чѣмъ затормозится внѣшнее между-областное, не сдѣлаетъ-ли оно невозможнымъ въ высшей степени цѣнный союзъ между областями, для которыхъ онъ указанъ самой природой, но которыя раздѣлены политически.

Во всякомъ случаѣ, не смотря на все воздѣйствіе древнѣйшей городской экономической политики, желавшей удержать старое мѣстное раздѣленіе труда, а также не смотря и на новыя, упомянутыя выше національно-государственныя мѣропріятія, между-областное раздѣленіе труда развивалось все болѣе и болѣе и сдѣлалось между-народнымъ. Мѣстному специализированію рабочей дѣятельности до размѣровъ, до сихъ поръ никогда не существовавшихъ, особенно содѣйствовали современное развитіе сношеній и система международного равновѣсія, опутавшая весь міръ торговыми до-

говорами и уважающая даже самыя маленькія и слабыя народныя индивидуальности. Эта система господствуетъ теперь надъ всеми народно-хозяйственными отношеніями какъ внутри государствъ, такъ и за ихъ предѣлами. Національныя хозяйства благодаря этому сдѣлались совершенно иными; міровое хозяйство присоединилось къ нимъ въ качествѣ руководящаго фактора.

Исслѣдованія Рошера относительно распредѣленія отдѣльныхъ промышленныхъ областей устанавливаютъ то положеніе, что при неразвитомъ раздѣленіи труда рѣшающимъ факторомъ являются выгоды потребленія, при развитомъ — производства. Это означаетъ, что въ древнѣйшее время всякая промышленность можетъ работать только для городского рынка, на которомъ она находитъ сбытъ; позднѣе производство предметовъ роскоши сосредоточивается въ большихъ городахъ, потому что здѣсь оно имѣетъ обезпеченный рынокъ. Подъ выгодами производства онъ разумѣетъ близость и дешевизну сырого матеріала, многочисленность рабочихъ силъ, капиталъ, кредитныя установленія, дешевизну процентовъ, водяныя силы, топливо, высшее развитіе техники, искусства и т. д. Въ общемъ этимъ выражается та мысль, что вмѣстѣ съ возрастаніемъ возможности сношеній между промышленными и торговыми центрами и раздѣленія труда мѣста производства и потребленія могутъ находиться дальше другъ отъ друга, если благодаря этому производство становится дешевле или лучше. Эта цѣль и сдѣлалась основнымъ стремленіемъ промышленности нашего времени.

Представимъ себѣ какую нибудь отдѣльную страну, которая постоянно образуетъ до извѣстной степени самостоятельную, опирающуюся на собственныя силы

экономическую систему. Въ главномъ городѣ ея сосредоточиваются теперь больше, чѣмъ прежде, центральное правительство, искусство, литература, крупныя кредитныя сдѣлки; въ большихъ портахъ концентрируется больше, чѣмъ прежде, весь ввозъ и вывозъ, — уже потому что они одни имѣютъ лучшіе доки, складочныя мѣста и даровыя портовые учрежденія, потому что сюда по преимуществу стекаются иностранные заказчики. Изъ сотни болѣе мелкихъ мѣстъ торговли зерномъ и скотомъ возникаютъ немногіе хорошо расположенные большія, какъ въ Германіи — Данцигъ, Берлинъ и Мангеймъ. Въ то время какъ ранѣе каждый городъ имѣлъ валъ и ровъ, теперь немногія большія укрѣпленія принимаютъ на себя защиту цѣлаго государства. Подобно мѣстнымъ центрамъ и столицамъ, растутъ и провинціальныя крупныя города, благодаря концентраціи провинціального управленія, провинціальнымъ учрежденіямъ, собраніямъ и школамъ. Больныя и умалишенные получаютъ попеченіе въ одномъ мѣстѣ, назначенномъ для цѣлой провинціи или области, тогда какъ прежде они были разсѣяны по разнымъ мѣстамъ. Отдѣльныя города все болѣе и болѣе специализируются на устройствѣ тѣхъ или другихъ сторонъ управленія, общественной или культурной дѣятельности; мы различаемъ теперь университетскіе, административные, окружные, фабричныя, торговые, курортныя города или города, населенныя рентьерами. Большія индустріи для постройки машинъ, прядильныя, ткацкія, кожевенныя, желѣзнодорожныя, сахарныя концентрируются въ немногихъ пунктахъ или мѣстностяхъ для цѣлаго государства. Здѣсь находятся и спеціальныя школы, техники, заводы для производства машинъ, спеціальное рабочее населеніе; къ спеціаль-

нымъ потребностямъ приспособлены и обратныя, и кредитныя организациі. Толчекъ къ этому давали разнородныя причины: естественныя благоприятныя условія, переселеніе промысловыхъ людей, существованіе старыхъ родственныхъ промысловъ, особенная заботливость о развитіи индустрій; по большей части зародыши выходятъ въ глубь столѣтій; но въ то время какъ въ другихъ мѣстахъ подобныя стремленія вымираютъ, здѣсь они, на-оборотъ, развиваются. Конкурентная война была раньше только мѣстной, теперь она сдѣлалась по меньшей мѣрѣ національной, а часто и между-народной; для всѣхъ легко перевозимыхъ товаровъ она столь сильна, что устраняетъ всякую индустрію, работающую при неблагоприятныхъ условіяхъ.

Чѣмъ меньше государство, чѣмъ доступнѣе оно, благодаря морю или желѣзнымъ дорогамъ, тѣмъ свободнѣе его торговая политика, тѣмъ болѣе конкурентная борьба и раздѣленіе труда отходятъ за предѣлы политическихъ границъ. Большія континентальныя европейскія государства производятъ еще сами 80—90% своихъ жизненныхъ средствъ, Великобританія-же только 25—50 процентовъ. Въ индустріи всѣ европейскія государства за два поколѣнія утратили отдѣльныя отрасли производства для того, чтобы съ большою выгодой основать другія. Такимъ образомъ они пополняютъ другъ друга въ нѣкоторыхъ специальностяхъ, но ихъ главный промышленный вывозъ направляется въ тропическія и колоніальныя земли, въ страны съ меньшимъ техническимъ развитіемъ, въ земледѣльческія государства. Германія въ настоящее время направляетъ большую часть производимаго ею сахара, водки, бумаги, своихъ химическихъ и ткацкихъ продуктовъ за границу. Изъ-шелковыхъ товаровъ кре-

фельдскаго округа 1879 и 1880 г. шло за границу на цѣну около 50 милл. марокъ, отъ 23—24 оставались въ Германіи; изъ бармскихъ чулочныхъ товаровъ идетъ за границу до 70%. Д-ръ Лавесъ сдѣлалъ попытку вычислить, какую часть своего дохода Германія выплачиваетъ за иностранные товары и пришелъ къ результату, что эта часть равняется $\frac{1}{5}$ — $\frac{1}{7}$; она будетъ еще меньше, если причислить къ общему доходу хозяйственную дѣятельность членовъ семьи для самой же семьи.

Другія государства вовлечены уже въ международное раздѣленіе труда въ гораздо большей степени; имѣетъ огромное значеніе уже тотъ фактъ, что мы только въ размѣрѣ одной седьмой части нашего хозяйственнаго состоянія являемся участниками всемірнаго хозяйства. Но если теперь часто обращаютъ исключительное вниманіе на эту часть нашего хозяйства, требуютъ мѣръ попеченія и поощренія прежде всего относительно этой области и рассматриваютъ всякое увеличеніе раздѣленія труда, какъ прогрессъ, а всѣ хозяйственныя отношенія, въ которыхъ не существуетъ совѣмъ или существуетъ лишь малое раздѣленіе труда, какъ отсталыя, — то впадаютъ этимъ легко въ заблужденіе. Если большое число всѣхъ нашихъ женъ еще теперь занято домашнимъ хозяйствомъ безъ приложенія раздѣленія труда, направленнаго на обмѣнъ съ другими хозяйствами; если большая часть нашихъ мелкихъ и среднихъ сельскихъ хозяевъ еще и теперь сами потребляютъ половину или треть добываемыхъ продуктовъ; если теперь еще большая часть всего раздѣленія труда имѣетъ приложеніе въ области одного и того-же занятія или круга, — то все это совершенно естественно и выгодно, какъ и то,

что наши большія индустріи разсылають свои продукты во всё части свѣта. Тотъ фактъ, что товары перемѣняютъ нѣсколько рукъ и проходятъ долгія дороги для того, чтобы отъ производителя попасть къ потребителю, самъ по себѣ вовсе не составляетъ счастья; эти обстоятельства цѣнны только потому, что благодаря имъ потребитель получаетъ дешевле лучшіе товары. Раздѣленіе труда по пространству желательно, поэтому, только постольку съ нимъ связывается насажденіе болѣе богатой, болѣе тонкой, всесторонней культуры.

Х. Опытъ оцѣнки и статистическаго выраженія раздѣленія труда.—Разъ существуетъ развивающееся все болѣе и болѣе раздѣленіе труда, вниманіе людей должны занять психологическія, нравственные, экономическія, социальныя и политическія его слѣдствія. Чѣмъ болѣе сложными становятся колеса, приводящія въ движеніе сложную систему раздѣленія труда, тѣмъ менѣе дѣлается доступной связь цѣлаго для наивнаго наблюденія отдѣльнаго лица, знающаго лишь свое положеніе въ этой системѣ. Противоположность интересовъ, которая обуславливается противоположностью положеній, связанныхъ съ раздѣленіемъ труда, затемняетъ кромѣ того возможность яснаго сужденія. Необходимымъ образомъ, поэтому, въ теченіе цѣлыхъ столѣтій господствуютъ у народовъ рядомъ съ правильными и ложныя наблюденія, рядомъ съ яснымъ пониманіемъ наивныя, поверхностныя, возникшія подъ вліяніемъ близорукихъ интересовъ впечатлѣнія, мысли и теоріи, налагающія свой отпечатокъ даже на экономическія

учрежденія. Даже если допустить нѣкоторый прогрессъ въ этомъ отношеніи отъ древности до нашихъ дней, все-таки придется признать, что онъ однако часто прерывался созданіемъ совершенно одностороннихъ теорій. Все увеличивающаяся сложность основаннаго на раздѣленіи труда социальнаго механизма придавала преждевременно отвергнутымъ теоретическимъ обобщеніямъ въ позднѣйшее время еще большую ложность, чѣмъ какую они имѣли, благодаря простотѣ древнѣйшей мысли.

Древніе обращали вниманіе главнымъ образомъ на психологическія и нравственныя слѣдствія, которыя имѣла жизнь служащаго государству аристократа и несвободнаго земледѣльца, мелкаго, презираемаго въ качествѣ чужестранца ремесленника, подозрѣваемаго, какъ обманщика, купца. Когда Аристотель говоритъ, что ручной трудъ притупляетъ тѣло и духъ, создаетъ дикихъ и грубыхъ людей; если въ древности на мелкихъ торговцевъ, лавочниковъ и мѣнялъ смотрѣли, какъ на плохихъ и отверженныхъ людей, то въ такихъ представленіяхъ, рядомъ съ несомнѣнной истиной, проявляется также и аристократическое высокомеріе и непониманіе цѣнности функцій раздѣленнаго труда, обусловленное классовой точкой зрѣнія, вліявшей на писателей и философовъ. Это видно уже изъ тщетныхъ попытокъ Солона и другихъ поднять въ общественномъ мнѣніи ремесло, трудъ, купеческій промыселъ.

Если Ксенофонтъ восхваляетъ земледѣліе за то, что оно само по себѣ и быстро содѣйствуетъ развитію богатства, здоровья и военной доблести; если подобныя сужденія повторяются со времени Возрожденія и со времени развитія темныхъ сторонъ городской жизни

отъ Лютера до фیزیократовъ и нашихъ дней; если добродѣтель земледѣльца ставится выше всѣхъ другихъ состояній, то въ такихъ представленіяхъ опять тѣсно переплетаются между собою и вѣрные наблюденія и совершенно ложныя обобщенія. Всякое высшее благосостояніе, а также и лучшая часть нашихъ нравственныхъ успѣховъ, основывается на раздѣленіи труда, выходящаго за предѣлы земледѣлія.

Отцы церкви и представители эпохи Возрожденія склоняются къ воззрѣніямъ древнихъ. Презрѣніе къ торговлѣ у аристократовъ 13—17 столѣтія было совершенно схоже съ платоновскимъ; зависть и недоброжелательство, непониманіе роли торговли и дѣйствительныя жизненныя наблюденія совмѣстно дѣйствовали до такой степени, что даже столь тонко образованный человѣкъ какъ Эразмъ, не упоминая уже о Лютерѣ, Гансѣ Заксѣ, Гутенѣ, называлъ купцовъ самымъ грязнымъ и глупымъ общественнымъ классомъ. Подобныя же преувеличенія и переходъ вниманія съ психолого-этическихъ слѣдствій торговли на тогдашніе блестящіе ея результаты обусловливали собою поворотъ въ сторону меркантилистическаго пониманія. Увидали, что торговыя государства, города съ активной, прямой торговлей, перевозящіе продукты промышленности, мореплавательскія и стремящіеся къ пріобрѣтенію колоній государства были самыми богатыми. Поэтому и приходять къ ученію, что прежде всего слѣдуетъ покровительствовать дѣятельности, привлекающей въ страну благородный металлъ, слѣд. главнымъ образомъ торговлѣ. Приходятъ къ положенію, что только трудъ, создающій деньги, одинъ только или по крайней мѣрѣ по преимуществу продуктивенъ, — положенію, которому съ своей стороны фیزیократы противопоста-

вили мнѣніе, что продуктивно только земледѣліе, увеличивающіе потребляемыя блага, а другіе общественные классы бесплодны; торговля, которая только переноситъ товары изъ однихъ рукъ въ другія, но не увеличиваетъ ихъ, непродуктивна. А. Смитъ думаетъ, что земледѣліе отличается большей продуктивностью, но онъ называетъ также продуктивными ремесла и торговлю. Новая нѣмецкая политическая экономія считаетъ возможнымъ примѣнить этотъ почетный титулъ точно также и къ личнымъ экономическимъ дѣйствіямъ, какъ и къ либеральнымъ профессіямъ; матеріалистическая демократія, на-оборотъ, съ особымъ пристрастіемъ до настоящаго времени повторяетъ положеніе, что князья и чиновники, солдаты и духовенство составляютъ непродуктивный классъ.

Въ основаніи всѣхъ этихъ ложныхъ теоремъ лежитъ стремленіе къ классификаціи и классификаціи основанныхъ на раздѣленіи труда профессій, также какъ и намѣреніе доказать, что тѣ или другія профессіи должны заслужить особое покровительство, а другія должны быть ограничены. Не имѣя возможности обозрѣть полную связь явленій раздѣленія труда, стремятся къ простой догматической формулѣ, которая должна дать ключъ къ ихъ пониманію, а съ имѣющимъ множество значеній словомъ: „продуктивный“ связываютъ совершенно безтолково цѣлый рядъ частно—и народно-хозяйственныхъ, техническихъ, нравственныхъ и политическихъ идей. Одни указываютъ на необходимость увеличенія оборота (сношеній), другіе на увеличенія запаса товаровъ, третьи—на образованіе цѣль, четвертые на частную, пятые—на общественную пользу, шестые на нравственное вліяніе и косвенное воздѣйствіе различныхъ профессій. Ясно, что съ каждой изъ этихъ

точекъ зрѣнія дается иной порядокъ распредѣленія основанныхъ на раздѣленіи труда профессій.

Весь связываемый съ этимъ ученый споръ, обстоятельно передаваемый еще Германомъ, Рошеромъ и другими можетъ быть теперь рассматриваемъ, какъ совершенно устарѣлое проявленіе воззрѣній старой экономической догматики. Онъ имѣлъ значеніе въ качествѣ средства обратить вниманіе на общіе результаты раздѣленія труда сравнительно съ психологическими и индивидуально-нравственными результатами, раньше принимавшимися исключительно во вниманіе, и установить ясное представленіе о томъ, что болѣе ограниченное или болѣе широкое распредѣленіе отдѣльныхъ главныхъ группъ раздѣленія труда есть слѣдствіе необходимаго историческаго развитія общества и народнаго хозяйства. Для оцѣнки раздѣленія труда важно, поэтому, произвести сравненіе его положенія съ географической и исторической точекъ зрѣнія; это сравненіе покажетъ намъ тогда, что различіе результатовъ раздѣленія труда является отчасти продуктомъ различія ступеней нормальнаго хода развитія, а отчасти какъ отклоненіе отъ него, имѣющее свои особенныя причины. Такіе результаты могутъ лежать въ особенности состояній, напр. торговаго государства или чрезмѣрномъ развитіи нездоровыхъ образованій, напр. избытка духовенства, мелкихъ торговцевъ-посредниковъ, земледѣльцевъ сравнительно съ дѣйствительной въ нихъ потребностью и оказываемыми ими услугами. Рошеру въ особенности принадлежитъ заслуга указанія на эту относительность распредѣленія профессій. Онъ особенно подчеркнул именно то, что излишекъ слугъ и монаховъ, какъ напр. въ Испаніи, является не менѣе ненормальнымъ фактомъ, чѣмъ раз-

вѣтіе земледѣльческаго пролетаріата, подобнаго ирландскому, — пролетаріата, производящаго на каждую голову лишь $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{5}$ того, что добываетъ равное число англійскихъ сельскихъ хозяевъ. Этотъ примѣръ указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ на то, что старыя попытки рѣшать однимъ боевымъ выраженіемъ „продуктивность“ вопросъ объ соціально-экономическомъ положеніи различныхъ странъ, были неосмотрительны, такъ какъ стремились подвести подъ одно названіе технику, организацію, хозяйственныя и этическія услуги различныхъ видовъ труда всѣхъ разнообразныхъ земель.

Теперь наступаетъ, такимъ образомъ, время, вмѣсто ученія о продуктивности различныхъ отраслей труда, сдѣлать опытъ понять раздѣленіе профессій съ исторической и статистической точки зрѣнія. Работы, подобныя сдѣланной К. Бюхеромъ относительно населенія въ Франкфуртѣ на М. въ 14—15 стол., указываютъ, что возможно произвести подобное изслѣдованіе даже для древнѣйшаго времени. Однако, даже матеріалъ нашего времени недостаточенъ для подобной работы, потому что при опредѣленіи профессій очень трудно установить границы между ними и легко при каждомъ новомъ перечисленіи найти всегда нѣчто другое. Если хотятъ перечислить только дѣятельныхъ представителей данной профессіи, то при этомъ остается еще всегда вопросомъ, въ какой мѣрѣ должны быть вмѣстѣ съ ними перечислены ихъ непосредственные соработники-помощники: женщины, дѣти и слуги. Относительно большого числа работниковъ и поденщиковъ, перемѣняющихъ мѣсто своей работы, всегда сомнительно, къ какой профессіи ихъ слѣдуетъ причислить. Когда перечисляютъ дѣятелей въ области сельскаго хозяйства или ремесла, взятыхъ

независимо отъ другихъ профессій, то всегда получаютъ слишкомъ высокія цифры, потому что еще въ настоящее время тысячи и миллионы занимаются и тѣмъ, и другимъ. Гильдебрандъ насчитываетъ для втораго веймарскаго полицейскаго округа на 5.577 чистыхъ земледѣльцевъ 11.752 хозяйства, соединяющихъ земледѣліе съ другими профессіями. Рюмелинъ показываетъ по отношенію къ Виртембергу, что на 117.000 земледѣльческихъ семействъ приходится около 99.000 смѣшаннаго характера и 78.000 владѣльцевъ земледѣльческихъ участковъ, имѣющихъ главнымъ занятіемъ другія профессіи. Изъ 5, 2 миллионѣвъ лицъ, руководящихъ земледѣльческимъ производствомъ и существовавшихъ въ Германіи въ 1882 г., 2.3 милл., или 44.6% имѣютъ еще и другія занятія. Изъ 18.9 милл. промышленниковъ 31.1 имѣютъ и побочныя занятія. Въ окрестностяхъ Москвы 80% всѣхъ крестьянъ рядомъ съ земледѣльемъ занимаются и другими промыслами.

Вотъ тѣ простыя основанія, которыя заставляютъ съ сомнѣніемъ относиться ко всѣмъ болѣе старымъ датамъ относительно статистики профессій; я и не общаю здѣсь, поэтому, старыхъ сравнительныхъ таблицъ, составленныхъ Францемъ, Легуа, Бадіо. Можно указать также на то, что даже считавшаяся до сихъ поръ относительно хорошо составленная прусская профессиональная перепись 1867 и нѣмецкая 1871, содержатъ очень много неправильнаго; онѣ во всякомъ случаѣ не могутъ идти въ сравненіе съ нѣмецкой переписью 1882 г. Строго критическая обработка всего существующаго матеріала и здѣсь, однако, очень нужна, такъ какъ только она одна можетъ позволить намъ создать гораздо болѣе ясныя точки зрѣ-

нія и заключенія, чѣмъ мы теперь имѣемъ. Тѣмъ не менѣе результаты этой переписи и въ томъ ихъ видѣ, въ какомъ они предъ нами находятся, заслуживаютъ большого вниманія, если только мы ограничимся общими точками зрѣнія. Мы остановимся главнымъ образомъ только на результатахъ сравнительнаго сопоставленія нѣмецкаго статистическаго бюро, основанныхъ на переписи занятій 1882 г., и данныхъ Бадіо для итальянской переписи 1881 года (публик. въ 1885 г.).

Первоначальное производство въ большей части европейскихъ государствъ занимаетъ въ настоящее время не болѣе половины производителей и ихъ помощниковъ, въ Италіи (по даннымъ Бадіо) 52, въ Ирландіи 54, въ Цислейтаніи 55, въ Венгріи 62, въ Россіи еще выше 70, въ кантонѣ Валлисѣ около 75%, въ Саксоніи-же она понижается до 19, въ Англіи до 15%. По таблицамъ нѣмецкаго статистическаго бюро на первоначальное производство приходится: въ Швейцаріи 42, въ Германіи 42, въ Даніи 45, во Франціи 48, въ Австріи 55, въ Норвегіи и Швеціи 55%. Въ Великобританіи цифра 35 (1811 г.) понижается на 28 (1831), 21 (1861) и 16 (1881), въ Пруссіи съ 78 (1816) на 64 (1849), 48 (1867), 42 (1842). По прусскимъ областямъ цифра 1882 г. распределяется: на Познань 63, на восточную Пруссію 62, въ Польмернѣ—52, въ Ганноверѣ 48, въ Силезіи и Бранденбургѣ 43, въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ 41, въ Гессенъ-Нассау 39, въ Саксоніи 36, въ Вестфаліи 33, на Рейнѣ 30; подобнымъ-же образомъ она колеблется и въ другихъ нѣмецкихъ государствахъ отъ 30 до 50. Въ средневѣковомъ Франкфуртѣ первоначальное производство обнимаетъ 18—19, въ современномъ 2—3%.

Естественнымъ образомъ одни и тѣ-же процентныя величины означаютъ различныя вещи, смотря потому, обусловливается-ли оно уменьшеніемъ абсолютнаго числа земледѣльцевъ возрастающимъ ввозомъ жизненныхъ средствъ, или большимъ производствомъ одного и того-же постоянного числа сельскохозяйственныхъ дѣятелей, короче говоря въ зависимости отъ различныхъ причинъ.

Тоже самое имѣетъ значеніе, конечно, и относительно процентныхъ величинъ, относящихся къ индустріи. Ниже 11—12% всего народонаселенія ея доля не понижается даже для земледѣльческихъ странъ, напр. Швеціи и кантона Валлиса; въ восточной Пруссіи и Познани она равна 16—17, какъ и въ Норвегіи; въ Венгріи въ 1857 г. приходилось на промышленность 17, въ Цислейтаніи 21, теперь 21 и 29; для Даніи 1880 года Бодіо считаетъ 30%, для Италіи 1881 года 25, для Франціи 1880 года 24, для Швеціи 1870—35, 1880—38%; для Германіи въ 1882 г. считали 35 (Рейнь 44, Саксонія 55, Вестфалія 45, Виртембергъ 33, Баварія 27), для Англіи 1881 г. 55, для Бельгіи 46—31, 1880—57%. По вычисленіямъ Яннаша, изъ 100 жителей на промышленниковъ вообще приходится (1870—80 г.г.) въ Венгріи 4, во Франціи и Австріи 11—12, въ Германіи 14—15, въ Швейцаріи и Бельгіи 18—19, въ Англіи 22.

Лица, посвящающія себя торговлѣ и организаціи сношеній вмѣстѣ съ принадлежащими къ нимъ членами семьи и помощниками въ современныхъ европейскихъ государствахъ, никогда не стоятъ ниже 3—5 и выше 11—13%. Въ Берлинѣ ихъ, конечно, 22; въ Гамбургѣ—31; но они, какъ города, не могутъ быть сравниваемы съ большими областями. Для иллюстра-

цій можно прибавить, что во Франкфуртѣ на М. въ 1307 г. ремеслами занималось 58, торговлей и перевозкой 12; а 1882 г. первая цифра понижается до 35, вторая возвышается до 31—32%. По нѣмецкой профессиональной переписи 1882, еще не обнимающей желѣзныхъ дорогъ и почты, всѣ провинціи и земли имѣютъ свыше 7—8% лицъ этихъ профессій, а Гессенъ-Нассау, Рейнъ, Шлезвигъ-Гольштейнъ, Саксонія, Брауншвейгъ повышаютъ цифру свыше 10%.

Либеральныя профессіи, насколько о нихъ мы имѣемъ свѣдѣнія, колеблются между 2—8, а по Германской профессиональной переписи между 3 и 8%, въ большихъ же городахъ число ихъ доходить до 11—12%. Для болѣе точныхъ сравненій мы не имѣемъ по большей части надлежащихъ сопоставленій, какъ бы поучительны они не были. Бадю даетъ лишь нѣкоторыя цифры, которыя, напр., показываютъ намъ, что въ Соединенныхъ Штатахъ адвокатовъ въ три раза больше, чѣмъ въ Англіи, въ Италіи въ три раза больше духовенства, чѣмъ въ Германіи.

На этомъ пунктѣ мы и должны, какъ это часто приходится дѣлать, покончить съ статистикой. Прямо тамъ, гдѣ она должна открыть намъ наиболѣе поучительныя точки зрѣнія, наше орудіе познанія и оставляетъ насъ, потому что она еще очень незрѣла, слишкомъ мало развита, и сообщаемый ею матеріалъ еще слишкомъ мало разработанъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Народное хозяйство, наука о народномъ хозяйствѣ и ея методы.

	<i>Стр.</i>
I. Народное хозяйство	1
II. Наука о народномъ хозяйствѣ.	10
III. Сущность метода вообще	17
IV. Сборники правилъ и религіозныя системы, какъ начальный пунктъ развитія всѣхъ социальныхъ наукъ	19
V. Моральныя системы	23
VI. Системы или общія теоріи государства, права и народнаго хозяйства.	30
VII. Наблюденіе и описаніе вообще.	38
VIII. Статистическій методъ и спеціальныя комис- сіи для собиранія экономическихъ свѣдѣній (Enquêtes).	48
IX. Исторія и историческій методъ.	53
X. Названія и понятія; классификація.	65
XI. Причины.	74
XII. Индуктивный и дедуктивный методъ.	92
XIII. Правильная послѣдовательность явленій и законы.	102
Хозяйство, нравы и право	116
Справедливость въ народномъ хозяйствѣ.	152
Раздѣленіе труда.	213
I. Раздѣленіе труда въ семьѣ	217
II. Раздѣленіе труда на руководящій и исполни- тельный	226
III. Происхожденіе жречества.	236
IV. Происхожденіе начальниковъ и военнаго сосло- вія.—Военное устройство.	248
V. Происхожденіе либеральныхъ профессій, въ осо- бенности чиновничества	262

VI. Отдѣленіе другихъ родовъ хозяйственной дѣятельности отъ земледѣлія и раздѣленіе труда въ сельскомъ хозяйствѣ.	281
VII. Раздѣленіе труда въ области промышленности.	294
VIII. Раздѣленіе труда въ торговлѣ и торговыхъ сношеніяхъ	320
IX. Распредѣленіе раздѣленія труда по пространству.	345
X. Опытъ оцѣнки и статистическаго выраженія раздѣленія труда	357
<hr/>	
XI. Исторія и современное положеніе вопроса о раздѣленіи труда	365
XII. Раздѣленіе труда въ древности	375
XIII. Раздѣленіе труда въ средніе вѣка	385
XIV. Раздѣленіе труда въ новѣйшее время	395
XV. Раздѣленіе труда въ будущемъ	405
XVI. Раздѣленіе труда въ народномъ хозяйствѣ	415
XVII. Раздѣленіе труда въ промышленности	425
XVIII. Раздѣленіе труда въ торговлѣ	435
XIX. Раздѣленіе труда въ сельскомъ хозяйствѣ	445
XX. Раздѣленіе труда въ военномъ хозяйствѣ	455
XXI. Раздѣленіе труда въ искусствѣ	465
XXII. Раздѣленіе труда въ наукѣ	475
XXIII. Раздѣленіе труда въ религіи	485
XXIV. Раздѣленіе труда въ политикѣ	495
XXV. Раздѣленіе труда въ юридической наукѣ	505
XXVI. Раздѣленіе труда въ медицинѣ	515
XXVII. Раздѣленіе труда въ педагогикѣ	525
XXVIII. Раздѣленіе труда въ философіи	535
XXIX. Раздѣленіе труда въ эстетикѣ	545
XXX. Раздѣленіе труда въ религіозной наукѣ	555
XXXI. Раздѣленіе труда въ исторіи	565
XXXII. Раздѣленіе труда въ географіи	575
XXXIII. Раздѣленіе труда въ этнографіи	585
XXXIV. Раздѣленіе труда въ антропологіи	595
XXXV. Раздѣленіе труда въ психологіи	605
XXXVI. Раздѣленіе труда въ социологіи	615
XXXVII. Раздѣленіе труда въ политическомъ экономіи	625
XXXVIII. Раздѣленіе труда въ юридическомъ экономіи	635
XXXIX. Раздѣленіе труда въ медицинскомъ экономіи	645
XL. Раздѣленіе труда въ педагогическомъ экономіи	655
XLI. Раздѣленіе труда въ философскомъ экономіи	665
XLII. Раздѣленіе труда въ эстетическомъ экономіи	675
XLIII. Раздѣленіе труда въ религіозномъ экономіи	685
XLIV. Раздѣленіе труда въ историческомъ экономіи	695
XLV. Раздѣленіе труда въ географическомъ экономіи	705
XLVI. Раздѣленіе труда въ этнографическомъ экономіи	715
XLVII. Раздѣленіе труда въ антропологическомъ экономіи	725
XLVIII. Раздѣленіе труда въ психологическомъ экономіи	735
XLIX. Раздѣленіе труда въ социологическомъ экономіи	745
L. Раздѣленіе труда въ политическомъ экономіи	755
LI. Раздѣленіе труда въ юридическомъ экономіи	765
LII. Раздѣленіе труда въ медицинскомъ экономіи	775
LIII. Раздѣленіе труда въ педагогическомъ экономіи	785
LIV. Раздѣленіе труда въ философскомъ экономіи	795
LV. Раздѣленіе труда въ эстетическомъ экономіи	805
LVI. Раздѣленіе труда въ религіозномъ экономіи	815
LVII. Раздѣленіе труда въ историческомъ экономіи	825
LVIII. Раздѣленіе труда въ географическомъ экономіи	835
LX. Раздѣленіе труда въ этнографическомъ экономіи	845
LXI. Раздѣленіе труда въ антропологическомъ экономіи	855
LXII. Раздѣленіе труда въ психологическомъ экономіи	865
LXIII. Раздѣленіе труда въ социологическомъ экономіи	875
LXIV. Раздѣленіе труда въ политическомъ экономіи	885
LXV. Раздѣленіе труда въ юридическомъ экономіи	895
LXVI. Раздѣленіе труда въ медицинскомъ экономіи	905
LXVII. Раздѣленіе труда въ педагогическомъ экономіи	915
LXVIII. Раздѣленіе труда въ философскомъ экономіи	925
LXIX. Раздѣленіе труда въ эстетическомъ экономіи	935
LXX. Раздѣленіе труда въ религіозномъ экономіи	945
LXXI. Раздѣленіе труда въ историческомъ экономіи	955
LXXII. Раздѣленіе труда въ географическомъ экономіи	965
LXXIII. Раздѣленіе труда въ этнографическомъ экономіи	975
LXXIV. Раздѣленіе труда въ антропологическомъ экономіи	985
LXXV. Раздѣленіе труда въ психологическомъ экономіи	995
LXXVI. Раздѣленіе труда въ социологическомъ экономіи	1005

СПбГУ

СПбГУ

1059
46

АКАДЕМИЯ
12.

12

СПбГУ

М-07

000107139

ЮФ СПбГУ